

ДЭВИД

ЭТТЕНБОРО

*В поисках
дракона*

**ДЭВИД
ЭТТЕНБОРО**

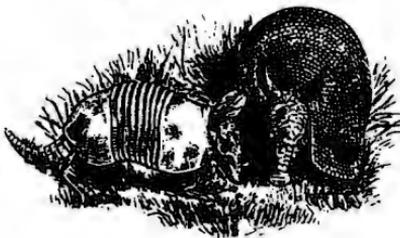

ЗЕЛЕНАЯ СЕРИЯ

За Хуботникови
в Тайанцу

В поисках
дракона

В Паравкай
за броненосца

ДЭВИД ЭТТЕНБОРО

Перевод с английского
Н. ВРОНСКОГО

АРМАДА
Москва
1996

ББК 84.4Вл
Э 90

David Attenborough
THE ZOO QUEST EXPEDITIONS

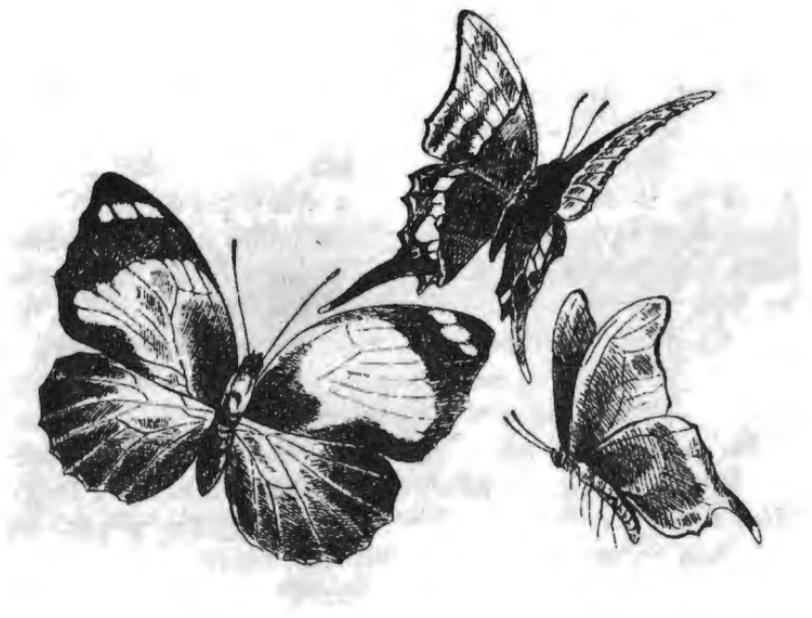
Перевод
Н. Вронского

Оформление
С. Цылова

Иллюстрации
А. Сичкаря

ISBN 5-7632-0188-4

- © Перевод, Вронский Н. В., 1990
- © Художественное оформление,
АРМАДА, 1996
- © Иллюстрации, Сичкарь А. Н.,
1996

ПРЕДИСЛОВИЕ

Социальная, экономическая и демографическая эволюция человечества к середине XX века подвела к резкому обострению конфликта в его взаимоотношениях с природой. Если в предыдущие эпохи природа еще находила силы для восстановления, для нейтрализации отрицательных антропогенных воздействий, то к указанному рубежу стало очевидным, что силы эти на исходе. Именно поэтому сороковые — пятидесятые годы нашего столетия ознаменовались небывалой вспышкой интереса к защите природы у прогрессивно мыслящих людей. Это привело к созданию таких крупнейших общественных организаций и институтов, как Международный союз охраны природы (МСОП) или Всемирный фонд охраны дикой природы, к разработке и публикации Международной Красной книги, к первым проектам

спасения отдельных видов животных, находящихся под угрозой исчезновения. Эта эпоха выдвинула и замечательных лидеров и идеологов в деле охраны животных и природы в целом, таких, как сэр Питер Скотт, Джеральд Даррелл, Бернгард Гржимек, Джой Адамсон, хорошо знакомых российскому читателю по их книгам и фильмам. К этой же плеяде блестящих пропагандистов идей охраны диких животных относится и Дэвид Эттенборо.

Эти первые борцы за спасение диких животных прекрасно понимали важнейшую, но не для всех очевидную истину: спасти животных на нашей планете может только всеобщая любовь к ним, массовая поддержка миллионов людей, способных встать на их защиту. Но такая любовь не рождается из ничего. Для того чтобы разбить невидимую, но объективно существующую стену равнодушия, необходимо показать людям неповторимость дикой природы, показать красоту животного мира во всех его проявлениях, доказать, что нет животных, заслуживающих отвращения, недоверия, презрения или других надуманных чувств, формирующих отрицательные эмоции по отношению к червям, паукам, жабам, крысам, змеям или другим изгоям. А сделать это можно, только пробудив у людей интерес к животным, желание узнать о них как можно больше. В свою очередь, интерес приводит к знанию, на основе которого уже и рождается понимание, сочувствие, ощущение ответственности и в конечном счете — любовь. Такова эта хотя и не научная, но крайне эффективная концепция пропаганды сохранения диких животных, которой следовали первые борцы с равнодушием. Достаточно обратиться к книгам Даррелла или Гржимека, чтобы убедиться в действенности такого подхода. Именно этим путем следовал и Дэвид Эттенборо на протяжении всей своей жизни, путем творца научно-просветительных

книг и фильмов, заслужив репутацию одного из наиболее выдающихся и талантливых деятелей в области экологического образования и воспитания.

Жизнь и творчество Эттенборо в начале его карьеры достаточно хорошо отражены в автобиографическом предисловии к предлагаемой читателю книге «В поисках дракона». Но, хочу подчеркнуть, это было лишь начало! Венцом его творчества стала многосерийная передача (а затем и книга) «Жизнь на Земле», снятая той же компанией Би-би-си, с которой Дэвид Эттенборо сотрудничал с самого начала своей деятельности. Несколько лет тому назад этот телефильм демонстрировался у нас по Центральному телевидению и был для всех настоящей сенсацией. Сам Дэвид был ведущим передачи и вел свои научные репортажи буквально со всех точек земного шара, причем выбирал всегда наиболее интересные и красивые места (Галапагосы, Аляска, национальные парки Восточной Африки, пустыни Центральной Азии, острова Полинезии и другие не менее замечательные эталоны живой природы). В этом телесериале поражали не только красоты природы, не только уникальные съемки животных, но и исключительная эрудиция самого Эттенборо, его артистический талант, увлеченность и постоянно присутствовавшая во всех эпизодах восторженность перед лицом творений природы. Меня, как человека, давно уже связанного с телевидением, больше всего поразило то, что так называемый «синхрон», то есть одновременная съемка природы и комментатора, длился на протяжении всего сериала без студийной «озвучки» и практически без всяких срывов. А это сотни часов ответственного текста! Иные примеры подобной фанатичной, безоглядной работы мне неизвестны. Может быть, в этом одна из причин потрясающего успеха телесериала «Жизнь на Земле».

С печалью приходится констатировать, что патриотов охраны животных, подобных Дарреллу, Гржимеку, Адамсон и Эттенборо, становится все меньше. Деятельность по охране окружающей среды (именно окружающей среды, а не природы!) приобрела отчетливый политико-экономический аспект или, если можно так выразиться, привкус. Мы сейчас больше говорим о стабильном развитии, о стратегических подходах, чем о сохранении того или иного вида. И за рубежом, и у нас создаются ежечасно сотни «экологических центров» различной направленности, основной целью которых являются только деньги и политические барыши. Природе от этого не легче. Может быть, это веление истории, но тем не менее это печально. Ушедшие и уходящие борцы за сохранение диких животных становятся анахронизмами, и утешаться остается только тем, что они были высоко оценены современниками, а их книги и фильмы до сих пор, несмотря на некоторую старомодность, продолжают приносить людям радость. Можно радоваться и тому, что за исключительные заслуги в области экологического образования и воспитания Дэвиду Эттенборо, как и Питеру Скотту, королева Великобритании Елизавета пожаловала титул пэра Англии.

Профессор В. Е. Флинт

За животными
в Тайгу

ОТ АВТОРА

Почти все животные, появившиеся на телеэкранах Великобритании в 1950 году, снимались в студии. Пленка из-за своей дороговизны шла, как правило, только на кинохронику. Телевидение той поры использовало принцип прямой трансляции, и, чтобы показать на экране и людей и животных, приходилось отправляться на северную окраину Лондона, во дворец Александры¹. Там тогда размещались две небольшие телестудии, единственные в стране. Ежедневно они транслировали четырех-, пятичасовые программы, и это было все, что широкая публика получала в те годы от телевидения.

¹ Дворец Александры — Телевизионный центр Би-би-си. Назван в честь Александры, супруги короля Эдуарда VII.

И создатели программ, и их зрители считали прямую передачу драгоценнейшим свойством изобретения, переживавшего пору младенчества. Все, что показывал экран, происходило на самом деле и именно так, как наблюдал зритель. И, сознавая это, зритель ощущал особый трепет, почти незнакомый тому, кто сидит перед современным телевизором. Актер, забывший свою роль, не обманет телезрителей: они услышат суфлера. Не в меру разнервничавшийся политический деятель тоже у всех на виду, бесполезно потом доказывать, что, мол, он вовсе и не так выразился,— все видели и слышали. А какое удовольствие получит каждый, заметив побледневшего вдруг укротителя, когда его звери поведут себя не так, как надо!..

Одну из самых популярных передач тех лет вел Джордж Кэнсдейл, директор Лондонского зоопарка. Каждую неделю он привозил во дворец Александры кого-либо из своих питомцев — тех, кто подходил и размером и нравом,— и рассаживал на столе, покрытом ковриком. Там они и сидели, жмурясь на софиты, а м-р Кэнсдейл тем временем демонстрировал особенности их внешнего строения, их великолепие и сообразительность. Мистер Кэнсдейл был искусственным натуралистом и, кроме того, умел прекрасно ладить с животными и добиваться от них того, что ему было нужно. Но даже он иногда терпел фиаско, к великому восторгу телезрителей. Его питомцы то и дело облегчались на коврик, а наиболее удачливые — прямо ему на брюки. Кое-кому удавалось даже удрать. Как-то раз миниатюрная африканская белочка прыгнула со стола на микрофон, который неосторожно поднесли слишком близко, метнулась через студию и затаилась в вентиляционном проходе. Здесь она на долгое время обрела жилище, неизменно показываясь в студии при исполнении драм или иных представлений. Случалось, что кто-нибудь из братьев наших меньших умудрялся укусить м-ра Кэнсдейла. Это не оставалось

незамеченным, и, если м-р Кэнсдейл представлял зрителям что-нибудь уж очень опасное, например кобру, вся британская нация смотрела на него затаив дыхание.

В 1953 году появилась новая телепрограмма о животных, совершенно иного рода. В Лондон из Кении приехал бельгийский исследователь и кинооператор Арман Дени в сопровождении своей очаровательной супруги Микаэлы, уроженки Британии. Они привезли с собой полнометражную документальную ленту, предназначавшуюся для фильма «К югу от Сахары». Из отснятого материала, не вошедшего в фильм, они смонтировали получасовую телепередачу о слонах, львах, жирафах и других самых знаменитых и впечатляющих животных восточноафриканских саванн. Передача имела огромный успех. Хотя в фильме Дени и нельзя было ожидать непредсказуемых, приятно возбуждающих происшествий, как в передаче м-ра Кэнсдейла, зато можно было видеть величественных и удивительных животных в их родной стихии. Посыпался град восторженных отзывов, и телережиссеры стали думать о немедленном продолжении программы. Почему бы не сделать передачу регулярной, еженедельной? Супруги Дени, годами снимавшие в Африке и накопившие обширную зоологическую фильмотеку, прониклись пониманием и не заставили себя долго упрашивать. Так появилась серия «Сафари».

Я в то время был начинающим телепродюсером с двухлетним стажем диктора и бесполезным дипломом зоолога. Мне шел двадцать седьмой год, и я мечтал о собственных программах о животных. Обе передачи, как я считал, имели не только плюсы, но и явные минусы. В сеансах м-ра Кэнсдейла, безусловно, привлекала возможность видеть настоящих животных, от которых можно ожидать чего угодно. Но как-никак, а сидели они в телестудии и оттого почти всегда казались какими-то нелепыми чучелами. Супруги Дени, наоборот, показы-

вали животных в их естественной обстановке. Все было красиво, но не хватало соли: зритель не мог рассчитывать на неожиданности. Ясное дело, говорил я себе, надо объединить эти два способа. Тогда недостатки каждой программы исчезнут, а достоинства удвоятся.

К тому времени в моем послужном списке уже значился ряд передач. Среди них кроме балетных и политических выступлений, коротких рассказов и археологических загадок была трехсерийная программа о разнообразии форм в мире животных. Вел программу один из самых выдающихся современных ученых-эволюционистов — сэр Джулиан Хаксли. Для большей наглядности в передаче участвовали некоторые животные, за которыми я ездил в Лондонский зоопарк, к м-ру Кэнсдейлу. Там состоялось мое знакомство с Джеком Лестером, заведующим отделом рептилий. Джек с ранних лет имел страсть к животным, однако свою трудовую карьеру начал банковским служащим. На этом поприще он быстро продвинулся и сумел попасть в Западную Африку, где находилось одно из отделений банка. Там, влекомый своей давней страстью, он ловил и держал всевозможных рептилий и вскоре стал широко известным герпетологом.

Во время войны Джек служил в ВВС, а вернувшись к мирной жизни, стал управляющим одного из частных зоопарков на западе Англии. В конце концов судьба привела его в Лондонский зоопарк, где он взял на себя заботу о крупной коллекции рептилий. Тесная служебная комнатенка Джека находилась как раз над Террариумом и отапливалась не хуже, чем помещения его подопечных. Вы оказывались в удушливой тропической жаре, среди всевозможных клеток и ящичков, где ютились избранные любимцы Джека: напоминающие гномиков лемуры галаго, гигантские пауки, хамелеоны и земляные змеи. Когда сэр Д. Хаксли закончил свою серию, мы встретились с Джеком для обсуждения дальнейших планов. У меня было кое-что на

уме, и, осуществись эта идея, Джек мог снова попасть в свою ненаглядную Западную Африку, а с ним и я.

Согласно моему нехитрому плану, Би-би-си и Лондонский зоопарк должны были организовать совместную экспедицию для съемок животных. По созданному мной сценарию Джек разыскивает какое-нибудь диковинное создание, ловит его и представляет зрителю. На этом натурные съемки заканчиваются, и действие переносится в студию, где передача продолжается в стиле м-ра Кэнсдейла. Джек обращает внимание аудитории на ту или иную изюминку в облике или манере поведения своего питомца, а иногда, чтобы усилить впечатление, позволяет себя укусить или даже обмочить. Дав зрителю налюбоваться этими трогательными сценками, мы снова возвращаем его в Африку, на поиски новых животных. План казался мне великолепным. Затруднение состояло лишь в том, что в то время Зоопарк и не думал устраивать подобной экспедиции. Да и Би-би-си отнюдь не стремилось к хлопотам по организации сложного и весьма недешевого предприятия, каким должны были обернуться съемки животных на просторах Африки. Для преодоления этих препятствий мы с Джеком задумали авантюру. Что, если свести представителей Зоопарка и Би-би-си, скажем, за ленчем и подготовить их так, чтобы каждый воображал, будто другой уже вынашивает план африканской экспедиции? В назначенное время встреча состоялась в ресторане Зоопарка. Мы с Джеком были тут как тут и, лавируя в сложной обстановке, умело подзадоривали наших боссов. И боссы клюнули. Каждый из них, покидая ресторан, был уверен, что заключил выгодную сделку, присоединившись к предприятию другого. И когда буквально на следующий день и Джек и я получили указания действовать, нашему восторгу не было предела.

О том, куда ехать, мы договорились без труда. Отделение банка, где когда-то служил Джек, находилось

в Сьерра-Леоне. Джек неплохо изучил эту страну и ее фауну. У него осталось там много друзей, и они, несомненно, помогут нам. Вместе с тем я полагал, что рассчитывать на успех задуманной телепрограммы можно лишь в том случае, если экспедиция нацелится на что-то определенное. Нужно выбрать какое-нибудь совершенно экзотическое, редкое животное, которое никто еще не держал в неволе, заснять полный приключений поиск и не дать зрителю успокоиться до тех пор, пока он не увидит всех серий нашего фильма, будь их хоть дюжина. Задача непростая. Из всей фауны Сьерра-Леоне Джек мог припомнить лишь одного представителя, который хотя бы отчасти удовлетворял моим требованиям, — птицу из семейства кустарниц под названием пикатартес гимноцефалос. «Да, — подумалось мне, — нелегко будет держать британскую публику в неослабевающем напряжении, демонстрируя приключения птицы с таким именем. Может быть, у нее есть другое название?» — «Есть, — сообщил Джек, — лысая ворона». Еще лучше! Однако за неимением другого кандидата мы остановили пока свой выбор на этой самой пикатартес.

Теперь предстояло подыскать кинооператора. В те годы все кинооператоры Би-би-си не признавали иной пленки, кроме 35-миллиметровой, а 16-миллиметровую, с которой работали только любители, пренебрежительно называли «шнурком». Но у профессионалов оборудование было слишком тяжелым и громоздким. Хотя сам я непосредственно с аппаратурой не работал, тем не менее глубоко сомневался в пригодности всей этой техники для особых условий, представлявшихся моему воображению. А так как операторы Би-би-си и не умели, и не хотели иметь дело со «шнурком», мне пришлось искать его на стороне. Через некоторое время я слышал о некоем Чарльзе Лейгусе, молодом человеке моих лет, который только что вернулся из гималайской

экспедиции за «снежным человеком». Чарльз был помощником Тома Стобарта, замечательного кинорежиссера, сделавшего прекрасный фильм о первом успешном восхождении на Эверест. Работа с Т. Стобартом научила Чарльза и съемкам в нелегких условиях экспедиций, и обращению с 16-миллиметровой камерой. Мы с Джеком предложили ему участие в нашем предприятии. За пинтой пива Чарльз все обдумал и принял предложение. Потом Джек решил, что неплохо бы иметь помощника, присматривающего за пойманными животными, и привлек к делу главного смотрителя орнитологического отдела Зоопарка Альфа Вудса, человека благоразумного, дальновидного, но не лишённого коварства. В сентябре 1954 года наша четверка отправилась в Сьерра-Леоне.

В Сьерра-Леоне мы провели три месяца, снимая питонов и шимпанзе, богомолов и ткачиков. Живая коллекция Джека состояла из пятидесяти змей и сотни птиц, не считая мангуст, выдр, галаго и гигантских крыс. Не осталась забытой и лысая ворона. Мы отыскали ее, поймали и засняли. Птица действительно оказалась диковинной. Размером с ворону, с желтой лысиной на голове, она строила из грязи эффектные гнезда, прикрепляя их к огромным валунам, затерявшимся в тропическом лесу. В Лондон мы вернулись переполненные яркими впечатлениями, с внушительной коллекцией для Зоопарка и километрами отснятой 16-миллиметровой пленки. Из этого материала был создан фильм, именно такой, о каком я мечтал. А в декабре 1954 года Джек уже вел из студии нашу первую передачу из серии «Приключения с дикими животными».

Но дальнейшие события омрачили наш триумф. Вскоре после нашего возвращения из Африки Джек заболел, а буквально через день после первой передачи вынужден был отправиться в больницу. На следующей неделе я занял его место в студии, и мне суждено было вести все оставшиеся передачи нашей программы.

«Приключения с дикими животными» имели большой успех у телезрителей. Наша Африка во многом отличалась от той, которую показывали супруги Дени. В нашем фильме не было ни львов, ни носорогов, ни других столь же знаменитых животных, разгуливающих по саванне. Вместо этого мы уводили зрителя в чащу тропического леса и встречались там со скорпионами, земляными осами, термитами или муравьями, марширующими в боевом порядке. Этим крохотных по сравнению с царственными обитателями Восточной Африки существ Чарльз благодаря своему искусству и новаторским приемам сумел подать не менее эффектно. Через месяц после завершения нашей серии Джек почувствовал себя лучше и выписался из больницы. Втроем мы обсудили план новой экспедиции. Надо было ковать железо, пока горячо, не дать нашим боссам забыть успех начинания. Нам это удалось, и в марте 1955 года, спустя восемь месяцев после выхода в эфир последней передачи о животных Западной Африки, мы снова были в пути, направляясь на этот раз в Южную Америку.

С этого времени программа «Приключения с дикими животными» заняла прочное место в телерепертуаре и более или менее регулярно появлялась на экранах на протяжении десяти лет. Но после Южной Америки снова проявилась болезнь Джека. Несмотря на это, он принимал деятельное участие в подготовке нашей очередной экспедиции, теперь уже в Индонезию, на остров Комодо, за гигантскими варанами. Но когда все было готово, стало ясно, что Джек ехать не может. Он настаивал, чтобы мы отправлялись без него, и нам пришлось согласиться. Джек умер, когда мы были далеко от Лондона. Ему не исполнилось еще и сорока восьми лет.

Почти после каждой экспедиции я публиковал описания наших приключений. В настоящем издании объединены три первые мои книги в слегка сокращенном

варианте. Со времени их первой публикации наш мир сильно изменился. Британская Гвиана, где мы побывали во время нашего второго путешествия, теперь независимая страна — Гайана. Южноамериканская саванна Рупунуни, казавшаяся такой дикой и бесконечно удаленной от внешнего мира, в наши дни легкодоступна благодаря регулярному воздушному сообщению с Атлантическим побережьем. Величественный памятник древней буддийской культуры, Боробудур, развалины которого мы благоговейно созерцали на острове Ява, сейчас полностью восстановлен. Остров Бали, до которого можно было добраться морем, и никак иначе, теперь имеет свой аэродром и ежедневно принимает громадные реактивные лайнеры. В 1956 году мы с великими трудностями доплыли до острова Комодо, а ныне это место паломничества туристов, и в программе их развлечений — экскурсия к знаменитым драконам.

Цели и назначение зоопарков тоже изменились. Лондонский зоопарк больше не устраивает экспедиций за животными. Как и большинство современных зоопарков, он разводит животных сам, да так успешно, что может обмениваться излишками с другими зоопарками и не вмешиваться в жизнь дикой природы. Но к счастью, тропики, очаровавшие нас четверть века назад, пока еще сохраняются в мире и дарят незабываемые встречи с диковинными животными тому, что отправляется на их поиски.

Глава первая В ГАЙАНУ

В Южной Америке обитают самые невероятные, самые прелестные и самые ужасные в мире животные. Не много найдется созданий столь же неправдоподобных, как, скажем, ленивец, который весь свой век проводит в молчаливой неторопливости, повиснув вниз головой на последних этажах высокоствольного леса. Внешний вид живущего в саванне гигантского муравьеда никак не соответствует обычным представлениям о законе пропорций в живой природе: сзади, как знамя, полощется широкий хвост, а спереди кривой длинной трубкой торчат беззубые челюсти. Но постепенно привыкаешь к диковинкам. Великолепные птицы — здесь явление столь заурядное, что почти перестаешь их за-

мечать. Среди ветвей мелькает вызывающе яркое оперение попугаев ара, блестящая внешность которых никак не вяжется с их голосом, напоминающим вопли сумасшедшего. Крошечные колибри, подобно россыпи драгоценных камней, порхают от цветка к цветку, лакомясь нектаром и озаряя свой путь всеми цветами радуги.

Многие животные Южной Америки очаровывают и отталкивают одновременно. Реки кишат кровожадными рыбами, и горе тому, кто окажется среди них. Вампиры, о которых в Европе вы слышали столько легенд, зловещей реальностью реют в ночном мраке. Их жертвой может стать пасущийся скот или спящий человек.

В выборе места назначения экспедиции я не сомневался: раз первое путешествие за животными мы совершили в Африку, то следующее, разумеется, должно быть в Южную Америку. Но куда направиться конкретно, какому уголку на этом огромном континенте отдать предпочтение? В конце концов мы остановились на Гайане (тогда она называлась Британской Гвианой), единственной стране Британского содружества в Южной Америке. Состав экспедиции прежний, как и в Африке: Джек, Чарльз и я плюс Тим Вайнелл, служащий Лондонского зоопарка. Хотя служебные обязанности Тима формально ограничивались уходом за копытными, ему за долгие годы работы в Зоопарке приходилось нянчиться с множеством других зверюшек. Поэтому в нашей экспедиции Тиму выпала чрезвычайно хлопотная и неблагодарная роль: он должен был оставаться в базовом лагере на побережье и ухаживать за теми животными, которых мы ему доставим.

Итак, в марте 1955 года мы приземлились в Джорджтауне, столице Гайаны. Три дня ушло на получение разрешений, таможенную проверку наших кинокамер и магнитофонов, покупку кухонной утвари, провианта и

гамаков. К концу третьего дня внутри у нас все зудело от нетерпения выбраться на волю, в девственную глушь. К тому времени у нас уже созрел примерный план действий.

Ознакомившись с картой, мы узнали, что почти вся Гайана покрыта влажным тропическим лесом, простирающимся до Ориноко на севере и бассейна Амазонки на юге. Но на юго-западе лес уступает место саванне, а вдоль побережья узкой полосой тянутся плантации риса и сахарного тростника, перемежающиеся болотами и долинами ручьев. Чтобы собрать полноценную коллекцию животных Гайаны, надо было побывать и в лесу, и в саванне, и на побережье, потому что везде есть такие существа, которых больше нигде не найти. Но мы слабо представляли, в какие же конкретно места нам надлежит отправиться и в каком порядке, пока не получили на третий вечер приглашение к обеду. Тут мы услышали весьма обстоятельные советы. Наши хозяева были людьми многоопытными: Билл Сеггар, окружной чиновник, ведавший отдаленной местностью в лесном краю где-то у западных границ страны, Тайни (Крошка) Мак-Турк, владелец ранчо в саванне Рупунуни, и Ценнидд Джонс, чья врачебная практика среди индейцев позволила ему побывать во всех закоулках колонии. Мы просидели до утра, разглядывая фотографии и пленки, водя карандашом по картам и с воодушевлением записывая все в свои блокноты. Когда наконец наше заседание окончилось, план кампании был разработан до мелочей. В общем виде маршрут путешествия выглядел так: сначала — в саванну, затем — в сельву и финиш — на болотах побережья.

Следующим утром мы шагали к зданию авиационной конторы узнать о рейсе.

— Четыре места на Рупунуни, сэр? — осведомился служащий. — Прощу вас. Самолет будет завтра.

Испытывая чувство, близкое к эйфории, Джек, Тим, Чарльз и я ступили на борт самолета, которому предстояло унести нас в неведомую саванну. Мы и не подозревали, какое испытание готовит нам предстоящее воздушное путешествие. Наш пилот, полковник Уильямс, сам проложил воздушные трассы над дикими просторами Гайаны. Недоступные прежде уголки страны получили связь со столицей главным образом благодаря его отваге и творческому воображению. Уже при взлете мы обнаружили, что приемы пилотажа полковника весьма отличаются от канонов вождения воздушных судов, принятых на трассе Лондон — Джорджтаун. Оторвавшись было от земли, наша «Дакота» снова плюхнулась на взлетную полосу. Пальмы в конце полосы приближались с каждым мгновением, и я уже решил, что с машиной что-то неладно и нам не взлететь. Но в ту же секунду мы круто взмыли вверх, на ладонь пройдя над пальмами. Члены экспедиционного отряда, обратив друг к другу мертвенно-бледные лица, обменялись отчаянными криками недоумения, после чего я бросился за объяснениями к полковнику Уильямсу.

— В этой глухомани, — прорычал полковник, слегка разжав губы и тыча сигаретой в консервную банку, подвешенную к панели управления, — в этой глухомани самое главное — взлететь. Я так считаю. Если один из моторов забарахлил именно тогда, когда он нужен позарез, вы поцелуете лес и вам крышка. У меня такой закон: на земле жми так, чтобы мог взлететь и без мотора. Эй, парни, да вы никак перепугались?

Я поспешил заверить полковника, что ни один из нас не ощутил ни малейшего беспокойства, просто нас интересует техника самолетовождения. Полковник одобрительно крякнул и сменил очки, а мы прильнули к иллюминаторам.

Внизу, насколько хватало глаз, расстиралось бархатисто-зеленое море сельвы. Мы приближались к возвышенности, и покров леса как будто медленно поднимался. Полковник Уильямс продолжал полет, не меняя высоты, и скоро лес приблизился настолько, что мы стали различать попугаев, порхавших среди деревьев. Затем рельеф опять изменился, одновременно изменился и облик леса. Появились островки лугов, и через некоторое время мы уже летели над обширной открытой равниной, по которой серебряными жилками разбегались ручьи и белыми пятнышками были разбросаны термитники. Самолет снизился, заложил вираж над небольшой россыпью белых строений и пошел на посадку. Посадочная полоса — чересчур громкое название для того места, где нам предстояло приземлиться: оно отличалось от окружающей саванны только тем, что было очищено от термитников. Мы подрулили, прыгая по кочкам, к небольшой группе людей, встречавших самолет. Перебравшись через тюки и ящики, загромождавшие «Дакоту», мы выпрыгнули наружу, щурясь от ослепительного солнца.

Жизнерадостный, выдубленный солнцем мужчина, без пиджака, в сомбреро, отделился от группы зрителей и направился к нам. Тедди Мелвилл, наш будущий хозяин, представитель известной в этих краях фамилии. Его отец первым из европейцев поселился на Рупунуни, основал ранчо и стал разводить скот, положив начало занятию, которое теперь распространилось по всей округе. Он прибыл сюда в самом начале века, присмотрел себе двух индианок из племени вапишана, и те одарили его пятью детьми каждая. Многочисленные отпрыски предприимчивого пионера заняли почти все ключевые посты в округе: среди них были владельцы ранчо и магазинов, государственные служащие и охотники. Мы вскоре убедились, что Мелвиллы населяют всю саванну,

И, если повстречавшийся вам человек оказывался вдруг не Мелвиллом, вы не долго пребывали в разочаровании: тут же выяснялось, что он состоит в супружеских отношениях с кем-нибудь из Мелвиллов.

Место, куда мы прибыли, называлось Летем и являло собой несколько белых бетонных строений, в беспорядке разбросанных по обе стороны от самолетной площадки. Самое большое из них — тусклая коробка с верандой и окнами без стекол — имело два этажа и гордую вывеску: «Отель Летем». В полумиле от отеля, на вершине невысокого холма, располагались дом окружного уполномоченного, почта, магазин и лечебница.

Пыльная красная дорога вела от холма к отелю и убежала дальше, мимо нескольких развалюх в раскаленный мир термитников и чахлах кустарников. В двадцати милях прямо из равнины выростала изрезанная цепь гор, дрожащим силуэтом вырисовывавшаяся на фоне ослепительного неба.

Все окрестное население сошлось в Летем по случаю прибытия самолета. Самолет — это и долгожданные товары, и почта, а потому — великое событие для здешнего мира. Отель переполнен фермерами и их же-

нами. Они прибыли сюда и не торопятся уезжать: надо обменяться новостями и всласть посплетничать.

После ужина комнату освободили от столов и заставили длинными деревянными скамейками. Харольд, сын Тедди, установил кинопроектор и экран. Посетители мало-помалу тянулись из бара и рассаживались по местам. Босые, меднолицые, с прямыми иссиня-черными волосами ковбой-индейцы, которых здесь называют по-испански «вакерос», проходили в зрительный зал за положенную плату. В воздухе плыл густой табачный дым, а когда погас свет, зрители не смогли сдержать нетерпеливого возбуждения.

Зрелище началось с хроники, Бог знает когда отснятой. Хронику сменил голливудский боевик о Диком Западе. Добродетельные бледнолицые пачками резали краснокожих злодеев. Не очень-то тактичный выбор сюжета, если подумать, но индейцы взирали на уничтожение своих североамериканских братьев абсолютно бесстрастно. Чтобы следить за ходом событий на экране, требовалось известное напряжение, и не только потому, что за свою долгую жизнь пленка подверглась многочисленным ампутациям. Киномеханик, казалось, не очень-то следил за последовательностью серий, иначе трудно было объяснить, почему прелестная, но горемычная юная американка, злодейски убитая индейцами в третьей серии, вновь появлялась в пятой, чтобы предаваться любви с героем приключенческой драмы. Но натура вапишана свободна от педантизма, и подобные мелочи не могли испортить им удовольствие от сцен грандиозных драк, вызывавших бурю восторженных оваций. Я спросил Харольда Мелвилла, не думает ли он, что можно было выбрать фильм и получше, но он заверил, что ковбойские боевики — любимое зрелище индейцев. И в самом деле, когда я представил себе

индейцев вапишана, силящихся осмыслить изощренные будуарные комедии, то понял, что он прав.

Когда фильм закончился, мы поднялись в свою комнату. Там стояли две койки, защищенные противомоскитными сетками. Двоим из нас предстояло спать в гамаках, и мы с Чарльзом тут же ухватились за такую возможность. С той самой минуты, как в Джорджтауне мы купили гамаки, нам не терпелось испытать это гениальное изобретение индейцев. С небрежным видом знатоков мы подвесили свои гамаки на вбитые в стену крючья. Позже мы убедились, что обращались с гамаками как беспомощные новички: подвешивали их чересчур высоко, а узлы вязали такие, что утром еле с ними справлялись. Тем временем Джек и Тим без хлопот улеглись на кроватях.

Наутро результаты конкурса на лучший ночлег почти не вызвали сомнений. Хотя мы с Чарльзом божились, что чувствовали себя в гамаках как в родной колыбели и спали как бревна, наши заверения, боюсь, звучали не слишком искренне. На самом деле ни мне, ни ему так и не удалось постичь простого правила поведения в южноамериканском гамаке: лежать по диагонали. Всю ночь я тщетно пытался улечься вдоль гамака, но неизменно ноги оказывались выше головы, я все время куда-то проваливался и вообще чувствовал себя каким-то сплошным зигзагом. Поворот с боку на бок грозил увечьем спины, и утром я чувствовал себя как снятый с дыбы.

После завтрака явился Тедди Мелвилл с сообщением, что индейцы устроили на соседнем озере рыбную ловлю, отравив воду — традиционный метод здешних рыбаков. При таком способе лова можно было рассчитывать получить какое-нибудь интересное животное, поэтому Тедди предложил нам съездить посмотреть. Мы сели в его грузовик и двинулись в саванну. Ехать можно

было практически куда угодно. То тут, то там извивались ручейки, хорошо заметные благодаря окаймлявшей их зелени, а единственным препятствием на пути были чахлые кусты да термитники. Эти сооружения то вышались одинокими башнями, то стояли так плотно, что казалось, машина пробирается через кладбище гигантов. Разбитые колеи вели от одного ранчо к другому, но наше озеро лежало в стороне. Вскоре Тедди свернул с магистрали, и мы стали петлять по саванне без всякой дороги, прыгая между кустами и термитниками и полагаясь только на интуицию нашего водителя. Через некоторое время на горизонте показалась полоска деревьев. Это был берег озера.

Подъехав, мы увидели, что длинный залив озера перерожен кольями, а к ним привязаны размочаленные ленты лианы, растущей далеко отсюда, в горах Кануку. Индейцы с луками и стрелами наготове ждали, когда рыба, одурманенная ядовитым соком лианы, начнет всплывать на поверхность. Одни устроились на деревьях, нависавших над водой, другие расположились на специально сделанных платформах в центре озера, кое-кто застыл на небольших плотках, а некоторые курсировали по озеру на долбленках. На берегу, на полянке, женщины развели костры, подвесили гамаки и расселись в ожидании добычи: им предстояло потрошить и солить рыбу. Но рыбы все еще не было, и женщины стали проявлять нетерпение. Послышались презрительные реплики: мужчины, мол, глупы и ленивы, загородили много, а лиан набрали мало, вот яд и не действует. И вся трехдневная подготовительная работа пошла впустую. Эту информацию принес нам Тедди, поговорив с женщинами на языке вапишана. Он сообщил также, что одна из женщин видела на противоположном берегу нору, а в ней что-то крупное, живое: то ли анаконда, то ли кайман.

Кайман относится к той же группе рептилий, что и крокодил с аллигатором, и неспециалист не найдет между ними почти никакой разницы. Но для Джека это совершенно разные животные. Все три вида живут в Америке, но каждый занимает особые места обитания. Здесь, в Рупунуни, пояснил Джек, можно ожидать встречи с самым крупным из кайманов — черным, длиной до шести метров. Джек заявил, что больше всего мечтает о «симпатичном кайманище», но не будет возражать и против приличной анаконды. Кто-то из них, если доверять информации, сидел сейчас в норе, и Джек предложил попробовать поймать его. Наша четверка забралась в долбленку и в сопровождении одной из женщин отправилась через озеро.

Осмотрев берег, мы обнаружили две норы — большую и маленькую. Они явно соединялись друг с другом, потому что, когда мы тыкали палкой в маленькую, в большой кто-то возился. Решили загородить меньшую дырку кольями, а большую оставить свободной. Но чтобы неизвестный зверь не удрал, мы срубили несколько тонких молодых деревьев и глубоко воткнули их в грязь, создав на мелководье что-то вроде полукруглого загона. Кто сидел в норе, мы еще не знали, а попытки выгнать неизвестное существо палкой ни к чему не приводили. Решив расширить вход в большую нору, мы стали медленно разрушать крышу тоннеля. В ответ скрывающееся существо повело себя так, что задрожала земля. Вряд ли это была змея.

Осторожно выглядывая из-за кольев, я различил во мраке тоннеля огромный желтый клык, наполовину погруженный в мутную воду. Значит, мы обложили каймана, и, судя по размеру клыка, отнюдь не маленького.

Кайман располагает двумя наступательными средствами: громадными челюстями и необыкновенно мощным хвостом. Ими кайман может нанести серьезные увечья.

К счастью, в норе кайману не развернуться, поэтому нам нужно было сосредоточить внимание лишь на одном источнике опасности. Но и этого оказалось достаточно: вид блеснувших в глубине норы зубов не выходил у меня из головы. Джек между тем вертелся на долбленке в мутной жиже внутри заграждения, пытаюсь определить положение каймана в норе и разработать оптимальный план его поимки. «Если зверюга вдруг решит выскочить,— подумал я,— Джеку, чтобы не лишиться ноги, придется показать быстроту своей реакции». Я и сам не чувствовал себя в безопасности, пытаюсь удерживать долбленку с Чарльзом так, чтобы можно было должным образом запечатлеть на пленку все происходящее. «Если кайман бросится на Джека,— продолжал я мысленно перебирать варианты,— то его стремительный напор, конечно, сметет нашу баррикаду. Джек успеет выпрыгнуть на берег, а вот мне до спасительной суши придется рвать по воде с добрый десяток метров. Глубина здесь достаточная, и кайман, без сомнения, окажется проворнее меня». Эти занятные размышления настроили меня на слегка нервический лад, во всяком случае мне почему-то никак не удавалось держать лодку так, чтобы Чарльз мог снимать как следует. После одного из моих особенно импульсивных маневров, когда Чарльз со своей аппаратурой чуть не вылетел за борт, мы решили, что камера будет в большей безопасности, если Чарльз оставит суденышко и устроится, как и я, прямо в воде.

Тем временем Тедди одолжил у одного из индейцев кожаное лассо. Вдвоем с Джеком, стоя на коленях на берегу, они сделали петлю и опустили ее к норе, надеясь, что кайман, бросившись на меня с Чарльзом, угодит прямо в нее. А кайман тем временем продолжал буйствовать в норе, не теряя, однако, благоразумия и

не меняя позиции. Джек продолжал расширять отверстие, отваливая землю кусок за куском.

За ходом событий наблюдало уже около двадцати индейцев, подававших, как полагается, советы. В их сознании не укладывалось, что мы желаем получить каймана живым и невредимым. Они привыкли разговаривать с ним при помощи ножа.

В конце концов с помощью рогаток Джек и Тедди умудрились нацепить петлю на уродливую черную морду каймана, но взбешенное чудовище, изогнувшись и захрапев, сбросило лассо прочь. Второй заход — и снова неудача, третий — тот же результат. Медленно подводит Джек лассо к голове каймана в четвертый раз. Резкое движение — и, прежде чем животное успевает сообразить, что случилось, петля крепко захлестывает страшные челюсти.

Теперь надо остерегаться удара огромного хвоста. Наше с Чарльзом положение становится опаснее, потому что Тедди, накинув на челюсти каймана еще одну петлю, велит индейцам снять заграждение из кольев. Между нами и кайманом — открытая вода, длинная дьявольская голова устремлена из норы прямо на нас, злобные желтые глаза поблескивают не мигая. Тут начинает действовать Джек. Держа длинный кол, он прыгает в воду прямо перед норой, засовывает туда кол так, что тот ложится вдоль покрытой щитками спины каймана, а затем, запустив руки внутрь, обвязывает кол и затягивает узел, пропустив веревку у животного под мышками. На помощь Джеку приходит Тедди, и вдвоем они медленно, дюйм за дюймом, извлекают чудовище из его убежища, завязывая узлы по мере того, как кол с пленником выдвигается наружу. Вот уже связаны задние лапы, теперь и основание хвоста приторочено к колу, и вот наконец усмирен и сам хвост. Животное, опутанное целиком, лежит у наших ног, а гряз-

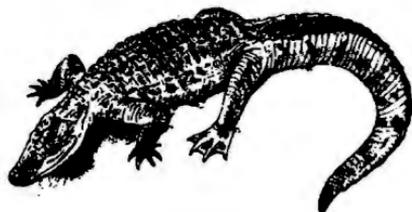
ная вода плещется у страшных челюстей. Длина каймана почти три метра.

Теперь предстоит переправить пленника через озеро к грузовику. Мы привязываем передний конец кола к корме лодки и буксируем добычу к женскому лагерю.

Джек следит за индейцами, пока те грузят каймана в кузов, а затем методично проверяет все узлы. Женщины, так и не дождавшись рыбы, собираются вокруг грузовика, осматривают нашу добычу и обсуждают ее сомнительную ценность.

Едем обратно через саванну. Чарльз и я сидим по обе стороны от каймана, и безопасность наших ног, которые находятся всего в нескольких сантиметрах от лютых челюстей, целиком зависит от крепости сыромятных ремней. Мы оба не можем сдержать ликования: еще бы, в самом начале экспедиции добыть такое впечатляющее создание! Джек чувств своих не выдает.

— Неплохо,— замечает он и добавляет: — Для начала.

Глава вторая

ТАЙНИ МАК-ТУРК И РЫБЫ-КАННИБАЛЫ

После недельного пребывания в саванне мы не без удивления обнаружили, что обладаем уже изрядным зверинцем. Нам удалось поймать гигантского муравьеда, а индейцы-вакерос натащили нам множество других животных. Внес свою лепту и Тедди Мелвилл. Он подарил нам некоторых своих домашних питомцев: громкоголового попугая ара по кличке Роберт, двух птиц-трубачей, живших на полувольном режиме вместе с цыплятами, и ручную самочку капуцина Чикиту, которая имела раздражающую привычку потихоньку тащить у вас что-нибудь из кармана, пока вы, ничего не подозревая, играли с ней. Эти ручные и полуручные существа жили без всяких клеток, разгуливая возле дома.

Зверинец процветал под бдительным присмотром Тима. Мы решили расширить область своих поисков и

посетить Каранамбо, в шестидесяти километрах к северу от Летема. Там жил тот самый Тайни Мак-Турк, с которым мы познакомились на третий день пребывания в Джорджтауне. Тогда, во время ужина, он пригласил нас погостить у него. Попрощавшись с Тимом, мы погрузились в джип и отправились в новые места.

После трех часов езды по монотонной кустарниковой саванне на горизонте, прямо по курсу, показалась стена деревьев. Не заметно было никакого прохода, и казалось, что дорога упрется в эту преграду и на том кончится. Мы были уверены, что заблудились, но, подъехав ближе, обнаружили, что колея устремляется прямо в чащу. Мы оказались как будто в сумрачном тоннеле, ширина которого точь-в-точь соответствовала размерам джипа. Стволы деревьев были густо оплетены лианами, а ветви создавали над головой прочный свод.

Неожиданно засверкало солнце: лес кончился так же внезапно, как и появился, и перед нами возникла группа крытых соломой домиков из сырцового кирпича, окружавших обширную каменистую поляну. Меж домов росли деревья манго, анакардии, гуайявы и лайма. Это и было Каранамбо.

Тайни и Конни Мак-Турк, слышав джип, вышли встречать нас. Тайни — высокий, белокурый, в замасленной тиковой рубашке и таких же брюках. Наш приезд оторвал его от работы: он прилаживал к стреле новый железный наконечник. Конни, невысокая, стройная, аккуратная, в голубых джинсах и блузке, тепло приветствовала нас и пригласила в дом. Мы очутились в комнате, любопытней которой я никогда не видел. Это был как бы мир в себе, особый микрокосм, где древность и примитив соседствовали с механическими атрибутами современности.

Комната — не совсем верное слово для того помещения, в котором мы оказались. Высота двух смежных

стен едва превышала полметра, а дальше было открытое небо. Поверх одной из них было укреплено кожаное седло, а напротив, на длинном деревянном бруссе,— четыре подвесных мотора. Вдоль двух других стен стояли кровати. У одной из стен возвышался стеллаж, забитый книгами. На другой висели большие часы и устрашающая коллекция ружей, самострелов, луков всевозможных размеров, стрел, духовых трубок, лесок и индейских украшений из перьев. В углу мы заметили целый набор весел и глиняный индейский кувшин с холодной водой. Стулья заменяли три ярких бразильских гамака, развешанные по углам комнаты, а посередине, прочно войдя ножками в земляной пол, стоял стол почти трехметровой длины. На столе громоздилась радиоаппаратура, с помощью которой Тайни держал связь с Джорджтауном и побережьем. С одной из балок свешивалась связка оранжевых початков кукурузы, а наверху кое-где были прикреплены доски, создававшие некое подобие потолка. Мы восхищенно оглядывались.

— Без единого гвоздя,— гордо сообщил Тайни.

— Когда вы его построили? — поинтересовались мы.

— Знаете, после Первой мировой войны я болтался по стране: искал алмазы на северо-западе, охотился, копал золотишко, ну и все такое. Пришло время как-то устраиваться. Мне доводилось пару раз подниматься по Рупунуни. В те времена мы шли на лодках через пороги, и путешествие занимало недели две, а то и месяц — как река позволяла. Мне нравились эти места — знаете, народу тут не много, и я решил здесь поселиться. Поднимался по реке и искал подходящее место: берег повыше, чтобы не затопляло и мухи не докучали, но и река чтобы была рядом; ведь все необходимое мне предстояло доставлять с побережья на лодке. На самом деле этот дом, конечно, временный. Я построил его в общем-то на скорую руку, а тем вре-

менем подбирали материал и обдумывали планы создания настоящего жилища. Все эти планы у меня и сейчас в голове, и материал весь в сарае — могу начать хоть завтра. Да вот как-то все так выходит... все как-то не начинается,— добавил он, пряча глаза от Конни. Она рассмеялась.

— Я слышу это двадцать пять лет. Но давайте-ка лучше за стол — вы ведь голодны.— Она пригласила нас рассаживаться. Вокруг стола было расставлено пять ящиков из-под апельсинов.

— Извините меня за это старье,— сказал Тайни,— ящики теперь не те, что были перед войной. Знаете, мы как-то завели стулья, но пол здесь не очень ровный, и у стульев вечно отлетали ножки. А с ящиками таких проблем нет, они нам долго служат, да и удобны вполне.

Стол у Мак-Турков был весьма изысканный. Конни слыла одним из лучших кулинаров Гайаны, и недаром: блюда, которыми она нас потчевала, были превосходны. Для начала был подан лангет из луканани, нежной рыбы, которую Тайни поймал в Рупунуни, прямо у дома. Лангет сменила жареная утка, подстреленная Тайни накануне, а завершилась трапеза фруктами из приусадебного сада. Кроме нас за столом оказалась и другая публика. Две птицы — маленький попугайчик и черный с желтым тоди-тиран — вспархивали нам на плечи и выпрашивали лакомые кусочки. Мы не сразу освоились в новой обстановке: не очень представляли, как соблюсти застольный этикет и что именно выбрать для неожиданных сотрапезников. Попугайчик, видя наше замешательство, решил обойтись без церемоний и, усевшись на край тарелки Джека, стал угощаться самостоятельно.

Тоди пошел другим путем. Он весьма ощутимо клюнул Чарльза в щеку своим тонким как иголка клювом, дабы напомнить ему о его обязанностях.

Но Конни положила конец этим безобразиям. Она поймала птиц и устроила их отдельно, на дальнем конце стола, где на блюде им была предложена специальная еда.

— Вот так и получается,— сказала она.— Стоит только нарушить правило и позволить им принять участие в общей трапезе, как они начинают изводить гостей.

Кончали обед мы уже в сумерках. Летучие мыши, покинув кладовку, лениво и бесшумно пересекали гостиную, вылетали наружу и принимались за вечернюю охоту. В углу раздавалось шуршание.

— Слушай, Тайни,— строго заявила Конни,— нам надо что-то делать с этими крысами.

— А то я не делал! — возразил Тайни, слегка задетый. Он повернулся к нам: — Жил у нас тут удав, и никаких крыс тогда не было. Но Конни велела убрать его только потому, что он как-то напугал одного из гостей. А теперь — полюбуйтесь!

Покончив с едой, мы встали из-за стола и устроились в гамаках поболтать. Тайни до глубокой ночи рассказывал нам одну историю за другой. Он вспоминал годы своей молодости, когда вокруг Каранамбо было столько ягуаров, что приходилось стрелять их по одному каждую неделю, чтобы уберечь скот. Он рассказал нам, как шайка бразильских разбойников, переходя границу, устраивала постоянные набеги, крадя лошадей. В конце концов Тайни сам пробрался в Бразилию, нашел разбойников, явился к ним с пистолетом, разоружил всю шайку и спалил их дома. Мы слушали завороженно. Лягушки и сверчки завели свои песни, летучие мыши порхали по комнате. Большая жаба пробралась в дом и уселась, мигая как сова, при свете свешивающейся с крыши парафиновой лампы.

— Когда я начал тут устраиваться,— продолжал Тайни,— нанял я для работы одного индейца из племени макуси. Получилось так, что сперва я вручил ему аванс, а потом узнал, что он местный шаман. Знай я об этом раньше, я бы нанял кого-нибудь другого, потому что, знаете, эти шаманы — те еще работнички. Ну, дал я ему задаток, а через несколько дней он мне сообщает, что работать больше не собирается. Я ему объяснил: уйдешь, мол, не отработав полученных денег,— поколочу. Это его не устраивало, разумеется, потому что — как же он потом шаманить будет, побитый, индейцы перестанут с ним считаться. Он остался, пока не отработал положенное, а потом я сказал, что он может уходить, если хочет. А он мне на это заявил, что, если я не заплачу ему еще, он дунет на меня и глаза у меня от этого вытекут, и я схвачу дизентерию, и все кишки у меня лопнут, и я умру. Валяй, говорю, дуй, и встал перед ним. Он давай дуть, а когда кончил, я ему говорю: не знаю, как дуют макуси, но я долго жил среди акавайо и теперь дуну на тебя по их методу. Набрал я воздуха побольше и давай прыгать вокруг него и дуть. Дую и приговариваю, что вот, мол, теперь рот у него больше не откроется и есть он не сможет, и скорежит его так, что пятки до затылка достанут, и будет ему крышка! Ну, а потом я его уволил и забыл о нем думать. Ушел на несколько дней в горы охотиться. Возвращаюсь, а управляющий мой, индеец, говорит: «Масса Тайни, этот человек умер!» — «Много людей умирает, парень,— отвечаю,— о ком ты говоришь?» — «Тот человек, на кого вы дули,— он умер».— «Когда?» — спрашиваю. «Позавчера. Рот у него не открывался, как вы и говорили, и он стал скрючиваться и умер».

— И он не ошибся,— закончил Тайни,— тот парень действительно умер, как я ему и обещал.

Наступило долгое молчание.

— Слушайте, Тайни,— сказал я,— наверное, вы нам не все рассказали. Это не может быть простым совпадением.

— Знаете,— ответил Тайни, глядя в потолок,— я заметил у шамана небольшой нарыв на ноге и слышал, что в его деревне недавно двое умерли от столбняка. Кто его знает, может, и действительно это не было простым совпадением.

За завтраком, на котором присутствовали и попугайчик с тоди, мы обсудили с Тайни планы на текущий день. Джек решил заняться распаковкой клеток и корма для будущих питомцев.

Тайни повернулся к нам:

— Ну а вы, ребята? Птицы вас интересуют?

Мы закивали с воодушевлением.

— Тогда пошли со мной. Здесь недалеко, может, что и увидим,— сказал он загадочно.

Прогулка с Тайни по кустарникам вдоль берега Рупунуни вылилась в получасовую познавательную экскурсию. Он показал нам дупло в трухлявом пне, где поселились пчелы-плотники, следы животных, великолепную пурпурную орхидею и остатки лагеря, где когда-то обитали индейцы. Потом мы свернули с главной тропы, и Тайни сделал нам знак помалкивать. Заросли стали гуще, и мы старались идти так же бесшумно, как и наш проводник.

Окружавшие нас кустарники были густо оплетены гирляндами ползучих растений. Повсюду свисали ярко-зеленые петли и целые занавеси. Беспечно и легкомысленно я попытался откинуть ближайшее препятствие тыльной стороной ладони, но тут же отдернул руку: у этих ползучих трав, острых как бритва, листья и стебли были усажены рядами крошечных колючек. Я сильно

порезался и высказался по этому поводу излишне громко. Тайни обернулся и приложил палец к губам. Осторожно продираясь сквозь чащу, мы следовали за ним. Вскоре заросли стали такими густыми, что пришлось лечь и ползти на животе, уклоняясь от травяных лезвий.

Наконец Тайни остановился, и мы подползли к нему. В густой завесе травы перед самым нашим носом он аккуратно проделал маленькое отверстие, и мы заглянули в него. За зеленой стеной лежал широкий заболоченный пруд, весь покрытый водяными гиацинтами. Некоторые из них цвели: изумрудный ковер был усеян нежными лиловыми пятнами.

В десятке метров от нас гиацинтовый ковер вдруг обрывался, а дальше, до противоположного берега, растиался другой ковер, белый. То была совершенно невероятная стая белых цапель.

— Ну как, парни,— прошептал Тайни,— видите что-нибудь интересное?

Мы с Чарльзом жестами выразили свое восхищение.

— Ладно, больше я вам тут не нужен,— заключил он.— Пойду домой, позавтракаю. Счастливо! — И он бесшумно пополз обратно, а мы снова прильнули к амбразуре в зеленой стене. В стае были цапли двух видов: большая белая и снежная. Тот тут, то там среди цапель вспыхивали кратковременные перепалки, и в бинокль было видно, как у них на макушках поднимаются изящные хохолки. Время от времени какая-нибудь пара вдруг взмывала вертикально вверх. Птицы на взлете неистово помогали себе шей, а затем внезапно сядились обратно.

У дальнего края озера мы различали несколько долговязых ябиру, возвышавшихся над всеми остальными птицами. Их черные лысые головы и ярко-красные мор-

щинистые отвислые шеи резко выделялись среди снежной белизны цапель. Поодаль, на мелководье, расположились сотни уток. Одни, как на параде, держали ровную, затылок в затылок, линию, другие бороздили поверхность озера легкой эскадрой. Недалеко от нас по плавающим листьям гиацинтов осторожно ходила якана. Ее движения напоминали походку человека в снегоступах: чрезвычайно длинные пальцы ложились сразу на несколько растений, благодаря чему она легко держалась на поверхности.

Но очаровательнее всех были четыре розовые колпицы. Они деловито вышагивали по мелководью всего в нескольких метрах от нас, процеживая клювом жидкий ил в поисках мелкой живности. Их сказочно прекрасное оперение мягко переливалось нежнейшими оттенками розового цвета. Каждую минуту колпицы поднимали головы и внимательно осматривались. Тогда был виден клюв, на конце преобразованный в плоскую тарелочку, придававшую этим птицам слегка комичный вид, не соответствующий общей грации и красоте тела.

Мы установили камеру, чтобы запечатлеть эту великолепную сцену, но, куда бы мы ни направляли объектив, всюду оказывался какой-нибудь кустик, портивший весь вид. Посоветовавшись шепотом, мы решили пойти на риск и переползли на несколько метров вперед, где можно было хорошо расположиться под одним из кустов. Только бы добраться туда, не испугав птиц, а уж оттуда мы увидим их всех: и уток, и цапель, и ябиру, и колпиц.

С чрезвычайными предосторожностями мы расширили смотровое отверстие в зеленой стене и, толкая камеру впереди себя, медленно поползли сквозь траву друг за другом. Вот и куст. Плавными движениями, чтобы, не дай Бог, не потревожить птиц, мы устано-

вили треногу и привинтили к ней камеру. Чарльз уже нацелился было на колпиц, когда я тронул его за руку.

— Посмотри налево,— прошептал я.

Там, у дальнего края озера, шлепая по мелководью, показалось стадо коров. Я был уверен, что это неожиданное вторжение испугает колпиц, но те не обратили на стадо никакого внимания. Коровы, мотая головами, шумно направлялись в нашу сторону. Впереди вышагивала предводительница. Вот она остановилась, задрала морду и втянула воздух. Все стадо послушно замерло. Приняв решение, предводительница целеустремленно двинулась прямо на наш маленький куст. Не дойдя до нас полутора десятков метров, она снова остановилась, замычала и ударила копытом. «Скотина,— подумал я,— ничего общего с нашими милыми гернзейскими коровками». Предводительница опять замычала, на этот раз нетерпеливо, и нацелила рога прямо на нас. Мне стало неуютно под чахлым кустиком: если это домашнее животное решится на атаку, то последствия будут как от натиска парового катка.

— Если она бросится на нас,— прошептал я нервно,— она нам, знаешь ли, всех птиц распугает.

— Кроме того, она может попортить камеру, а заодно и нас,— так же шепотом добавил Чарльз.

— Ты не думаешь, что нам лучше было бы отступить,— сказал я, не спуская глаз с коровы. Именно так Чарльз и думал: он уже ползком пробирался к нашему колочему убежищу, толкая камеру перед собой.

Мы снова устроились в кустах, чувствуя себя довольно глупо. Добраться до Южной Америки, где ходят живые ягуары, ползают ядовитые змеи и плавают рыбы-каннибалы,— и испугаться коровы! Не позор ли? Закурив, мы стали уговаривать себя, что сейчас именно

тот случай, когда предусмотрительность — лучшее проявление доблести, ибо речь идет о целостности и сохранности нашего киносъёмочного оборудования.

Через десять минут мы решили посмотреть, не убрались ли коровы. Нет, стоят по-прежнему, но, пока мы лежим в кустах, они не обращают на нас никакого внимания. Чарльз пригляделся к шевелившемуся под ветром пучку травы. Ветер изменился и дул теперь от коров, то есть благоприятствовал нам. Ободренные, мы снова переползли к кустику и опять установили свои камеры. В течение следующих двух часов мы лежали под кустом, снимая цапель и колпиц. Мы зафиксировали на пленку драматический эпизод в мире пернатых. Два грифа нашли на берегу рыбу голову, но прилетевший орел отогнал их от добычи. Грифы не сдавались, нападая на обидчика, и тот в конце концов вынужден был улететь, но рыбу голову прихватил с собой. В разгар наших съёмок коровы шумно протопали обратно в саванну.

— Представь, какая потрясающая выйдет сцена, если все птицы взлетят,— прошептал я Чарльзу.— Давай попробуем: ты вылезай из-под кустов, я выскочу с другой стороны, а когда они взлетят, ты вставай и снимай их на фоне неба.

С величайшими предосторожностями, двигаясь как черепаха, Чарльз выполз из-под куста и скрючился перед ним, вцепившись в камеру.

— Внимание, пошел! — прошептал я мелодраматически и с воплем выскочил из куста, размахивая руками. На цапель это не произвело ни малейшего впечатления. Я бил в ладоши и кричал, но цапли не реагировали. Ситуация была нелепой. Все утро мы с бесконечными предосторожностями крались через кусты, позволяя себе лишь тишайший шепот, чтобы ничем не потревожить этих, как мы полагали, пугливых птиц. И

вот пожалуйста... Стоим, кричим, а они не обращают на нас никакого внимания, и наше охотничье поведение было совершенно ни к чему. Я громко рассмеялся и побежал к краю озера. В конце концов те утки, что были поблизости, взлетели. Их примеру последовали цапли, а затем и вся стая мощной белой волной отделилась от поверхности озера, поднялась в воздух, и птичий гомон разнесся над покрытой рябью водой.

Вернувшись в Каранамбо, мы признались Тайни, что испугались коров. Он засмеялся.

— Да,— сказал он,— эти создания действительно бывают иногда немного своенравны. Мне и самому случалось бегать от них.

Мы облегченно вздохнули, почувствовав, что наша репутация не испорчена безвозвратно.

На следующий день Тайни пригласил нас спуститься к берегу Рупунуни. Там он показал нам целый ряд дыр, глубоко уходящих в мягкую туфообразную породу. Он бросил камешек в одно из этих отверстий, и мы услышали какой-то глухой булькающий звук, эхом донесшийся со дна.

— Один дома,— пояснил Тайни.— Это электрический угорь. Они живут почти в каждой дырке.

Мне был известен другой способ находить угрей. В Англии перед отлетом нас попросили записать электрические разряды этих рыб на магнитофон. Технически это было просто: две маленькие медные пластинки прикрепляются к деревяшке длиной сантиметров пятнадцать и соединяются электрическим проводом, который подключается к магнитофону. Я опустил это нехитрое приспособление в отверстие и тут же услышал в наушниках электрический разряд — серию щелчков, сила и частота которых, возрастая, достигла апогея, а затем пошла на убыль. Эти разряды, как полагают, действуют по типу радара. Вдоль всей боковой линии угря распо-

ложены особые чувствительные органы, которые позволяют ему фиксировать изменения электрического потенциала, вызываемые в воде каким-нибудь твердым телом. Это помогает почти двухметровому угрю маневрировать среди расщелин и скал речных глубин. Кроме слабых разрядов угорь способен на чрезвычайно сильный удар высокого напряжения, которым, вероятно, он убивает свою жертву. Говорят, что этим разрядом он может оглушить человека.

Мы подошли к сооруженному Тайни причалу, расцелись по двум лодкам с подвесными моторами и отправились вверх по реке. Проплыли мимо дерева, облюбванного тоди-тиранами, гнезда которых свисали с ветвей подобно гигантским дубинкам. Мы закинули с кормы несколько лесок с вращающейся приманкой, и почти сразу же я ощутил волнующее натяжение. Выбрав леску и втащив на борт серебристо-черную рыбу длиной сантиметров тридцать, я стал освобождать крючок.

— Берегите пальцы,— небрежно заметил Тайни,— вам досталась рыба-людоед.

Я поспешно бросил рыбу на дно лодки.

— Дорогой мой, так не годится,— сказал Тайни слегка обиженно и, схватив весло, оглушил безобразную

тварь.— Она может здорово тяпнуть.— Он взял рыбу и в доказательство своих слов сунул ей в рот кусок бамбука. Ряды острейших треугольных зубов сомкнулись, и бамбук распался, как под ударом топора.

Я взирал на это с ужасом.

— А правду ли говорят, что если человек угодит в стаю этих тварей, то спасут один скелет? — поинтересовался я.

Тайни рассмеялся.

— Знаете, я думаю, что пираньи, или перайи, как мы их называем, могут действительно задать вам жару, если у вас хватит ума оставаться в воде после того, как они принялись за дело. Атаковать перайи начинают обычно, лишь почуяв кровь, поэтому я не советовал бы вам купаться с открытой раной. К счастью, эти рыбы не любят беспокойную воду, а потому не волнуйтесь, когда вам придется вылезать из лодки, чтобы тащить ее через пороги: в таких местах они встречаются редко.

— Бывает, конечно,— продолжал он,— что перайи нападают ни с того ни с сего. Помню, как-то садился я в лодку с пятнадцатью индейцами. Делали мы это по очереди, а чтобы залезть, надо было одной ногой стать в воду. Все, кроме меня, были босиком. Я забрался последним, а когда устроился, заметил, что у сидевшего передо мной индейца вся нога в крови. Я спросил, что с ним, и он ответил, что при посадке его схватила перайя. Оказалось, что у тринадцати из пятнадцати человек на ноге аккуратно откушено по маленькому кусочку. Никто из них не крикнул, но никто и не подумал предупредить следующего. Впрочем, эта история, наверно, больше говорит вам об индейцах, чем о перайях.

Проведя несколько дней в Каранамбо, мы вернулись в Летем. Наша зоологическая коллекция медленно рос-

ла, и когда после двух недель в саванне мы снова оказались в Джорджтауне, с нами прибыл не только кайман, устроившийся в огромном деревянном ящике, но еще и гигантский муравьед, небольшая анаконда, несколько пресноводных черепах, обезьян-капуцинов, легких попугайчиков и попугаев ара. Такое начало можно было считать вполне приличным.

Глава третья
РИСУНКИ НА СКАЛЕ

В горах на западе Гайаны, недалеко от границы с Венесуэлой, берет начало река Мазаруни. Целую сотню миль вьется она внутри огромного горного кольца, пока наконец не пробивается сквозь этот барьер и, как бы радуясь свободе, на отрезке длиной всего двадцать миль буквально падает почти на четыреста метров каскадами водопадов и порогов, преграждающих всякое движение по реке.

Добраться до этих мест можно только через горы, путь долг и непрост. Наименее трудный маршрут требует трех дней пешего марша через густой труднопроходимый лес, после чего предстоит одолеть подъем на перевал высотой почти в тысячу метров. Вся эта область фактически отрезана от остальной страны, и полторы

тысячи живущих здесь индейцев за несколько лет до нашего визита все еще были изолированы от внешнего мира и практически не ощущали влияния цивилизации, распространившейся по побережью.

Но все изменилось с появлением самолета. Гидроплану ничего не стоило перелететь через горный барьер и опуститься прямо в центре этой области, на длинном и широком плесе Мазаруни. Эта внезапная доступность могла иметь серьезные последствия для местных индейских племен акавайо и арекуна. Чтобы предупредить возможную эксплуатацию индейцев, правительство объявило весь этот район индейской резервацией, где запрещались поиски алмазов и золота, а путешественники могли посещать эти места только по специальному разрешению. Была учреждена должность окружного уполномоченного, обязанного следить за благополучием индейцев.

Находящийся на этом посту Билл Сеггар оказался в Джорджтауне именно тогда, когда мы туда прибыли. Эта была большая удача, так как Билл появлялся в столице нечасто, только для закупки полугодового запаса продуктов, товаров, горючего и других необходимых предметов, с тем чтобы потом переправить их на свою станцию.

Билл был мужчиной крепкого сложения, высокий, загорелый, с резкими чертами лица. Довольно лаконично, чтобы не выдать, вероятно, энтузиазма и гордости за свои владения, он рассказал нам о недавно обнаруженных водопадах, об огромных пространствах неисследованных лесов, об особой религии индейцев акавайо, называемой «аллилуйя», о колибри, тапирах и попугаях ара. Билл рассчитывал закончить дела в Джорджтауне через пару недель, как раз к нашему возвращению с Рупунуни, и великодушно предложил нам полететь на Мазаруни вместе с ним.

Вернувшись в Джорджтаун, мы тут же принялись разыскивать Билла, чтобы узнать, когда он отправляется. В конце концов нам удалось найти его в баре одного из отелей, где он сидел, мрачно уставившись на стакан имбирного рома. Новости были скверными. «Дакота», перевозившая его добро, обычно приземлялась на небольшом пятачке открытой саванны в Имбаймадаи, на восточной периферии владений Билла. Там можно было сесть в сухой сезон, а во время дождей площадка раскисала и становилась непригодной для посадки. Сейчас, в середине апреля, время теоретически было подходящим, но некстати разразившийся дождь превратил площадку в сущее болото. Билл собирался полететь туда завтра на гидросамолете, сесть на Маза-руни, чуть ниже Имбаймадаи, и не спускать глаз с площадки, ежедневно сообщая по радию о ее состоянии. Как только площадка подсохнет, «Дакота» начнет свои рейсы, доставляя в первую очередь, разумеется, самый насущный груз. Если все будет в порядке, то в качестве последней партии сможем полететь и мы. Уныло закончив выпивку, мы попрощались с Биллом и пожелали ему удачи в завтрашнем рейсе.

Нам оставалось ждать и ежедневно с надеждой справляться в министерстве внутренних дел о состоянии площадки. На второй день мы узнали, что дождь прекратился и что, если погода не подведет, площадка будет готова принять самолет дня через четыре. А пока мы помогали Тиму Вайнеллу устроить животных, пойманных на Рупунуни, более комфортабельно. Министерство сельского хозяйства предоставило в наше распоряжение гараж в Ботаническом саду. Мы быстро превратили его в мини-зоопарк, расставив клетки на автомобильные покрышки вдоль стен. Для некоторых крупных животных, например для гигантского муравьеда, места в гараже не нашлось, и Джорджтаунский зоопарк чрез-

вычайно великодушно предложил взять их к себе в качестве постояльцев. Каймана устроили в одном из каналов сада, где он лежал в своем контейнере, наполненную погруженным в воду.

В конце четвертого дня Билл Сеггар сообщил, что все в порядке и самолет может отправляться. Остаток дня и весь следующий день ушел на грузовые рейсы. Наконец настал и наш черед.

Мы попрощались с Тимом, прикованным к Джорджу-гауну незавидной ролью зоологической няньки, и в очередной раз погрузились на «Дакоту» со всем своим снаряжением.

Лететь над влажным тропическим лесом оказалось довольно скучно. Внизу расстилался бескрайний и однообразный зеленый океан, плотная поверхность которого скрывала от нас мириады обитавших там удивительных существ. Все же время от времени нам удавалось заметить птиц, скользивших, как летучие рыбы, над зелеными волнами. Иногда мы пролетали над полянками, усеянными крошечными хижинами, и они напоминали островки среди моря леса.

Через час вид внизу изменился. Мы подлетали к горам Пакараима, образующим юго-восточный бастион крепостного кольца Мазаруни. Лес карабкался по склонам до тех пор, пока позволяла крутизна, выше горы были голые, кремового цвета.

За несколько минут мы миновали этот барьер, представлявший столь грозное препятствие для первых путешественников, и теперь под нами петляла Мазаруни шириной даже здесь, в верховьях, метров пятьдесят. Затем мы увидели прямо посреди леса маленькое пятнышко открытой саванны, возникшей как будто по волшебству, а на ее краю — хижину и две крошечные белые фигурки. Это, как мы знали, были Билл и Дафни Сеггар.

«Дакота» заложила вираж и пошла на посадку. Посадка получилась отнюдь не мягкой, но не по вине пилота. Аэродром Имбаимадаи не имел бетонной полосы, он представлял собой просто открытое пространство, очищенное индейцами от более или менее крупных камней, деревьев и кустов.

Чета Сегтар подошла приветствовать нас. Оба были босиком. Она — высокая и гибкая, в шерстяном спортивном костюме, он — в защитного цвета шортах и в открытой рубашке, с волосами, еще мокрыми от речного купания. Встретив нас, Билл окончательно успокоился, так как с нашим рейсом прибыла последняя партия жизненно необходимого груза. Теперь сезон дождей был не страшен. А дожди, по его расчетам, начнутся не раньше чем через месяц, и, если все будет хорошо, мы недели через четыре сможем вылететь отсюда.

— Но, — заключил Билл, — не будем загадывать. Дождь может пойти хоть завтра. В крайнем случае, — добавил он ободряюще, — мы всегда сможем отправить вас поочередно на гидросамолете, правда, денег это потребует огромных.

Мы провели ночь в полуразрушенном здании аэропорта Имбаимадаи, а наутро Билл предложил нам отправиться вверх по Мазаруни и затем подняться по одному из ее притоков, Кароуриенгу, до необитаемой и почти неисследованной местности. Мы заинтересовались, что там можно увидеть.

— Видите ли, — пояснил Билл, — людей там нет, и потому должно быть множество интересных для вас животных. Кроме того, там есть замечательный водопад — я обнаружил его года два назад — и загадочные индейские наскальные рисунки. На них тоже стоит взглянуть. Их видело всего несколько человек, и вряд ли кто-нибудь о них знает.

Билл должен был принять еще самолеты со второстепенным грузом. Очередной рейс ожидался не ранее чем через два дня, поэтому мы предложили Биллу и Дафни отправиться на денек с нами. Они согласились, и наутро мы впятером устроились в просторной двенадцатиметровой долбленке, снабженной мощным подвесным мотором. Билл всегда пользовался им, разъезжая по своим владениям. Нас сопровождала команда из шести индейцев.

Для нас этот день был особым: впервые мы увидели лес вблизи. Лодка шла по залитому солнцем каньону. Спокойно струилась коричневая полупрозрачная вода, а по обеим сторонам реки высилась зеленая стена леса. По берегам росли терминалии и моры, достигавшие высоты сорока пяти метров. Под их кронами густое переплетение лиан и других ползучих растений создавало плотные завесы, скрывавшие от нас внутренний мир леса. Кустарники жадно тянулись с земли вверх, к солнцу, в котором им было отказано в сумрачной глубине леса. Здесь, на фасаде, однообразие зеленого цвета нарушалось: с приближением сезона дождей некоторые деревья выбрасывали свежие побеги с янтарно-красными листьями. Свисая вертикальными рядами, они заметно выделялись на зеленом фоне остальной растительности.

Через два часа мы подошли к порогам. Поток устремлялся здесь через широкий каменистый барьер, взбивавший воду и превращавший ее из янтарно-коричневой в кремово-белую. Выгрузив самое хрупкое и уязвимое снаряжение — камеры и магнитофоны, — мы перенесли их к верхнему краю порога, а затем вернулись, чтобы помочь тащить тяжелую лодку через камни. Это была напряженная и утомительная работа, но индейцы выполняли ее со смехом, а когда один из нас неуклюже оступился и по пояс провалился в неожиданно глубокую щель между валунами, они просто зашлись

от хохота. В конце концов мы протащили лодку через порог, вывели ее в спокойную черную заводь и продолжили путь.

Еще час путешествия, и Билл указал вперед: сквозь шум мотора доносился отдаленный гул.

— Мой водопад,— пояснил он.

Когда через пятнадцать минут мы миновали излучину, шум водопада уже заглушал все вокруг. По словам Билла, водопад был сразу же за поворотом и для продолжения пути предстоял тяжелый волок. Мы решили отложить это дело до завтра, разбить лагерь и переночевать на берегу. Но Билл с Дафни не могли оставаться, им надо было возвращаться в Имбаимадаи встречать самолет с грузом.

Индейцы принялись расчищать место для лагеря. Билл и Дафни, прежде чем покинуть нас, предложили пойти посмотреть на водопад. Гайана изобилует водопадами. Всего лишь в нескольких милях к югу от нас находился двадцатипятиметровый водопад Кейту, и по сравнению с ним водопад Билла был крошкой. И все же за поворотом реки нам представилось великолепное зрелище. Белая завеса пены стремительно перекатывалась через нависающий уступ и низвергалась в широкий бассейн у основания водопада. Мы побултыхались в этом бассейне, пробрались среди перекатывающихся валунов к подножию водопада и забрались в сырую нишу, из которой вылетали стрижи.

Билл окрестил свой водопад Маипури. Так здесь называют тапира, следы которого он увидел на берегу реки, когда впервые обнаружил водопад. К сожалению, мы не могли позволить себе долго любоваться замечательным зрелищем: чтобы вернуться в Имбаимадаи до темноты, Биллу и Дафни надо было отправляться сейчас же. Мы пошли обратно.

Билл и Дафни в сопровождении двух индейцев отбыли вниз, обещав не позже чем через два дня прислать нам лодку.

С нами остались четверо индейцев, чтобы помочь пристроить снаряжение, если нам захочется отправиться в лес. Все они были из племени акавайо, приземистые, меднокожие, веселые, с прямыми иссиня-черными волосами. Работая на станции Билла, они отчасти европеизировались: носили шорты и рубашки цвета хаки и немного говорили на пиджин. Старший группы, Кеннет, понимал кое-что, если не все, в премудростях лодочного мотора, хотя, как мы потом убедились, его основной метод обращения с этим механизмом при каких-нибудь неполадках заключался в том, чтобы вывернуть все свечи и продуть их. Его «первого заместителя» звали Кинг Джордж. Это был коренастый индеец с копной непокорных волос и неизменно свирепым выражением лица. От Билла мы узнали, что он — староста одной из деревень ниже по реке и что он сам наградил себя королевским титулом. Были попытки уговорить его слегка изменить имя и называть себя Джордж Кинг, но он твердо стоял на своем.

Пока мы любовались водопадом, индейцы расчистили от кустов просторную площадку, соорудили из вырубленных в лесу кольев каркас, соединив кольца кусками коры и лианами, и натянули сверху брезент на случай внезапного дождя. Нам оставалось только развесить свои гамаки. Костер уже горел, и вода кипела. К нам подошел Кеннет с ружьем в руках и спросил, какую птицу мы хотели бы на ужин. Мы выбрали маам, один из видов тинаму, небольшую нелетающую птицу, похожую на куропатку и весьма недурную на вкус.

— Очень хорошо, сэр, — ответил Кеннет и скрылся в лесу.

Через час он вернулся, неся, как и обещал, крупную, жирную маам. Я спросил его, как это ему удалось добыть именно ту птицу, которую мы заказали. Кеннет рассказал, что все индейцы охотятся на птиц, подражая их голосам. Он подражал голосу маам — длинному низкому свисту. Через полчаса птица ответила. Не прекращая свиста, он подползал все ближе и ближе, пока не застрелил ее.

После ужина мы разошлись по гамакам. В саванне ночью было так же жарко, как и днем, а здесь, в горах, после захода солнца стало очень холодно. В эту ночь я впервые узнал, что в гамаке одеял требуется в два раза больше, чем в кровати. Укутываться приходится не только сверху, но и снизу, и тем самым эффективность одного одеяла делится пополам. Я так замерз, что через час вынужден был надеть всю прихваченную с собой одежду. В конце концов сон пришел, но ненадолго.

Я проснулся еще до рассвета и больше не смог заснуть. Но когда взошло солнце, я был с лихвой вознагражден за свою бессонницу, потому что вокруг раздался голоса ара и других попугаев, а на берегу колибри уже приступила к завтраку на цветах ползучих растений, свисавших над водой. Крошечное и словно усыпанное драгоценными камешками создание быстро мелькало в воздухе. Выбрав подходящий цветок, птичка зависала над ним и принималась высасывать нектар из его недр. В это время был замечен ее длинный, как шелковая ниточка, искрящийся язычок. Закончив, колибри медленно давала задний ход, с непостижимой скоростью трепеща крылышками, и затем уносилась прочь на поиски другого лакомства.

После завтрака Кинг Джордж сообщил нам, что скальные рисунки, о которых говорил Билл, находятся на расстоянии двухчасового марша через лес. Мы по-

просили его быть нашим проводником. Индеец ответил, что бывал там только один раз, но уверен, что найдет это место. Он повел нас в заросли, остальные индейцы несли наше съёмочное оборудование. Кинг уверенно шел вперед, делая зарубки на стволах и загибая верхушки молодых деревьев, чтобы не заблудиться на обратном пути. Мы шли через высокогорный влажный тропический лес. Мощные деревья вздыма-

лись до шестидесятиметровой высоты. Большинство из них было покрыто растениями, замечательными тем, что они не растут из земли, а получают питательные вещества прямо из насыщенного влагой воздуха, свешивая вниз свои длинные воздушные корни. Иногда у нас под ногами оказывалась вдруг россыпь упавших откуда-то желтых цветов. Они лежали широким ковром, оживляя мрачное однообразие леса. Мы запрокидывали головы, пытаясь определить, откуда появилось здесь это чудо, но кроны были так далеко вверху, что, не будь этих упавших цветов, мы бы и не подозревали, что эти деревья вообще могут цвести.

Среди высоких стволов стояла молодая поросль, густо оплетенная ползучими растениями. Сквозь эту преграду мы вынуждены были прорубаться с помощью ножей. Крупных животных не было видно, зато бесчисленное множество мелких существ давало о себе знать

постоянно: воздух был наполнен криками лягушек и стрекотанием сверчков и других насекомых.

Через два часа утомительного пути мы с Чарльзом совершенно вымотались. Под пологом леса было сумеречно, жарко и душно, мы взмокли от пота и умирали от жажды. Уйдя от реки, мы не видели ни малейших признаков воды.

Внезапно мы вышли прямо к той самой скале, к которой и направлялись. Она уходила вертикально вверх на несколько десятков метров и прорывала лесной полог. В образовавшуюся брешь лился поток солнечного света. Он чуть косо падал на белый кварцит, освещая красные и черные рисунки, покрывавшие скалу. Зрелище было настолько потрясающим, что мы, забыв об усталости, в волнении устремились к подножию утеса.

Рисунки усеивали поверхность скалы на площади шириной метров двенадцать — пятнадцать вдоль основания и высотой метров десять — двенадцать. Исполнение было грубым. Многие рисунки явно изображали животных. Здесь было несколько птиц, вероятно маам, которых Кеннет добыл для нас накануне, и множество неопределенного вида четвероногих. Один из них показался нам похожим на броненосца, другой — на муравьеда. Еще одно существо лежало на спине, задрав ноги кверху. Сначала мы решили, что это какой-то мертвый зверь, но затем различили по два когтя на передних лапах и по три на задних — как у трехпалого ленивца. Над этим зверем, в подтверждение правильности нашего определения, была проведена жирная красная линия, явно означавшая ветку, на которой полагалось висеть ленивцу. Очевидно, реалистическое изображение ветви представляло трудности для неизвестного художника, поэтому он отделил ветвь, поместив ее над ленивцем, но ясно дав понять, что он имел в виду. Среди фигур животных были разбросаны разно-

образные символы — квадраты, зигзаги и вереницы ромбов, к пониманию назначения которых мы не могли даже подступиться.

Но самое завораживающее впечатление производили сотни отпечатков человеческих рук, разбросанных между символами и изображениями животных. Выше они располагались группами по шесть или восемь, а у основания скалы их было такое множество, что они накладывались друг на друга, превращаясь почти в сплошной красный узор. Приложив руку к некоторым из этих отпечатков, я увидел, что все они меньше моей ладони. По моей просьбе то же самое сделал Кинг Джордж, и его ладонь точно совпала с изображениями.

Я спросил Кинга Джорджа, не может ли он объяснить нам, что тут изображено. Он охотно, но явно наобум сделал несколько предположений относительно тех животных, на которых мы ему указывали, после чего стало ясно, что он не лучше нашего разбирается в этой живописи. Если мы выдвигали альтернативное предположение, он со смехом соглашался и признавался, что не знает. Но по поводу одного изображения мнение было единым.

— Что это такое? — спросил я его, показывая на контур человеческой фигуры в полный рост с явными признаками мужского пола. Кинг Джордж согнулся от смеха.

— Мужик что надо, — выдохнул он с широкой ухмылкой.

Кинг Джордж горячо убеждал нас, что он не знает ни назначения, ни происхождения этих рисунков.

— Их делал давно-давно, — объяснял он, — не акавайо делал.

Мы обнаружили доказательства их древности. То тут, то там твердый камень крошился, вместе с кусочками породы отпадали и части рисунков. Образовавши-

еся выбоины не были свежими: время выровняло их цвет с общим фоном скалы, а для этого требовался очень долгий срок.

Какой бы цели ни служили эти рисунки, она наверняка была важной: ведь чтобы нанести изображения так высоко, художник не мог обойтись без специальных лестниц. Может быть, эти рисунки были частью ритуальной церемонии, связанной с охотой: индеец рисовал животных, которых хотел добыть, а потом закреплял свое намерение отпечатками ладони. Только в одном случае животное, какая-то птица, было изображено мертвым. Мы не нашли ни одного рисунка раненого зверя. Такие рисунки нередко попадаются среди палеолитической живописи в пещерах Франции. Целый час мы с Чарльзом фотографировали изображения, наспех соорудив из стволов молодых деревьев лестницу, чтобы добраться до верхних рисунков.

Когда я наконец спустился с лестницы, то заметил, что с вершины скалы на валун падает вода. Этот валун был покрыт густым слоем влажного мха. Меня одолевала такая жажда, что я бросился к нему, оторвал кусок мха и впился в него, высасывая темно-коричневую воду пополам с песком. Увидев меня за этим занятием, Кинг Джордж скрылся за скалой и через пять минут явился с сообщением, что он нашел воду. Я последовал за ним, перебираясь через огромные глыбы, отколовшиеся от основания скалы. Через сотню метров показалась широкая трещина, рассекавшая поверхность утеса. У земли она расширялась и превращалась в небольшую пещерку, на дне которой был глубокий черный бассейн, полный воды. У задней стенки грота в бассейн низвергался поток, но куда вода уходила, видно не было. Этот поток, бьющий прямо из камня и устремляющийся в бездонный, никогда не переполняющийся бассейн, производил такое сильное впечатление, что на мгновение я забыл о жаж-

де. Несомненно, вид этого грота должен был сильно действовать на первобытный разум, а вся скала — обладать магической силой в сознании древних обитателей этих лесов. Мне вспомнились гроты древних греков, куда бросали жертвенные предметы, дабы смягчить гнев богов, и я опустил руку в надежде нащупать там каменный топор. Но колодец был глубок, и лишь с краю мне удалось достать дно. Там не было ничего, кроме гравия. Опустив палку, я определил, что глубина колодца была более полутора метров.

Утолив жажду, я вернулся и рассказал Чарльзу об увиденном. Мы уселись и стали размышлять о том, что могли означать все эти рисунки и есть ли какая-нибудь связь между ними и гротом. Солнце между тем уже спряталось за гребнем утеса, и изображения лишились эффектной подсветки. Если мы хотели провести сегодняшнюю ночь в лагере, нам нужно было возвращаться немедленно.

Глава четвертая
ЛЕНИВЦЫ И ЗМЕИ

Долго бродить по лесу еще не значит много видеть. Наши знания тропиков были скудны и опыт мал, поэтому мы решили пополнить то и другое с помощью индейцев и наняли двух акавайо, работавших на станции, сопровождать нас в экскурсиях. Их острые глаза быстрее наших замечали мелких животных, они знали лес как свой дом и могли сказать нам, что вот к этому дереву, усыпанному цветами, скорее всего прилетят колибри, а к тому, увешанному плодами, наверняка устремится стая попугаев или отряд обезьян.

Но первый большой успех пришел к нам благодаря Джеку. Мы бродили по лесу недалеко от самолетной площадки. Пробиваясь сквозь заросли колючих лиан, мы остановились передохнуть под мощным деревом. С

его ветвей высоко над нами неподвижно свисали толстые перекрученные лианы. Если бы мы, обладая машиной времени, могли превратить годы роста лиан в минуты, то увидели бы, как, крутясь и извиваясь, они мертвой хваткой сжимают самих себя и деревья, на которых висят. Джек взглянул на эти кущи.

— Есть там что-то или мне чудится? — спросил он как бы невзначай.

Я ничего такого не видел. Джек стал «наводить» мой взгляд, и в конце концов я заметил то, на что смотрел он: какую-то серую округлость, висевшую вверх тормашками на лиане. Это был ленивец.

Ленивцы не способны на быстрое движение. Во всяком случае нам нечего было опасаться, что это существо вдруг взметнется и за две секунды исчезнет в недоступной высоте крон. У нас было достаточно времени, чтобы договориться, что Чарльзу полагается снимать операцию поимки, что Джеку его недавнее падение, еще ощущавшееся его ребрами, дает право воздержаться от напряжения и что поэтому лезть на дерево и спускать это загадочное существо предстоит мне.

Подъем был несложным благодаря густо свисающим лианам. Ленивец заметил мое приближение и медленно, с отчаянием принялся ползти, перебирая лапами, вверх по лиане. Двигался он так, что мне не стоило никакого труда догнать его, и я настиг беглеца примерно в двенадцати метрах от земли.

Ленивец, оказавшийся размером с крупную овчарку, висел вниз головой и изучал меня с выражением невыразимой скорби на волосатой физиономии. Он медленно открыл рот, демонстрируя черные, лишенные эмали зубы, и совершил все, на что был способен, чтобы напугать меня, а именно издал свой самый могучий крик — слабое бронхиальное сопение. Я протянул руку, и в ответ на это ленивец сделал медленный и не-

уклюжий выпад передней лапой в мою сторону. Я отодвинул руку, а мой противник слабо мигнул, удивившись, что ему не удалось поразить меня.

Не добившись успеха в двух попытках активной защиты, ленивец сосредоточил теперь все силы на том, чтобы как можно крепче уцепиться за лиану. Отодрать его было нелегко, ибо мое собственное положение оказалось до некоторой степени ненадежным. Держась одной рукой за лиану, я другой попытался отцепить от нее ленивца. С великим трудом мне удалось разжать острые, как ятаган, когти на одной лапе, но, когда я принялся за другую, ленивец с разумной неторопливостью, способной взбесить кого угодно, вернул освобожденной ноге утраченную опору. Невозможно было справиться одновременно больше чем с одной конечностью этого существа. Я действовал таким манером минут пять, не получая существенной помощи от Джека и Чарльза, которые снизу подавали мне не слишком приличные советы. Было совершенно очевидно, что такая однорукая схватка могла продолжаться до бесконечности.

В процессе борьбы у меня возникла идея. Рядом со мной свисала тонкая перекрученная лиана, которую индейцы называли «бабулин хребет». Я крикнул Джеку, чтобы он обрезал ее у земли. Затем, подтянув к себе освободившийся конец, я подвесил его рядом с ленивцем и стал отдиравать его лапы от его собственной лианы. Мой соперник был настолько поглощен решимостью хвататься за все, что было в пределах его досягаемости, что постепенно, конечность за конечностью, мне удалось перецепить его на нужную лиану. Выполнив этот маневр, я медленно спустил лиану и благодарно прильнувшему к ней ленивца прямо в объятия Джека, а затем спустился сам.

— Ну не прелесть ли? — обратился я к своим друзьям.— И не такой, как у нас в зоопарке. Это другой вид.

— Да, действительно,— согласился Джек с какой-то мрачной интонацией,— в Лондоне у нас двухпалый ленивец. Он там прекрасно себя чувствует вот уже несколько лет, лопает яблоки, салат и морковь. А этот — трехпалый. И знаешь, почему ты не видел его в Лондоне? По одной простой причине: он ест цекропию, и только ее. В здешних лесах этой цекропии полно, а в Лондоне ее не найдешь.

Было ясно, что ленивца придется отпустить. Но прежде чем расстаться с ним, мы решили поддержать его несколько дней, чтобы понаблюдать за ним и по-снимать. Мы принесли его к дому и положили на землю у подножия одинокого мангового дерева. Ленивец, можно сказать, неотделим от дерева. Движения без древесной опоры стоят ему сверхъестественных усилий. С огромным напряжением, изгибаясь всем телом, ему наконец удалось дотащиться до ствола. Тут он мигом преобразился, изящно взобрался наверх, где и подвесился на одной из ветвей.

У ленивца, казалось, все так или иначе было приспособлено для жизни вверх тормашками. Его серая косматая шерсть вместо того, чтобы лежать в направлении от спины к животу, как у всех нормальных зверей, расходилась пробором вдоль брюха и спускалась к хребту. Лапы приспособились для висения до такой степени, что на них совершенно нельзя было найти ладони: когти-крючки торчали прямо из волосатой культи.

Когда висишь на макушке дерева, нуждаешься, очевидно, в широком обзоре, и пожалуйста — у ленивца длинная шея, на которой голова может вращаться почти по полному кругу. Шейный отдел его позвоночника — буквально мечта биолога, потому что у трехпалого ле-

нивца десять шейных позвонков, в то время как почти у всех млекопитающих, от мышки до жирафа, — только семь. Так и хочется считать, что и это — специальное приспособление для жизни в перевернутом состоянии. Но к несчастью для теоретиков, у двухпалого ленивца, живущего совершенно так же, как и его трехпалый брат, и не хуже его распоряжающегося своей шеей, шейных позвонков только шесть, то есть на один меньше, чем почти у всех остальных млекопитающих.

На третий день мы заметили нашего ленивца за попыткой слизнуть что-то на собственном бедре, для чего ему пришлось здорово изогнуть свою удивительную шею. Заинтересовавшись, мы подошли ближе и с изумлением обнаружили, что он лелеет крошечного детеныша, еще мокрого, появившегося на свет, должно быть, всего несколько минут назад.

Полагают, что в шерсти ленивца развиваются микроскопические водоросли, придающие ей зеленовато-коричневый защитный оттенок, что чрезвычайно важно для безопасности этого зверя. Но вот перед нами новорожденный малыш, в его шерстке, конечно, не успел еще развиться собственный сад, однако мы видим, что он совершенно того же цвета, что и мать. В самом деле, когда детеныш подсох, нам стоило большого труда разглядеть его. Уютно устроившись в густой шерсти матери, он периодически отправлялся путешествовать вдоль ее огромного тела в поисках сосков.

Два дня мы наблюдали за этой парой, любуясь тем, как мать нежно облизывает свое дитя. Время от времени она отдирала от ветки одну лапу, чтобы помянуть свою крошку. Роды, по-видимому, лишили ее аппетита, и она перестала обращать внимание на листья цекропии, которые мы привязали к ее дереву. Боясь, как бы голодовка не повредила нашим питомцам, мы отнесли их обратно в лес. Там мы подвесили мамашу на лиану, и

она немедленно полезла вверх, унося на себе детеныша, который щурился на нас из-за ее плеча.

Когда через час мы вернулись посмотреть, все ли в порядке, ленивцев нигде не было видно.

Вскоре после того, как мы расстались с ленивцами, Виллу и Дафни Сеггар пришлось покинуть нас, доверху нагружив свою лодку всякими товарами. На самолетной площадке в Имбаимадаи оставалась еще внушительная груда добра, и Кеннету на следующий день предстояло вернуться на лодке и забрать очередную партию. Джек решил ближайшие несколько дней посвятить отлову животных в окрестностях нашей базы. Остальным на месте не сиделось. В наш будущий фильм планировалось вставить что-нибудь из повседневной жизни индейской деревни, а так как бензин полагалось экономить, мы, по совету Билла, решили отправиться вверх по реке вместе с Кеннетом, высадиться в одной из деревень и пожить там некоторое время.

Билл в первую очередь направлялся в деревню Уаиламепу.

— Это недалеко отсюда, — сказал он, — вверх по Како, притоку Мазаруни. Там есть некий Кларенс, толковый молодой парень; он одно время работал у меня на станции и неплохо наловчился говорить по-английски.

— Кларенс? — переспросил я. — Довольно странное имя для индейца акавайо.

— Видите ли, среди здешних индейцев в свое время бытовала вера в аллилуйю, некий искаженный вариант христианства, возникший на юге Гайаны в начале девятнадцатого века. Но миссионеры, приверженцы секты адвентистов седьмого дня, наставили жителей Уаиламепу на путь истинный, окрестив их европейскими именами. Конечно, — продолжал Билл, — индейцы еще

употребляют между собой свои старые имена, но вряд ли они пожелают сообщить их вам.

Он засмеялся.

— Похоже, они умудрились не без пользы для себя соединить свою старую веру с новой, миссионерской, и, смотря по обстоятельствам, прибегают то к одной, то к другой. Например, адвентисты учат, что кроликов есть не годится. Кроликов здесь, как вы понимаете, нет, но некоторым образом его напоминает другой крупный грызун — лабба. А мясо лаббы, как назло, всегда было любимым блюдом индейцев, и запрет на него стал для них большим ударом. Рассказывают, как однажды миссионер зашел к одному из своих новообращенных индейцев, когда тот жарил на огне лаббу, и стал обвинять его в тяжком грехе.

— Да это не лабба, — оправдывался индеец, — это рыба.

— Что ты мне чепуху несешь? — рассердился миссионер. — У какой это рыбы могут быть два таких здоровенных передних зуба?

— Нет, сэр! — возразил индеец. — Помнишь, когда ты первый раз пришел наша деревня, ты сказал: мой индейский имя — плохой имя, и ты брызнул на меня вода и сказал: мой имя теперь Джон. Вот, сэр, я иду сегодня в лесу, я вижу лабба, я его бах-бах, и, пока он не умер, я полил его водой, и я говорил: лабба — плохой имя, ты — рыба. Вот, сэр, я сейчас рыбу есть.

На следующее утро мы отправились в Уаиламепу с Кеннетом и Кингом Джорджем. Мотор работал превосходно, и через два часа наша лодка подошла к устью Како. Еще пятнадцать минут вверх по Како, и мы заметили, что тропа, тянувшаяся вдоль берега, свернула в лес. На низком сыром берегу лежало несколько лодок.

Заглушив мотор, мы выгрузили вещи и направились к деревне.

Деревня представляла собой восемь островерхих, крытых пальмовыми листьями хижин, в беспорядке разбросанных по песчаной поляне. Пол и стены хижин были сделаны из древесной коры. Женщины, на которых были либо замызганные хлопчатобумажные платья европейского покроя, либо не было ничего, кроме традиционных передников, расшитых бусами, разглядывали нас, стоя на пороге своих жилищ. Худосочные цыплята и шелудивые псы то скрывались в хижинах, то выходили наружу, а из-под ног у нас стремглав разбегались крошечные ящерицы.

Кеннет подвел нас к приветливому старику, сидевшему на залитом солнечным светом пороге своего дома. На нем не было ничего, кроме ветхих шорт, которые когда-то были цвета хаки, а теперь представляли собой сплошную заплату.

— Это вождь, — сказал Кеннет и представил нас.

Вождь по-английски не говорил, но с помощью Кеннета приветствовал нас и пригласил расположиться в заброшенной хижине на дальнем конце деревни. Когда сюда наведывался миссионер, эта хижина служила церковью. Кинг Джордж тем временем организовал деревенских мальчишек, и те перетащили к церкви весь наш багаж.

Вместе с Кеннетом и Кингом Джорджем мы спустились к реке. Кеннет некоторое время повоевал с мотором, тот в конце концов завелся, и лодка рванулась от берега.

— Я возвращаться одна неделя потом! — прокричал Кеннет сквозь рев мотора и скрылся за поворотом.

Почти весь день ушел у нас на распаковку, разбор снаряжения и устройство маленькой кухни возле хижины. Закончив дела, мы отправились бродить по деревне.

стараясь не проявлять чрезмерного любопытства: сначала, вероятно, надо было познакомиться с ее обитателями, а потом уже заглядывать в хижины и фотографировать. Во время прогулки мы завели знакомство с Кларенсом, веселым парнем лет двадцати с небольшим. Устроившись в гамаке, Кларенс был поглощен плетением какой-то корзины. Он приветствовал нас с искренним радушием, но дал понять, что в настоящий момент слишком занят и может позволить себе перекинуться с нами лишь парой слов.

К вечеру мы вернулись в свою церковь и стали обдумывать планы на ужин.

В дверях появился Кларенс.

— Спокойной ночи,— сказал он с широкой улыбкой.

— Спокойной ночи,— отвечали мы, уже информированные, что так здесь обычно приветствуют по вечерам.

— Я несу вам эти стуки,— сообщил он, кладя на пол три больших ананаса. Затем он уселся на пол, удобно прислонившись к косяку.— Далеко приехали?

Мы подтвердили.

— А засем сюда приехали?

— Наши люди, далеко отсюда, за морем, ничего не знают об акавайо на Мазаруни. Мы привезли с собой всякие штуки, чтобы делать картинки и записывать звуки, а потом показать нашим людям, как вы делаете хлеб из кассавы, как строите лодки и вообще как вы живете.

Кларенс слушал с недоверием.

— Думаес, кто-то там, далеко, хочет знать такие стуки?

— Конечно.

— Ладно, наши люди покажут вам, если вы правда хотите,— сказал Кларенс все еще с некоторым сомнением.— Но вы, позалуста, покажи мне все эти стуки вы привосить.

Чарльз вытащил камеру, и Кларенс с восхищением приник к видеоискателю. Затем я продемонстрировал ему магнитофон. Эта «стука» потрясла его еще больше.

— Это холосый стуки,— заключил Кларенс со сверкающими энтузиазмом глазами.

— Есть еще одна штука, ради которой мы приехали,— сказал я.— Мы хотим найти разных животных: птиц, змей, вообще все, что здесь водится.

— Ага! — воскликнул Кларенс.— Кинг Дзордз сказал мне про один теловек вы оставлять взад в Камаранге, он мозет поймать змей и совсем не бояться. Правда, такая стука Кинг Дзордз сказал?

— Да,— ответил я,— мой друг ловит все штуки.

— И ты тозе змей ловить? — поинтересовался Кларенс.

— Ну да,— ответил я скромно, не в силах упустить шанс заработать даровой престиж.

Кларенс продолжал развивать эту тему.

— Дазе змея, какая сильно кусать?

— Ну... в общем, да.— Мне стало как-то неуютно и не хотелось слишком глубоко вдаваться в обсуждение этого вопроса.

На самом деле все змеинные дела, в том числе и отлов, были в ведении Джека, куратора отдела рептилий. Мои достижения на этом поприще ограничивались единственной поимкой очень маленького и совершенно безобидного африканского питона.

Наступила долгая пауза.

— Ладно, спокойной ночи,— произнес Кларенс и исчез.

Пужинали мы с Чарльзом консервированными сардинами и одним из принесенных Кларенсом ананасов. Стемнело, мы залегли в гамаки и заснули.

Громкое «Спокойной ночи!» прервало наш сон. Выглянув из гамака, я обнаружил у дверей нашей хижины Кларенса в сопровождении всего населения деревни.

— Вы сказать эти люди, сто вы сказать мне,— потребовал он.

Мы поднялись, повторили рассказ о целях и задачах нашего визита, продемонстрировали всем желающим, как выглядит парафиновая лампа в видеоискателе кинокамеры, и прокрутили магнитофон.

— Сейтяс мы все петь,— объявил Кларенс, рассказывая своих соотечественников. Без малейших признаков вдохновения хор затянул продолжительную панихиду, в которой, как мне показалось, прозвучало слово «аллилуйя». Мне вспомнился рассказ Билла.

— Почему вы поете Аллилуйю? Я думал, что все в вашей деревне адвентисты.

— Мы все адвентисты,— пояснил Кларенс непринужденно,— и, бывает, мы все петь песню-адвентисту. Но когда нам сильно-сильно хоросо,— добавил он разговорщически,— мы все петь Аллилуйя.— Он приосанился.— А теперь мы петь песню-адвентисту, раз вы просить.

Я записал эту песню, а потом проиграл ее исполнителям. Они слушали как замороженные, а Кларенс тут же позаботился о продолжении программы: теперь каждый должен был исполнить сольный номер. Потянулись гортанные погребальные мотивы, а один из присутствующих вытащил флейту, вырезанную из берцовой кости оленя, и изобразил на ней что-то не слишком затейливое. Продолжительность концерта стала слегка волновать нас, ибо пленки было отнюдь не вволю, а магнитофон — маленькая легкая машинка на батарейках — не имел стирающего устройства. Если я буду все это записывать, то растрочу драгоценную пленку на этнографический материал сомнительной ценности, прежде чем дело дойдет до чего-нибудь действительно интересного. Поэтому я старался записывать из каждого

выступления по небольшому кусочку, чтобы никто из исполнителей не почувствовал себя обиженным.

Спустя полтора часа музыкальный запал наших посетителей иссяк, и они расселись вокруг хижины, болтая на акавайо, перебирая наше снаряжение и посмеиваясь. Мы не могли принять участие в разговоре, так как Кларенс вступил в жаркую дискуссию с одним из индейцев. Так мы и сидели, предоставленные самим себе, стараясь не совершить что-нибудь невежливое и смирившись с тем, что поспать этой ночью уже не удастся.

В дверях показалась голова Кларенса.

— Спокойной ночи,— сказал он с сияющей улыбкой.

— Спокойной ночи,— ответили мы, после чего все двадцать наших гостей поднялись на ноги и без единого слова удалились в темноту.

Главным занятием женщин деревни было приготовление лепешек из кассавы. Эти лепешки сушились под солнцем на крыше дома и на специальных подставках. Кассаву выращивали на возделанных участках между деревьями и рекой. Мы засняли, как женщины выкапывают эти высокие растения и обрывают клубни, содержащие крахмал. Потом клубни очищают от кожуры и растирают на специальной дощечке со вставленными в нее острыми камешками. Сок кассавы содержит смертельный яд — синильную кислоту, и, чтобы удалить его, хозяйка заталкивает растертую массу в матапи — открытую с одной стороны плетеную трубку длиной около двух метров. Наполненную матапи подвешивают на какую-нибудь выступающую балку хижины. В петлю на свисающем конце матапи продевают палку и привязывают ее к свае хижины. Затем женщина садится на свободный конец палки, и наполненная матапи, толстая и разбухшая, вытягивается, становясь длинной и

тонкой. Во время этой процедуры масса сдавливается, и ядовитый сок стекает на дно матапи.

Высушенная кассава просеивается, а затем выпекается. Некоторые женщины используют для выпечки плоские камни, другие — круглые чугунные сковороды, точно такие, на каких пекут оладьи в Уэльсе и Шотландии. Плоские лепешки из кассавы, подрумяненные с обеих сторон, выносят наружу и подсушивают.

Мы наблюдали весь этот процесс, когда к нам подбежал Кларенс.

— Быстро, быстро, Давиди! — кричал он, неистово размахивая руками. — Я насол одна стука вам поймать!

Я бросился за ним. Мы подбежали к бревну, лежащему в низком кустарнике возле хижины Кларенса. Рядом с бревном я увидел черную змею длиной в полметра, которая медленно заглатывала ящерицу.

— Быстро, быстро, лови его! — Кларенс захлебывался от возбуждения.

— Да... знаешь ли... э-э... наверное, я ее сначала снимаю. — Надо было выиграть время. — Чарльз, иди сюда, быстрее!

Змея между тем невозмутимо продолжала свое дело. Голова и часть туловища ящерицы уже исчезли, из углов рта змеи торчали кончики передних лапок жертвы, прижатые к телу. Ящерица была раза в три толще змеи, и, чтобы справиться с таким блюдом, змее пришлось буквально отвалить нижнюю челюсть. Напряжение было так велико, что глаза змеи почти вылезли из орбит.

— А-а! — кричал Кларенс, распаленный до предела. — Давиди, ты давай ловить эта плохой змея!

— А она что, очень плохая змея? — спросил я нервно.

— Я не знаю, — отвечал он, весь во власти происходящего, — но я думаю — она ужасно плохой.

Чарльз тем временем уже стрекотал камерой. Оторвавшись на секунду, он посмотрел на меня.

— Я бы не прочь помочь,— интонация у него была издевательски-самодовольная,— но я просто обязан запечатлеть предстоящую демонстрацию исключительного бесстрашия.

Змея уже добралась до задних лап ящерицы. Процесс поглощения происходил без всяких рывков и лишней суеты: ящерица все время оставалась в неизменном положении по отношению к поверхности земли, в то время как хищница медленно натягивалась на свою жертву. При этом она то изгибалась, то распрямлялась, ее движения напоминали манипуляции, с помощью которых обычно вдевают резинку в пижамные штаны.

Почти все обитатели деревни окружили арену действия и ждали. Наконец кончик хвоста ящерицы исчез в недрах змеи, и невероятно раздувшаяся маленькая хищница тяжело поползла прочь.

Для дальнейших промедлений я не имел повода. Найдя палку с рогаткой на конце, я ткнул ее в область змеиной шеи и пришил ползучую тварь к земле.

— Чарльз, помоги,— взмолился я,— без мешка я больше ничего не смогу сделать.

— А вот и он,— радостно сообщил Чарльз, вытаскивая из кармана маленький хлопчатобумажный мешочек и раскрывая его. Подавив вздох облегчения, я направился обратно к хижине, изо всех сил стараясь придать себе естественно-небрежный вид.

Кларенс и остальные зрители трусили за моей спиной.

— Может, мы находить большая-большая отень кусатий змея и ты показать нам, как ты ловить эта штука,— слышал я позади возбужденный голос Кларенса.

Прошла неделя, прежде чем я смог показать свою добычу Джеку.

— Абсолютно безвредна, — коротко заметил он, беря змею без всяких предосторожностей, — совершенно заурядный эземпляр. Я ее выпущу, не возражаешь?

Он опустил змею на землю возле куста, и та, извиваясь, быстро исчезла в траве.

Как-то поздно вечером к нам подошел один подросток. На плече он нес духовую метательную трубку, а в руке держал полотняный мешок.

— Давиди, ты хотел эти стуки? — застенчиво спросил он.

Я открыл мешок и осторожно заглянул внутрь. Там, на самом дне, совершенно неподвижно лежало несколько крошечных колибри. Быстро закрыв мешок, я в радостном возбуждении понесся к хижине. Одну за другой я пересадил крошек в клетку, сделанную из упаковочного ящика. К нашей радости, птички тут же взлетели, исполнили в клеточном пространстве несколько стремительных пируэтов, потом зависли и, дав резкий задний ход, уселись на тонкие жердочки. Я обернулся к индейцу, стоявшему рядом.

— Как ты их поймал? — спросил я.

— Трубка — дуй эти стуки. — Он протянул мне стрелу. На ее заостренный кончик был наклеен воск.

Я снова повернулся к колибри. Легкий удар тупой стрелой, очевидно, только оглушил их, и теперь они как ни в чем не бывало порхали по клетке.

Одну птичку я смог определить. Это было особенно прелестное создание размером не более пяти сантиметров. Перед нашим отъездом из Лондона я зашел в Британский музей и был совершенно очарован одним экземпляром колибри. Эта нежнейшая и великолепнейшая из всех виденных мною колибри называлась *Lophornis ornatus*, хохлатая кокетка. То, что изумляло даже на музейном экземпляре, здесь, в живом калейдоскопе дви-

жения и красок, производило такое впечатление, что дух захватывало. На крошечной макушке вызывающе торчал короткий топазовый хохолок как бы с рубиновой подсветкой. Под тончайшим, острым как иголка клювом радужным блеском сверкало изумрудное ожерелье, а миниатюрные щечки были обрамлены пушистыми «мушками» топазовых перьев с изумрудным крапом.

Я был потрясен, но в то же время и встревожен, потому что, хотя я и очень надеялся на встречу именно с этим видом колибри, было решено, что поимкой колибри займется Джек. Поэтому мы оставили ему в Камаранге все необходимые приспособления для кормления этих птиц.

Пища колибри — нектар лесных цветов. В неволе они охотно пьют растворенную в воде смесь меда и концентрированного молока. Кормятся они только на лету, поэтому нужны специальные бутылочки с пробкой и малюсеньким носиком в низу бутылки, откуда они могли бы слизывать питательный раствор. Таких бутылочек у нас с собой не было.

Дело, как я уже сказал, происходило поздно вечером, было темно, и птички сейчас не стали бы есть, даже если бы мы и предложили им что-нибудь. Мы уселись в гамаки и приготовили им сахарный сироп, надеясь, что, быть может, этого пока будет достаточно. С трудом мы соорудили некое подобие нужной бутылочки: просверлили отверстия в стеблевой перегородке бамбука, а в качестве носиков вставили в них былинки. Получилось довольно-таки грубое изделие, и мы отправились спать порядком удрученные.

В середине ночи нас разбудил ужасный ливень. В крыше нашей церкви зияли огромные дыры, и, выпрыгнув из гамаков, мы передвинули все наше снаряжение и клетку с колибри на сухое место. Остаток ночи я спал урывками, потому что вокруг капало и струилось так, что на полу образовались лужи. Мое единственное

одеяло становилось липким, и чем дальше, тем больше. Билл, помнится, говорил, что сезоны нынче сместились и дожди, похоже, разразятся раньше срока. И Билл не скрывал, что уж если они начнутся, то могут лить днями напролет без передышки.

Утром, под стук дождя по крыше и полу нашей хижины, мы с полной самоотдачей старались дать возможность колибри полакомиться из наших импровизированных кормушек. Но все было напрасно. Сконструированное нами приспособление оказалось слишком несовершенным, и сироп уходил из бамбуковой бутылки, прежде чем птицы успевали получить хоть каплю. Мы знали, что колибри должны питаться несколько раз в день и что без полноценной пищи они быстро истощатся и погибнут, как цветок без воды. В мрачном согласии решено было отпустить птичек, и, как только эти воздушные существа мелькнули в дверях хижины и устремились в лес, мы вздохнули с облегчением.

Чарльз копался в нашем скарбе, а я сидел на пороге хижины и предавался размышлениям. Сквозь пелену дождя я видел деревню, одинокую и жалкую, под тоскливым небом. Если действительно начался сезон дождей, это означает конец нашим планам и надеждам на съемки в бассейне Мазаруни, и все путешествие, предпринятое с такими трудностями и расходами, было ни к чему. С тоской думал я о том, как бы ликовал Джек, увидев хохлатых кокеток и других колибри, которых мы только что выпустили, и как глупо и недальновидно мы поступили, не взяв ни одной бутылочки кормушки. Чарльз присел рядом со мной.

— Я тут обнаружил кое-что, — сказал он, — может быть, это тебя развлечет. Во-первых, пакетик сахара, который ты только что опорожнил, был последним. Во-вторых, я не могу найти консервный нож. В-третьих, здесь так сыро, что на объективе моей камеры выросла

целая грядка плесени, и в-четвертых, я этот объектив не смогу сменить, потому что резьбу здорово прихватило.

Чарльз задумчиво уставился на дождь.

— Если плесень появилась даже на линзе объектива, — продолжал он, — то внутри, на пленке, надо полагать, растительность просто буйствует. А впрочем, это неважно, — добавил он похоронным голосом, — пленка, наверное, все равно уже расплавилась от жары.

Нам оставалось только ждать, когда прекратится дождь. В подавленном настроении я залез в гамак и вытащил одну из книг нашего скудного библиотечного запаса — «Золотая сокровищница». Несколько минут я читал.

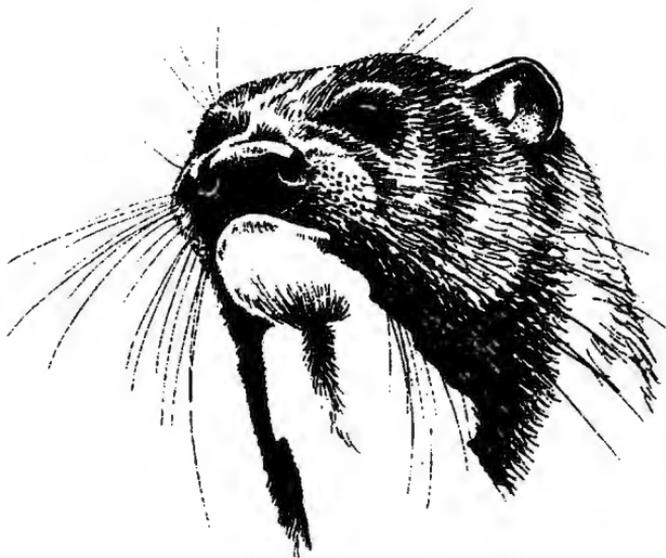
— Чарльз, — сказал я, — мог ли ты предположить, что Уильям Коупер, живший с тысяча семьсот тридцать первого по тысяча восьмисотый год, оставил кое-что специально для тебя?

Нецензурный ответ Чарльза прозвучал довольно мрачно.

— Ты не прав, — возразил я, — слушай.

О Одиночество! Какую прелесть мог
Узреть мудрец в твоей холодной мине?
Уж лучше весь свой век влачить в кольце тревог,
Чем скипетр держать в ужасной сей пустыне.

Глава пятая
ДУХИ В НОЧИ

Дождь шел с небольшими перерывами следующие три дня нашего пребывания в Уаиламепу. Хотя короткие просветы все же появлялись, для хорошей съемки условий не было, и мы коротали время, беседуя с Кларенсом, купаясь в тепловатой реке и наблюдая повседневную жизнь деревни. Это было достаточно приятно, но нам не давала покоя мысль о том, что драгоценное время идет, а многое интересное из жизни деревни все еще не заснято.

На седьмой день жизни среди индейцев мы упаковали свое снаряжение, готовясь к прибытию лодки. С помощью Кларенса мы укрывали груды вещей брезентом, чтобы предохранить их от дождя, сочившегося в

нашу церковь сквозь крышу. Кларенс вдруг выпрямился и сказал в своей обычной непринужденной манере:

— Кеннет приезжать терез полтыся.

Его уверенность удивила меня, и я спросил, откуда он это знает.

— Я слышать мотор, — ответил Кларенс, и было видно, что моя неграмотность позабавила его. Я высунулся наружу и прислушался. Ничего, кроме шуршания дождя в лесу.

Минут через пятнадцать мы с Чарльзом как будто стали различать еле уловимый шум мотора, а через полчаса, в точном соответствии с предсказанием Кларенса, из-за поворота реки показалась лодка. На румпеле сидел Кеннет с непокрытой, мокрой от дождя головой.

С сожалением мы покинули наших друзей в Уаиламепу, в то же время сладостно предвкушая прелести сухой одежды, ожидавшей нас в Камаранге. Прибыв туда, мы обнаружили, что прошедшая неделя принесла Джеку в общем больше успехов, чем нам: он собрал вполне приличную и пеструю коллекцию животных. Тут было изрядное количество попугаев, несколько вмей, одна молодая выдра и десятки колибри, беззаботно сосавших сладкий сок из тех самых стеклянных бутылочек, которых нам так не хватало несколько дней назад.

Самолет, которому предстояло забрать нас, должен был прибыть в Имбаимадаи через неделю, и мы обсудили планы на оставшееся время. Было решено, что Джек остается в Камаранге, а мы с Чарльзом отправляемся в очередное лодочное путешествие, чтобы посетить возможно больше деревень.

— Почему бы вам не побывать в Кукуи? — предложил Билл, когда мы обратились к нему за советом. — Там порядочно народу, и вы, наверное, услышите пес-

нопения с Аллилуйей. Возьмите лодку поменьше и, когда будете возвращаться, идите вверх по Мазаруни прямо в Имбаимадаи. А мы придем туда со всеми вашими животными на большой лодке. Там и встретимся.

На следующий день мы пустились в путь, рассчитывая первую ночь провести в деревне Кукуикинг, в устье Кукуи. С нами пошли Кинг Джордж и еще один индеец по имени Авель. Небольшая лодка была доверху нагружена съестными припасами, гамаками, коробками с пленкой, клетками для будущих питомцев и порядочным набором голубых, синих и белых стеклянных бус — для приобретения этих питомцев. Цвет бус имел важное значение. Это мы узнали от Билла, когда закупаем бусы в его магазине. Жители верховьев Камаранга обожали красный, розовый и голубой бисер, которым они расшивали свои передники и другие атрибуты личного убранства. Более консервативные кукуйцы признавали только голубой и белый бисер.

К вечеру мы достигли Кукуикинга. Это была точно такая же, как и Уаиламепу, группа деревянных, крытых пальмовыми листьями хижин, приютившихся на расчищенном от леса участке. Пока мы разгружались, жители в угрюмом молчании стояли на берегу. По возможности жизнерадостно мы объяснили, зачем пожаловали, и поинтересовались, нет ли у них каких-нибудь аверушек, которых хозяева захотели бы обменять на бисер. В ответ индейцы неохотно вытащили из потрепанных корзинок пару замаранных птичек, но подозрительное отношение к нам ничуть не уменьшилось. После искренней приветливости и дружелюбия жителей Уаиламепу такой странный прием был для нас неожиданностью.

— Эти люди несчастливы? — спросил я.

— Осень воздь болеть, — пояснил Кинг Джордж, — лезит гамак много недели. Весером пиаи — нас док-

гор — будет колдовать и лесить. Вот они и несчастли-
вый.

— А как он колдует? — поинтересовался я.

— Ну, знаеc, когда уже ночь, темно-темно, он зовет
духи: иди-иди на земля с неба и делай воздь хороcо.

— А может, ты попросишь пиаи поговорить с нами?

Кинг Джордж скрылся в толпе и вернулся с чело-
вском лет за тридцать, по виду которого можно было
определить, что ему живется неплохо. В отличие от
всех остальных, носивших либо грязную европейскую
одежду, либо набедренные повязки с передничками,
расшитыми голубым бисером, он был облачен во вполне
приличные шорты и рубашку защитного цвета. Колдун
смотрел на нас не слишком приветливо.

Я объяснил, что мы приехали в деревню сделать
фильм и записать все интересное, чтобы показать потом
в своей стране, и спросил, нельзя ли нам присутствовать
сегодня ночью при лечении. Он что-то буркнул и кив-
нул.

— Можем ли мы принести маленькую лампочку,
чтобы снимать? — отважился я.

— Все, кто имеет свет, когда духи дома, — он уми-
рать! — прозвучал суровый ответ.

Я тут же оставил эту тему, достал магнитофон, ус-
тановил микрофон и включил.

— Ладно, а эту штуку можно взять? — спросил я.

— Сто за стука эта? — Вопрос был задан надмен-
ным тоном.

— Слушай, — ответил я и прокрутил пленку назад.

«Сто за стука эта?» — раздался из динамика доволь-
но писклявый голос. Подозрительное выражение на лице
колдуна уступило место ухмылке.

— Ты хороcый стука, — объявил он, обращаясь к
магнитофону.

— Ты позволишь взять эту штуку ночью, чтобы она могла выучить песни духов? — продолжал я.

— Да, я позволять, — ответил колдун миролюбиво и, повернувшись на пятках, удалился.

Толпа рассеялась, и Кинг Джордж повел нас через деревню к маленькой пустой хижине на краю поляны. Мы свалили в кучу свои пожитки и повесили гамаки. Когда солнце село, я попробовал обращаться с магнитофоном с закрытыми глазами, тренируясь для предстоящего сеанса. Это было совсем не так просто, как я предполагал, пленка постоянно путалась среди ручек и кнопок. Все же я кое-как наловчился менять катушки вслепую, но на всякий случай решил явиться на сеанс с зажженной сигаретой, чтобы при ее мерцании хоть на первых порах справляться с каким-нибудь непредвиденным затруднением.

Поздним вечером мы с Чарльзом шли по темной тихой деревне. На фоне безлунного неба выделялись черные силуэты хижин. Мы нашли самую большую хижину и, войдя в нее, застали там плотное скопление народа. В центре, на полу, горел костер, освещающий смуглые лица и тела мужчин и женщин, сидевших на корточках вокруг. В глубине помещения, в полумраке, можно было различить тусклую белизну гамаков, в одном из которых, как мы знали, лежал больной вождь. Недалеко от того места, где мы стояли, сидел на деревянном полу Кинг Джордж. Рядом с ним мы разглядели колдуна — он сидел на корточках голый по пояс. В руках у него были две большие ветки с листьями, а у ног стояла бутылочка из тыквы-горлянки, наполненная, как мы позже выяснили, подсоленным табачным соком.

Мы уселись рядом с колдуном. Я держал зажженную сигарету, и колдун сразу же это заметил.

— Это плохо, — произнес он угрожающе, и я послушно загасил сигарету о пол.

Колдун дал какое-то распоряжение на акавайю. Котер разбросали, дверь завесили одеялом. Неясные силуэты сидевших вокруг людей растворились в темноте. Мрак был полный. Я нащупал перед собой магнитофон и положил палец на кнопку, чтобы включить запись, как только начнется сеанс. Слышно было, как колдун прочищает горло и полощет рот табачным соком. Затем послышался шелест листьев. Этот жутковатый звук становился громче и громче, как нарастающая барабанная дробь, пока, достигнув апогея, не наполнил все помещение. И тут с завывающей песней вступил колдун.

Кинг Джордж прошептал мне в ухо:

— Зовет дух каравари, стоб присол. Он похоз, как веревка, и все другой духи ползут по ней вниз.

Вызывание духов продолжалось минут десять, затем наступила тишина, нарушаемая только чьим-то тяжелым дыханием поблизости.

Где-то высоко под крышей раздалось шуршание. Звук постепенно усиливался, потом что-то плюхнулось на пол, и все затихло. Пауза, бульканье, какое-то кряканье. Надрывный фальцет затянул песню. Вероятно, это и был каравари. Песня звучала несколько минут, и вдруг кромешную тьму озарило пламя, взметнувшееся на угасающих углях костра. Вспышка длилась мгновение, но я успел увидеть колдуна. Он по-прежнему сидел рядом со мной с закрытыми глазами, искаженным лицом, лоб в бисере пота. Вспыхнув, пламя тут же погасло, но напряжение ослабло, а песня и шуршание резко оборвались. Двое мальчишек слева от меня обменялись беспокойным шепотом.

Снова послышалось шуршание листьев.

— Огонь испугать каравари,— неясным шепотом пояснил Кинг Джордж,— он больше не пойти. Пиаи теперь хочет звать дух каса-мара. Он совсем похоза теловек, и он нести лестница из веревки.

Песнь продолжалась. В кромешной темноте мы опять слышали шуршание, доносившееся из-под крыши. Еще одно бульканье, и в ответ — голос маленькой девочки, справа от нас, что-то громко и резко заявившей на акавайо.

— Что они говорят? — обратился я в темноту, туда, где должен был быть Кинг Джордж.

— Каса-мара сказать: он много-много работать, — прошептал Кинг Джордж, — он говорит: воздь надо хоросо платить. А она говорит: он платить, если ты сперва делать ему хоросо.

Листья теперь бешено колотились и, похоже, переехали ближе к гамаку вождя. К песне духов присоединились голоса нескольких индейцев, и кто-то стал отбивать такт по полу, пока песня не прекратилась, а шум листьев не вознесся к крыше и не затих.

Прибыл еще один дух — и опять бульканье, опять песни. Я уже почти задохнулся от жары, духоты и благоухания потных тел в непроглядной тьме хижины. Каждые пять минут я менял катушку, но песни духов, казалось, нередко повторяли друг друга, поэтому я записывал их выборочно. Часа через полтора наше благоговейное настроение стало улетучиваться. Чарльз, сидевший рядом, прошептал мне в ухо:

— Интересно, что будет, если ты сейчас врубишь первого духа?.. — Но я вовсе не собирался пускаться здесь на эксперименты.

Сеанс продолжался еще час: духи один за другим спускались из-под крыши, тянули песни над гамаком вождя и удалялись. Большинство исполняло свои партии утробным фальцетом, но вот возник некий дух-оригинал, запевший так, словно его то ли рвало, то ли, наоборот, он что-то жадно заглатывал. Во всяком случае, слушая его, становилось как-то не по себе. Я услышал шепот Кинга Джорджа: «Эта буш даи-даи. Эта

был один теловек. Его кто-то когда-то сильно горло
давил, он умереть. Теперь на гора высоко-высоко зивет.
«Тень-отень сильный дух».

В хижине ощущалось тягостное напряжение, все вок-
руг было насыщено возбуждением. Колдун, сидевший в
метре от меня, кажется, распалился до предела, я ощу-
щал жаркие волны, исходившие от его тела. Отворачи-
тельная маниакальная песнь продолжалась несколько
минут, затем внезапно прекратилась. Наступила напря-
женная тишина, и я с некоторым опасением ждал, что
же будет дальше. Сеанс явно достиг кульминации. Мо-
жет быть, пришла пора приносить жертвы?

Внезапно горячая потная ладонь сжала мою руку. Я
резко отпрянул, ничего не видя в полном мраке. Чьи-то
волосы проехали по моему лицу. Я был уверен, что
это колдун, и в то же мгновение в голове пронеслась
мысль о том, что ближайшие бледнолицые братья —
Вилл и Джек — находятся от нас в сорока милях.

Хриплый голос колдуна раздался у меня над ухом:
— Это конец. Я ходить пи-пи!

На следующее утро к нам явилась делегация, воз-
главляемая колдуном, который снова был элегантен и
улыбчив. Он поднялся в хижину, приподнятую на чет-
верть метра над землей, и уселся на пол из древесной
коры.

— Я пойти послушать мои духи,— оповестил он.

Остальные гости вошли вслед за колдуном и рассе-
лись вокруг магнитофона. Для всех желающих послу-
шать чудесную «стуку» места не нашлось, и не понав-
вшие в партер расположились амфитеатром за дверью.

Запустив ленту, я начал свой сеанс. Колдун был в
восхищении, а когда под лучами солнца полилась му-
зыка ночного представления, это вызвало у присутст-

вующих возгласы одобрения, взаимные толчки, благоговейно-изумленное шиканье, а кое у кого и нервное хихиканье. Прокрутив арию очередного духа, я выключал магнитофон и делал соответствующие пометки: колдун сообщал мне имя каждого духа, его внешние данные, отличительные признаки, происхождение и способности. Одни обладали потрясающими возможностями, другие могли согдиться разве что при легких недомоганиях.

— Батюски мои! — воскликнул колдун после одной из песен, весь в экстазе одобрения.— Эта дух такой сильный, отень-отень, касель здорово лесит!

Оказалось, что я записал в общей сложности девять песен. Прокрутились последние сантиметры пленки, и я выключил магнитофон.

— Где остальной? — спросил колдун сварливо.

— Я боюсь, эта машинка плохо себя вести в темноте,— объяснил я,— и она не уметь выучить все песни.

— Но у тебя нет самый лусий, самый сильный,— сказал колдун с капризным видом.— У тебя нет ава-уж и уатабиара, они отень-отень хоросый духи.

Я снова извинился. Колдун, казалось, слегка смягчился.

— Ты бы хотел смотреть духи? — спросил он.

— Да, очень-очень,— отвечал я,— но я думал, что никому нельзя на них смотреть и что они спускаются в хижину только по ночам.

Колдун доверительно улыбнулся.

— Когда день,— сказал он,— они совсем другой. Они сидят в мой хизина, я их там прятать. Ты зди. Я ходить за ними.

Он вернулся, держа в руке бумажный кулек. Снова усевшись на пол, он осторожно развернул его. Там оказалось с дюжину отполированных маленьких камешков.

Вручая их мне по одному, колдун объяснял, кто есть кто. Тут были кусочек кварца, вытянутая конкреция, и на одном — четыре любопытных выроста: руки и ноги духа.

— Я держу их в тайном месте в мой хизина, потому что они очень-очень сильный духи, и, если другой пиаи захватить их, он может так делать, может убить меня. А вот, — добавил он серьезно, — очень-очень плохой.

Он дал мне какой-то невзрачный камешек. Я осмотрел его с почтительным благоговением и протянул Чарльзу. В процессе этой манипуляции как-то так получилось, что камешек упал на пол и провалился между досками коры.

— Он мой самый сильный дух! — завопил колдун мукой в голосе.

— Ты только не волнуйся, мы его достанем. — Я испешно вскочил на ноги, прошел сквозь застывшую в ужасе толпу, лег на землю и, извиваясь, пополз под щели. Вся земля здесь была усыпана камнями, и именно такими, каким было утраченное воплощение духа. Чарльз, стоя на коленях на полу надо мной, сунул палку в щель, куда провалился драгоценный камешек. С беспокойством я оглядел подходящее пространство, но не смог сделать выбор среди валявшейся гальки. Схватив наугад один камешек, я просунул его Чарльзу, и тот вручил его колдуну.

— Не эта! — воскликнул колдун с уничтожающей интонацией и презрительно швырнул камень в сторону.

— Ты только не беспокойся, я его найду, — замычал из-под пола и просунул в щель два других кандидата. Но они произвели на колдуна не лучшее впечатление. В течение следующих десяти минут мы предложили ему еще с полсотни камешков. В конце концов нужный был опознан.

— Это мой дух, — нехотя признал колдун.

Я выполз на солнечный свет изрядно помятый и весь в пыли. Публика вокруг, казалось, была не меньше нашего рада возвращению блудного духа, я же, присев, подумал, а на самом ли деле мы нашли то, что нужно. Может быть, колдун решился на подлог, ведь потеря он на глазах односельчан свое самое могучее средство — это повлияло бы на его престиж.

В тот же день мы покинули деревню и отправились вверх по Кукуи. Самочувствие вождя, насколько нам было известно, не улучшилось.

Когда несколько недель назад мы впервые увидели Кинга Джорджа, его свирепый и мрачный вид ввел нас в заблуждение. Мы считали его злобным и угрюмым, а раздражающая манера клянчить подарки не добавляла ему привлекательности. Если Чарльз вытаскивал пачку сигарет, Кинг Джордж протягивал руку с не допускающим возражения «Спасибо за сигаретку» и принимал подношение как должное. Угостив одного, приходилось раздавать сигареты всем присутствующим. Было ясно, что при таком раскладе нам сигарет до конца не хватит. Мы и так взяли их не много, ограничив свой багаж только самым необходимым. Но через несколько дней мы поняли, что почти любую собственность индейцы считают общим достоянием: если у одного есть что-то, чего нет у другого, тут только одно правило — делиться. Если еды было мало, нам следовало разделить банку мясных консервов на всех, кто находился в лодке, а индейцы в свою очередь делились с нами лепешками из кассавы.

Узнав Кинга Джорджа лучше, мы оценили его как приятного и милого спутника. Река была знакома ему вдоль и поперек. Поначалу нам трудно было общаться, так как, хотя Кинг Джордж и изъяснялся кое-как на пиджин, его понимание значения слов далеко не всегда совпадало с нашим. Слово «час» в словаре Кинга Джор-

означало некий неопределенный промежуток времени. Если мы спрашивали, сколько времени потребуется, чтобы добраться до реки или деревни, он почти всегда отвечал: «Да тясок всего, голубтик!» Час у него никогда не делился и не умножался. В одном случае он мог обернуться десятью минутами, в другом — двумя-тремя часами. Мы, конечно, сами были виноваты, спрашивая «Сколько?», ибо напрасно было ожидать, что такая система времени может что-нибудь означать для Кинга Джорджа.

Чуть больше толку было и при вопросе «Далеко ли?». Ответ укладывался в диапазон от «А, не отень», что обыкновенно означало путь продолжительностью примерно в час, до «Далеко, отень-отень далеко, голубтик», было ясно, что сегодня туда не добраться. Скоро мы поняли, что расстояние лучше всего оценивать «пунктами». Под «пунктом» Кинг Джордж понимал поворот реки, но, чтобы перевести, например, «девять пунктов» на шкалу времени, требовались некоторые познания в географии, так как близ устья река текла прямо на протяжении нескольких миль, а в верховьях петляла и делала повороты каждые несколько минут.

Кинг Джордж был бесконечно услужлив и шел навстречу нашим желаниям с таким усердием, что это приводило подчас к недоразумениям.

— Как ты думаешь, нам удастся добраться сегодня до этой деревни? — спросил я его однажды, показывая тонацией, что я очень на это надеюсь.

— Да, голубтик, — Кинг Джордж улыбнулся ободряюще, — я считаю, мы просто должен быть эта деревня тером.

На закате мы все еще плыли по безлюдной реке.

— Кинг Джордж, — голос мой был суров, — где эта твоя деревня?

— А! Далеко, отень-отень далеко!

— Но ты говорил, что мы будем там вечером.

— Ну, голубтик, мы старался, нет, сто ли? — ответил он, явно задетый.

Чем дальше плыли мы вверх по Кукуи, тем больше становилось в ней упавших стволов деревьев. Некоторые частично перекрывали русло, и нам удавалось их обходить, другие были длиннее и лежали, как мосты, от берега до берега, — мы проходили под ними. Но иногда путь преграждал огромный ствол, почти весь скрытый в воде. В таких случаях Кинг Джордж на полной скорости направлял лодку прямо на ствол, в последний момент вырубал двигатель и поднимал мотор над водой, чтобы не повредить винт. Лодка тем временем настигала на препятствие и наполовину проходила его. Затем мы вылезали и, балансируя на скользком бревне, так как течение тащило нас за ноги, перетаскивали лодку на чистую воду.

Каждые несколько миль мы останавливались у какого-нибудь небольшого поселения и расспрашивали местных жителей. И не было места, где бы мы не видели рунных попугаев, лазящих с палки на палку под крышами хижин или раздраженно разгуливающих по деревне связанными за спиной крыльями. Индейцы, как и мы, ценят попугаев за яркую окраску и способность подражать человеческой речи. Нередко при виде нас попугаи принимались визгливо ругаться на акавайо.

Взрослых попугаев трудно и ловить, и приручать, поэтому индейцы берут в лесу птенцов из гнезда и сами их выкармливают. В одной деревне женщина дала нам птенца, которого ей только что принесли. Это был обворожительный малютка с громадными коричневыми глазами, большим нелепым клювом и десятком неряшливых перьев, разбросанных по голой коже. У меня не хватило сил отказать от такого очаровательнейшего существа, но, взяв птенца, я должен был получить

уроки кормления. Смешливая хозяйка рассказала мне, как и что надо делать.

Прежде всего я должен разжевать кусок лепешки, Увидев меня за этим занятием, птенец пришел в чрезвычайное волнение: захлопал голыми крыльями-культишками и замотал головой в предвкушении лакомства. Кончив жевать, я приблизил лицо к птенцу, и он без всяких колебаний вставил свой раскрытый клюв меж моих губ. Я в свою очередь старался запихнуть языком разжеванную массу в глотку младенца.

Мне такой способ кормления представился вопиюще негигиеничным, но бывшая хозяйка птенца уверяла, что иначе не выкормишь. К счастью, наше чадо уже через неделю смогло самостоятельно уплетать мягкий спелый банан. Это освобождало нас от необходимости упражняться каждые три часа в жевании лепешки.

Когда мы достигли верховьев Кукуи и впереди оставалась последняя деревня — Пипилипай, мы благодаря меновой торговле имели в своем распоряжении обезьян, черепах, танагр, ара и несколько других необыкновенных и ярких попугаев. Самым неожиданным нашим приобретением был юный пекари, дикая южноамериканская свинья. Мы получили его в общем-то за скромный набор голубых и белых бус, но, как нам показалось, его прежние хозяева считали, что совершили удачную сделку. В момент обмена мы не могли трезво оценить всех тонкостей взаимной выгоды этой операции. Но вскоре случай представился.

Мы не рассчитывали на столь крупного питомца, как пекари, и поэтому подходящей для него клетки не нашлось. Молодой поросенок, однако, оказался вполне ручным, и мы по наивности решили приспособить ему простой веревочный ошейник и привязать его к поперечине в носовой части лодки. Это, однако, оказалось сложнее, чем мы думали, потому что голова у пекари

сводит на конус от
рыла к рылу, и мы
убедились, что
какой нормальный
орнитолог не держится
за поросенка и пяти се-
мид. Поэтому ошейник
был заменен сбруей,
натянутой сверху, у за-
щипка, и пропущенной
под передними нога-
ми. Теперь-то, пола-
тели мы, наш поросе-
нок будет пайнкой и
ничего не затопчет в
ладке. Худини, как

мы окрестили нашего нового питомца, имел особое мнени-
е относительно своих прав на свободу. Не успели мы
отчалить, как он, взметнув ногами, с завидной легко-
стью скинул наше хитроумное приспособление и, уст-
рившись к ананасам, запасенным на ужин, принялся
за уписывать. Останавливаться и приниматься за поиск
новых вариантов стреноживания нашего резвого молод-
ца мы не могли, так как не успели бы добраться до
Пипилипаи к вечеру. К тому же наш мотор, по выра-
жению Кинга Джорджа, имел обыкновение «отень-отень
надувать», поэтому весь следующий час я не просто
сидел в обнимку с щетинистым Худини, но и порядком
измотался, пытаясь сдержать исследовательский пыл его
извартной натуры.

Вот наконец и Пипилипай. Деревня находилась в
десяти минутах ходьбы от реки и оказалась одним из
самых примитивных поселений, встречавшихся нам до
сих пор. Все мужчины носили набедренные повязки, а
женщины — расшитые бисером передники. Всего не-

сколько круглых хижин — и все развалюхи, сделанные кое-как, прямо на сухой песчаной почве, без всякого пола, а некоторые и без полного комплекта стен. Нам встретили сердечно: как и во всех других деревнях, у Кинга Джорджа нашлось здесь несколько родственников. В деревне было много попугаев, а между хижинами разгуливал с важным видом крупный хохлатый гокко Черный, блестящий, он был похож на индейку. На макушке у него торчал премиленький пучок завитых перьев, а клюв сверкал яркой желтизной. Мы выяснили, что гокко предназначался для общего котла, но голубой бисер и тут сделал свое дело. Шесть пригоршней стеклянных сокровищ ошастливили всю деревню и спасли от ужасной участи роскошную птицу.

Свободного помещения в деревне не оказалось, поэтому мы вместе с Кингом Джорджем и Авелем развесили свои гамаки в одной из хижин, где обитала семья из десяти человек. Пока Чарльз готовил ужин, я, приласкав Худини, предательски нацепил на него новую тщательно изготовленную сбрую. Привязав неугомонного пострела к столбу в центре деревни, я положил рядом с ним ананас и лепешки из кассавы и постарался убедить его прилечь и поспать.

Ночь выдалась не слишком спокойной. Кинг Джордж давно не навещал своих здешних родственников, поэтому их обмен новостями порядком затянулся. Среди ночи стал кричать ребенок. Потом кто-то из мужчин выбрался из своего гамака и стал приводить в порядок костер посреди хижины. В конце концов мне все же удалось заснуть, но с трудом пришедший сон был сейчас же прерван: меня трясли за плечо и голос Кинга Джорджа громко шептал в ухо: «Эта свинья! Она безаты!»

— Поймаем на свету, — промышчал я и повернулся, желая уйти обратно в мир сновидений. Снова занялся ребенок, а ноздрей моих коснулось амбре, которое мож

было определить только как запах свиньи. Открыв глаза, я увидел нашего Худини, чесавшего спину о косяк хижины. Было совершенно ясно, что сон не воцарится в этом доме, пока наш молодец наслаждается свободой. Я осторожно спустил ноги на пол и как можно мягче обратился к Чарльзу, прося о помощи.

В течение следующего получаса Худини легким гадопом носился по всей хижине, а мы с Чарльзом, голые и босые, гонялись за ним. В конце концов наш юный друг был водворен на прежнее место. Явно довольный тем, что он разбудил всю деревню, Худини многообещающе щелкнул челюстями и устроился на земле, выказывая намерение заняться ананасом. Мы разошлись по гамакам с надеждой доспать те считанные часы, что оставались до рассвета.

Обратный путь вниз по реке начался хорошо. Из веток и коры мы соорудили большую клетку для пекари и приладили ее в носовой части лодки. Полчаса Худини вел себя превосходно. Гокко, привязанный за ногу, мирно устроился поверх брезента, закрывавшего наш багаж. На дне лодки копошились черепахи. В ушах у нас звенело от дружелюбных криков ара и других попугаев. В просторной деревянной клетке два капуцина ласково скакали друг у друга в шерсти. Мы с Чарльзом лежали и нежились на солнце, глядя в синее безоблачное небо и наблюдая за проплывающими над нами зелеными ветвями.

Но идиллия длилась недолго: путь нам преградил завал из упавших деревьев. Пришлось вылезать и, согнувшись, тянуть лодку через полузатопленные стволы. Именно такого момента и ждал Худини. Втайне от нас он разрушил крепления двух нижних перекладин своей клетки и теперь в мгновение ока оказался за бортом. Я бросился за ним, едва не перевернув наше судно, мощным кролем прошел несколько метров и, изловчив-

шись, схватил беглеца за загривок. Тот лягался, бил по воде копытцами и визжал во весь голос, но мне удалось запихнуть его в то, что осталось от клетки. Чарльз принялся за ее починку, а я, выжав одежду, разложил ее на брезенте. Не надо было быть слишком наблюдательным, чтобы заметить, что освежающее купание пришлось Худини по душе и он был не прочь повторить его. Поэтому весь остальной путь один из нас сидел рядом с клеткой и быстро заделывал в ней пробоины, как только они появлялись.

Поздно вечером мы подплыли к Яуала, деревне, где жил Кинг Джордж, в полумиле от Кукуикинга. Там мы устроились на ночь, посадив Худини на особую длинную привязь и разместив остальных животных в пустой заброшенной хижине.

Следующий день был последним перед нашим возвращением в Имбаимадаи. Почти все обитатели деревни уже с неделю как отправились на охоту, но Кинг Джордж сообщил, что именно сегодня они вернутся и будут исполнять Аллилуйю в знак благодарения.

Мы уже слышали об этом своеобразном религиозном обряде, коего не сыщешь ни в одном другом месте и который, судя по названию, обязан своим происхождением христианству. В конце прошлого века один индеец из племени макуси, живущего в саванне, побывал в христианской миссии. Вернувшись к своим, он объявил, что приобрел способность отправляться в воображаемое путешествие на небо и там посещать великий дух, называемый Папой. Папа поведал ему, что он должен приобщиться к святой вере, молиться и проповедовать, и наказал распространять среди макуси новую религию и назвать ее «аллилуйя». Основы новой веры были восприняты также соседними племенами, и к началу нашего столетия она распространилась среди патамона, арекуна и акавайо — очень схожих

между собой племен, говорящих на карибском языке. Миссионеры, очевидно, не сознавали христианского происхождения этой религии. Все местные верования они воспринимали как языческие и обрушивались на них со всей силой своих убеждений. Их сопротивление, без сомнения, только усилилось, когда новые пророки «аллуи» заявили, будто Папа, кроме всего прочего, предсказал, что в скором времени к индейцам явятся белые люди, проповедующие по книгам разные варианты своей собственной религии, противоречащие друг другу. Судя по непримиримой враждебности к ней миссионеров, мы полагали, что эта религия должна поддерживать многочисленные элементы прежних языческих верований индейцев, и старались угадать, что же преподнесут нам возвращающиеся охотники: слегка измененный христианский обряд или какой-нибудь дикарский ритуал.

На наш вопрос, можно ли будет заснять церемонию, Кинг Джордж пробормотал что-то, означающее согласие. Мы стали ждать.

Около полудня на реке показалась лодка. Думая, что это возвращается первая партия охотников, мы поехали к берегу встречать их.

Лодка причалила, и мы застыли от изумления, увидев совершенно невероятную фигуру, направлявшуюся в нашу сторону. Вместо стройного гибкого индейца, едва прикрытого набедренной повязкой, перед нами предстал сногшибательный старец, облаченный в сверкающие небесной синевой шорты и рубаху спортивного покроя, на которой с исключительной экспрессией были изображены атрибуты тринидадского оркестра. Костюм венчала невесть откуда взявшаяся здесь тирольская фетровая шляпа с роскошным белым султаном. Это поразительное видение окунуло нас плотоядным взором и засунуло руки в свои ультрамариновые штаны.

— Мне сказать, вы хотите смотреть, как я Аллилуйя плясать. Пока вы сказать, сколько доллар давать?

Прежде чем я смог что-нибудь ответить, Кинг Джордж, стоявший рядом, стал негодуяще кричать что-то на акавайо, яростно жестикулируя обеими руками. Никогда прежде нам не приходилось видеть его в таком возбуждении.

Старик снял шляпу и стал нервно мять ее в руке. Кинг Джордж наступал на него, продолжая метать громы и молнии, а старик пятился к воде. Дело кончилось тем, что он поспешно погрузился в лодку и, работая веслом, стал быстро удаляться вниз по реке. Кинг Джордж, тяжело дыша, подошел к нам.

— Вот так! Я сказал этот булван, сто тут, в это деревня, мы петь Аллилуйя, стобы бог хвалить, а равно он присол петь и деньги хотеть, это плохой Аллилуйя и мы его не хотеть совсем!

Охотники вернулись в полдень. В плетеных корзинах, подвешенных за спиной, они тащили вяленую рыбу, разделанные тушки птиц и золотистые куски копченого мяса тапира. У одного индейца на плече висело ружье, остальные были вооружены духовыми метательными трубками и луками. Спокойно и молча они направились к главной хижине, пол которой в ожидании охотников был выметен и побрызган водой. Они внесли добычу внутрь и разложили ее вокруг центрального столба. Сохраняя молчание, охотники вышли из хижины и отошли от нее в направлении реки на несколько десятков метров. Там они выстроились в колонну по три и запели. Медленной ритмичной походкой, два шага вперед, один назад, процессия стала приближаться к главной хижине. Во главе колонны двигались три молодых индейца, поминутно обращавшие лица к своим

рищам. Отбивая ритм в такт незатейливой песни, женщина шаг за шагом продвигалась вперед. Когда они вошли в хижину, и сама песня, и ритм ее изменились. Мужчины взяли за руки и окружили сложенную дощечку. Время от времени внутрь входила какая-нибудь женщина и присоединялась к хороводу. Несколько раз в мужжании песни, вся мелодия которой состояла из трех нот, я различал слова «аллилуйя» и «папа». Кинг Джордж сидел на корточках, отрешенно ковыряя пачочкой в пыли. Песнь закончилась как-то неопределенно, исполнители стояли, рассеянно глядя в потолок или уставившись в пол. Неожиданно мужчины, возглавлявшие процессию, запели снова, и все опять выстроились в линию, правая рука на плече соседа. Минут десять спустя исполнители стали на колени и стройным хором произнесли короткую торжественную молитву. Затем все поднялись на ноги, а тот, у которого было ружье, подошел к Кингу Джорджу, потряс его за руку и зажег сигарету. На том исполнение Аллилуйи и закончилось. Эта странная на первый взгляд церемония показалась нам глубоко искренней.

В эту последнюю нашу ночь в индейском селении я никак не мог заснуть. Около полуночи я выбрался из гамака и медленно побрел по залитой лунным сиянием деревне. Из большой круглой хижины доносились звуки голосов, и сквозь щели в деревянной стене пробивался свет. Я постоял у двери и услышал голос Кинга Джорджа:

— Если хотеть войти, Давиди, будем отень-отень рады.

Я нагнулся и вошел внутрь. Здесь горел большой костер, освещавший прокопченные балки крыши и несколько дюжин бутылочных тыков на полу. Мужчины и женщины лежали в гамаках, подвешенных к балкам крест-накрест; некоторые примостились на низких деревянных скамейках в форме стилизованных черепашек.

Время от времени какая-нибудь женщина, облаченная только в расшитый неизменным бисером передничек, вставала и грациозно шла через хижину. Отблески костра красными узорами играли на ее лоснящейся коже. Кинг Джордж полулежал в своем гамаке, держа в правой руке маленькую, похожую на мидию раковину, створки которой были связаны тесемкой, продетой в дырочки у замка. Он задумчиво ощупал подбородок, обнаружил там щетинку, приставил к ней край раковины, крепко надавил, и щетинка исчезла.

Тихая беседа на акавайо наполняла хижину. Индеец, сидевший возле огромных тыкв, помешивал в них длинной палкой и наливал оттуда комковатую жидкость в маленькую тыквочку (калабашку), которая затем обходила всех присутствующих. Я знал, что это кассири; мне приходилось читать о способе ее приготовления. Основной ингредиент кассири — растертая и прокипяченная кассава с добавлением батата и кукурузных лепешек, предварительно прилежно разжеванных женщинами со всей деревни. Слюна служит ферментом, без нее напиток не получится.

В скором времени тыквочка дошла до тех, кто сидел возле меня, и в конце концов оказалась в моих руках. Я чувствовал, что отказ от угощения будет означать мою крайнюю невоспитанность, но в то же время никак не мог выбросить из головы неаппетитные картины приготовления этого напитка. Я поднес тыквочку к губам и ощутил кислый запах рвоты. В ту же секунду мой желудок дал предупредительный позыв. После первого глотка мне стало ясно, что если я сейчас оторвусь от сосуда, то вряд ли сдержусь. Поэтому, присосавшись, я угощался до тех пор, пока пить уже было нечего. С облегчением я вернул пустую тыквочку и слабо улыбнулся. Кинг Джордж свесился с гамака и одобрительно осклабился.

— Эй ты, — позвал он того, кто распоряжался вывкой, — Давиди любить кассири и пить хотеть отеньень. Дай ему опять.

Тут же еще один сосуд, полный до краев, оказался у меня в руке. Без промедлений я принял и эту порцию. При втором знакомстве с кассири мне удалось не обращать внимания на тошнотворный запах, а выпив, я даже решил, что, хотя напиток слегка комковат и с деском, его кисло-сладкий вкус не так уж неприятен.

Еще с час я сидел, слушая разговор индейцев. Обстановка была завораживающей, и меня так и подмывало сбежать за камерой и вспышкой. Но потом сама мысль об этом стала казаться мне отвратительно кощунственной, оскорбляющей чувство гостеприимства Кинга Джорджа и его товарищей. В полном согласии с ними собой я просидел в хижине до утренней зари.

Глава шестая
НОЧНЫЕ КУПЛЕТЫ

После Мазаруни Джорджтаун показался нам особенно привлекательным. Мы наслаждались простыми благами цивилизации: можно было есть не из консервной банки и не собственную стряпню и спать на чистых белых простынях, растянувшись на кровати, а не скрючившись в гамаке под сырым, выдавшим виды одеялом, извлеченным со дна затхлого баула. Но и дел в столице было полно. Предстояло закупить свежие припасы и спланировать следующее путешествие, разобрать отснятую пленку, перепаковать ее, запечатать как следует и отдать в специальное хранилище с холодильными установками. Животных надо было переселить в просторные клетки, уже приготовленные Тимом Вайнеллом. Джорджтаунский зоопарк, куда ранее мы уже пристро-

или своего муравьеда, предложил взять на временное содержание и Худини с гокко.

Очередное путешествие должно было привести нас в отдаленную область на юге страны, на окраине бассейна Амазонки. Там, среди совершенно первобытных и весьма интересных племен, жили и трудились два миссионера. Добраться туда можно было либо пешком, на что в оба конца ушло бы месяца полтора, либо на гидросамолете. Разумеется, мы избрали второе. Но и этот вариант оказался непростым. Самолет сядет на реке милях в пятидесяти от нужного места, и за нами, если удастся договориться с миссионерами по радию, будут присланы лодка и носильщики. План планом, но, на нашу беду, оказалось, что миссионеры вот уже три недели не выходят на связь. Должно быть, у них испортилась рация, а другой возможности предупредить их о нашем прибытии не было. Высадка же в безлюдном лесу без предварительных приготовлений, без проводников, носильщиков и каких бы то ни было транспортных средств не могла сулить нам ничего хорошего.

Между тем возникла новая возможность. Управляющий одной угольной компанией оставил нам записку, где сообщал, что леса вокруг его разработок, в Аракаке, на севере Гайаны, кишат всякой живностью, а в лагере рабочие держат несколько ручных животных, которых он охотно отдаст нам.

Мы обратились к карте. Аракака находится в верховьях реки Барима, которая поначалу течет на восток, а затем разворачивается на северо-запад и впадает в эстуарий Ориноко. Карта сообщила еще два важных факта. Во-первых, изображение крошечного красного самолетика с надписью «Маунт Эверард» в пятидесяти милях ниже Аракаки означало, что мы во всяком случае можем добраться туда на гидросамолете. Во-вторых, на правом берегу Баримы, судя по целой россыпи красных

кружочков, копали золото многочисленные старатели. Из этого следовало, что места там оживленные и наверняка можно будет воспользоваться какой-нибудь оказией, чтобы добраться из Маунт-Эверарда до Аракаки.

В авиационной службе мы узнали, что в расписании гидросамолета остался единственный свободный день, а именно завтра. В морском порту нам сказали, что дней через двенадцать в Джорджтаун из Морауанны, маленькой деревушки в устье Баримы, отправится пассажирский пароход. Итак, все было за то, чтобы ехать завтра. Да вот беда, мы никак не могли предупредить управляющего угольной компании о нашем приезде. Связь со своей конторой в Джорджтауне он держал по радиотелефону, но он мог позвонить в контору, а они ему — нет. Единственное, что нам оставалось, — это оставить сообщение, что мы планируем добраться до Аракаки дня через три-четыре. Мы приобрели обратные билеты на пароход «С. С. Тарпон» и зафрахтовали гидросамолет.

На следующий день мы уже летели по направлению к Маунт-Эверарду, надеясь, что это поспешно организованное предприятие все же позволит нам и в Аракаку попасть, и вовремя вернуться в Джорджтаун. Мы уже с час находились в воздухе, когда пилот что-то крикнул нам через плечо.

— Вот, — разобрали мы сквозь рев мотора, — во всей округе большей горушки не найти! — И он показал вниз, на маленький пригорок, поднимавшийся метров на пятнадцать над плоской лесистой равниной побережья. У подножия пригорка текла Барима и жалась друг к другу несколько домишек — первое человеческое жилье, увиденное нами за семьдесят миль полета. Пилот заложил крутой вираж, и самолет пошел на посадку. — Надеюсь, там кто-нибудь есть! — про-

кричал он.— А то кто же причалит машину и отправит вас на берег? Если нет, мы опять вверх — и назад!

— Нашел время сообщить нам об этом! — буркнул Чарльз.

Самолет коснулся воды и, задрожав, побежал по реке, а мы сквозь забрызганные иллюминаторы с облегчением увидели группу мужчин на причале. По крайней мере на берег мы выберемся. Пилот заглушил моторы и крикнул людям, чтобы подавали лодки. Мы выгрузили весь свой багаж и отчалили. Самолет с ревом взмыл вверх, покачал крыльями, пожелав нам удачи, и исчез.

Все поселение Маунт-Эверарда состояло из шести развалюх, сгрудившихся вокруг лесопилки на пристани. Поблизости возвышался штабель огромных, облепленных грязью стволов, срубленных выше по реке и сплавленных к лесопилке. Вся пристань была усеяна кучками розоватых ароматных опилок. Старшим на лесопилке оказался индеец, не выказавший ни малейшего удивления в связи с нашим необъявленным сошествием с небес. Без лишних церемоний, просто, но вежливо, он проводил нас в пустую хижину, где можно было расположиться на ночь. Мы выразили ему свою признательность и поинтересовались, не ожидается ли наутро какой-нибудь оказии вверх по реке до Арааки. Он снял бейсбольное кепи и почесал в блестящих черных волосах.

— Нет,— сказал он,— я не думать. Здесь есть только один катер, «Берлин Гранд».— Он показал на довольно крупное деревянное одномачтовое судно, стоящее у пристани со свернутыми парусами.— Он поехать завтра с лесом в Джорджтаун. Но может быть, что-нибудь проходить дня через два-три.

Мы расположились в хижине и приготовились жить здесь долго. После ужина, в сумерках, мы спустились

к реке. С «Берлин Гранд» нас окликнул шкипер, здоровенный пожилой африканец в засаленных рваных штанах и рубашке, лежавший на палубе прислонившись к мачте. Он пригласил нас на борт, где мы познакомились с тремя другими членами команды, тоже африканцами. Вся четверка наслаждалась вечерней прохладой. Мы устроились рядом и рассказали, что привело нас на Бариму. Они в свою очередь поведали нам о плаваниях в Джорджтаун и обратно. В столицу «Берлин Гранд» ходил с досками, а возвращался с грузом всяких вещей для лесопилки.

— Вы, наверное, знаете много старых морских песен? — поинтересовался я.

— Песенка? Да, дорогой, я знать их целый куча, — ответил шкипер. — Меня тут прозвать Лорд Люцифер, я, знаешь, адский парень на песни. Когда на душе хорошо, я все равно как черт, просто ужас. А боцман, он даже еще больше песни знать. Он ведь ходить тут много-много, больше меня. Его звать Благородный Громила. Ты правда хочешь слушать матросский песни?

Я подтвердил, что с большим удовольствием послушал бы пару-тройку, и не только послушал бы, но и записал. Лорд Люцифер и Благородный Громила посоветовались вполголоса и повернулись ко мне.

— О'кей, начальник, — сказал Лорд Люцифер, — мы петь. Но ты знать, начальник, я не могу помнить самый хороший песня, если не сделать много-много смазка. Доллар есть?

Я извлек два. Лорд Люцифер взял их с вежливой улыбкой и обратился к одному из членов экипажа.

— Преподнеси это, — сказал он торжественно, — мистер Кан на лесопилке с приветом от «Берлин Гранд» и намеки ему, — тут Люцифер перешел на шепот, — что мы испытываем нужду в РОМЕ.

Он осветил меня широкой беззубой улыбкой:

— Когда мне будет чуть-чуть хорошо, я, знаешь, ужас как пою.

В ожидании смазки я привел в готовность магнитофон. Через пять минут посыльный вернулся с убийственной вестью.

— У мистер Кан,— сказал он,— больше нет рому.

Лорд Люцифер испустил тяжелый вздох, и глаза его завращались.

— Что же делать, придется работать на плохом топливе. Проси мистер Кан дать на два доллар рубинового.

Посланец вернулся нагруженный изрядным количеством бутылок, которые он расставил на палубе, как кегли. Благородный Громила взял одну и оглядел ее с отвращением. Посередине броской этикетки невозможными красками было намалевано нечто, весьма отдаленно напоминающее груду лимонов, апельсинов и ананасов. Сверху крупными красными буквами значилось: «Рубиновое», а ниже более сдержанно, мелким черным шрифтом — «портвейн».

— Боюсь, эта дрянь надо много-много пить, пока будет совсем хорошо для хорошей песни,— произнес Благородный Громила извиняющимся тоном.

Он вытащил пробку, передал бутылку Лорду Люциферу, взял себе другую и с видом мученика решительно приступил к смазке, как подобает настоящему мужчине.

Лорд Люцифер вытер рот тыльной стороной ладони и прочистил горло.

Еще когда я был малыш,
Работать не хотел за шиш.
Мой дед — всю жизнь он спину гнул
И только горюшка хлебнул.
И бабка насмерть умоталась,
Когда с работы возвращалась.
А дядька хоть крутил баранку,
И то откинул спозаранку.
На кой мне черт судьба такая,
Плыву по жизни я играя.

Мы заплодировали.

— Я знать и получше, чем эта, начальник,— скромно заявил Лорд Люцифер,— но я не могу помнить просто так.

Он откупорил другую бутылку. За этим последовали новые песни, действительно одна другой клеще. Многие из них я узнавал: они были опубликованы в антологии народных песен Вест-Индии. В печатном виде они казались слегка выхолощенными и лишенными логической структуры. То, что мы слышали сейчас в исполнении Лорда Люцифера, было фольклором во всем своем естестве, без прикрас. Без сомнения, это были именно те песни, которые я видел в сборнике, но до такой степени опухабленные, что, внимая разносящимся над рекой куплетам, я проникся чувством искреннего восхищения перед талантливой изобретательностью создателя антологии, умудрившегося придать этим шедеврам пристойный вид.

Наступила темнота, и хор лягушек поддержал солистов квакающим аккомпанементом. Палубного отправили за новой порцией смазки. К тому времени мы уже выяснили, что получилось, когда «женился москитенок на дочке комара», и узнали о сомнительных деяниях папаши Тайни Мак-Турка из песенки, начинавшейся словами: «Михель Мак-Турк речной был капитан, он также по кустам отменно лазал».

Очередной запас «Рубинового» подходил к концу, но в продолжении смазки, по-видимому, не было необходимости. Лорд Люцифер и Благородный Громила пели теперь стройным дуэтом.

О-хо-хо, моя красotka, я устал от вас.
Вы клялись быть моею, но который раз
У реки, в тоске гуляя, слышу, как в кустах
Этот янки вас тиранит прямо в пух и прах.
Ух, разделаюсь я с вами, да здоровый он,
Вас дубиной отметелю, да чернуший он,
Ноги вам повыдираю, да драчливый он.

Последняя строчка, казалось, имела бесконечное множество вариантов, и, когда исполнители дошли до этого места, между ними разгорелось соревнование за наиболее удачную импровизацию.

— По башке тебя я тресну, да длиннюший он,— выводил Громила.

Мы поднялись и объяснили, что нам пора идти.

— Спокойной ночи, начальник,— приветливо ответил Лорд Люцифер.— По корме тебя я вздую, да неслабый он.

Мы ощупью спустились по сходням и зашагали к своей хижине. Голос Благородного Громила взметнулся в триумфальном порыве, и сквозь ночную тьму до нас долетел его непревзойденный шедевр:

— Вырублю тебя, паскуда, да гигантский он.

Ответ Лорда Люцифера потонул в надрывном неистовстве лягушачьего хора.

На следующее утро у пристани было пусто. Грузенный лесом «Берлин Гранд» ушел на рассвете в Джорджтаун. Лесопилка молчала, и вокруг, казалось, царило полное безлюдье. Раскаленный воздух дрожал, духота была одуряющая. Мы взяли сетку и отправились на пригорок посмотреть, не удастся ли кого-нибудь изловить. Все как будто вымерло под испепеляющим солнцем. Огромное жилище муравьев-листорезов растянулось вдоль холма, весь склон был испещрен их ходами, но ни одного муравья не было видно. Изредка наше внимание привлекал шорох, и в траве мелькал хвост какой-нибудь ящерицы. Несколько бабочек лениво дергались в воздухе, провожая нас, да стрекотали сверчки. Других признаков жизни не было. Стало ясно, что если мы застрянем в Маунт-Эверарде надолго, то, чтобы найти здесь хоть каких-нибудь стоящих животных, нам

придется совершать весьма и весьма далекие прогулки от лесопилки до леса.

День уже клонился к вечеру, когда безмятежная тишина была нарушена отдаленным гулом мотора. Полагая, что это моторная лодка, мы устремились к пристани узнать, нельзя ли воспользоваться ею и добраться до Аракаки. Звук приближался, и вскоре из-за поворота реки на сумасшедшей скорости вылетела крошечная долбленка. На полном ходу суденышко заложило великолепный вираж, мотор заглушили, и лодчонка аккуратно коснулась пристани. Из нее выпрыгнули два стройных паренька-индейца в тельняшках, шортах и белых матерчатых бескозырках. Мы представились.

— Я — Али, — в свою очередь назвал себя один из индейцев, — его — Лал.

— Нам надо в Аракаку, — объяснил Джек. — Вы нас взять?

Али не без ораторского щегольства многословно изложил, что они направляются вверх по реке рубить лес, но до Аракаки не дойдут, что лишний вес не только задержит их, но и повысит опасность аварии и что все равно горючего до Аракаки не хватит, а если бы и хватило, то уж на обратный путь никак не останется. Короче говоря, настаивать было бессмысленно.

— Но, — поспешно добавил Али, — если ты давать кучу доллар, мы, мозет, пойдём.

Джек покачал головой и заметил, что лодка слишком мала и совершенно открыта и потому нам не уберечь своего снаряжения, если пойдет дождь, и вообще он думает, что нам эта Аракака не так уж и нужна.

Али и Лал пришли в восторг от такого оборота переговоров, и вся наша компания уселась на пристани на опилки и стала смаковать нюансы изумительного процесса сделки. Кончилось тем, что Али согласился отвезти нас следующим утром до Аракаки за жалкие

двадцать долларов, подчеркнув, что он, разумеется, теряет из-за своего благородства Бог знает сколько денег.

Ночью разразилась чудовищная гроза. Дождь хлестал по крыше нашей хижины и потоками низвергался на пол сквозь дыры. Чарльз, вскочив, стал было перетаскивать вещи на сухое место, но потом, решив, что ему все равно не заснуть при таком концерте, занялся их упаковкой в непромокаемые мешки, готовясь к завтрашнему речному путешествию.

Наутро оказалось, что дождь потопил лодку: она наполнилась водой, пошла ко дну и лежала теперь вместе с мотором на глубине более метра. Мы были уверены, что никуда теперь не поедем.

Наших новых знакомых это обстоятельство, однако, вовсе не смутило, и они тут же приступили к спасательной операции. С трудом им удалось вытащить на берег нос лодки. Лал занялся вычерпыванием воды, а Али снял мотор и выволок его на сушу. Из всех отверстий механизма хлестала вода.

— Полядок, — констатировал наш механик, — скоро он у нас залаботает.

Как ни в чем не бывало мальчики принялись разбирать мотор. Чарльз, прилично разбирающийся в технике, смотрел на все это, мягко говоря, скептически.

— Вы что, не понимаете, — не выдержал он, — что обмотка вся насквозь промокла? Мотор никогда не заведется, пока она не высохнет полностью. — На Али это выступление не произвело никакого впечатления.

— Полядок, — повторил он, — мы ей сейчас вылечим. — С этими словами он извлек вымокшую катушку, отнес ее к костру и положил на какую-то металлическую пластинку, предварительно раскалив ее. Затем он вывернул свечи и еще разные штуки, обмакнул в бензин и поджег. Вскоре все, что могло сниматься, было вынуто из мотора и разложено под солнцем на тель-

няшке Лала. Весь этот процесс не нравился Чарльзу до отвращения, но вместе с тем завораживал его. Он сидел не сводя глаз с происходящего, время от времени предлагал помощь, и было ясно, что такой подход к таинству ремонта для него совершенно нов.

Через два часа мотор был собран вновь и установлен на место. С ухваткой театрального кумира Али дернул шнур стартера, и, к великому нашему изумлению, возвращенный к жизни мотор издал ликующий рев. Али тут же заглушил его.

— Мы тепель готовый, — возвестил он.

Наши опасения по поводу размеров лодки оправдались сполна. Когда мы забили ее своими пожитками и погрузились сами, борта возвышались над водой едва ли на дюйм, и любое движение кого-либо из нас грозило неприятностями. Наше путешествие в тот день едва ли можно было назвать комфортабельным. Мы полностью осознали смысл выражения «как шпроты в банке», ибо вынуждены были застыть в одном положении, и через несколько часов все тело начало нестерпимо ныть. Но мы шли на Аракаку и потому были счастливы.

Из лодки нам удалось увидеть больше признаков жизни, чем за все время пребывания на Мазаруни. Повсюду порхали крупные бабочки, а дважды в реке нам встретились змеи. Но мы могли позволить себе лишь чуть повернуть голову в сторону, если нас что-либо интересовало, на большее нельзя было решиться без риска опрокинуться. Время от времени мы проплывали мимо небольших полянок, где три-четыре полуголых негра или индейца стояли, созерцая нас. Тут же, у берега, были причалены бревенчатые плоты, приготовленные для сплава на лесопилку. Пока наша посудина с шумом тащилась мимо, Али и Лал приветствовали население от имени всей команды. Был момент, когда ветхий катерок прошел рядом на хорошей скорости, и мы пере-

шли несколько отчаянных минут, как сумасшедшие вычерпывая воду, в то время как наше судно прыгало на волнам, готовое вот-вот зарыться в них целиком.

Влиже к вечеру мы подошли к маленькой деревушке, имевшей приятный и вполне преуспевающий вид. На берегу, среди пышной травы, виднелись посадки касавы и ананаса, а между крепкими хижинами покачивались изящные кокосовые пальмы. Индейцы в грязных рубандах европейского покроя высыпали на берег и следовали за нашим приближением. Позади возвышались два негра, настоящие великаны по сравнению с индейцами.

Мы причалили и выбрались на берег. Какое блаженство вытянуть ноги и размяться после пяти часов такой транспортировки! Али уже разгружал лодку.

— Эта деревня Кориабо, — сказал он. — Аракака еще пять часов вверх. Дальше мы вас не везти. Знаешь, рубка буль-буль, если мы опять плыть, а тут, в этой деревне, знаешь, есть один, он достать катер. Он взять тебя в Аракака. Вот, возьми, двадцать доллар. — И, к нашему изумлению, он вынул банкноты и протянул их нам.

— Нет, — ответил Джек, — вы везти нас полпути, держи десять доллар.

Улыбка озарила лицо Али.

— Спасибо, теперь мы ходить деревья рубить. — И Али оттолкнул от берега лодку, на носу которой уже строился Лал. Крошечное суденышко, освобожденное от чрезмерной нагрузки, легко понеслось по реке и скрылось за поворотом. К нам подошел один из негров, повыше ростом.

— Меня звать Бринсли Мак-Леод, — представился он. — Я иметь катер, я взять вас в Аракака за десять доллар. Он пошел утром в Маунт-Эверард взять бензин, может, вы видал их, завтра он вернуться, и я взять вас.

Обрадованные, мы направились к выделенной на хижине, предвкушая завтрашнее путешествие на мощном просторном судне, которое чуть не потопило нас пару часов назад.

Утром, когда мы еще завтракали, явился второй негр. Он был гораздо старше Мак-Леода, его лицо рассекали глубокие морщины и шрамы, а в глазах с пожелтевшими белками и отчетливой сетью кровеносных сосудов было что-то дикое, неистовое.

— Бринсли правду не говорить, — начал он довольно сумрачно, — эта лодка сегодня не прийти, и завтра не прийти, и потом не прийти. Они там застрять в Мант-Эверард, много ром пить. Зачем вам надо Аракака?

Мы сказали, что собираем животных.

— Дорогой, — отреагировал негр угрюмо, — зачем ходить Аракака за такой барахло? Я иметь их целая куча на мой золотой участок, тут, прямо в сельве. Тут есть такая носатая, еще аллигатор, есть змея лабарискат. Много есть, целый куча. Зачем они мне, вы можете их взять, они вообще разных жулики. Они — вредители.

— Скат? — спросил Джек. — Ты имеешь в виду — электрический угорь?

— Да, куча, — ответил наш гость с чувством, — маленький, большой, есть совсем большой, больше лодка. Очень-очень сильный, плохой очень, может сильно бить прямо через лодка, если не одел длинный резиновый сапог. Один раз он как дал мне прямо тут (рассказчик указал на интимный уголок своего тела), и я лежал тут в лодка совсем как пьяный, голова туда-сюда ходит три дня, пока может встать. Да, масса, я иметь все эти штуки там, на мой участок, и давай пошли туда, если ты хотеть смотреть эта.

Мы поспешно закончили завтрак и спустились к его лодке. Пока мы гребли вверх, негр рассказал о себе

Имали его Кетас Кингстон, и всю свою жизнь он искал золото и алмазы в сельве Гайаны. Случалось, ему везло, деньги быстро улетучивались, и он снова оказывался в беду. Несколько лет назад он наткнулся на перспективный участок, к которому мы сейчас и направлялись. Этот участок, по его словам, был сущим кладом, и в скором времени он по-настоящему разбогатеет, бросит сельву и с комфортом устроится на побережье.

Мы свернули в боковой ручей и вскоре остановились у столба, врытого в болотистый берег. На жестяной прямоугольной пластинке, прибитой к верхушке столба, корявыми буквами было выведено: «Участок зовут АД. Заявка К. Кингстона», а ниже — номер и дата лицензии.

Мы вышли на берег, и Кетас повел нас через чащу по узкой тропке. Минут через десять мрачный лес расступился, и мы оказались на солнечном просторе. Кругом лежали сваленные деревья, а посреди вырубki стояла большая недостроенная хижина. Кетас обернулся к нам, глаза его сверкали.

— Кругом тут, — сказал он, делая рукой широкий жест, — в земля есть золото. Не такой золото, как самородок, кусок, это плохой золото. Найдешь один курок, потом пять лет искал-искал, ничего не нашел. Нет, масса! Тут, в эта земля, один метр, чуть больше — и золотой песок, красный-красный, больше, чем кровь. Эта золото — настоящий золото, и что надо делать? Надо выкопать его, вот и все. Смотри, сейчас покажу.

Схватив принесенную с собой лопату, насаженную на длинную палку, он принялся неистово копать. Борючись что-то себе под нос, он буквально вгрызлся в землю. Пот струился по черному, изможденному лицу и шее и впитывался в рубашку. Вырыв небольшую ямку, он отшвырнул лопату, опустил на колени и вынул пригоршню мелкого ржавого гравия.

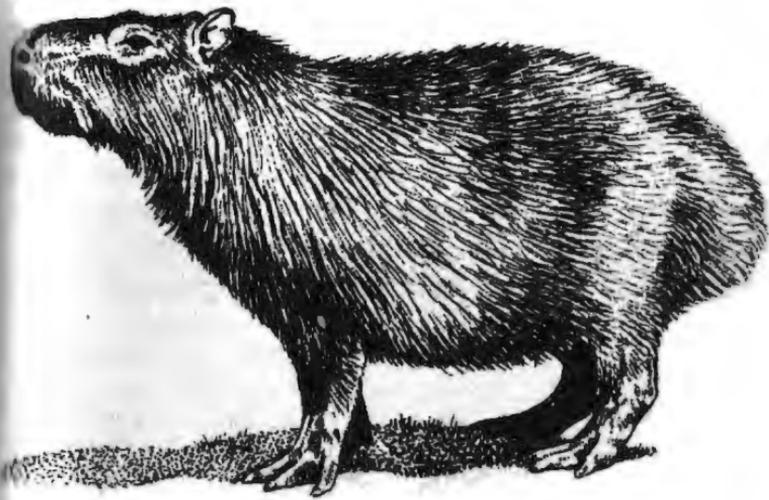
— Вот, видишь,— произнес он хрипло,— красная кровь.— Он перебирал пальцами гравий и бормотал что-то бессвязно, забыв, казалось, о нашем присутствии.— Конечно, я уже старик. Но мой два сына, они хорошие мальчишки. Они не бездельники, они все умеют. Они прийти сюда и копать. Мы посадить кассава, и ананас, и лимон тут, кругом хижина, мы тут будем работать, копать весь этот песок, выкопать весь и мыть все-все золото.

Он замолчал, бросил гравий в яму и поднялся на ноги.

— Давай пошли обратно Кориabo,— произнес он как-то подавленно и направился по тропинке к лодке.

Было ясно, что он совершенно забыл, зачем привел нас сюда. Старика как будто охватил внезапный страх, что судьба, одарив его вожаделенным богатством, не оставит ему времени, чтобы воспользоваться им.

Глава седьмая
ВАМПИРЫ И ГЕРТИ

На следующее утро Бринсли пришел к нам с плохой вестью: его катер вдруг оказался не совсем в порядке. Мотор барахлит, и вообще он не может отвезти нас в Аракаку. Но мы не очень огорчились. Кориabo показалась нам весьма приятной деревушкой, люди здесь были приветливы и услужливы, а в окрестном лесу мы на каждом шагу замечали признаки богатой жизни.

Даже в самой деревне было полно всяких речных зверюшек, и почти все они находились под опекой одной пожилой леди, которую все ласково звали Мама. Ее хижина представляла собой что-то вроде небольшого частного зверинца. По крыше расхаживал зеленый амазон, с карнизов свисали плетенные клетки, в которых порхали и распевали голубые танагры, в золе кострища

возилась пара встрепанных птенцов ара, а по темным покоем хижины молча слонялся обвязанный веревкой вокруг пояса капуцин.

Мы сидели на пороге хижины и беседовали с Мамой, когда в кустах позади нас раздалось ни на что не похожее пронзительно-свистящее хихиканье. Трава заколыхалась, и два огромных свинообразных существа вышли из нее, ступая с тяжеловесным достоинством. Они подошли к нам на метр, присели на задние лапы и принялись изучать нас с явным презрением. При первом взгляде создавалось впечатление, что у них совсем нет морды, а лишь один нос, и такой тупой, что он казался каким-то прямоугольником. Нос придавал им чрезвычайно надменный вид, этакое выражение величавого достоинства, которое отчасти портило неуместное хихиканье. Это были капибары, крупнейшие в мире грызуны. Я протянул руку к одной из них, намереваясь погладить, но тупорылая хохотушка дернула головой и щелкнула зубами у самых моих пальцев.

— Он не кусать,— сказала Мама,— он хочет сосать.

Ободренный ласковым спокойствием Мамы, я осторожно тронул необыкновенное существо за нос. Оно издало шипящее подвывающее ржание, обнажило ярко-оранжевые резцы и захватило мой палец ртом. Шумный процесс сосания вызвал у меня такое ощущение, будто по моему пальцу ездят два костяных рашпиля. Мама, чей пиджин был исчерпан, объяснила с помощью мимики и жестов, что она взяла этих созданий совсем крошками и выкормила их из бутылки. Теперь они уже почти взрослые, но не отказались от привычки сосать все, что им предлагали. Заднюю часть туловища каждой капибары опоясывало широкое кольцо, нанесенное красной краской. Мама объяснила, что сделала это для того,

чтобы никакой охотник не застрелил ее любимых зверюшек во время их странствий по сельве.

Мы попросили разрешения поснимать их. Мама согласно кивнула, и Чарльз установил камеру. Капибары в естественных условиях много времени проводят в реке, выходя на берег по ночам, чтобы попить. Нам хотелось заснять сценку в воде, и я стал заманивать Маминых любимцев в реку. Они свистели и хихикали, но упорно отказывались и близко подходить к воде. Вспомнив фразу из какой-то книжки, что «встревоженная капибара всегда бежит к воде», я попытался расстревать животных. Но эта пара неизменно устремлялась в тени, за угол Маминой хижины. Я постепенно накалялся, носясь по всей деревне за смешливыми зверюшками, крича и хлопая в ладоши. Мама сидела на крыльце своей хижины, озадаченно наблюдая за происходящим.

— Так не пойдет, — сообщил я Чарльзу, задыхаясь, — эти подлые твари приручились до того, что забыли, что такое водные процедуры.

Слабый отблеск понимания осветил лицо Мама.

— Вода? — спросила она.

— Да, вода, — ответил я, плохо соображая.

— Ах, вода! — Она вся засияла. — Айииии!

В ответ на этот пронзительный крик два голых постреленка оторвались от игр в пыли и подошли к Мама.

— Вода! — приказала она.

Дети понеслись к реке. Капибары устали на нас свои носы, затем развернулись и засемили вслед за детворой. Те дождались своих четвероногих друзей, и вся компания плюхнулась в воду. Началась резвая возня, и над рекой повис громкий визг. Мама наблюдала за ними с глубоким удовлетворением благополучной матроны.

— Все они мои дети, — пояснила она и стала рассказывать, что с младенчества четыре крошки всегда купались вместе, и теперь капибары не идут в реку без ребят.

Мама уже знала, что мы, как и она, обожаем ручных животных и надеемся увести многих в свою страну. Она посмотрела на капибар.

— Для меня они очень большой, — сказала она. — Ты хочешь взять их? У меня будут еще.

Джека это предложение привело в безмерный восторг. Правда, было не совсем ясно, как удастся перевезти таких громадных животных в Джорджтаун. В конце концов при консультативной помощи Мама мы решили, что постараемся соорудить подходящую клетку в Аракаке, если, конечно, когда-нибудь доберемся туда, а капибар заберем на обратном пути.

Многие жители деревни, державшие ручных животных, явно не хотели с ними расставаться. У одной женщины была ручная лабба, прелестное миниатюрное создание с тонкими изящными ножками, как у игрушечной антилопы. Лабба — тоже грызун, родственница морской свинки. Пушистая, с густым коричневым мехом, усыпанным кремовыми пятнышками, она лежала на коленях своей хозяйки, уставившись на нас черными блестящими глазками. Женщина рассказала, что три года назад у нее умер младенец, а вскоре муж, охотясь в лесу, встретил самку лаббы с детенышем. Мамашу он застрелил на мясо, а сиротку принес жене. Та выкормила ее собственной грудью. Теперь лабба была уже взрослой. Женщина нежно гладила ее.

— Он мой дитя, — сказала она просто.

Вечером мы услышали неожиданное тарахтение мотора. В сумерках из-за поворота появился большой катер. Он причалил у деревни. Капитан-индеец сообщил нам, что везет припасы и почту для угольной компании

и на следующий день пойдет дальше, в Аракаку. На вопрос, не хотим ли мы отправиться вместе с ним, мы ответили радостным согласием. Кажется, неуловимая цель нашего путешествия наконец-то могла стать реальностью.

Ранним утром мы погрузились на катер. С Мамой договорились, что дня через четыре вернемся забрать капибар, а Бринсли пообещал к нашему возвращению привести в порядок свою лодку и доставить нас в Морраунну. Почти весь катер был забит вещами, а пассажиром, кроме нас, ехала толстая жизнерадостная негритянка, которую нам представили как Герти. Места для нас тем не менее оставалось предостаточно, и после убогой долбленки и тесной лодки Бринсли катер казался нам роскошным лайнером. Мы втроем разлеглись на носу и забылись безмятежным сном.

В четыре часа пополудни катер подошел к Аракаке. При взгляде с реки этот населенный пункт казался очаровательным идиллическим местом. Небольшие домики на высоком берегу выстроились в ряд на фоне ажурных бамбуковых зарослей, колыхавшихся на ветру. Но при ближайшем знакомстве Аракака произвела на нас не столь чарующее впечатление. Две трети домов оказались магазинами и салунами, где подавали ром, а за ними, в грязи и мерзости, ютились полуразвалившиеся хибары, в которых прозябали жители деревни.

Пятьдесят лет назад Аракака была процветающим сообществом нескольких сот людей. Поблизости, в сельве, находились богатые золотые прииски, и, если верить рассказам, управляющие приисков в те дни разъезжали со своими женами по главной улице в экипажах. Теперь прииски истощились и пришли в запустение, а главная улица Аракаки поросла травой. Многие дома развалились, остатки их сгнили и исчезли под натиском сельвы. Дух запустения и разрушения витал над отжившим го-

родком, и казалось, здесь пахло плесенью. У одной из хибар мы нашли обветшалый деревянный стол, совершенно скрытый плотным покровом ползучей растительности. На ножках стола еще сохранилась известь, и стоял он на кирпичной платформе, сплошь иссеченной трещинами. В них и угнездились растения, закрывшие платформу сплошным ковром.

— Здесь больница стоял, — объяснили нам, — а на этот стол покойник лежал.

Хотя время было полуденное, в злачных местах толпился народ, а старый граммофон изрыгал какую-то металлическую музыку. Мы зашли в одно из заведений. Молодой негр, высокий и мускулистый, сидел на лавке, держа в руке эмалированную кружку, полную рома.

— Зачем ты пожаловать сюда, приятель? — спросил он.

Мы сказали, что ищем животных.

— Тут их куча, — ответил негр, — и мой могит ловить их запросто.

— Прекрасно, — сказал Джек, — мы хорошо заплатим, только принеси, но у нас всего несколько дней, поэтому, может быть, поймаешь нам что-нибудь завтра?

Негр торжественно помахал пальцем у Джека перед носом.

— Мой ничего не могит завтра, — произнес он серьезно, — потому завтра мой полагает быть очень пьяный.

В этот момент в помещение вошла наша недавняя спутница Герти. Она оперлась о стойку и пристально посмотрела в глаза владельца заведения, китайца.

— Мистер, — начала она задушевно, — мальчики на катере сообщили мне, тут много-много кусачий летучий мышь. Что же мне делать, мне нет москитный сетка над мой гамак?

— Зачем волноваться за какой-то летучий мышь, ма? — спросил негр с эмалированной кружкой.

— А конечно, я волноваться,— отвечала она непоколебимо,— мой психологический темперамент такой, очень-очень нервный.

Негр вытаращился, а Герти снова переключила свое внимание на хозяина.

— Ну и что ты мне дашь? — спросила она с жеманной улыбкой.

— Ничего для тебя нет, ма, но за два доллар я могу продать тебе лампа. Тогда летучий мышь не прилетит, этот точно.

— Слушай, мистер,— Герти стала преувеличенно высокомерной,— я должен добавить, мой финансовый положений очень-очень скудный.— Она хохотнула, как-то забулькав.— Дай мне свечка за две центы.

Поздно вечером и мой психологический темперамент стал, как и у Герти, весьма нервическим, и не без причины. Мы обосновались в прогнившей, с позволения сказать, гостинице, рядом с тем самым заведением. Джек и Чарльз быстро заснули под своими противомоскитными сетками, а я, как на грех, свою где-то потерял и последние четыре дня обходился без нее. Помня предостережения Герти о летучих мышах-вампирах, я подвесил к своему гамаку зажженную парафиновую лампу. Через десять минут, когда я еще только пытался заснуть, в комнату через открытое окно бесшумно влетела летучая мышь. Она прошлась над моим гамаком, сделала круг по комнате, вылетела в коридор, вернулась, нырнула под мой гамак и удалилась в окно. Дальше дело пошло так: каждые две минуты мышь влетала в окно и повторяла свой маршрут с педантичностью, лишавшей меня спокойствия.

Не поймав ночного посетителя, я не мог быть уверен, что это вампир, но при данных обстоятельствах научная пунктуальность не была обязательной для вынесения приговора. Мне казалось, что у этой мыши нет

той сложной листообразной штуки на носу, которая украшает многих безвредных рукокрылых, но которой лишены вампиры. Я не мог видеть, но чувствовал вполне определенно, что летающее тут существо вооружено парой треугольных, острых как бритва передних зубов, которыми вампиры снимают тонкий кусочек кожи у своих жертв. Нанеся ранку, они припадают к ней и лакают сочащуюся кровь. Все это вампир проделывает так, что человек и не проснется, а наутро единственным свидетельством ночного визита будет выпачканное кровью одеяло. Но бывает и так, что недели через три после посещения вампира вы обнаруживаете, что подхватили страшную болезнь — паралитическое бешенство.

Я был далек от того, чтобы слепо довериться уверениям китайца, что вампиры никогда не питаются при свете. Мои опасения, казалось, подтвердились, когда мышь неожиданно спикировала вниз, села в дальнем углу комнаты и в точности как это делают вампиры стала поспешно шарить по полу, сложив крылья над головой и напоминая какого-то мерзкого паука о четырех ногах. Этого выдержать я не мог. Я пошарил под гамаком, нашел там ботинок и запустил им в мини-чудовище. Мышь взлетела и исчезла в окне.

А потом произошло нечто такое, за что следовало благодарить именно вампира. Думая о нем, я долго не мог заснуть и в результате получил то, что стало моей навязчивой идеей в последние несколько недель: в эту вампирову ночь мне удалось записать один из самых жутких звуков южноамериканской сельвы.

Впервые я услышал этот звук во время нашего путешествия по Кукуи. Мы разбили лагерь в лесу у реки и развесили гамаки. Я лежал и смотрел на звезды, мерцавшие сквозь листву. Со всех сторон подступали призрачные очертания кустов и лиан. Вдруг тишину

пронзил леденящий душу завывающий крик. Он нарастал и достиг такой силы, что казалось, вот-вот от ужаса остановится сердце, затем стал стихать и превратился в стон — так гудят провода под ветром. Этот ужасающий звук издавало отнюдь не чудовище, а обезьянарвун.

На протяжении недель я пытался записать этот крик. Перед каждой ночевкой в лесу я с упорством религиозного фанатика прикреплял микрофон к параболическому звукоотражателю и заправлял магнитофон новой лентой. Но ночи проходили, а дьявольский звук не повторялся. Однажды мы вернулись в лагерь очень поздно и страшно уставшие. Я был совершенно без сил и не мог заставить себя наладить свою машинку. И конечно, этой ночью меня разбудил обезьяний рев, да какой! Я вылетел из гамака и с лихорадочной поспешностью стал устанавливать магнитофон. Когда все было готово и оставалось лишь нажать кнопку, дикий хор смолк. На Кукуи был момент, когда я уже решил, что достиг желаемого. Обезьяны находились так близко, что рев их просто оглушал, и с магнитофоном на сей раз все было в порядке. Я включил его и несколько минут записывал великолепнейший и ужаснейший, ни с чем не сравнимый вой. Когда представление закончилось, затих финальный лай и заключительное рывканье, я перемотал пленку и, не сдерживая ликования, вытряхнул Чарльза из гамака, чтобы не в одиночку наслаждаться драгоценной записью. Вся пленка оказалась пустой. Одна из ламп разбилась во время дневного путешествия.

Наконец теперь благодаря вампиру я бодрствовал с самого начала концерта. Обезьяны, вероятно, сидели в полумиле от нас, но даже с такого расстояния слышно было хорошо. Я вынес магнитофон из нашего приюта, установил его как надо и аккуратно направил параболо-

лический отражатель в сторону рева. Наученный горьким опытом, я не стал тут же проигрывать запись Чарльзу, а дождался утра. Мы слушали вместе. Запись вышла отменной.

Утром в Аракаку наведалься управляющий угольной компанией. Прибыл он из своего лагеря, который находился в лесу, в двенадцати милях от поселка. Ему уже передали по радию наше послание, но все равно он почему-то слегка удивился, увидев нас. Управляющий объяснил, что отвезти нас в лагерь сегодня не может, так как его маленький грузовик будет доверху нагружен товарами, прибывшими с катером. Он предложил подождать до завтра и обещал прислать за нами машину.

Остаток дня мы бродили по лесу в окрестностях поселка. Джек надеялся найти каких-нибудь интересных многоножек и скорпионов. Подойдя к одному низкому, похожему на пальму дереву, он стал отдирать сухие коричневые оболочки, обертывающие ствол. Вдруг раздался громкий шипящий звук, и какое-то коричнево-золотое пушистое существо размером с небольшую собаку ринулось с дерева вниз по противоположной стороне ствола. Оно спустилось на землю и неуклюже зашпешило прочь. Но бежало оно не слишком быстро, Джек настиг его в несколько прыжков и поднял за толстый, почти голый хвост. Существо повисло вниз головой, умудряясь и в таком положении испепелять нас своими маленькими бисерными глазками, оно шипело и источало слюну из длинной изогнутой морды. Джек ликовал, и не зря: по счастливой случайности ему попался тамандуа, древесный муравьед.

С триумфом принесли мы его в нашу обитель и, пока Джек готовил клетку, пустили муравьеда к высо-

кому дереву у дома. Наш новый пленник обхватил ствол передними лапами и легко и быстро полез вверх. Поднявшись метров на шесть, он остановился, обернулся и сердито посмотрел на нас. Но тут его внимание привлекло большое округлое муравьиное гнездо, висевшее в метре от него. Забыв свое раздражение, он добрался до гнезда и, обвившись цепким хвостом вокруг ветки, чуть выше гнезда, повис вниз головой. Быстрыми и сильными ударами передних лап тамандуа разорвал гнездо. Коричневый поток муравьев хлынул из прорехи и облепил разбойника, а тот без всякого смущения сунул свою морду-трубочку в разоренное гнездо и принялся слизывать насекомых длинным черным языком. Минут через пять он стал рассеянно скрести себя задней лапой, не прерывая пиршества. Через некоторое время понадобилась помощь и одной из передних конечностей. В конце концов муравьед, по-видимому, решил, что полакомился вдосталь, и, не желая больше терпеть укусы муравьев, стал не спеша отступать. Густой жесткий мех тамандуа вопреки распространенному мнению явно недостаточно защищал его от муравьев, и зверю приходилось то и дело останавливаться, чтобы поскрестись.

Мы с Чарльзом наблюдали и снимали все происходящее, пока до нас не дошло, что лезть на дерево и снова ловить там тамандуа — задача не из простых. Разъяренные муравьи облепили все ветви, и если уж их укусы досаждали закаленному тамандуа, нам, без сомнения, придется худо. К счастью, муравьед сам решил проблему. Он сполз вниз, уселся на землю и стал задней лапой тереть правое ухо. Муравьи, по-видимому, целиком завладели вниманием тамандуа, и Джек без всяких хлопот посадил его в клетку. Наш пленник мирно устроился в уголке и принялся извлекать муравьев из левого уха.

Когда стемнело, мы отправились на охоту с фонарями. Ночью лес казался призрачным и таинственным. Лес был наполнен невидимой, но не бесшумной деятельностью. В разных местах и звуки были разными. Утки надсаживались лягушки, разрывая воздух металлическим кваканьем, но чем дальше уходили мы в глубь леса, тем больше все вокруг заполнялось писком и стрекотанием насекомых. К этому неумолчному хору, как к естественному фону, привыкаешь быстро, но неожиданный треск падающего дерева или внезапный, непонятно откуда раздавшийся крик бросает в дрожь.

Как это ни странно, но в темноте нам удавалось найти таких животных, которых мы никогда не увидели бы при свете дня. Объяснение этого парадокса простое: глаза многих живых существ действуют как рефлектор, и, когда луч фонарика падает на них, во тьме зажигаются два огонька. По их величине, цвету и положению в пространстве можно догадаться, какой именно зверь повстречался вам в ночном лесу.

Направив фонари на реку, мы насчитали четыре пары раскаленных угольков: здесь, погрузившись в воду, лежали кайманы, выставив наружу только глаза. Высоко на дереве мы засекли какую-то обезьяну. Разбуженная нашими шагами, она уставилась вниз. Обезьяна моргала, посылая в нашу сторону короткие вспышки. Потом она повернулась к нам спиной, огоньки исчезли, и раздался треск ветвей: обезьяна уходила по кронам.

Пробираясь как можно тише, мы вступили в бамбуковый лес. Высокие стебли-стволы скрипели и стонали, раскачиваясь в темноте. Джек осветил на колючие заросли, скрывавшие нижнюю часть бамбуков.

— Неплохое местечко для змей, — заметил он с воодушевлением. — Зайди-ка с другой стороны, может быть, выгонишь кого-нибудь на меня.

Осторожно пробираясь в темноте, я обошел бамбук и стал бить по нему мачете. Луч фонаря осветил в земле небольшое отверстие.

— Джек,— позвал я тихо,— тут какая-то дырка.

— Дырка,— это хорошо,— отозвался Джек с ноткой раздражения,— но, не сочти за навязчивость, есть ли кто-нибудь в этой дырке?

Я опустился на колени и осторожно осветил в черное отверстие. Из глубины ярко сверкнули три маленьких глаза.

— Кто-то сидит, можешь быть спокоен,— сообщил я Джеку,— и не просто кто-то, а с тремя глазами!

Джек мигом оказался рядом, и мы заглянули в нору вместе. Черный мохнатый паук величиной с ладонь замер у задней стенки норы в свете фонарей. Не три, а восемь глаз поблескивали на макушке его уродливой головы. Паук, как робот, поднял передние лапы, искрящиеся синим светом на концах, и продемонстрировал нам впечатляющие размеры своих кривых ядовитых жал.

— Красавец,— пробормотал Джек.— Смотри не дай ему выскочить.

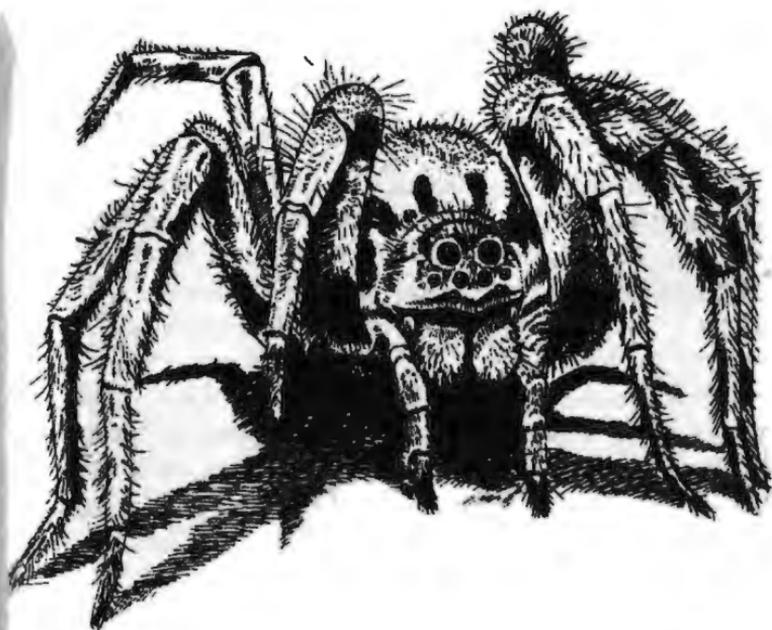
Положив фонарик на землю, он нащупывал в кармане банку из-под какао. Я поднял прутик и с опаской коснулся им стенки норы. Паук взмахнул передними лапами и снова оперся на них.

— Береги его волоски,— предупредил Джек,— если мы вырвем хоть чуть-чуть, он долго не проживет.

Джек вручил мне банку.

— Держи ее у входа, а я постараюсь выгнать его наружу.

Пристав, Джек воткнул нож сверху в землю так, что задняя стенка норы заколебалась. Паук развернулся к новой опасности и отступил на несколько шажков. Джек продолжал работать ножом, и стенка норы стала

рсыпаться. Внезапно паук дал резкий задний ход и уго-
дил прямо в банку. Я моментально закрыл крышку.
Джек довольно осклабился и засунул банку себе в кар-
ман.

Нам оставалось провести в Аракаке один день. Еще
два дня требовалось, чтобы добраться до Морауанны в
устье Баримы и успеть на корабль. Обещанный джип
должен был прибыть где-то в середине дня и отвезти
нас за двенадцать миль от Аракаки, в лагерь угольной
компания, где мы надеялись приобрести животных. В
ожидании джипа мы строили смелые догадки относи-
тельно пополнения нашей коллекции. Но джип опоздал
и пришел только к вечеру. Управляющий рассыпался в
извинениях: машина сломалась и ее только что удалось
починить. От поездки в лагерь приходилось отказывать-
ся. Мы поинтересовались, каких животных можно было
бы там заполучить.

— Видите ли, — сказал управляющий, — был у нас ленивец, да сдох, была еще обезьяна, да удрала. Но уж попугаев наверняка бы нашли, несколько всегда вернется поблизости.

Мы восприняли эту информацию со смешанным чувством разочарования и облегчения. Разочарования — из-за того, что, забравшись в такую даль, мы приобрели бы в сущности мизер, облегчения — потому, что, лишившись в последний момент возможности попасть в лагерь, мы фактически ничего не потеряли.

Управляющий забрался в джип и укатил из Аракаки, а перед нами стояла теперь проблема раздобыть лодку, которая отвезла бы нас обратно вниз по реке. Одно за другим обошли мы все питейные заведения. Владельцев лодок с подвесными моторами тут было немало, но у каждого находилась какая-нибудь веская причина отказать нам: у одного мотор не в порядке, у другого лодка недостаточно просторная, у третьего нет горючего или, скажем, того, кто уж точно разбирается в моторе, как раз нет сейчас в Аракаке. В конце концов поиски свели нас с индийцем по имени Якоб, угрюмо восседавшим в одном из салунов. Его трудно было не заметить: кончики ушей индийца поросли пучками длинных прямых волос, что придавало ему вид мрачного восточного гнома. Якоб признал, что лодку имеет, но сказал, что взять нас не может. Но в отличие от всех других судовладельцев он не мог придумать основательной причины для отказа, и мы надели на него. Обе стороны спорили и торговались в табачной атмосфере салуна под душераздирающие звуки граммофона. Около половины одиннадцатого сопротивление Якоба было сломлено, и с видом бесконечного уныния он согласился взять нас утром в Кориabo.

Наутро мы встали в шесть часов, а в семь были готовы к отправлению. Якоба нигде не было видно. В

девять часов он явился к нам с несчастным видом и объявил, что и лодка и мотор готовы, но бензина пока раздобыть не удастся.

Герти, не имея других занятий, стояла поблизости, с интересом прислушиваясь к нашему разговору. Она взглянула на меня сочувственно и испустила тяжелый вздох.

— Голубчик, — сказала она, — ну просто узас все эти промедления. Ну просто досада берет.

К середине дня горючее все-таки нашлось, и мы отчалили в сторону Кориabo. В клетке, свернувшись, спал муравьед, а рядом с ним лежала половинка муравьиного гнезда — для подкрепления в дороге. На носу громоздился большой деревянный ящик, торчавший над водой на добрых полметра с каждого борта. Джек соорудил его в Аракаке специально для капибар.

Нам чрезвычайно повезло, что путь наш лежал вниз по вздувшейся реке с быстрым течением, ибо мотор Якоба оказался весьма капризным и не перенес бы никаких дорожных неурядиц. Если какая-нибудь щепочка перекрывала на время систему охлаждения или приходилось идти не на полном газу, мотор глох, и требовалась изрядная доля увещеваний, чтобы склонить его к продолжению работы. У Якоба имелось для этого единственное средство: дергать шнур стартера с максимально возможной силой и частотой. Внутренний мир двигателя почитался за святая святых, и всякое вторжение в него исключалось. В конце концов вера Якоба в свой механизм всегда оправдывалась, но однажды ему пришлось дергать шнур без передышки полтора часа. Когда мотор наконец завелся, Якоб, все это время подавлявший ярость зубным скрежетом, сел на место и, не проявив ни малейших признаков радости, вернулся к своему обычному состоянию печальной сосредоточенности.

К вечеру мы добрались до Кориabo и встали борт о борт с судном Бринсли Мак-Леода. Якоб не хотел зря глушить мотор, и поэтому мы разгружались с большой поспешностью. Через десять минут лодка была свободна, и Якоб в унынии отправился в обратный путь, не оживившись даже от сознания того, что мотор не заглох в продолжение всей разгрузочной операции.

С облегчением мы узнали, что баркас Бринсли в очередной раз приведен в порядок. Самого хозяина в деревне не было, он трудился на своем золотом участке у дальней плотины, но нас заверили, что на следующее утро, к десяти часам, он вернется.

К нашему удивлению, он действительно вернулся в назначенное время. Мы набили ящик нарезанными ананасами и кассавой, заманили туда капибар и погрузили их на борт. Предстоял последний дневной переход до Баримы. Путь получился долгим, потому что мы останавливались у каждого знакомого поселения, чтобы узнать, не поймал ли кто по нашей просьбе что-нибудь интересное. Кое-что действительно нашлось, и по прибытии в Маунт-Эверард мы имели на борту кроме муравьеда, капибар и змеи еще и трех ара, пять амазонов, двух попугайчиков, капуцина, а самое главное — пару красноклювых туканов. Неизбежные деловые переговоры, сопровождавшие приобретение всех этих богатств, отняли столько времени, что с наступлением темноты мы были еще в десяти милях от Морауанны и только в час ночи пришвартовались к «С. С. Тарпон», покачивавшейся у мола. По трапу мы вскарабкались на борт. Пробравшись меж спящих тел, устлавших палубу, мы разыскали каюту старшего стюарда. Он предстал перед нами облаченным в яркую пижаму, но, когда осознал, что ему предстоит быть «при исполнении», нахлобучил фуражку и проводил нас к двум каютам, которые — о чудо! — были зарезервированы специально

для нас. В одной мы разместили животных, а в другой расположились сами и, изнемогая от усталости, разошлись по койкам в половине третьего утра.

Когда я открыл глаза, день был в разгаре. Мы находились в море, а на горизонте, прямо по курсу, лежал Джорджтаун.

Глава восьмая
МАСА КИНГ И СИРЕНА

В Джорджтауне, в гараже, ставшем зверинцем Тима Вайнелла, нас ожидали сюрпризы. Пока мы в поисках животных путешествовали по Бариме, наши друзья из других частей колонии прислали кое-что в Джорджтаун. В Камаранге недавно побывал гидроплан, и пилот привез нам в дар от Билла и Дафни Сегтар нескольких амазонов и ручного красношапочного дятла. Тайни Мак-Турк прислал лисицу и мешочек змей. Тим, которому не очень-то улыбалось с утра до вечера возиться с нашей коллекцией, сумел так поставить дело, что за отлов животных взялись и местные жители. Некоторые экземпляры были пойманы прямо в Ботаническом саду. Один из садовников изловил пару мангуст, носившихся по лужайкам. Тим принял их с радостью, хотя, строго

говоря, это были не южноамериканские животные. Много лет назад владельцы плантаций сахарного тростника завезли сюда мангуст из Индии, рассчитывая с их помощью разделаться с крысами, ставшими истинным бичом плантаций. Мангусты прижились, да так успешно, что стали обычнейшими животными побережья. Сады кишели и опоссумами, которые, как и кенгуру, вынашивают своих детенышей в сумке. Я давно мечтал увидеть опоссума: ведь он — один из очень немногих сумчатых животных, распространенных вне Австралии. Но когда наша встреча состоялась, я почувствовал сильное разочарование: оба опоссума напоминали огромных крыс с заостренными, почти совершенно голыми мордами, длинными острыми зубами и противными чешуйчатыми хвостами. Это, без сомнения, были самые отвратительные звери нашей коллекции. Тим радостно сообщил нам, что выбор имен для опоссумов не доставил ему абсолютно никаких хлопот: он назвал их Дэвид и Чарльз.

Самым замечательным приобретением оказался злобный и вечно хнычущий субъект по имени Перси. Это был древесный дикобраз, который, как и все дикобразы, обладал несносным нравом. Стоило кому-нибудь попытаться дотронуться до него, как по маленькой физиономии дикобраза пробегала гримаса раздражения, короткие иглы начинали вибрировать, раздавалось шипение, и колючий недотрога принимался топтать ногами от злости так, что не оставалось сомнений: он со злорадным наслаждением пустит в ход свои длинные передние зубы, если к нему подойдут слишком близко. Этот дикобраз обладает щетинистым цепким хвостом, которым он хватается за ветки, лазая по деревьям. Подобный хвост есть у многих древесных животных — обезьян, панголина, опоссума и древесного муравьеда — с одной лишь разницей: у них хвост закручива-

ется внутрь, а у Перси — наружу. Свойство, что и говорить, редкое, но не уникальное: так же закручивается хвост и у некоторых мышей, обитающих в Папуа.

Собранная коллекция, несомненно, уже могла доставить нам некоторое удовлетворение, но в ней имелись и крупные изъяны: еще не были пойманы два чрезвычайно интересных существа, обитающие в Гайане. Одно из них — гоацин. Это — птица, и у науки с ней особые счеты. В отличие от всех других пернатых у гоацина на крыльях есть коготки. Взрослому гоацину коготки не нужны, и поэтому они глубоко скрыты в перьях. Но у нелетающего птенца они работают в полную силу: карабкаясь по ветвям, он пользуется своими когтистыми крыльями, как второй парой лап. Палеонтологи доказали, что птицы произошли от рептилий. Среди всех ныне живущих птиц гоацин — единственный вид, сохранивший когти на передних конечностях, а побережье той части Южной Америки, где мы сейчас находились, — единственное в мире место, где он обитает.

Второе животное, с которым мы жаждали встретиться, — ламантин, крупное млекопитающее, похожее на тюленя. Всю свою жизнь он проводит в устьях рек, где, никому не мешая, пасется в зарослях водорослей. Своего единственного детеныша самка ламантина выкармливает молоком, выходя для этого на сушу. Когда малыш сосет, мамаша держит его на груди, бережно обнимая лапами. Говорят, что первые европейские моряки, посетившие побережье Южной Америки, не оставили без внимания нежность материнских ласк ламантина, и их рассказы породили легенды о сиренах.

Нам сообщили, что и гоацина, и ламантина можно легко найти в устье Кандже, в нескольких милях от Джорджтауна. Время нашей экспедиции подходило к концу, оставалась всего одна неделя. Поэтому спустя два дня после возвращения с Баримы мы снова отпра-

вились в путь, на этот раз на поезде, который доставил нас в маленький городок Нью-Амстердам в устье Кандже.

Гайана стала частью Британской империи только в начале девятнадцатого столетия. До этого в течение нескольких веков она принадлежала Голландии, и, трясаясь в поезде вдоль побережья, мы без труда определяли следы голландского владычества. Железнодорожные станции носили названия имений крупных местных сахарных магнатов: Бетервервагтинг, Велдаад и Онвервагт. Многие из этих имений своим существованием были обязаны морской дамбе, видневшейся далеко слева от нас, которую голландцы возвели, чтобы превратить бесплодные приморские болота в плодородные угодья. В самом Нью-Амстердаме, изнемогавшем от зноя на берегу реки Бербис шириной в милю, мы обратили внимание на несколько элегантных, выкрашенных белой краской домов. Они не терялись среди современных бетонных зданий и деревянных бунгало, а наоборот, подчеркивали достоинства голландской колониальной архитектуры.

Кто в первую очередь мог помочь нам в наших поисках? Очевидно, рыбаки. Поэтому мы спустились к бухте, где африканцы и индийцы сидели в деревянных лодчонках, пришвартованных к молу, чинили сети и сплетничали. Мы спросили, не поможет ли кто-нибудь поймать «водяную маму», как тут называют ламантина. Охотников не нашлось, но почти каждый считал, что для этого дела больше всего подходит один негр, которого они называли Маса Кинг.

Этот Маса Кинг был, по-видимому, человеком незаурядным. Рыбак по профессии, он обладал необыкновенной силой и поэтому был буквально нарасхват по всему Нью-Амстердаму. Особенно ценилось его умение забивать сваи — работа, для которой никто, кроме не-

го, по-настоящему не годился. Любимым отдыхом Масы Кинга, как нам сказали, было «тузиться» с коровами. Он был к тому же заядлым охотником и больше, чем кто-либо другой, знал животных всей округи. Если кто-то вообще может поймать ламантина, то это только мистер Кинг. Мы отправились на поиски этого человека.

Наконец мы нашли его на рыбном базаре, где он сидел и препирался с торговцем относительно своего улова. Внешность Масы Кинга соответствовала его репутации. Он был чрезвычайно плотного сложения, носил ярко-красную рубашку и черные брюки в узкую светлую полоску, а на его пышной курчавой шевелюре держалась малюсенькая шляпка из черного фетра. Мы спросили, не поймает ли Маса Кинг для нас ламантина.

— Знаешь, дорогой, — ответил он, поглаживая роскошные бакенбарды, — тут их просто куча, но ловить совсем трудно, потому что эта водяная мама очень нервный. Когда она попадать в сеть, она так волноваться, туда-сюда прыгать, а сильный такой — самый прочный сеть разорвет начисто.

— Ну и как же ее поймать все-таки? — спросил Джек.

— Можно только одна штука, — ответил мистер Кинг хмуро. — Когда эта водяная мама попала в сеть, ты надо гладить и щипать веревка, как струна, чтобы она дрожал и эта дрожь через воду чтобы ходил прямо на водяную маму. Если ты это делать хорошо, совсем хорошо, она любит это очень-очень, она лежать совсем, балдеть, знаешь как — ууух! — Мистер Кинг издал выразительно-исступленный звук, и лицо его при этом осветила ангельская улыбка. — Я знаю только один человек, кто так может делать, — добавил он. — Это — я.

Столь глубокая эрудиция произвела на нас такое сильное впечатление, что мы, не сходя с места, договорились с мистером Кингом. У нас на следующий день

уже был зафрахтован катер, и мистер Кинг обещал, что мы начнем охоту прямо с утра. Он сказал, что захватит с собой сеть и двух помощников.

Команда катера состояла из капитана-негра по имени Фрезер и механика-индийца, которого звали Рангур. Довольно скоро мы с удивлением обнаружили, что ни тот, ни другой вовсе не боготворят мистера Кинга. Спустя полчаса хода по Кандже мы заметили игуану, сидевшую высоко на дереве.

— Ну-ка, мистер Кинг,— сказал Рангур,— ловить хочешь?

Мистер Кинг жестом повелителя дал понять, что катер следует остановить. Он перевалил свое грузное тело в маленький ялик и с одним из помощников стал продирается к дереву сквозь тростник. Игуана, прекрасный экземпляр длиной больше метра, неподвижно лежала на поразительно тонкой ветке метрах в пяти над водой, поблескивая на солнце зелеными чешуйками. Мистер Кинг срубил длинный бамбук и приладил на его конце петлю. Затем он поднял бамбук и стал помахивать им перед головой игуаны.

— Ты зачем так делать, мистер Кинг? — обратился к нему Фрезер явно издевательским тоном.— Ты, может, думать — он хочет ходить вниз, прямо в твои руки?

Ящерица не двигалась, как будто не замечала возни внизу.

— Эй, мистер Кинг,— подхватил Рангур,— знаю все, ты взял эта ручная ящерица и привязал тут вчера в ночь, а теперь хочешь показать, какой ты ловкий, как ты ловить уметь!

Но мистер Кинг был выше того, чтобы реагировать на эти глупые насмешки. Он велел одному из своих помощников залезть на дерево и накинуть игуане петлю на шею. В ответ на эти действия рептилия лениво перебралась повыше.

— Сдается мне, — снова выступил Фрезер, — что этот тварь иметь намерение делать прыг-скок.

Мистер Кинг потребовал, чтобы помощник продолжал преследование. В течение десяти минут игуана, раскачиваясь на ветке под легким ветерком, позволяла петле болтаться перед собой. Она даже благосклонно лизнула веревку, когда та прошла у самого ее носа, но лезть в петлю не желала, как ни старался мистер Кинг подбодрить ее снизу криками. В конце

концов помощник подполз к ней слишком близко. Терпение игуаны истощилось: с безразличным видом она отвернулась от веревки и грациозно прыгнула в реку. Финалом этого номера был всплеск мутной жижи в прибрежных зарослях.

— Сдается мне,— констатировал Фрезер, обращаясь в пространство,— он имеет намерение.

Мистер Кинг вернулся на судно.

— Тут их еще куча,— сказал он,— мы их много-много поймать.

Вдоль обоих берегов реки тянулась стена мака-мака — гигантского растения из рогозовых. Его впечатляющие, с руку толщиной, стебли имеют сплошь губчатую сердцевину, и поэтому ничего не стоило свалить их даже легким ударом мачете. Они уходили вверх, прямые и голые, как сосновые стволы, и только в четырех-пяти метрах над водой распускались несколькими стреловидными листьями. Среди листьев кое-где можно было заметить зеленый плод, формой и размером напоминающий ананас. Мы знали, что листья мака-мака — любимейшая пища гоацина, и поэтому с надеждой и волнением обшаривали заросли в бивокли.

День уже был в разгаре, и солнце жгло немилосердно. Металлические детали на палубе катера раскалились так, что до них нельзя было дотронуться. Утренний бриз выдохся, и удушливая жара разлилась над рекой. Листья мака-мака неподвижно висели в дрожащем мареве. Все вокруг замерло.

Около часа дня мы увидели нашего первого гоацина. Внимание Джека привлекло приглушенное кудахтанье, раздавшееся в гуще мака-мака. Фрезер остановил катер, и в бинокль мы разглядели очертания крупной птицы, которая неподвижно сидела в зарослях, прячась от испепеляющего солнца. Подойдя ближе, мы увидели вторую, а затем и третью птицу. Вскоре выяснилось, что их здесь полным-полно.

По-настоящему разглядеть гоацина нам удалось только в четыре часа. Солнце уже заметно снизилось, и жара стала не столь угнетающей. Мы прошли поворот реки и увидели группу из шести птиц, кормящихся

листьями мака-мака. Это были красивые птицы с каштановым оперением, размером с курицу, коренастые, но с тонкой шеей. На голове у них красовался высокий острый хохолок, вокруг блестящих красных глаз синела голая кожа. При нашем приближении они перестали кормиться и, уставясь на нас, стали нервически подергивать хвостами вверх и вниз, издавая при этом резкие скрипучие крики. В конце концов они с шумом отсту-

пили и скрылись в глубине зарослей, тяжело хлопая крыльями. Но Чарльз все-таки успел их заснять.

Повидав этих редких и прекрасных птиц, мы испытали чувство благоговейного восторга, которое только усилило наше желание увидеть передвижение птенцов гоацина. Катер, пытаясь, медленно двигался вверх по реке, а Джек без усталости прочесывал в бинокль береговые заросли, пытаясь обнаружить гнездо. И под вечер мы отыскали одно. Это было непрочное плоское сооружение из веточек, устроенное в колючем кустарнике среди зарослей мака-мака, метрах в двух над водой. Дрожа от возбуждения, мы забрались в ялик и направились к гнезду. В нем сидели два маленьких голых птенца, не сводившие с нас глаз. При нашем приближении их любопытство сменилось страхом. Птенцы, напоминая едва прикрытые морщинистой кожей скелетики, выбрались из гнезда и, трясясь, поползли вверх сквозь колючки, судорожно перебирая лапками и когтистыми култышками крыльев. Это было поразительное зрелище; мы невольно забыли, что перед нами птицы. Когда птенцы прицепились к тонким ветвям и закачались над нами, я встал и осторожно потянулся к ним. Малыши, только что продемонстрировав свои исключительные способности древолазов, пустились теперь на трюк, который не под силу больше никому из детей в мире пернатых. Они вдруг как-то оказались в воздухе и мягко, по-чемпионски, практически без брызг вошли в воду с двухметровой высоты. Пока мы приходили в себя от изумления, птенцы проплыли под водой, выбрались на берег и исчезли в колючей чаще.

Стремительные маневры птенцов повергли нас в разочарование, потому что мы, конечно, не успели их заснять. Вместе с тем мы теперь были уверены, что птенцов на реке должно быть много, раз удалось так легко обнаружить их в первый же день. Все остальное время

на Кандже мы только тем и занимались, что разыскивали гнезда гоацинов. Мы нашли несколько гнезд с кладкой, и одно из них идеально подходило для съемки. Когда мы подошли к этому гнезду, с него тяжело взлетела насиживающая птица. Вскоре она вернулась, спустившись вниз по тонкой веточке. Она снова уселась на яйца, но не стала устраиваться, как это обычно делают наседки, а кое-как плюхнулась в гнездо и застыла в какой-то странной и неудобной позе.

Мы навещали это гнездо в течение нескольких дней, до самого отъезда в Джорджтаун, надеясь увидеть выступление, но так и не дождались. Птенцы, очаровавшие нас в первый день на Кандже, оказались единственными, которых нам удалось увидеть в этих местах.

Ранним вечером первого дня путешествия по Кандже мы подошли к месту, где река соединялась с небольшой бухточкой. Мистер Кинг сказал, что именно тут и надо ловить ламантина. Через полчаса начнется прилив, вместе с которым неповоротливый ламантин, вечно жуящий водоросли, и должен «поступить» в реку. И чтобы поймать его, надо расставить сеть поперек горла бухточки, только и всего. Объяснив нам существование этой нехитрой операции, мистер Кинг воткнул шести в илистое дно реки у входа в бухточку и натянул на них сеть. Затем он сел в ялик и, подогнав его к сети, устроился там, маяча своей черной шапочкой и попыхивая трубкой в ожидании возможности продемонстрировать свое выдающееся искусство игры на сетевой веревке.

Через два часа он покинул свой пост.

— Пусто, — пояснил он, — прилив совсем слабый, совсем вода не идет. Я знаю место получше, мы их там ночью поймать.

Мы свернули сети, привязали ялик к корме катера и пошли дальше вверх по реке. Уже в сумерках мы подошли к причалу какой-то сахарной плантации. Над

рекой плыл тошнотворно-приторный запах передержанной патоки. Рангур вышел из камбуза с дымящимся блюдом вареного риса и креветок. Покончив с едой, мистер Кинг с видом мученика объяснил, что теперь мы можем отправляться спать; он сам поймает ламантина и утром представит его нам. Но нам хотелось увидеть процесс охоты своими глазами, и мы попросили его разбудить нас перед началом дела.

— Дорогой, — ответил он, — зачем вам ходить, вы спать хотите. Я работать поздно, уже два-три часа будет.

Мы стали заверять мистера Кинга, что очень хотим присутствовать при работе, и в конце концов он с явной неохотой согласился разбудить нас.

Насекомых на этой реке было такое обилие, какого мы еще нигде не встречали: москиты, мошка, комары, а вдобавок и новшество — здоровенные шершни. Они в массе залетали внутрь каюты через иллюминаторы и плясали вокруг нашей лампы. Те, что не нашли возможности проникнуть в каюту, плотным слоем покрывали стекло иллюминатора снаружи. Чарльз, назначенный в нашем отряде ответственным за медицину, приготовил для грядущей ночной операции внушительную банку противогнусовой мази. Мы повесили противомоскитные сетки, залезли в койки и заснули.

В два часа ночи нас разбудил Джек. Мы тщательно облачились в рубашки с длинными рукавами, заправили брюки в носки и обильно наштукатурились противогнусовым средством. Потом мы выбрались на корму посмотреть, готов ли мистер Кинг. Он лежал на спине в своем гамаке, из широко открытого рта вырывался пронзительный храп. Джек слегка ткнул его. Мистер Кинг открыл глаза.

— Ты что, дорогой, — произнес он обиженно, — ночь же вовсе. Я спать.

— А как же насчет охоты на водяную маму?

— Ты что, не видишь? Темно же совсем. Луна совсем нет, куда я тут водяная мама ловить? — И он снова закрыл глаза.

Ладно, решили мы, не раздеваться же теперь и не ложиться снова спать. Встанет мистер Кинг или нет, а мы тут сами слегка поохотимся. Река, по-видимому, кишела кайманами: на чернеющей поверхности воды мы высветили фонариками несколько пар раскаленных угольков. Мы залезли в ялик, оттолкнулись и медленно поплыли вниз по течению. Чарльз и я устроились на корме, стараясь бесшумно шевелить веслами, а Джек с фонариком присел на носу. Ялик медленно скользил к зарослям, обрамлявшим берег. Слышно было только отдаленное кваканье лягушек да пронзительный писк комаров над ухом. Джек медленно водил фонариком по поверхности воды. Внезапно луч замер на зеленой стене. Джек сделал знак перестать грести.

Тихо-тихо мы осушили весла, а лодка продолжала медленно приближаться к зарослям. В свете фонарика мы скоро различили блестящую, покрытую щитками голову каймана, лежащего чуть над поверхностью воды мордой к нам. Не сводя луча с глаз ночного чудища, Джек медленно перегнулся через нос ялика и при этом задел ногой консервную банку для вычерпывания воды, валявшуюся на дне лодки. Раздался легкий стук банки и тут же всплеск перед носом ялика. Джек занял прежнее место и обернулся к нам.

— Сдается мне, — сказал он, — эта тварь имеет намерение.

Мы снова взяли за весла, и минут через пять Джек нащупал лучом еще одного каймана. Мы тихо заскользили и были уже от него метрах в десяти, когда Джек погасил фонарик.

— Об этом звере давайте забудем,— сказал он.— Судя по расстоянию между глазами, в нем метра два, не меньше, и я не собираюсь ловить его голыми руками.

Через некоторое время мы наткнулись на третьего каймана. Опять бесшумно скользим по черной глади реки, внимание приковано к островку света и двум красным немигающим точкам посредине.

— Подползите кто-нибудь и держите меня за ноги,— шепчет Джек.

Чарльз осторожно пробирается к Джеку и хватается за лодыжки. Ялик медленно приближается к ослепленному кайману, и Джек перегибается через борт. Подходим ближе и ближе, и вот уже мне с кормы не видно глаз каймана, скрывшихся за носом надвигающейся на него лодки. Внезапный всплеск и торжествующее «Есть!» Джека. Он бросает фонарик в лодку и перевешивается через борт, ухватив каймана обеими руками.

— Держи меня, Бога ради! — бешено кричит он Чарльзу, который теперь уже сидит на его лодыжках, сам перегнувшись через планшир.

Яростные всплески, сопение, и в конце концов довольный Джек вытаскивает из воды каймана длиной почти в полтора метра. Тот хлопает челюстями и отчаянно сопротивляется. Джек держит его правой рукой за загривок и запихивает длинный чешуйчатый хвост зверя себе под мышку. Кайман неистово шипит и устремленно распахивает челюсти, показывая желтую кожистую пасть.

— Я захватил твою сумку, подумал, что пригодится,— поспешно объясняет мне Джек.— Не передашь ли ее мне?

Сейчас, по-видимому, не время для препирательств. Я беру сумку, раскрываю ее, а Джек осторожно укладывает туда каймана и туго стягивает веревки.

— Ну что ж,— замечает Джек,— будет хоть что показать мистеру Кингу.

В поисках ламантина мы еще три дня курсировали по Кандже с мистером Кингом и его командой. Мы ставили сети ночью, мы ставили их днем, мы ставили их в дождь и при ярком солнце, в отлив и прилив. Но ни намека, ни признака нашей вожденной добычи так и не обнаружили, хотя любой из этих приемов, как нас уверяли, должен был гарантировать успех. Между тем наши припасы подходили к концу, и, как это было ни прискорбно, приходилось возвращаться в Нью-Амстердам.

— Ну что ж, дорогой,— сказал мистер Кинг философски, когда мы расплачивались с ним,— я думаю, нам просто не повезти.

Мы шли по причалу, когда нас догнал какой-то рыбац-индиец.

— Вы тот люди, кто хочет водяной мама? — спросил он.— Я, значит, поймать один три дня назад.

— И что вы с ней сделали? — спросили мы, приходя в возбуждение.

— Я ее посадил в маленький озеро рядом с городом. Я могу легко поймать, если вы хотите.

— Мы чрезвычайно и непременно хотим,— убедительно ответил Джек.

— Пошли и выловим ее сейчас же.

Индиец побежал по причалу обратно, погрузил свою сеть на ручную тележку и позвал на помощь еще трех своих приятелей.

Пока наша маленькая процессия продвигалась по многолюдным улицам, я слышал, как слова «водяная мама» возбужденно передавались от одного прохожего к другому, и к тому времени, когда мы, миновав город, вышли на луг с озерцом, по пятам за нами шествовала внушительная волнующаяся толпа.

Озеро оказалось широким и илистым, но, к счастью, неглубоким. Участники мероприятия рассыпались по берегу, уселись на корточки и молча уставились на воду. Неожиданно кто-то указал на загадочно двигавшийся лист лотоса. Он смялся, согнулся и исчез под водой, а через несколько секунд на этом месте показалась коричневая морда. Она шумно выпустила воздух из больших круглых ноздрей и исчезла.

— Она тут, она тут! — заголосила толпа.

Нариан, наш рыбак, привел свои силы в состояние готовности и дал сигнал к действию. Он и три его помощника бросились в воду, растянули длинную сеть и окружили ею небольшой заливчик, в котором только что показался ламантин. Затем они медленно двинулись к берегу по грудь в воде. В это время ламантин снова обнаружил себя, вынырнув за очередной порцией воздуха. Нарриан приказал своим людям, державшим сеть за концы, быстрее вылезать на берег, чтобы сеть из прямой линии превратилась в дугу. Обеспокоенный ламантин опять поднялся на поверхность и, перевернувшись, продемонстрировал свой огромный серовато-коричневый бок.

Вздых изумления и восхищения пронесся по толпе.

— Ну и здоровущая тварь! Батюшки мои, да это чудовище!

Помощники Нарриана, уже успевшие выскочить на берег, вошли в настоящий раж. К ним на помощь бросились добровольцы из толпы, и все вместе они стали тянуть сеть как сумасшедшие. Нарриан, все еще в воде, вопил, пытаясь перекрыть общий гвалт:

— Перестань тянуть! Не так быстрый!

Но никто не обращал на него ни малейшего внимания.

— Моя сеть! Она сто долларов! — заходился Нарриан. — Она порваться, если вы не кончать тянуть!

Но толпа была уже во власти неумемного желания скорее вытащить ламантина на берег. Сеть продолжали тянуть до тех пор, пока опутанный ламантин не оказался на мелководье у самого берега. Действительно, зверь был очень крупным, но разглядеть себя он не дал. Неожиданно изогнувшись, ламантин ударил своим огромным хвостом, обдав всех жидкой грязью. Сеть лопнула, и ламантин исчез. Вне себя от гнева Нарриан выскочил на берег и, захлебываясь от ярости, стал требовать возмещения убытков у каждого, кто стоял поблизости. В этой суматохе и общем геме едва ли было уместно выступать с предложением пригласить мистера Кинга, чтобы попросить его пощипать веревки и утихомирить нашу чрезмерно возбужденную голубушку, когда ее поймают в следующий раз. Темпераментный спор не затихал, и все, казалось, позабыли о ламантине, кроме Джека, который бродил вдоль берега, следя за передвижениями зверя по колебаниям воды. Наконец шум на берегу поутих. Джек позвал Нарриана, чтобы показать ему место, где он последний раз видел ламантина. Нарриан подошел, громко ворча и держа в руке длинную веревку.

— Этот полоумный народ, — сказал он презрительно, — они порвал мой сеть, а он сто доллар стоит. Теперь я один пойти в воду, я вязать веревка ей на хвост, и она никак не улизнуть.

Он снова прыгнул в озеро и стал бродить из стороны в сторону, пытаясь нащупать ламантина ногами. В конце концов он нашел его. Зверь лежал на дне, и Нарриан, держа веревку, стал наклоняться, пока не коснулся воды подбородком. Оставаясь в таком положении, он несколько минут возился в воде. Затем он выпрямился и стал что-то говорить, но в этот момент веревка резко дернулась, и Нарриан плюхнулся лицом в воду. Барак-

таясь, он встал на ноги, выплюнул мутную илстую воду и со счастливым видом взмахнул концом веревки.

— Все-таки я ее взять, — возвестил он.

Ламантин, без сопротивления позволивший обвязать себя за хвост, теперь осознал опасность. Он всплыл на поверхность и, взметая тучи брызг, попытался освободиться. На этот раз Нариян был начеку и умело направлял пленника к берегу. Присмирившие помощники Нарияна в очередной раз опутали ламантина сетью, и руководитель операции выбрался на берег, по-прежнему не выпуская веревку из рук. Помощники взялись за сеть и под строгим присмотром Нарияна, командовавшего их действиями, медленно вытащили сирену за хвост на берег.

На земле она выглядела не такой уж красоткой. Голова напоминала какой-то тупой пень, украшенный мочучими, но редкими усами, торчащими из огромной бульбообразной верхней губы. Крошечные глазки были глубоко запрятаны в складки мясистых щек, и заметить их можно было только благодаря тому, что они слегка гноились. Сирена фактически не имела ничего, кроме выдающихся ноздрей, что могло бы придать ее морде хоть какое-нибудь выражение. Длина ее от носа до конца внушительного лопатообразного хвоста превышала два метра. Передние конечности представляли собой лапы, а задних не было вовсе. Как в этом теле держались кости, оставалось загадкой. Сейчас, лишенная поддержки воды, сирена являла собой громоздкую тушу, весьма похожую на мешок с сырым песком.

Сирена никак не реагировала на проявления нашего исследовательского любопытства, позволяя переворачивать себя и ни малейшим движением не выражая протеста. Она неподвижно лежала на спине, раскинув лапы в стороны, и я даже стал опасаться, уж не повре-

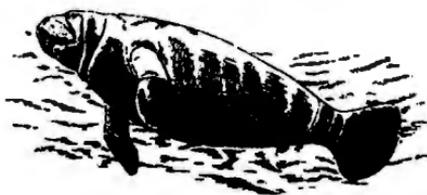
дили ли мы ее во время поимки. Я спросил об этом Нарiana. Он рассмеялся.

— Эта штука не может помирать,— ответил он и брызнул на сирену водой. Та изогнула тело, ударила хвостом о землю и снова замерла.

Проблему перевозки сирены в Джорджтаун решил городской муниципалитет Нью-Амстердама, выделивший нам свой водовозный грузовик. Мы обвязали канатами хвост сирены и пропустили их под лапами. Нариян и три его помощника подняли добычу и, шатаясь, понесли ее через луг к тому месту, где стоял грузовик.

Лапы сирены беспомощно свисали между канатами, с огромных усов капала слюна, и весь ее облик вряд ли можно было назвать привлекательным.

— Если когда-то какой-то моряк назвал эту красотку сиреной,— сказал Чарльз,— бьюсь об заклад, он очень долго не ступал на землю.

Глава девятая ВОЗВРАЩЕНИЕ

Наша экспедиция подошла к концу. Джеку с Тимом предстояло везти животных в Лондон морем, а мы с Чарльзом должны были вылетать без промедления, чтобы сразу же начать работу над фильмом. Перед нашим отлетом Джек вручил мне большую квадратную коробку.

— Тут, внутри, — сказал он, — немножко славных пауков и скорпионов да одна-две змеи. Все они сидят в запечатанных консервных банках с крохотными дырочками для воздуха, так что удрать им нет никакой возможности. Но ты их все-таки проверяй и возьми с собой в кабину, чтобы не простудились. И кроме того, не захватишь ли и эту маленькую носушку? — добавил он, передавая мне восхитительное пушистое создание с блестящими карими глазами, длинным хвостом с коль-

чатым рисунком и острой любопытной мордочкой.— Она еще пьет молоко, поэтому тебе придется кормить ее в дороге из бутылки каждые три-четыре часа.

Мы с Чарльзом забрались в самолет с коробкой и носухой, устроившейся в маленькой дорожной корзинке. Носушка вызвала всеобщий интерес, и, когда самолет пролетал над островами Карибского моря, к нам подошла одна леди погладить ее. Она спросила, что это за зверек и как он к нам попал. В конце концов нам пришлось объяснить, что мы возвращаемся из экспедиции за животными. Она взглянула на коробку у моих ног.

— А здесь, надо полагать,— сказала она с улыбкой,— полным-полно змей и всяких других ползучих тварей.

— По правде говоря,— ответил я замогильным голосом,— так оно и есть.— И мы втроем от души посмеялись над таким нелепым предположением.

Первую часть путешествия носуха вела себя очень хорошо, но, когда мы повернули на север и взяли курс на Европу, она отказалась от молока. Боясь, как бы она не простудилась, я засунул ее за пазуху, где она зарылась мне под мышку и мирно заснула. Я попытался уговорить ее поесть в Лиссабоне, потом в Цюрихе, но она по-прежнему отказывалась. Мы и нагревали молоко, и соблазняли зверюшку давленными бананами, и подносили ей сливки на блюдечке, но все было напрасно. В час ночи мы прибыли в Амстердам. Самолет на Лондон улетал в шесть. Мы с Чарльзом расположились на длинных кожаных диванах в фойе аэропорта. Наша носуха не ела уже тридцать шесть часов, и мы были сильно обеспокоены. Мы перебирали в памяти все, что читали о носухах, пытаясь припомнить их любимое лакомство, но на ум приходили только те строчки из книг по естествознанию, где говорилось, что носухи «всеядны».

Тут Чарльза осенило.

— А что, если попробовать дать ей червей? — сказал он. — Вдруг соблазнится, если мы найдем хорошие и они будут шевелиться.

Я согласился, но мы оба не представляли, где можно достать червей в Амстердаме в четыре часа утра. Затем мы вспомнили, что голландцы, гордясь своими цветами, разбили вокруг летного поля прекрасные клумбы тюльпанов, которые были сейчас в полном цвету. Оставив Чарльза с носухой, я вышел на поле, освещенное прожекторами, и незаметно забрался на клумбу. Служители аэропорта проходили в двух шагах от меня, когда я ковырял пальцами в мягкой земле, но никто из них не обратил на меня никакого внимания. Пять минут спустя я уже был счастливым обладателем дюжины розовых извивающихся червей, которых я с триумфом принес в фойе. К нашей радости, маленькая носуха набросилась на червей с жадностью. Съев их всех, она облизнулась и совершенно явно попросила добавки. Мы еще четырежды наведывались на клумбы, прежде чем носуха насытилась. Шесть часов спустя мы передали ее Лондонскому зоопарку.

А тем временем в Джорджтауне предстояло еще много сделать, прежде чем отправить животных через океан. Последние недели нашего путешествия были омрачены ухудшением здоровья Джека. Постепенно становилось очевидным, что он серьезно болен, и через несколько дней после нашего отлета врачи в Джорджтауне посоветовали ему по возможности скорее отправиться домой, чтобы показаться специалисту в Лондоне. На смену Джеку в Джорджтаун вылетел Джон Йеланд, куратор орнитологического отдела Лондонского зоопарка. Он должен был помочь Тиму Вайнеллу переправить животных по морю в Лондон.

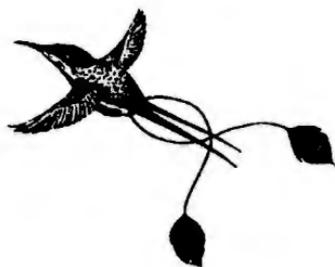
Это была хлопотная и сложная задача. Чтобы обеспечить ламантину комфортабельное путешествие, Джон и Тим устроили на одной из палуб корабля плавательный бассейн из специальной брезентовой ткани. Для удовлетворения здорового аппетита своих подопечных они доставили на борт запас провианта, содержащий три тысячи фунтов салата, сто фунтов капусты, четырехста фунтов бананов, сто шестьдесят фунтов свежей травы и сорок восемь ананасов. А чтобы животные девятнадцать дней ехали в чистоте и сытости, Тиму и Джону приходилось трудиться не покладая рук с рассвета до вечерних сумерек.

Прошло несколько недель, прежде чем я смог прийти в Зоопарк навестить наших животных. Ламантин лениво плавал в кристально чистом бассейне, сооруженном специально для него в Аквариуме. Он стал теперь таким ручным, что, когда я наклонился и поболтал в воде капустным листом, он подплыл к борту и взял его из моих рук. Птенец амазона, которого нам дали на Кукуи, был теперь в полном перье, и его трудно было узнать. Но я был уверен, что меня он не забыл: когда я заговорил с ним, он стал дергать головой вверх и вниз, точно так, как он делал это месяц назад, когда я кормил его изо рта жеваной кассавой. Колибри выглядели великолепно, мелькая и зависая среди тропических растений в специально обогреваемом помещении. Перси, дикобраза, я застал спящим. Он свернулся, выбрав укромное местечко на одной из ветвей, все с тем же кислым выражением на физиономии.

Когда я пришел к капибарам, они как раз готовились к переезду в обширный загон в Уипснейде, загородном поместье Зоопарка. Обе подружки свистели, хихикали и сосали мои пальцы с таким же задором и воодушевлением, как и на Бариме. Муравьеды процветали на диете из мясного фарша и молока, а в отделе насекомых

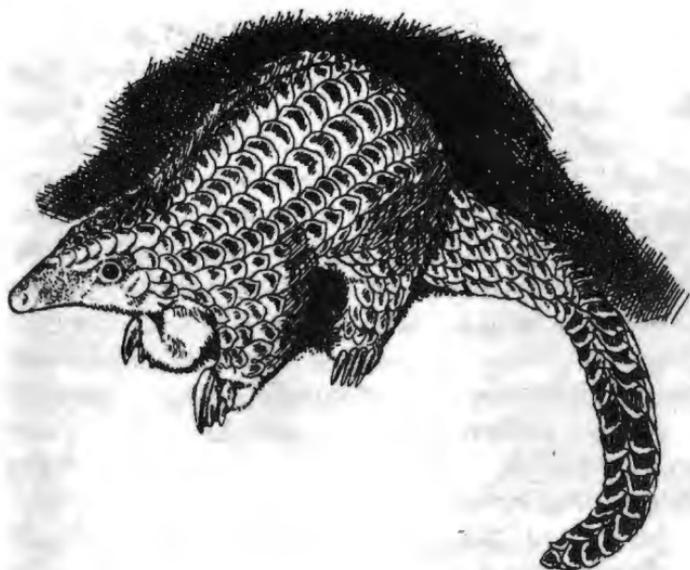
я обнаружил, что паук, пойманный в Аракаке, разродился через несколько дней по прибытии в Европу из одной сотней крошечных детишек, которые теперь стремительно подрастали.

Не сразу нашел я Худини, существо, которое лично мне доставило больше хлопот, чем любое другое. Когда я наконец его увидел, он, громко чавкая, жрал помидор. Я перегнулся через загородку загона и несколько раз позвал его. Но Худини, что называется, не видел меня в упор.

В поисках
дракона

Глава первая В ИНДОНЕЗИЮ

Обычно считают, и совершенно справедливо, что предприятию, достойному называться экспедицией, предшествует кропотливая многомесячная подготовка. Надо составить программу и получить всевозможные разрешения, обрести списками, запастись визами и картами, упаковать и снабдить этикетками необъятные груды снаряжения, позаботиться о всех видах транспорта — от грузового судна до вереницы босоногих носильщиков. Подготовка нашего путешествия в Индонезию совершенно не укладывалась в эту классическую схему, и, сказать по правде, когда мы с Чарльзом Лейгусом поднимались по трапу самолета, чтобы перенестись из Лондона в Джакарту, я испытывал некоторое беспокойство.

Ни Чарльз, ни я прежде не бывали в Юго-Восточной Азии, малайским языком не владели и никого в Индонезии не знали. К тому же за несколько недель до отъезда мы решили не везти с собой слишком много продуктов, полагая, что там, где большой экспедиции грозят продовольственные затруднения, два человека как-нибудь раздобудут себе пропитание. По той же причине мы не стали заранее беспокоиться о том, где и как нам придется ночевать в течение следующих четырех месяцев. Но в индонезийском посольстве в Лондоне мы все же побывали. Нас приняли чрезвычайно учтиво и пообещали отправить индонезийским властям письма с извещением о нашей экспедиции и просьбой о содействии. Но когда мы зашли в посольство накануне отъезда, то узнали, что письма еще не отправлены. Один из чиновников проявил находчивость и предложил исправить положение чрезвычайно простым способом: мы возьмем письма с собой и сами отправим их по прибытии в Индонезию.

Индонезия, можно сказать, нанизана на экватор. Она распростерлась на три тысячи миль от Суматры до середины Новой Гвинеи. Индонезия — это Ява, Бали, Сулавеси, большая часть Калимантана и тысячи разбросанных между ними мелких островков. От восточных границ страны до западных так же далеко, как от Тихоокеанского побережья Соединенных Штатов Америки до Атлантического. Мы собирались попутешествовать по островам, снимая не только животных, но и людей, их повседневную жизнь. Нашей конечной целью был один островок, совсем небольшой, всего двадцать две мили в длину и двенадцать в ширину, он находился почти в центре архипелага и назывался Комодо. Там мы надеялись разыскать одно из самых поразительных существ, живущих ныне на Земле, — крупнейшую в мире ящерицу.

Многие годы о загадочной рептилии ходили полные благоговейного ужаса слухи. Говорили, что у этого драконоподобного существа огромные когти, страшные зубы, покрытое броней туловище и огнедышащая пасть. Слухи питались рассказами местных рыбаков и ловцов жемчуга, которые отваживались плавать среди опасных рифов, окружавших труднодоступный и необитаемый в ту пору островок.

В 1910 году один офицер голландской колониальной пехоты предпринял экспедицию на Комодо. Он убедился, что рассказы о драконах соответствуют действительности. В качестве доказательства он привез на Яву шкуру двух застреленных им гигантских ящериц и подарил их голландскому зоологу Оуэнсу. Оуэнс первым описал это необыкновенное животное, назвав его комодским вараном. У широкой публики варан получил название «дракон острова Комодо».

Следующие экспедиции установили, что комодский варан — существо плотоядное, а добыча его — олени и дикие свиньи, во множестве обитающие на острове. Конечно, варан питается падалью, но не исключено, что он способен охотиться и сам, поражая жертву ударом мощного хвоста. Таких же варанов обнаружили и на двух соседних островах: Ринджа и Флорес. Больше они нигде не встречались, что вызывало недоумение у зоологов. Варан острова Комодо почти наверняка был потомком еще более крупных доисторических ящериц, ископаемые останки которых найдены в Австралии. Самым древним из них — около шестидесяти миллионов лет. А ведь Комодо — остров вулканического происхождения и возник сравнительно недавно. Почему же драконы сохранились только там и как они туда попали? Неизвестно.

Столь же проблематичными казались и наши возможности добраться до Комодо. В Лондоне никто не

мог сказать нам ничего определенного. Оставалось надеяться, что все прояснится на месте — в столице Индонезии Джакарте.

Архитектура Джакарты отнюдь не поразила нас восточным колоритом. Аккуратные ряды белых, крытых черепицей бунгало, отели из стекла и бетона, кинотеатры, похожие на какие-то ярко раскрашенные окаменевшие азростаты. Изредка попадались более старые здания со строгим классическим портиком, сохранившиеся от голландской колониальной эпохи. Словом, Джакарта почти не отличалась от других современных тропических городов. Но зато жители ее оказались куда менее подверженными западному влиянию, чем архитектура. Многие мужчины носили саронги — юбки до пят из домотканого полотна. Почти все носили пичи — черные бархатные шапочки. Раньше они считались частью мусульманского традиционного костюма, но в молодой республике пичи стали символом национального единства, и теперь их носили все индонезийцы независимо от расовой принадлежности и религиозных убеждений.

Яванцы обычно невысокого роста, с черными прямыми волосами, медовой кожей и ослепительной улыбкой. В городе на каждом шагу видишь признаки бедности. По разбитым тротуарам снуют в толпе уличные разносчики с длинными гибкими шестами на плечах. К концам шестов подвешены невероятных размеров тюки с одеждой или сетки с глиняной посудой, а нередко и пылающая жаровня, которую разносчик неуловимым движением опускает на землю, чтобы приготовить желющим ароматное сатэ — приправленные специями кусочки мяса на бамбуковом шампуре.

Велорикши — бечаки — выстраиваются рядами вдоль тротуаров или лихо лавируют среди дребезжащих трамваев и заливающихся хриплыми клаксонами аме-

риканских автомобилей. Трехколесные тележки вело-рикш разукрашены зловещими пейзажами и страшными чудовищами, а под сиденьем натянута резиновая лента, которая звонко и весело звенит на быстром ходу. Главные улицы проложены в основном вдоль каналов — этих неизбежных элементов ландшафта любой колони-зируемой голландцами территории. Берега каналов — царство женщин. Здесь они полощут белье и моют фрукты, здесь же моются сами и непринужденно от-правляют свои естественные надобности.

Такой предстала перед нами Джакарта — шумная, многолюдная, беспокойная, кое-где грязноватая и всюду адски жаркая. Нам не терпелось поскорее из нее вы-браться.

Однако стало ясно, что на несколько дней задер-жаться все же придется. Надо было нанести визиты вежливости в правительственные учреждения и зару-читься их официальной поддержкой. Имея письма из посольств в Лондоне, мы полагали, что все формально-сти должны пройти гладко, и даже в минуты глубочай-шего пессимизма отводили на Джакарту не более не-дели. Вспоминая об этом теперь, я понимаю, что труд-ности, с которыми мы столкнулись, можно было пред-видеть. В молодой республике бурлили революционные настроения, разразившиеся девять месяцев спустя от-крытым мятежом. Мы были иностранцами, внешне мало отличавшимися от голландцев, с колониальным господ-ством которых здесь покончили всего полгода назад по-сле длительной и жестокой борьбы. Мы просили разре-шения отправиться в глухие уголки страны, о которых большинство чиновников не имело никакого представ-ления, и хотели везти с собой кинокамеры и магнито-фоны. К тому же мы спешили, а это для подозритель-ных властей первый признак преступных намерений. День за днем по невыносимой жаре обивали мы пороги

правительственных учреждений. Каждое утро в течение недели одному из нас приходилось являться на таможеню. Потом оказалось, что кроме таможенных свидетельств нам необходимо иметь разрешения полицейских и военных служб, а также письма от министерств сельского и лесного хозяйства. Мы узнали, что программа экспедиции должна быть одобрена министерствами информации, внутренних дел, иностранных дел и обороны. Каждый чиновник принимал нас очень любезно и внимательно, но ни один не мог принять решения без одобрительной резолюции должностного лица из другого министерства.

Одна сочувствующая нам душа все же нашлась. Нашей союзницей стала очаровательная и сентиментальная дама из министерства информации, превосходно говорившая по-английски. Неделя скитаний по инстанциям привела нас к ней за какой-то особо важной печатью на одной из бумаг. Убив, как обычно, час на ожидание в очереди, мы оказались у ее стола. Она с любопытством просмотрела наши бумаги и совершила над ними требуемый ритуал. Затем прочла их внимательнее, устало сняла очки и одарила нас тусклой улыбкой.

— Зачем вам все это нужно?

— Мы из Англии, приехали снимать фильм. Надеемся попутешествовать по Яве, Бали, Калимантану и попасть на остров Комодо. Хотим снимать и ловить животных.

Улыбка, распутившаяся было на лице дамы при слове «фильм», стала вянуть, когда я упомянул о путешествиях, и окончательно погасла при слове «животные».

— А дух,— сказала она печально,— вряд ли это возможно. Но,— добавила она, оживившись,— я все устрою. Поезжайте в Боробудур.— И она указала на ви-

севший на стене рекламный плакат с изображением знаменитого буддийского храма в центре Явы.

— Ньонья,— возразил я, употребив вежливое индонезийское обращение к замужней женщине,— это прекрасно, но мы приехали в вашу страну снимать не храмы, а животных.

Мой ответ поразил ньонью.

— Каждый приезжающий в страну,— сурово заявила она,— снимает Боробудур.

— Может быть, и так, но мы снимаем животных.

Она взяла бумаги, только что ею проштампованные, и со скорбным видом разорвала их надвое.

— Думаю,— резюмировала она,— вам лучше начать все сначала. Зайдите через неделю.

— Но мы можем прийти завтра. Понимаете, у нас нет времени задерживаться в Джакарте.

— Завтра — лебаран,— объявила дама,— наш большой мусульманский праздник. Начнутся народные гулянья.

— Он что, целую неделю будет продолжаться? — спросил Чарльз с плохо скрываемым раздражением.

— Нет, но через день после него наступит Троица (Духов день).

— Послушайте,— возразил я,— это ведь мусульманская страна, а не христианская. Не можете же вы соблюдать праздники всех религий.

И тут эта дама выказала агрессивность, в первый и последний раз за недели наших переговоров.

— А почему бы нет? — парировала она.— Когда мы завоевали свою свободу, мы сказали президенту, что желаем отмечать все праздники, и он подарил их нам.

К концу следующей недели, преодолев ряд одних затруднений, мы столкнулись с другими, еще более внушительными. Мне пришлось вылететь в Сурабаю за очередной порцией разрешений, а Чарльза оставить в

Джакарте продолжать битву в одиночку. Вернувшись, я обнаружил, что наша союзница из министерства информации всерьез подключилась к делу. Чарльз как раз справился с восьмой копией некоей анкеты, наиболее пространной из всех виденных нами до сих пор. Каждая копия этого документа была снабжена специальными фотографиями, изображавшими Чарльза в профиль и анфас, отпечатками его пальцев и набором всевозможных печатей. Работа с этой монографией потребовала от Чарльза трехдневного напряжения в очередях, и теперь он явно испытывал чувство глубокого удовлетворения. Я был слегка задет.

— Ньонья,— обратился я к нашей даме,— может быть, и мне необходима такая бумага?

— Да нет, не обязательно. Видите ли, я предложила это туану Лейгусу просто потому, что в ваше отсутствие ему нечем было заняться.

Потратив три недели своего драгоценного времени в Джакарте, мы были так же далеки от завершения всей этой бумажной волокиты, как и в день приезда. Я решил довериться нашей союзнице.

— Завтра,— сообщил я ей заговорщически,— мы должны уехать непременно. Нам нельзя больше ждать и терять время на походы по учреждениям.

— Ну и прекрасно,— ответила она,— наверное, вы правы. Я устрою вам поездку в Боробудур.

— Ньонья,— сделал я последнюю попытку,— ну пожалуйста, поймите — мы зоологи. Мы разыскиваем животных. Ни в какой Боробудур мы не поедем.

Стоя у подножия Боробудура, мы радовались, что уступили нашей покровительнице. Она так настаивала, что в конце концов нам действительно захотелось поехать куда угодно, лишь бы избежать бюрократических судорог в Джакарте. Наше сопротивление было сломле-

но окончательно, когда она сообщила, что в Боробудуре на днях состоятся великие торжества по случаю 2500-летия рождения Будды. Ладно, решили мы, ведь дорога на Комодо все равно идет мимо этого храма, а если потребуются еще какие-нибудь разрешения, их, может быть, удастся раздобыть и в провинции.

Созерцая великолепный храм, мы забыли о всех своих волнениях и планах. Впечатление было потрясающим, невыразимым. Террасы гигантскими ярусами уходили вверх по склонам холма, образуя величественную пирамиду, увенчанную громадной колоколообразной ступой с устремленным в небо шпилем. Вокруг на всхолмленной равнине зеленели рисовые поля и пальмовые рощи, а на горизонте на фоне бирюзового неба курился фиолетовый конус вулкана.

Внутри храма с четырех сторон вели ворота. Поднявшись по восточным ступеням и пройдя под аркой, где на нас злобеще смотрели гротескные маски, мы обнаружили, что храм, казавшийся сплошной каменной массой, скрывает внутри сложную систему проходов, тянувшихся вдоль каждой террасы. Высокая балюстрада окаймляла внешнюю сторону проходов и превращала их в галереи. Стены галереи украшали рельефы необыкновенной красоты с изображением цветов, деревьев, ваз и лент. В нишах вдоль стены восседали Будды, скрестив ноги и опустив глаза. Стены галерей уходили так высоко, что мы чувствовали себя замурованными в каменной скульптурной громаде.

Медленно шли мы по гулким плитам террас, постепенно поднимаясь все выше и выше. Будды с каждой из четырех сторон пирамиды сидели в определенной позе. На востоке они касались руками земли, на юге — воздевали их в молитве, на западе Будды застыли в позе медитации, сложив руки на груди, а на севере — положив левую руку на колено, а правую подняв как

знак умиротворения. Рельефы самой нижней террасы изображали сцены из раннего периода жизни Будды. Он был представлен здесь в окружении королей и придворных, воинов и прекрасных женщин. На заднем плане и в углах панелей скульпторы поместили животных — павлинов и попугаев, обезьян, белок, оленей и слонов. Чем выше поднимались мы по террасам храма, тем явственнее ощущалось изменение стиля рельефных произведений: он становился более суровым, земные сцены исчезали, уступая место каноническим изображениям молящегося или проповедующего Будды.

С пятой, последней галереи мы поднялись на первый из трех открытых ярусов. Здесь все было иначе. Рельефы исчезли. Прямые углы галерей, ориентированных по сторонам света, сменились мягким изгибом круглых террас. Вместо полумрака глубоких коридоров — залитое светом пространство. Семьдесят два каменных «колокола» тремя кругами охватывали гигантскую центральную ступу. Каждый такой «колокол» — полый, с решетчатыми стенками — скрывал Будду, запечатленного в позе Учителя. Только в одном месте Будда представал открытым, не защищенным «колоколом». На последней, самой верхней платформе находилась завершающая ступа, устремленная в небо. Величественная и совершенная, она была сердцем всего храма.

По-видимому, Боробудур — совершеннейшее творение буддийской архитектуры. Он возведен в середине VIII века. Каждая его деталь символизирует частицу буддийского мира. Мы не видели самой нижней террасы, погребенной в то время под землей. Высказывалось мнение, что террасу пришлось засыпать, иначе каменная громада храма раздавила бы ее. Но когда начались раскопки и стали обнажаться скрытые ранее барельефы, взору открылись сцены вражды и дьявольских страстей, и теперь предполагают, что этой террасе, как символи-

ческому средоточию темных сил, создатели храма сознательно отвели место под землей. Точно так же буддийский паломник, прежде чем войти в храм, должен был подавить и похоронить свои мирские страсти и желания. От галереи к галерее, от террасы к террасе он медленно поднимался к вершине храма и, символически повторяя жизненный путь Будды, как бы очищал свой дух от мирской суеты. Наконец, на самой верхней террасе, достигнув цели восхождения, паломник постигал смысл предельной простоты и высшей гармонии, воплощенной в последней ступе.

Строительство Боробудура завершилось незадолго до того, как официальной религией страны стал индуизм. Через шестьсот лет он уступил место исламу и только на Бали сохранился до наших дней. А великий храм, покинутый паломниками, остался последним островком буддизма в чужом краю. Но и по сей день величие Боробудура чувствует каждый, кто ступает по каменным плитам. Местные крестьяне относятся к храму с благоговением и посещают не прикрытого ступой Будду на верхней террасе. На ладонях божества всегда лежат лепестки цветов, а у его ног стоит простая корзинка со скромными подношениями.

Юбилейные торжества должны были состояться в тот же вечер. С приближением назначенного часа шумная толпа паломников устремилась к верхней террасе и расположилась вокруг единственного незащищенного Будды. Через некоторое время появились два бритоголовых монаха в желтых одеяниях. Они остановились около Будды и начали что-то горячо обсуждать. Нам объяснили, что старший монах специально прибыл сюда из Таиланда и сейчас оба они обсуждают детали проведения церемонии. Наконец они закончили бурные дебаты, и все участники церемонии под монотонное песнопение монахов двинулись вокруг террасы. По очереди они ста-

вили у ног Будды специально принесенные бутылки с минеральной водой и тут же расходились в разные стороны. Одни рассаживались на «колоколах» без всякого почтения к святыне, другие цеплялись за их шпильки и висли на них, весело болтая и смеясь. Оказавшийся здесь же индонезийский фоторепортер нетерпеливо кричал на тех, кто загораживал ему Будду. Засверкали вспышки аппаратов. Один из монахов стал призывать верующих спуститься со священных ступ, но его усилия не возымели действия. Тем временем более набожные участники торжества, сидевшие у ног Будды, продолжали распевать священные гимны. Второй монах, все это время находившийся в медитации, вдруг поднялся и возбужденно обратился к толпе. Я спросил у одного из присутствующих, что он говорит.

— Сначала,— объяснили мне,— он рассказывал нам о жизни Будды. А теперь спрашивает, у кого есть машина — ему надо обратно в город.

Почитатели Будды собирались предаваться медитации всю ночь. Мы провели еще несколько часов среди шумной толпы. Забытый всеми Будда, одинокий и отрешенный, сидел в бледном свете парафиновых ламп, созерцая разбросанные остатки сожженных палочек для благовоний и ряды бутылок с дешевой минеральной водой. В толпе толкались, смеялись и болтали. Мы отказались от дальнейшего участия в этом суетном процессе.

Глава вторая **ВЕРНЫЙ ДЖИП**

Поездка в Боробудур помогла нам выскользнуть из пут джакартской бюрократии. Теперь, почувствовав себя свободными, мы могли наконец заняться своими делами. Прежде всего нам нужно было раздобыть автомобиль. Сев на поезд, мы отправились за ним в Сурабаю, крупнейший город Восточной Явы. Но там выяснилось, что нанять машину практически невозможно. Казалось, планы экспедиции снова рушатся и мы опять сползаем в трясины многонедельных проволочек, но судьба неожиданно послала нам удачу. В китайском ресторане мы познакомились с четой Хубрехт — Дааном и Пегги. Расправляясь с супом из птичьих гнезд и с клешнями жареных крабов, мы узнали, что Даан, с одинаковой легкостью говоривший на голландском, ан-

глийском и малайском языках, родился в Англии, в семье голландцев, а ныне он управляет двумя сахарными заводами в нескольких милях от Сурабаи. Даан бредит парусниками, может целыми днями точить ножи, без ума от восточной музыки и мечтает об экспедициях вроде нашей. Услышав о наших планах, Даан немедленно уговорил нас оставить отель и расположиться в его доме, который, как он заявил, отныне станет базовым лагерем экспедиции. Пегги с не меньшим энтузиазмом встретила эту идею и была, казалось, совершенно счастлива, когда на следующий день два неожиданных квартиранта действительно превратили ее дом в «экспедиционный лагерь», забив комнаты фото- и киноаппаратурой, магнитофонной техникой, коробками пленок и кучами грязной одежды.

Вечером с помощью Даана мы разработали подробный план всей кампании. По его словам, восточная часть Явы больше всего подходила для наших целей. Население там редкое, а в хорошо сохранившихся глухих лесах можно найти интересующих нас животных. Между Баньюванги, городком на восточном побережье Явы, и магическим островом Бали регулярно ходит паром. Погрузившись в расписание, наш хозяин выяснил, что через пять недель из Сурабаи на Калимантан отправится грузовое судно. Если к тому времени мы завершим путешествие по Яве и Бали, Даан забронирует для нас места. Схема рисовалась блестящей. Оставалось решить последнюю проблему — достать автомобиль, но и это Даан надеялся уладить.

— У нас на заводе есть один выдавший виды старикашка джип. Я посмотрю, можно ли вернуть его к жизни.

Через два дня джип, прошедший процедуру омоложения, смазанный и заправленный, подкатил к дому Хубрехтов. На следующее утро, встав в пять часов, мы

загрузили в него все наше снаряжение, сердечно поблагодарили Хубрехтов и покатали на восток.

Джип вел себя отменно. По существу, это был механический курьез, собранный из деталей от совершенно разных устройств. На панели управления одних приборов не хватало, а другие использовались не по своему прямому назначению. Например, маркировка вольтметра недвусмысленно указывала на его принадлежность к кондиционеру. Клаксон функционировал только от соприкосновения обнаженного конца провода с корпусом коробки передач, специально очищенным в одном месте от грязи и краски для облегчения контакта. Эта система действовала превосходно, но создавала некоторое неудобство: всякий раз, захотев посигналить, водителю приходилось настраивать себя на краткий сеанс электротерапии.

Ни одна из четырех покрышек не походила на другую ни маркой, ни размером. Их роднила другая особенность: абсолютная гладкость, полное отсутствие шероховатости, если не считать нескольких небольших прорех, из которых выглядывала светлая матерчатая оболочка. В общем же эта машина, бесспорно, обладала незаурядной силой духа и завидным запасом жизненных сил, и мы в распрекрасном настроении катили по дороге, распевая во весь голос.

Утро выдалось солнечным и ярким. Справа на горизонте тянулась цепь вулканов — часть горного хребта, простирающегося вдоль всей Явы. По обеим сторонам дороги на залитых мутной водой террасированных полях трудились крестьяне в огромных конических шляпах. Они сажали рис и почти не разгибались, а рядом деликатно вышагивали стройные белые цапли. Широким амфитеатром поля уходили вдаль и с дороги смотрелись огромной зелено-коричневой гладью, отражавшей облака, вулканы и небо.

Обсаженная акациями дорога серой лентой бежала по холмистой равнине. Время от времени мы обгоняли какую-нибудь повозку, поскрипывающую огромными деревянными колесами. Ее тащили волы, которых погонял крестьянин в тюрбане. Иногда нам приходилось резко сворачивать в сторону, чтобы не наехать на аккуратные прямоугольники ковров из рисовых зерен, рассыпанных для просушки прямо на дороге. Проезжая мимо небольших деревушек, мы с любопытством разглядывали невиданные доселе дорожные знаки. При других обстоятельствах эти загадочные ребусы, возможно, и вызвали бы у нас тревогу, но движение на здешних дорогах никто не назвал бы бойким, и потому мы ничуть не страдали от своего невежества.

Мы безмятежно ехали уже около пяти часов и проезжали очередную деревушку, когда неожиданно на дороге, размахивая руками и пронзительно свистя, выскочил низенький полицейский с огромным револьвером на поясе. Мы остановились. Полицейский просунул голову в окошко и разразился грозной речью.

— К нашему глубокому сожалению, констебль, — отвечал ему Чарльз, — мы, видите ли, не говорим поиндонезийски. Мы англичане. Что-то не так?

Полицейский не унимался. Мы вытащили паспорта, но это лишь усилило его гнев.

— Кантор полиси. Полиси! Полиси! — кричал он.

По-видимому, это означало приглашение в полицейский участок.

Нас провели в казенную комнату с оштукатуренными стенами, где восемь мрачных полицейских сидели вокруг письменного стола, заваленного бумагами и печатями. Старшего в этой группе мы угадали по особенно внушительному пистолету и двум серебряным нашивкам

на погонах. Снова извинившись за неспособность беседовать по-индонезийски, мы извлекли одно за другим все свои письма, разрешения, пропуска и визы. Офицер нахмурился и стал перебирать это бумажное богатство. Наши паспорта почти не привлекли его внимания, а бесчисленные отпечатки пальцев Чарльза он полностью проигнорировал. Наконец он вытащил из кучи одно письмо и углубился в его изучение. Это было письмо директора Лондонского зоологического общества, адресованное какому-то ведомству в Сингапуре. Оно заканчивалось словами: «Любая помощь по уходу за животными, оказанная подателям сего, встретит глубокую признательность нашего Общества». Выражение лица офицера не стало мягче, когда он внимательно изучал подпись и тщательно исследовал оттиск эмблемы Общества. Мы с Чарльзом тем временем угостили сигаретами полицейских, сидевших рядом с нами, и улыбнулись чуть менее естественно, чем хотелось бы.

Офицер собрал наши бумаги и аккуратно сложил их в стопку. С величайшей осторожностью он пожевал губами сигарету, зажег ее, откинулся в кресле и выпустил в потолок облачко дыма. Внезапно его как будто осенило. Он поднялся и резко произнес что-то непонятное. Полицейский жестом пригласил нас к выходу.

— Докатились до камеры, надо полагать,— произнес Чарльз.— Хотел бы я все-таки знать, в чем дело.

— У меня ужасное подозрение,— отозвался я,— что мы нарушили основной закон дорог с односторонним движением.

Под конвоем мы подошли к нашему джипу, и полицейский открыл дверцу.

— Селамат джалан,— сказал он.— Счастливого пути.

Чарльз сердечно пожал ему руку.

— Должен сказать, констебль, — произнес он на прощание, — что вы были на редкость любезны.

Так оно, несомненно, и было. Чарльз не лукавил.

Поздно вечером мы въехали в Баньюванги. В предвоенные годы этот маленький городок был связан паромом с Бали и мог похвастаться энергичной деловой жизнью. С развитием авиации он потерял свое значение, и теперь лишь нефтекачалки, кинотеатры да кое-какие учреждения напоминали о его былом процветании. Обшарпанный отель, единственный в городке, стоял на заросшей травой центральной площади. Нас проводили в бетонную сырую келью, тесную и вымазанную побелкой. Над каждой кроватью громоздился деревянный каркас, обтянутый тонкой металлической сеткой. Сооружение напоминало ящик для хранения мяса и служило, как выяснилось, защитой от комаров. Полезное устройство, но определенно развивающее у вас клаустрофобию, и, будь в комнате побольше места, я бы охотно предпочел спать без него.

Послушные закону и верные данному в Джакарте обещанию, мы на следующий день зарегистрировались в местном отделении полиции, лесном ведомстве и отделении министерства информации. Министерский чиновник явно забеспокоился и даже испугался, узнав, что мы намерены поехать по окрестностям городка в поисках животных. Ему не удалось отговорить нас от этой затеи, и тогда он мягко, но настойчиво предложил нам взять одного из своих младших коллег в качестве гида и переводчика. Выбора у нас не было, пришлось согласиться.

Гид оказался мрачным долговязым юношей по имени Юсуф, которого вовсе не воодушевляла перспектива недельных скитаний по приморским деревушкам — кампунгам. На следующее утро он явился в отель в белоснежных парусиновых брюках, с чемоданом невероят-

ных размеров и тоном мученика заявил, что готов отправиться, как он выразился, «в джунгли». Чарльз сел за руль, Юсуф — на место пассажира, а я между ними, в обнимку с рычагами. Мы выехали из Баньюванги и направились туда, где, по мнению Даана, мог быть интересный лес. Мы останавливались в каждой деревушке и с помощью словаря и Юсуфа выясняли, насколько богаты животными ее окрестности. Дорога становилась все хуже, а местность — все глуше и гористее, и деревушки попадались теперь редко. К вечеру мы добрались до перевала. Когда джип медленно выполз на его высшую точку, мы не смогли сдержать изумления и восторга при виде открывшейся панорамы. В ста метрах от нас, у подножия лесистой горы, лежала широкая бухта, окаймленная пальмовыми рощами. Кремовые волны с мягким гулом накатывались на белый коралловый песок. Перед нами простирался Индийский океан. Внизу, прямо по курсу, мерцали в сумерках желтые огоньки крошечной деревушки.

Мы расположились в этой деревушке и целыми днями бродили по окрестным лесам. В полуденные часы лес казался безжизненным, его наполняло лишь гудение насекомых. Зной, тягостная духота, переплетения колючих лиан и кустарников с редким вкраплением висячих орхидей. Жутковато в лесу в это время дня: кажется, будто глухой полночью бродишь по пустынному городу. Но, пробираясь сквозь чащу, мы замечали гниющий на земле обгрызенный плод, а иногда след, перышко или волосинки у входа в чью-то нору, и мы понимали, что где-то совсем рядом, в укромном месте, дремлют живые существа.

Зато ранним утром лес был полон жизни. Ночные животные еще бодрствовали, а дневные уже просыпались и отправлялись на поиски пищи. Но активная жизнь длилась недолго, и, как только солнце поднима-

лось выше, дневные обитатели леса, насытившись, впадали в дрему, а ночные укрывались в своих подземных жилищах.

Юсуф не сопровождал нас в этих прогулках. Он сказал, что «джунгли» не его стихия. Через неделю в деревушку заехал один китаец, владелец каучуковых плантаций. Он направлялся в Баньюванги, и Юсуф не скрывал желания составить ему компанию. Мы дали понять Юсуфу, что нас это огорчит, но не очень, после чего он не мешкая упаковал свой чемодан и умчался вместе с китайским плантатором.

Мы оповестили жителей деревни о своем интересе к животным. Думаю, что они были немало разочарованы, когда после такого многообещающего вступления мы не вытащили винтовки и не отправились на розыски тигров. Их явно озадачили наши многочасовые наблюдения такой заурядной мелкоты, как муравьи и ящерицы. Каждый день нас навещал один старик, приносящий то ящерку, то многоножку. Как-то раз он притащил полный мешок рыб-иглобрюхов, которые от ярости раздулись и превратились в шары кремового цвета. За два дня до нашего отъезда он с ликующим видом явился к нам в хижину во главе небольшой делегации.

— Селамат паги, — приветствовал я его. — Доброе утро.

В ответ старик вытолкнул вперед мальчишку, и тот стал что-то говорить по-малайски. С большим трудом нам удалось понять, что вчера он, собирая листья ротанговой пальмы, видел огромную змею.

— Бесар, — повторял мальчик, — большая-большая.

Чтобы мы могли представить размеры чудовища, он провел ногой черту на земле и, отступив от нее на шесть больших шагов, провел другую.

— Большая, — опять сказал он, показывая на расстояние от одной линии до другой.

Мы согласно кивнули.

На Яве обитают лишь два вида змей такой длины: индийский и сетчатый питоны. Первый достигает семи с половиной метров, второй бывает и больше: Один известный экземпляр, сущее чудовище, имел в длину более девяти с половиной метров. Пока это был абсолютный рекорд в мире змей. Если мальчишка не преувеличивает, то его питон небезопасен, может скрутить человека и тогда почти наверняка задушит. Я вспомнил, что мы обещали Лондонскому зоопарку не упустить возможности поймать «хорошенького большого питончика».

Существует один сравнительно нехитрый способ отлова таких чудовищ. Он требует как минимум трех человек, а если строго следовать инструкции, то по одному человеку на каждый погонный метр змеи. Этот отряд храбрецов выстраивается на некотором расстоянии от жертвы и ждет, пока лидер распределит обязанности. Один отвечает за голову, другой — за хвост, остальные делят между собой туловище. По команде все кидаются на змею и хватают каждый свою часть. Для успеха предприятия важно, чтобы по крайней мере голова и хвост были схвачены одновременно, иначе змея может обвить свободным концом одного из нападающих, и тому придется плохо. В примечании к инструкции сказано, что залогом успеха этой рискованной операции является четкое взаимодействие всех членов команды.

С большим сомнением я окинул взглядом стоявшую передо мной мусульманскую команду в тюрбанах. В неустранимости каждого из них я был уверен, но боялся, что мне не удастся четко объяснить им весь план необычного предприятия.

Говорил я долго и для большей ясности чертил на земле схемы. Через пятнадцать минут я преуспел в своих объяснениях настолько, что пятеро отказались от участия в этом деле. Отряд добровольцев сократился до

двух человек, старика и мальчика. Чарльз не в счет, ему предстояло снимать операцию. Итак, нас трое, старик займется хвостом, мальчик — туловищем, а я — головой. Возможно, читателю покажется, что мне досталась наиболее рискованная работа, однако это не так. Правда, питон мог меня укусить, но ядовитых зубов у него нет, и в худшем случае я получил бы сильную царапину. А вот того, кому предстояло заниматься хвостом, могли ожидать действительно не самые приятные минуты в его жизни. Известно, что подвергшаяся нападению змея почти всегда испражняется изрядной порцией на редкость зловонной жижи.

Насколько я мог понять, и старик и мальчик уяснили мой план и соглашались помочь. Мы собрали все необходимое и отправились в лес. Впереди шел мальчик, прорубая парангом путь сквозь густой подлесок, за ним шагал я с веревкой и большим мешком, далее — старик, тащивший кое-что из фотооборудования, а замыкал шествие Чарльз с камерой наготове. Меня одолевали противоречивые чувства. Ядовитых змей я всегда старался по возможности избегать, зная, чем может кончиться слишком близкое с ними знакомство, а вот к питонам и удавам испытывал удивительную нежность. Правда, мне никогда не приходилось иметь дело с экземпляром длиннее чем метр двадцать. К тому же у меня не было уверенности, что наши добровольные помощники поняли мои наставления абсолютно правильно. Проигрывая в уме последовательность предстоящего сражения, я решил начать атаку кличем «Менджаланкан!». В словаре заверялось, что сие означает «Вперед, за дело!», и я искренне надеялся, что это правда.

Дорога пошла в гору. Нам пришлось продираться сквозь заросли бамбука. Черная пыль и сухие листья сыпались на нас, прилипая к потному телу. Когда мы вышли на полянку, я посмотрел вниз и увидел за бух-

гой нашу деревушку. Мальчик тем временем остановился и указал на землю. Из-под зеленого травяного ковра нелепо торчала ржавая железная проволока и острый угол разломанной бетонной плиты. Наклонившись, мы обнаружили обложенную бетоном глубокую яму, почти полностью скрытую растительностью. Поблизости виднелась траншея. Мне припомнились фотографии древних сооружений Центральной Америки и Индокитая, найденных в глухих лесных дебрях.

Мальчик заговорил.

— Бум! Бум! — произнес он. — Бесар. Орандг джепанг.

Перед нами были остатки ружейной огневой точки, устроенной тринадцать лет назад японцами, когда они захватили Яву.

Мы продолжали подниматься по склону холма, пока наконец мальчик не остановился. По его словам, здесь он вчера видел змею. Сложив вещи, наш маленький отряд разбрелся по кустам. Я почти не рассчитывал на успех поисков: в лабиринте лиан мне вряд ли удастся разглядеть змею, окажись она даже прямо перед моими глазами. Внезапно я услышал взволнованный голос старика и со всех ног бросился к нему. Он стоял на полянке у не очень высокого дерева и показывал вверх. Приглядевшись, я увидел поблескивающий бок огромной змеи, обвивавшейся вокруг одной из ветвей. В обманчивой мозаике тени и солнечных бликов, в гуще пышной листвы и переплетении лиан невозможно было разглядеть ни головы, ни хвоста. Я стоял в замешательстве. В моей инструкции по ловле крупных змей ничего не говорилось о том, как действовать, когда они устраиваются на ветках. Во всяком случае состязание с питоном в лазании по деревьям в мой план не входило. Оставалось одно — спустить его на землю и уж потом попытаться осуществить задуманное. С парангом

в руке я полез на дерево. Питон находился метрах в девяти от земли, и, подобравшись ближе, я с облегчением увидел, что он весь расположился на ветке, вытянувшись вдоль нее метра на три. Плоская треугольная голова покоилась на одном из чудовищных колец, и на меня в упор смотрели желтые глаза. Прекрасное создание! Гладкое и блестящее, словно лакированное, тело рептилии украшал трехцветный узор. Длину питона трудно было определить, но самое крупное из колец было не меньше тридцати сантиметров в обхвате. Я уперся спиной в ствол и быстрыми ударами паранга стал рубить ветвь у основания.

Чудовище не сводило с меня пристальных немигающих глаз. Когда ветвь задрожала под ударами паранга, змея подняла голову, зашипела и блеснула длинным черным языком. Одно из колец мягко заскользило по ветви. Я удвоил усилия. Ветка затрещала и стала обламываться. Еще два удара, и она рухнула вниз рядом с мальчиком и стариком.

— Менджаланкан! — заорал я. — Вперед, за дело!

Добровольцы недоуменно воззрились на меня. Из-под листвы упавшей ветви показалась голова, и я увидел, как змея заскользила в сторону бамбуковых зарослей на краю поляны. Если она успеет до них добраться, нам ее оттуда не вытащить.

С сумасшедшей скоростью я устремился вниз.

— Менджаланкан! — отчаянно взывал я к моим помощникам, оторопело стоявшим рядом с Чарльзом и его камерой.

Последним броском я достиг земли, схватил мешок и помчался за змеей, которая была уже метрах в трех от бамбука. Весь мой план трещал по швам, и оставалось одно — действовать в одиночку, немедленно. Питон, поглощенный желанием скорее скрыться в зарос-

лях, не обращал внимания на погоню и скользил с поразительной для такого гиганта быстротой.

Еще мгновение, и голова питона окажется в бамбуке. В пароксизме охотничьего азарта я схватил его за хвост и рванул на себя. Придя в бешенство от такого обращения, питон резко повернулся, разинул пасть и сделал устрашающий выпад головой, быстро работая своим черным языком. Не растерявшись, я метнул мешок, да так удачно, что он упал прямо на голову питона.

— Оп-ля! — раздался возглас Чарльза из-за камеры.

Я набросился на мешок и, путаясь в нем, сжал питона позади головы. Но тут же, вспомнив инструкцию, поспешно ухватился другой рукой за хвост. Затем я с триумфом распрямился. Огромная змея яростно изгибалась и свивалась кольцами. Она была не меньше трех с половиной метров: я держал ее за концы выше собственной головы, а середина туловища оставалась на земле.

В тот момент, когда я поднял змею, как взявший вес штангист, мальчишка решил наконец прийти мне на помощь. Он подоспел как раз в тот момент, когда змея извергла струю зловонной жидкости, забрызгавшей весь его саронг. Старик, сев на землю, смеялся так, что слезы потекли у него по щекам...

День за днем мы обшаривали окрестности нашей деревушки, но иногда отправлялись и в более далекие экскурсии вдоль побережья, посещали другие деревни и исследовали неизвестные леса. Во время таких поездок нам приходилось трястись по дорогам с острыми камнями, переезжать глубокие броды и преодолевать болота, где наш джип не раз застревал, беспомощно вертя колесами.

Есть люди, которые непременно дают своим машинам имена — мужские или женские. Я всегда считал

такое отношение к неодушевленному механизму проявлением сентиментальности, но теперь мне пришлось изменить свою точку зрения. Несомненно, что наш джип обладал яркой и сильной индивидуальностью. Он бывал и капризным и темпераментным, но ни разу не проявлял ни малейшего признака неверности. Часто по утрам, когда мы бывали одни, он отказывался заводиться, пока, изрядно попотев, нам не удавалось задебрить его заводной ручкой. Но на людях, при обстоятельствах, когда безукоризненный отъезд мы считали делом чести, наш джип неизменно обнаруживал прилив жизненных сил и заводился с пол-оборота. А уж начав работать, этот автомобиль вряд ли уступил любому себе подобному в упорстве. Не было случая, чтобы он не выдерживал испытания, которому мы его подвергали.

Но возраст есть возраст, а наш джип был уже не юноша. Как-то раз мы обнаружили слабую течь в тормозной трубке. Тормозами мы почти не пользовались, так как при малейшем прикосновении к ним машину начинало судорожно трясти и разворачивать поперек дороги. Но перспектива остаться вообще без тормозов нас не радовала, и мы решили заняться ремонтом. Правда, нам пришлось прибегнуть к довольно варварскому способу: мы отвинтили трубку и привели ее в порядок с помощью двух булжников. После столь грубого хирургического вмешательства судороги у машины, к нашему удивлению, прекратились.

А однажды джип продемонстрировал свою преданность самым неожиданным образом, придя нам на помощь во время одной из регулярных стычек с нашим заклятым врагом — магнитофоном. У этого устройства был чрезвычайно зловредный характер. Считая, вероятно, что он имеет более высокое предназначение, магнитофон не желал растрчивать себя на пустяки, кото-

рыми мы вынуждали его заниматься. Нередко, опробовав капризный агрегат и убедившись в его стопроцентной исправности, мы устанавливали микрофон и часами просиживали в ожидании пения какой-нибудь редкой птички. Наконец птичка выдавала свои трели, мы с ликованием запускали машину, и только тут обнаруживалось, что либо колесики не вертятся, либо что-нибудь барахлит внутри. Обычно после такой вспышки непокорности — и после того, как птичка улетала, — магнитофон чудесным образом, без всякого нашего вмешательства излечивался и весь следующий день вел себя безупречно. Но и у нас был способ вразумить упряма. И не один. Первый — как следует по нему стукнуть. Как правило, это помогало, но если простое рукоприкладство не достигало цели, мы прибегали к более крутым мерам. Мы потрошили его и ровными рядами раскладывали все детали на банановом листе или какой-нибудь подходящей гладкой поверхности. Не обнаружив никакой неисправности, мы просто собирали его обратно, после чего магнитофон начинал работать как новенький.

Джип пришел нам на помощь в тот единственный раз, когда мы действительно обнаружили изъян во внутренних магнитофона. Момент был чрезвычайно ответственный, потому что вся деревня собралась, чтобы спеть для нас. Легким движением я включил машинку, но микрофон был мертв. После того как удары не помогли, я стал разбирать магнитофон, пользуясь парангом как отверткой. С удивлением я обнаружил, что каким-то непонятным образом оборвался один из внутренних проводов. К тому же этот проводок оказался слишком коротким, и соединить его концы было невозможно. Запасного же мы не имели. Я уже приготовился принести извинения вождю деревни и отменить концерт, но мой взгляд случайно упал на стоявший рядом

джип. С его передней оси свисало что-то такое, чего раньше не видел. Это был длинный желтый провод. Я подошел и осмотрел его. К чему он присоединялся, я не знал, но нижний конец болтался свободно. Я взял паранг и отрезал от провода кусок нужной длины. Укрепить его в магнитофоне удалось не сразу, но когда наконец все стало на место, машина заработала отлично. Мне подумалось, что самопожертвование, проявленное джипом, должно послужить укором капризному магнитофону. Этот эпизод вселил в нас такое доверие к нашей машине, что, когда пришла пора покидать деревушку, у нас не возникло никаких сомнений относительно его способности проделать весь путь до конца. Но мы не проехали и часа, как джип вдруг дернулся и весь затрясся. Мы остановились, и Чарльз полез под машину. Вылез он весь в пыли, в пятнах масла и с плохой вестью. Четыре болта переднего привода не выдержали напряжения отвратительных дорог. Все они переломились пополам.

Ситуация складывалась скверная. Ехать дальше мы не могли — упрямся в первый же поворот. До ближайшей деревни десять миль, а мастерской, насколько мы знали, не сыщешь тут до самого Баньюванги. Но наша славная машина в очередной раз продемонстрировала свои возможности. Присев у джипа с промасленными остатками болтов в руках, Чарльз заметил снизу, под шасси, ряд других болтов того же калибра. Он открутил четыре штуки. Похоже, что особенно важной роли они не играли, во всяком случае джип, лишившись их, никак на это не отреагировал. Чарльз полез под переднюю ось. Довольно долго из-под машины слышалось сопение и пыхтение, а когда в конце концов Чарльз вылез наружу, на лице его играла улыбка. Болты сели как родные. Мы завели мотор и двинулись в путь. С чрезвычайной осторожностью прошли первый поворот. Дальше

пошли смелее и смелее, а поздним вечером влетели в Баньюванги на полной скорости. Следующий пункт маршрута — Бали, где нас ожидали многие мили дорог, ничуть не лучших, чем яванские. Но случай с болтами был последним, когда наш проживший долгую жизнь джип пожаловался на чересчур беспокойную старость.

Глава третья

БАЛИ

Бали не похож на соседние острова. Чтобы понять причину этого феномена, надо обратиться к истории. Тысячу лет назад Ява, Суматра, Малайзия и Индокитай находились под властью индуистских правителей. Их столица располагалась на Яве. Могущество правителей то ослабевало, то вновь укреплялось, и Бали то был на положении вассала, то приобретал самостоятельность.

В XV веке власть принадлежала императорам династии Маджапахита. К концу их правления магометанские миссионеры стали распространять на Яве новую веру. Местные князьки охотно принимали ислам и объявляли себя независимыми от индуистов Маджапахита. На острове вспыхнула гражданская война, и, согласно одному источнику, последнему императору династии

был предсказан конец царствования к исходу сорокового дня. На сороковой день император приказал своим подчиненным сжечь себя заживо. Юный принц, сын императора, спасаясь от фанатизма своих соотечественников-мусульман, бежал на Бали, последний оплот индуизма, прихватив с собой весь императорский двор. Так на Бали оказались прекраснейшие музыканты, танцоры, художники и скульпторы. Эта культурная инъекция оказала глубокое влияние на последующую жизнь острова и, возможно, послужила одной из причин необыкновенной художественной одаренности современных балийцев. В отличие от остальных индонезийцев балийцы продолжают следовать индуизму. Эта вера настолько прочно укоренилась на острове, что ее философии подчинены здесь все жизненные устои, все нюансы существования — от облика жилища до покроя одежды и правил поведения. В то же время балийский индуизм, развивавшийся изолированно от породившего его организма, превратился в особую, уникальную религию.

Проезжая мимо очаровательных деревушек и тучных полей, пальмовых рощ и банановых плантаций, мы, как и все, кто бывал на Бали, ощущали себя попавшими в рай. Бали — воплощение мечты об идеальном острове Южных морей, где люди прекрасны, добры и миролюбивы, а на щедрой земле в изобилии растут увешанные плодами деревья, где все вокруг залито солнечным светом и человек наконец-то достиг полной гармонии с благодатной и неистожимой природой.

Мы, как оказалось, выбрали очень удачный маршрут. Многие вынуждены лететь сюда самолетом, а потому начинать знакомство с островом с Денпасара — крупнейшего города Бали, который далеко не соответствует представлениям о тропическом рае. В этом городе полно кинотеатров, машин, громадных отелей и ювелирных магазинов, а на бетонной площадке у централь-

ного отеля специально для приезжих устраиваются танцевальные представления. Их можно созерцать, удобно расположившись в шезлонге и потягивая виски с содовой.

Мы заехали в Денпасар не только с познавательными целями. Здесь размещалось множество всяких казенных учреждений, и нам предстояло зарегистрироваться чуть ли не в каждом из них. Но чудеса еще случаются в этом мире: в Денпасаре нас ждала небывалая удача в лице некоего Сепрапто, который с изумительной скоростью провел нас через все формальности. Мы познакомились с этим человеком еще в Джакарте, где он служил на радио. Хотя Мас Сепрапто и не был урожденным балийцем, он прекрасно разбирался в музыке и танцах острова и служил антрепренером одного танцевального балийского ансамбля, гастролировавшего по всему свету. Такой опыт позволил нашему знакомому оценить разницу между порядками Запада и Востока, и он, как никто из встреченных нами индонезийцев, мог понять наши чувства, когда мы увязали в трясине бюрократических проволочек. Еще в Джакарте, узнав о нашем намерении поехать по Бали, он вызвался сопровождать нас, и мы встретили это предложение с восторгом. Но только теперь, в Денпасаре, мы поняли, что нам улыбнулась редкая удача.

Я ожидал, что Мас первым делом вытащит нас из водоворота гибридной цивилизации Денпасара и увезет куда-нибудь подальше, в сельскую местность. Но в первый же вечер он повел нас через сияющий неоновыми огнями центр в один из тихих уголков города, в дом местного аристократа. Выл чанун большого праздника, и Мас хотел, чтобы мы посмотрели на приготовления. В аристократических апартаментах кипела бурная деятельность. Женщины проворно и искусно плели ажурные украшения из пальмовых листьев, скрепляя их тон-

кими бамбуковыми палочками. На оливково-банановых листьях длинными рядами выстраивались бело-розовые кексы в форме пирамид.

С карнизов свисали гирлянды цветов, а фигурки богов на домашнем алтаре были одеты в роскошные ритуальные одежды. Во дворе лежали шесть живых черепах. Их передние лапы были связаны тростниковой веревкой, которая глубоко врезалась в кожу, сухие морщинистые головы бессильно опущены на землю, а тоскливые слезящиеся глаза обреченно смотрели на толпу домочадцев, сновавших мимо них. Черепакам оставалось мучиться недолго.

На следующий день Мас снова привел нас в этот дом. Во дворе было еще больше народу, чем накануне. Все надели праздничную одежду: мужчины — саронги и чалмы, женщины — облегающие блузки и длинные юбки. На небольшом возвышении восседал, скрестив ноги, хозяин дома, знатный принц, беседуя с самыми важными гостями. Избранная компания попивала кофе из маленьких чашек и угощалась кусочками черепашьего мяса, насаженными на бамбуковые палочки. Перед принцем сидел мальчик. Он играл на каком-то музыкальном инструменте, похожем на ксилофон, ударяя деревянным молоточком по пластинам и выводя монотонную звенящую мелодию.

От Маса мы узнали, что праздник устраивается по случаю церемонии подпиливания зубов. Неровные зубы балийцы считают печатью нечистой силы — разных чудовищ и демонов, и потому каждый житель Бали независимо от пола должен был подвергнуться традиционной операции подпиливания. Когда-то этот обычай был широко распространен на Бали, теперь же случается, что человек до самой смерти ходит с кривыми зубами. Однако и сейчас, если умерший не совершил этот обряд, родственники перед кремацией подправляют

ему зубы. Считается, что иначе он не сможет попасть в страну духов.

Около полудня из глубины семейных покоев появилась небольшая процессия. Впереди шла девушка, виновница торжества. Ее талия была туго обернута красной материей, богато расшитой золотыми цветами, а через плечо струилась длинная широкая лента из того же материала. Голову украшал роскошный венок, искусно сплетенный из золотистых листьев и цветов красного жасмина. Следом за девушкой шли женщины постарше, в более скромных одеяниях. Процессия под торжественное пение женщин проследовала по аллеям мимо толпы гостей и остановилась у завешанной батиком беседки. Здесь, на ступенях, девушку ожидал священник, облаченный в белое. Девушка остановилась и протянула к нему руки. Торжественным жестом священник поднял ритуальную бамбуковую воронку и стал кропить водой руки девушки, так что струйки потекли меж ее растопыренных пальцев. Губы святого отца шевелились, но звуки цимбал и пение женщин заглушали его слова. Священник отложил воронку и повел девушку внутрь беседки. Там она легла на кушетку и положила голову на длинную подушку, покрытую накидкой, предназначенной специально для ритуальных целей. Священник освятил инструменты и наклонился над девушкой. Женщины запели громче. Одна из них держала девушку за ноги, две другие — за руки. Операция началась. Кричала девушка или нет, мы не знали, так как женщины пели очень громко. Каждые десять минут священник прерывал работу и подносил девушке зеркало, чтобы она могла следить за результатами операции.

Через полчаса операция закончилась. Девушка поднялась, и поющие женщины вывели ее наружу. На ступенях ей полагалось задержаться, чтобы показать себя во всей красе. Глаза ее были полны слез, чудесный

головной убор сполз набок и растрепался, потому что члены эскорта вытащили из венка часть золотых листьев и украсили ими свои волосы. В руке девушка держала маленькую разрисованную кокосовую скорлупку с выплунутыми зубными опилками. Пройдя через двор, она направилась к фамильной часовне, где ей предстояло захоронить эти опилки рядом с усыпальницей своих предков.

На следующий день мы покинули город. К своему удивлению, мы обнаружили, что влияние западной цивилизации практически не распространилось дальше пригородов Денпасара. Стоило выйти из джипа и немного пройтись вдоль узкой колеи, петлявшей среди рисовых полей, как мы оказывались в какой-нибудь деревушке, совершенно не затронутой современной цивилизацией. Вместе с Масом Сепрапто мы исколесили весь остров, и, кажется, не было дня, а вернее ночи, чтобы в каком-нибудь деревенском доме или храме что-нибудь не праздновали.

Жители Бали питают необыкновенную страсть к музыке и танцам. Здесь каждый мужчина, неважно — принц он или бедный крестьянин, непременно играет в деревенском оркестре или танцует в местном ансамбле. Те же, у кого не хватает на это таланта, почитают за честь пожертвовать сколько могут на приобретение костюмов или музыкальных инструментов. Даже самая бедная деревушка имеет свой гамелан — традиционный индонезийский оркестр. Он включает в основном металлические инструменты — большие подвесные гонги, гонги поменьше, укрепленные рядами на подставках, крошечные цимбалы и несколько видов ксилофонов, вроде тех, что мы видели на церемонии в Денпасаре. В таком оркестре могут быть еще бамбуковые флейты, а также ребаб — двухструнная арабская скрипка. И обязательно два барабана.

Большинство этих инструментов стоит немалых денег. Балийские кузнецы могут выковать бронзовые пластины для ксилофонов, но секретом изготовления самых мелодичных гонгов с самым чистым звуком владеют только мастера из маленького городка на юге Явы. Поэтому хороший гонг на Бали — настоящее сокровище.

Выступление гамелана редко у кого не вызывает восторга. Я думал, что музыка покажется мне чуждой, чересчур экзотичной, чтобы доставить истинное удовольствие. Но я ошибся. Музыканты играли с ярким темпераментом, а мелодия лилась то пылко и взволнованно, то задумчиво и нежно, и мы были в совершенном восхищении.

Полный гамелан состоит из двадцати или тридцати человек. Слаженности исполнения может позавидовать любой европейский оркестр. Даже самые сложные музыкальные композиции никогда не записываются — все исполняется по памяти. Репертуар столь обширен, что музыканты могут играть часами не повторяясь.

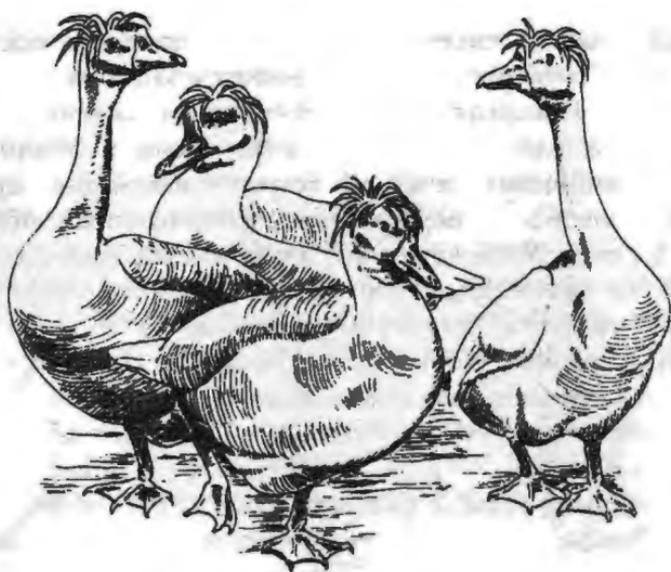
Такое высокопрофессиональное мастерство достигается только напряженным и долгим трудом. Каждый вечер с наступлением сумерек деревенские музыканты собирались на репетицию. Стоило раздаться звукам гамелана, и нас как магнитом влекло к нему.

Руководит оркестром, как правило, барабанщик, он же задает темп. Обычно он мастерски играет и на других инструментах; часто мы видели, как он останавливал оркестр, подходил к музыкантам и показывал, как нужно сыграть ту или иную тему.

На этих репетициях мы увидели трех маленьких танцовщиц, исполнявших легонг — один из самых грациозных и красивых танцев Бали. Им было не больше шести лет. Обучала их седая пожилая женщина, сама славившаяся исполнением легонга. Метод ее обучения был прост: она безжалостно дергала и поворачивала го-

ловы, руки и ноги девочек, добиваясь от них правильных движений. Час проходил за часом, мелодия звучала не переставая, и девочки под суровым взглядом своей преподавательницы старательно выделяли танцевальные па и кружились по сцене, двигая кистями рук и даже глазами в такт музыке. К полуночи музыканты наконец остановились. Урок закончился, и в то же мгновение танцовщицы из серьезных и трудолюбивых балерин превратились в смеющихся чумазных малышек, которые, весело крича, понеслись домой.

Глава четвертая **ЖИВОТНЫЕ БАЛИ**

Из книг мы знали, что животный мир Бали выдающегося интереса не представляет: все обитающие здесь животные, за исключением одного-двух видов птиц, встречаются и на Яве, да притом в большом количестве. Но в книгах ничего не говорилось о домашних животных, которые, как оказалось, не менее своеобразны на Бали, чем музыка и танцы. Это приятное открытие мы сделали в одной деревне, где провели последние две недели на острове.

Каждое утро на окраине деревни появлялась неуклюжая процессия белоснежных уток. Это были необыкновенные утки, нам таких еще не доводилось видеть. На макушке у них красовались очаровательные помпоники из волнистых перышек, придававшие уткам за-

данный и слегка кокетливый вид. Казалось, эти создания вышли прямо из сказки и направляются на карнавал зверей. Процессию сопровождал мужчина или мальчик, держа над головами своих подопечных длинный тонкий бамбуковый шест. К кончику шеста был привязан пучок белых перьев, мерно колыхавшихся перед вожаком стаи. Утки на Бали с младенчества приучаются ходить за таким флажком. С его помощью всю стаю удается провести по узким тропкам к какому-нибудь недавно убранному или свежевспаханному рисовому полю. Здесь сопровождающий втыкает шест в мягкую землю. Втыкает так, чтобы утки могли видеть развевающийся на ветерке перьевой флажок. Стая проводит в поле весь день, безмятежно ковыряясь в грязи и никогда не разбредаясь далеко от гипнотического белого пучка. Вечером приходит их попечитель, вытаскивает шест, и вся кричащая компания таким же образом возвращается в деревню.

Не менее своеобразны и балийские коровы. Туловище у них рыжевато-черное, на ногах светлые гетры до колен, а огузок украшен белыми пятнами. Здешние коровы — это одомашненные потомки диких бантенгов, которые до сих пор встречаются в лесах Юго-Восточной Азии. На Бали сохранились настолько чистые генетические линии этих коров, что многих домашних животных невозможно отличить от их великолепных диких предков, за которыми на Яве с вожделием гоняются охотники.

А вот происхождение и родословная деревенских свиней остались для нас загадкой. Они не напоминали ни диких, ни домашних своих сородичей. Когда мы впервые увидели один такой феномен, я было решил, что несчастное животное когда-то варварски изуродовали. Хребет безнадежно провисал между выпирающими лопатками и костлявыми ляжками, с видимым трудом

поддерживая огромное брюхо, которое волочилось по земле, свисая подобно мешку с песком. И этакое уродство не было индивидуальным признаком: мы вскоре убедились, что так выглядят все балийские свиньи.

Деревня буквально кишела собаками, и я бы сказал, что это были самые отвратительные существа, с какими мне когда-либо приходилось встречаться. Вечно голодные и больные, с выпирающими ребрами и усеянной струпьями кожей, они питались на помойках, выполняя роль мусорщиков. Их скудный рацион дополнялся лишь крохотной порцией риса, которую балийцы оставляют у калиток, павильонов и домашних алтарей как ежедневное подношение богам. Милосерднее было бы перестрелять большинство этих жалких тварей, плодившихся без всяких ограничений. Но жители деревни спокойно терпят их присутствие. Их даже радует бесконечный ночной вой, так как считается, что он отпугивает злых духов и демонов, которые бродят ночами по деревне в надежде проникнуть в дом и вселиться в спящего.

Один крупный и особенно громкоголосый кобель облюбовал себе место прямо у нашего флигеля. В первую ночь я смог выдержать его вой только до трех часов. Была не была, решил я, уж лучше иметь дело с демоном, чем терпеть соседство такого талисмана. Я нашел камень и запустил им в сторону несносного отродья, надеясь, что это заставит его убраться куда-нибудь подальше. Однако моя акция привела лишь к тому, что меланхолический вой перешел в яростный пронзительный лай, к которому присоединилось все собачье население деревни. Это хоровое выступление продолжалось до рассвета.

Отношение балийцев к домашним животным, по-видимому, вообще свободно от сентиментальности. Яркий

пример тому — сверчковые и петушинные бои, вызывающие азарт поголовно у всех.

Сверчковые бои — спорт не слишком мудреный. Когда наступает время состязаний, в земле вырывают две круглые ямки, утрамбовывают дно и соединяют их тоннелем. Двух соперников рассаживают по ямкам, а хозяева, присев рядом с птичьим пером в руке, понуждают их к действию. Рано или поздно один из сверчков ползет в тоннель и, уже в достаточно раздраженном состоянии, набрасывается на противника. Бой идет не на жизнь, а на смерть: сцепившиеся сверчки катаются, хватают челюстями друг друга за ноги и стараются оторвать конечность. Тот, кому это удастся, объявляется победителем. Покалеченного гладиатора выбрасывают, а стрекочущего победителя отправляют в бамбуковый ящичек отдохнуть перед следующей схваткой.

Петушинные бои — состязание куда более серьезное. Это своего рода ритуальное действие, которое совершают в определенное время, потому что балийские боги требуют жертв. Но петушинные бои — это еще и крупное спортивное событие, связанное с немалым денежным интересом. Мы слышали об одном человеке, который, питая безграничную веру в бойцовские качества своего петуха, поставил на него все, что имел, — дом со всем имуществом, то есть по европейским меркам — несколько сот фунтов. Ставка, однако, оказалась столь высока, что никто не рискнул принять вызов.

Вдоль главной улицы деревни стояли высокие бамбуковые клетки с молодыми петушками, а рядом неотлучно находились их хозяева, чаще всего — пожилые мужчины. Они поглаживали своих питомцев по груди, ерошили им перья на шее и оценивали их бойцовские способности. Здесь все имело значение — окраска оперения, размер гребня, блеск глаз; по этим признакам

каждый владелец решал, против кого он хотел бы выставить своего бойца.

Как-то утром, придя на базарную площадь, мы заметили необычное оживление. В небольших, специально разбитых палатках мужчины торговали сатэ, а женщины — пальмовым вином и еще каким-то напитком ядовито-розового цвета, весьма популярным на Бали. Под навесом, где местные жители обычно собирались для обсуждения общих дел, была устроена арена, окруженная невысокой загородкой из плетеных пальмовых ли-

стве. Предстоящий турнир привлек многих любителей из отдаленных деревень. Своих петухов они везли в особых, сделанных из одного-единственного пальмового листа сумках с отверстием в задней стенке, откуда торчали перья хвоста.

Вокруг арены уже собралась шумная толпа, а у загородки, скрестив ноги, сидел почтенный старец — судья. Слева от него стояли судейские часы — глиняная чаша с водой, в которой плавала половинка кокосовой скорлупы с маленьким отверстием. Каждый раунд

продолжался до тех пор, пока вода не заполняла скорлупу и она не тонула. У левой руки судьи лежал небольшой гонг для оповещения о начале и конце раунда.

Более десятка мужчин с петухами в руках переступили через ограду, и началась разминка: хозяева подбрасывали своих птиц и ерошили им перья. Будущих противников разделили на пары, установили очередность боев, а потом унесли, чтобы привязать им к ноге, на место давно удаленных шпор, специально выточенное, острое как бритва, лезвие длиной сантиметров пятнадцать. И вот на ринге появилась первая пара в полном вооружении. Противники, поставленные лицом к лицу, издавали громкий клекот и топорищили перья на шею, разжигая в себе воинственный пыл. Эта прелюдия к поединку позволяла искушенной публике судить о достоинствах соперников. Азарт уже охватывал зрителей: в толпе стали выкрикивать ставки. Раздался гонг, и схватка началась.

Птицы сошлись клюв к клюву и начали ходить кругами, распутив крылья. Затем, издавая неистовые крики, они принялись подсакивать, норовя поразить друга друга сверкающим оружием. Довольно скоро один из петухов не выдержал и побежал с поля боя. Толпа мигом отхлынула от загородки, ибо шальной удар металлической шпоры мог поранить не только птицу, но и человека. Хозяин ловко поймал своего питомца и поставил его продолжать сражение. На боку у неудачника расплзлось темное пятно, он снова и снова пытался спастись, но каждый раз неумолимый владелец возвращал несчастного к его разъяренному истязателю. Наконец стало очевидно, что израненная птица уже не в состоянии драться, но по правилам бой должен продолжаться до гибели одного из соперников. Судья, ударив в гонг, отдал распоряжения, и на ринг выставили клетку, в которую посадили обоих противников. И тут, не

имея возможности скрыться, бедный петух был забит насмерть.

Второй поединок получился еще более отталкивающим, так как жребий свел двух бесстрашных бойцов. Раунд за раундом они продолжали битву, раздирая друг друга сержки и гребни и без устали нанося удары стальными шпорами. Оба истекали кровью. Между раундами хозяева трудились в поте лица, приводя бойцов в чувство. Они вдвухали им воздух в легкие и даже прибегали к допингу, поднося петухам на пальце их собственную кровь. А когда один из бойцов, уже едва держась на ногах, получил смертельный удар и повалился на землю, широко разевая клюв, победитель продолжал терзать поверженного противника, пока хозяин не унес его с арены.

В тот день много птиц пало на кровавой арене и немало денег перетекло из рук в руки. Вечером почти в каждом доме ели курятину с рисом: боги могли быть довольны.

Последнюю ночь на Бали нам пришлось провести в Денпасаре. Оттуда мы намеревались добраться до паромы и переправиться обратно на Яву. Мы устроились в небольшом тихом отеле, сдали багаж и нанесли несколько прощальных визитов чиновникам, которые чем-либо нам помогали. Когда около полуночи мы подошли к отелю, нас встретил взволнованный хозяин и, бурно жестикулируя, попытался нам что-то сказать. Мы поняли только то, что из нашей деревни приезжал грузовик и водитель велел передать нечто важное. Было ясно, что дело не терпит отлагательств, но суть его мы никак не могли уразуметь. Хозяин был в отчаянии. Брови у него буквально переламывались от страдания, и он возбужденно повторял: «Клесих, клесих, клесих!» Слово это было нам абсолютно незнакомо, но хозяин твердил его так убедительно, что нам ничего не оста-

валось, как отправиться обратно в деревню и выяснить все на месте.

К деревне мы подкатили в час ночи. Перебудив по очереди нескольких ее обитателей, мы в конце концов выяснили, что сообщение исходило от Алита — юного сына наших недавних хозяев. К счастью, он немного говорил по-английски.

— В соседней деревне, — произнес он запинаясь, — есть клесих.

Я спросил, кто же такой этот клесих. Алит старался, как мог, и нам наконец стало ясно, что речь идет о каком-то животном. Но о каком именно, мы не могли догадаться даже приблизительно. Надо было пойти и посмотреть самим. Алит исчез и вернулся, держа над головой зажженный факел из пальмового листа. Вместе мы отправились через поля.

Спустя час впереди показались неясные очертания деревушки.

— Пожалуйста, — попросил Алит, с трудом подбирая английские слова, — будем вести себя вежливо. Это бандитская деревня, тут кругом одни головорезы.

Едва мы вошли в деревню, как дозорные псы подняли тревогу. Я был уверен, что тут-то и выскочат «головорезы», размахивая ножами, но никто не появился. Вероятно, обитатели бандитской деревни решили, что псы лают всего-навсего на очередных злых духов, блуждающих в ночи.

По пустынным улицам Алит привел нас к небольшому дому в центре деревни и громко постучал в дверь. Прошло немало времени, прежде чем хозяин, заспанный и взъерошенный, появился на пороге. Сначала он, по-видимому, не поверил, что неведомые ночные пришельцы просят показать им клесиха. Но Алиту в конце концов удалось убедить его, и мы вошли в дом. Хозяин выдвинул из-под кровати громоздкий деревянный ящик

я, освободив его от крепких веревок, открыл крышку. Оттуда весьма неаппетитно пахнуло чем-то едким. Хозяин извлек из ящика круглый шар размером с футбольный мяч, весь покрытый коричневыми треугольными пластинками-чешуями.

Клесих оказался панголином¹. Хозяин осторожно положил его на пол. Шар лежал недвижно, только бока его медленно вздымались.

Мы затаили дыхание. Через несколько минут шар начал осторожно разворачиваться. Сперва раскрутился длинный цепкий хвост, затем появился острый влажный нос, а за ним — маленькая любопытная мордочка. Существо близоруко осмотрелось, пыхтя и мигая блестящими черными глазками.

Никто из нас не двигался. Осмелев, панголин перевернулся, встал на ноги и принялся колесить по комнате, напоминая крошечного бронтозаврика. Подойдя к стене, он стал энергично рыть нору передними лапами.

— Адух! — крикнул хозяин, быстро подошел и поднял панголина за кончик хвоста. Тот снова свернулся и превратился в шар. Хозяин сунул его обратно в ящик.

— Сто рупий, — объявил он.

Я покачал головой. Некоторым муравьедам можно давать фарш, сгущенное молоко и сырые яйца вместо их обычной пищи, но панголин ест только муравьев, да и то не всяких. Мы не могли взять его в Лондон.

— Что хозяин сделает с клесихом, если мы его не купим? — спросил я Алита.

Тот в ответ ухмыльнулся и выразительно зачмокал губами.

— Съест, — ответил он, — очень вкусный!

¹ Панголины, или ящеры — млекопитающие, получившие свое название за оригинальный чешуйчатый покров. В Индонезии распространен яванский ящер.

Я посмотрел на ящик. Панголин выглядывал оттуда, положив на край передние лапы и подбородок. Он высовывал длинный липкий язык в надежде найти муравьев.

— Двадцать рупий,— заявил я твердо, оправдывая в душе свое расточительство тем, что мы по крайней мере сделаем несколько фотографий, прежде чем отпустим животное на свободу. Хозяин закрыл ящик и с готовностью вручил его мне.

Алит зажег новый пальмовый факел и, держа его над головой, повел нас обратно. С ящиком под мышкой, я немного отстал. Светила полная желтая луна. Пальмы мягко покачивали султанами на фоне черного бархатного неба с яркой россыпью звезд. Мы молча шагали по узким мягким тропкам меж рисовых стеблей, доставших нам до пояса. Вокруг с неземным зеленоватым мерцанием плясали огоньки светлячков. Проходя мимо причудливого силуэта храмовых ворот, мы ощутили в теплом воздухе нежный аромат жасмина. Сквозь немолчный стрекот сверчков и журчание воды в оросительных каналах доносились отдаленные звуки гамелана. В деревне, как обычно, что-то праздновали.

Это была наша последняя ночь на Бали, и душу наполняла тихая грусть.

Глава пятая

О ВУЛКАНАХ И КАРМАННЫХ ВОРИШКАХ

В Сурабае нас встретил Даан с кипой писем из Англии, немислимым количеством прохладительных напитков и очень хорошими новостями. Ему не только удалось забронировать нам места на грузовом корабле, идущем на Самаринду, городок на восточном побережье Калимантана, но и по крайней мере на две недели освободиться от дел, чтобы сопровождать нас в качестве переводчика. Правда, корабль отправлялся только через пять дней, но нас с Чарльзом это ничуть не расстроило. Более того, в душе мы оба ликовали, потому что после всех приключений последних недель нам хотелось немного отдохнуть. Мы упаковали отснятую пленку в особые коробки, привели в порядок все свое оборудование

и поехали с Дааном и Пегги погостить в загородном бунгало.

Город окружали ровные возделанные земли. Над посадками тамариндовых деревьев, затопленными рисовыми полями и плантациями сахарного тростника висела влажная духота. Дорога пошла на подъем, и постепенно воздух стал более прохладным и прозрачным. Склоны холмов были засажены высокими хлопковыми деревьями, усыпанными коробочками, из которых торчали белые пушистые волокна. Деревня Третес, где нам предстояло остановиться, находилась на высоте шестисот метров над уровнем моря, на склоне мощного конуса вулкана Валиранг.

На Яве, как и почти повсюду в Индонезии, ощущаешь себя в царстве грозных сил мироздания. Огромная цепь вулканических островов простирается от Суматры на юго-восток через Яву, Бали и Флорес, затем сворачивает на север и заканчивается на Филиппинах. В этом районе случались одни из самых мощных и разрушительных вулканических извержений, какие только знает человечество. В 1883 году Кракатау, небольшой остров, лежащий между Явой и Суматрой, взорвался с такой чудовищной силой, что в воздух было выброшено около шести с половиной кубических километров каменной массы, а пемза покрыла обширное морское пространство. Вызванная взрывом гигантская волна обрушилась на побережье и унесла тридцать шесть тысяч человеческих жизней. Эхо смертоносного жатаклизма слышали даже в Австралии, почти за пять с половиной тысяч километров от Кракатау.

На одной только Яве находится сто двадцать пять вулканов. Девятнадцать из них действующие; обычно они просто курятся, но временами начинают извергаться с губительной силой. Например, в 1931 году при извержении Мерапи погибли тысяча триста человек.

Вся жизнь островитян тесно связана с вулканами. Их обманчиво спокойные конусы величаво парят над маленькими долинами, пепел, тысячелетиями оседавший на поверхности острова, одарил почву необыкновенным плодородием, а страшная мощь огнедышащей стихии породила богатую яванскую мифологию.

Валиранг относится к потухшим вулканам, но из нашего сада в Третесе я видел струйки дыма, поднимающиеся над его конусом. Прохладный бодрящий воздух разогнал вялость, и я решил подняться на вершину и заглянуть в кратер.

Чарльз не разделил моего энтузиазма даже после того, как узнал, что большую часть пути можно будет проехать верхом. Поэтому я нанял только одну лошадь.

На следующее утро, перед самым рассветом, ее привел к нашему бунгало энергичный и жизнерадостный старик. Лошадь оказалась неказистой клячей. Она стояла понурив голову, с выражением полной протрации на морде. Хозяин бодро хлопнул ее по боку и широко улыбнулся, обнажив пеньки зубов, черных от жевания бетеля. Он дал понять, что его кляча относится к числу лучших скакунов Третеса и что ее достоинства много выше той непомерной цены, которую мне пришлось за нее выложить.

Я залез на клячу, укоряя себя за то, что эксплуатирую столь немогущее создание. Горец энергично толкнул ее, и я пустился в путь со скоростью улитки, почти волоча стремяна по земле.

Вскоре дорога пошла на подъем. Моя кобыла уныло оглядела открывавшуюся перед ней перспективу и встала как вкопанная. Хозяин, не переставая улыбаться, яростно дергал за повод, но лошадь не уступала. Подо мной что-то зашумело, и я догадался, что бедное животное страдает несварением желудка. Исполненный сострадания, я спешился. В то же мгновение лошадь про-

ворно затрусилась вперед. Через километр мы вышли на ровный участок, и старик знаками дал понять, что здесь опять можно позволить себе верховую езду. Поначалу все и вправду шло хорошо, но через десять минут лошадь замедлила шаг и остановилась. Старик с прежней горячностью стал рвать поводья, и на этот раз так, что удила не выдержали. Лошадь сделалась неуправляемой, и мне пришлось покинуть седло. Не успел я это сделать, как разошлась одна из подпруг. Кляча при виде посыпавшегося снаряжения пришла в такой минор, что на дальнейшие попытки наслаждаться конным спортом у меня не хватило духу. Мы пошли вверх пешком. Штурм вулкана нельзя было назвать молниеносным, ибо каждые полчаса мне приходилось останавливаться и ждать старика с его рысаком, стоившим мне изрядной суммы.

Мы продвигались теперь через лес, подобного которому я никогда раньше не видел. Все вокруг было буквально усыпано орхидеями, повсюду росли древовидные папоротники циатеи. Их гребневидные листья, напоминавшие гигантские пучки нашего папоротника орляка, как струи фонтана, «били» прямо из верхушек изящных длинных стволов. Поднявшись выше, мы достигли казуариновых рощ, на первый взгляд похожих на обычные сосняки. Ни лиановые сплетения, ни кустарниковые заросли не мешали обзору, ветви деревьев были украшены длинными иголками и свисающими бородами лишайников.

Через пять часов пути я добрался до крытых тростником низеньких землянок, у стен которых стояли цилиндрические плетеные корзины, наполненные ослепительно желтой серой. Несколько мужчин вышли на белый свет и хмуро уставились на меня. Низкорослые, смуглые и босые, в засаленных рубашках и саронгах, они отличались разнообразием головных уборов — от

потрепанных фетровых шляп и ветхих пичи до традиционных тюрбанов.

Я сел у обочины и взялся за свои сандвичи. Через несколько минут подоспел мой проводник. Он объяснил, что до кратера остается час ходьбы, но подъем будет таким крутым, что лошади его не одолеть. Поэтому он остается здесь и займется починкой упряжи, тем временем и лошадь придет в себя.

Пока я доедал свои припасы, старик вполголоса беседовал со сборщиками серы, бросавшими на меня подозрительные взгляды. Потом шестеро из них взяли пустые корзинки и пошли вверх по узкой тропке, петлявшей среди казуариновых деревьев. Не обращая внимания на неприветливость этих людей, я пристроился в хвост колонны и потащился следом за ними. Лес остался позади, уступив место редкому чахлому кустарнику. Мы пробирались теперь через нагромождение лавовых глыб. Скальвалась высота: дышать стало трудно и было очень холодно. Время от времени налетал туман и окутывал нас. Все молчали; шедшие впереди не обращали на меня никакого внимания. Через полчаса кто-то в колонне сборщиков вдруг заунывно запел высоким фальцетом. Насколько я мог понять, речитатив певца являл собой импровизированный пересказ текущих событий.

«Оранг ини,— неслось вдоль склона,— ада ингеристидак оранг беланда», что означало: «Этот парень англичанин, а вовсе не голландец». Постигнув общий смысл песни, я решил украсить ее собственными находками. Несколько минут я конструировал в уме более или менее связную цепочку из своего скудного словарного запаса, и, когда запевала довел свою партию до конца, я дерзко вступил со своим речитативом.

—Сегодня утром,— пел я, подражая его мотиву,— я ем рис. Вечером я ем рис. Завтра я опять ем рис, и это очень грустно.

Я понимал, что мое сочинение не блещет остроумием, да и в других отношениях оно весьма сыровато, но эффект тем не менее получился потрясающий. Все шедшие впереди меня разом остановились, бухнулись на камни и принялись хохотать так, что из глаз у них брызнули слезы. Когда они успокоились, я вытащил пачку сигарет, и мы вместе закурили. Мы пытались поговорить, но, боюсь, они мало что поняли из моих слов, а я без своего словарика лишь смутно догадывался о смысле их речей. Тем не менее лед отчуждения был растоплен, и в дальнейший путь мы двинулись весьма дружной компанией.

Вот и вершина. Пробравшись через баррикады лавовых глыб, я достиг края главного кратера и заглянул внутрь. Жерло проваливалось исполинской вертикальной трубой; на дне, метрах в шестидесяти от края, царил безжизненный каменный хаос. Но Валиранг был отнюдь не мертв: чуть в стороне от кратера поднимался столб белого дыма. Мы подобрались поближе к этому месту и увидели, что дым вырывался из сотен мелких отверстий. Каждое из них с гудением и шипением выбрасывало газы, и казалось, что весь склон — это одно сплошное дымное пожарище. Воздух вокруг был насыщен едкими сернистыми испарениями, ноги утопали в толстом слое желтой серной пыли. Сквозь клубы дыма я разглядел крошечные фигурки людей, которые трудились в самом центре этого ада. Они засыпали камнями главную фумаролу¹, чтобы газ не устремлялся вверх, а распространялся по множеству радиальных трубок, охлаждаясь в них и откладывая серу. Некоторые трубки уже были наполнены драгоценным минералом, и их вскрывали ломом. Серу собирали и у шипящих

¹ Фумаролы — трещины, по которым горячий вулканический газ поднимается из недр земли к поверхности.

отверстий фумарол. Там она постепенно осаждалась в виде сталактитов: горячая, рубиново-красная в центре и ядовито-желтая ближе к краям.

Мои спутники, крича что-то друг другу сквозь немолчный рев стихии, скрылись в клубах дыма. Они, казалось, были поразительно невосприимчивы к этим удушающим испарениям. В скором времени они вернулись радостные, с полными корзинами серы и тут же, без малейшей передышки, поспешили обратно к лагерю. Я устремился за ними, чувствуя насущную потребность глотнуть свежего воздуха. Наконец мы выбрались на Божий свет. Над нами сияло безоблачное небо, и атмосфера вокруг была такой прозрачной, что далеко внизу, на горизонте, за зелеными равнинами, я увидел Яванское море. На востоке виднелась еще одна группа вершин, над которыми висела белая завеса. Сперва я принял ее за облака, но потом понял, что это клубы вулканического дыма, неизмеримо более могучие, чем те, что окутывали склоны Валиранга. Я указал на вершину и спросил у одного из своих спутников, как она называется.

Он взглянул из-под руки и ответил:

— Бромю.

Эти далекие клубы дыма разожгли мое любопытство, а когда в тот же вечер Даан расписал Бромю как красивейший и знаменитейший из всех вулканов Явы, мы с Чарльзом решили взойти на него.

На следующий день мы сели в джип и поехали через приморские равнины на восток. Отсюда Бромю казался довольно невзрачным, так как его силуэт отчасти закрывали зубчатые стены обширной кальдеры диаметром почти девять километров. Это были остатки гигантского вулкана, взорвавшегося тысячи лет назад и лишившегося, как и Кракатау, большей части своего конуса. Но энергия вулкана на этом не иссякла, и в скором вре-

мени внутри кальдеры открылись новые жерла, породившие свои конусы. Они росли, но ни один из отпрысков так и не перерос останков родителя, и все они, за исключением Бромона, давно потухли. Путешественник, направляющийся через равнины к этому вулканическому семейству, видит лишь зубчатый профиль кратера вулкана-патриарха.

Протрясаясь весь день по каменистой дороге, к вечеру мы въехали в небольшую деревню на склоне кальдермы и устроились на постоялом дворе. Хозяин сказал нам, что вулкан бывает свободен от облаков только в ранние утренние часы, поэтому на следующее утро мы были на ногах еще до рассвета. Несколько человек, кутаясь в саронги, сидели во дворе рядом с лошадьми. Эти горцы, как и вчерашние собиратели серы, были смуглы, коренасты и совершенно не похожи на хрупких жителей равнин. Один мужчина с роскошными усами согласился одолжить пару лошадей и сопроводить нас до кратера.

Опыт верхового путешествия на Валиранг еще не изгладился из моей памяти, поэтому я был и удивлен и обрадован, почувствовав под собой резвого, полного жизни скакуна. Босой проводник трусил позади нас, постегивая лошадей кнутом. Я пытался уговорить его не делать этого, так как мой конь шел хорошо без всякого понукания. Но по-видимому, я напрасно беспокоился, ибо животное оказалось еще и с юмором и жизнерадостно игнорировало действия погонщика. Только когда старик, поравнявшись с конем, орал «Хуш!» прямо ему в ухо, он неожиданно пускался в галоп.

Когда мы добрались до поросшего травой края кальдермы, уже рассвело. Внизу расстился безрадостный, поистине дурной ландшафт. На ровном дне чаши лежали клочки тумана. В центре кальдермы, почти в двух

метрах от нас, идеально симметричным конусом возвышался Баток. Его крутые серые склоны были изборозжены глубокими оврагами. Слева горбился приземистый Бром. В изяществе контуров он уступал Баток, но казался более эффектным благодаря огромному столбу дыма, поднимавшегося из его округлой вершины. Еще дальше в неясном свете зарождающегося утра мощной неровной полосой проглядывала противоположная стена кальдеры. Несколько минут мы благоговейно созерцали эту фантастическую панораму. Тишину нарушал лишь непрерывный гул Бром.

Наш проводник выкрикнул свое «Хуш!», и лошади стали медленно спускаться в кальдеру по крутой песчаной тропе. Восходящее солнце окрашивало клубящийся дым в тревожный багрово-розовый цвет. Воздух постепенно теплел, клочки тумана рассеивались, открывая широкую и абсолютно плоскую равнину, простирающуюся у подножия Бром и Батока. Голландцы окрестили эту равнину «песчаным морем». Название хотя и выразительное, но не вполне точное, так как равнина покрыта не песком, а серым вулканическим пеплом, который ветры и дождевые воды сносят на дно кальдеры. Вокруг Бром нет застывших лавовых потоков, характерных, например, для гавайских вулканов. У яванских вулканов лава очень густая и вязкая. Она сравнительно легко застывает. Именно поэтому их извержения столь разрушительны: магма, поднимаясь к поверхности из недр земной коры, охлаждается, затвердевает и закупоривает жерло вулкана. Давление снизу нарастает и в конце концов достигает такой мощи, что вся гора взлетает на воздух.

Лошади бодрой рысцей прошли по голой равнине до самого подножия Бром. Мы спешили и стали карабкаться по крутому скользкому склону. Наконец мы добрались до края кратера, остановились и заглянули

внутри. В ста метрах под нами из зияющей дыры вырвались огромные клубы дыма, адский котел кипел с такой силой, что земля дрожала под ногами. С громовыми раскатами серый столб дыма, клубясь и переливаясь, устремлялся ввысь, у края кратера его подхватывал ветер и относил в сторону. Отовсюду сыпался горячий пепел, покрывавший внутренние стенки кратера мертвенно-бледными шрамами.

Мы спустились по осыпающемуся склону метров на пятнадцать. Струйки мелкого пепла стекали вниз миниатюрными лавинами. Вокруг стоял громоподобный гул, исполинская мощь подземных сил потрясала своей непостижимостью. Я оглянулся и увидел старика. Он стоял на краю кратера и отчаянно жестикулировал, призывая нас вернуться. Склон усеивали невидимые пустоты, заполненные смертоносными газами. Если нечаянно попасть туда, можно никогда уже не выбраться.

Местные жители веками приносили жертвы Бромей, умоляя вулкан умерить его страшную силу и пощадить окрестные деревни. Говорят, что в прошлом в жертву приносили людей, теперь же в сатанинскую бездну бросают только кур и куски тканей.

Церемония жертвоприношений состоялась спустя несколько недель после нашего восхождения на Бромей. Как нам потом рассказывали, толпы людей собрались на краю кратера. Когда жертвы были принесены, нашлись храбрецы, не особенно благоговевшие перед всемогущим божеством, которые полезли внутрь кратера, чтобы вырвать дары из утробы вулкана. Один такой смельчак, пытаясь достать что-то особенно ценное, оступился и покатился вниз по склону. Толпа следила за его падением. Никто не попытался вытащить несчастного, и неподвижное тело, словно сломанная кукла, осталось лежать в глубине кратера.

Вполне возможно, что вера в необходимость человеческих жертвоприношений еще сохранилась в сознании сельских жителей. Не так-то просто изжить обычаи, предписывающие умиротворять грозного духа, который способен уничтожить все окрестное население.

На следующий день мы вернулись в Сурабаю. В гараже Даана не нашлось места для нашего джипа, и мы поставили его на дорожке под своим окном. Чтобы никто не покусился на нашего героя, мы обездвижили его, вытащив из двигателя некоторые детали.

Утром мы все собрались ехать в город. Джип завелся с пол-оборота. Чарльз выжал сцепление, но машина не двигалась. Мы вылезли посмотреть, в чем дело, и, к ужасу своему, обнаружили, что за ночь неизвестный злоумышленник увел задние полуоси. Для нас это означало катастрофу, но Даан не пал духом, он лишь слегка удивился.

— Ну и ну, — сказал он, — раньше воровали «дворники», но теперь каждый держит их под замком и ставит только при дожде. Мода на них поэтому прошла. Видно, сейчас появилась новая страсть — полуоси. А может быть, просто они кому-то понадобились на черном рынке. Завтра утром, пораньше, пошлю садовника в одно местечко. Не исключено, что он их там и разыщет. Справедливости ради надо сказать, что обычно народ у нас считает, что законному владельцу надо дать шанс получить свои вещички обратно.

На следующее утро полуоси действительно вернулись, но это обошлось мне в несколько сот рупий.

Наступил день отплытия на Калимантан. После случая с полуосями мы не могли быть спокойны за свое снаряжение. Штука ли, двадцать ящиков, и в некоторых — камеры стоимостью в сотни фунтов! Надо было переправить их из джипа на таможду, оттуда через пристань к причалу и уж только потом уложить в на-

дежно запертую каюту. Вся эта процедура казалась нам трудной и рискованной, да еще Даан твердил, что оставить какую-нибудь вещь без присмотра — значит распрощаться с ней навсегда. В конце концов решили так: Даан возьмет на себя надзор за всей таможенной процедурой, я пройду на корабль, разыщу нашу каюту и останусь там в ожидании вещей, а Чарльз, не спуская глаз с носильщиков, будет лично сопровождать каждый ящик. План казался несложным и вполне надежным.

Сначала все шло хорошо. Мы протиснулись сквозь плотную толпу к таможенной стойке и свалили на нее все свое снаряжение. Даан приступил к переговорам, а я, размахивая билетом и паспортом, кинулся на пристань. Наше судно, большой грузовой пароход, стояло у дальнего причала. Рядом я увидел объявление, гласившее, что судно отправится на три часа позже назначенного времени. Трапа нет, дежурных не видно. Попасть на борт можно только по узкой доске, переброшенной на нижнюю палубу. По ней взад и вперед сновали носильщики и матросы. Я стоял в растерянности, не зная, что предпринять. Может быть, вернуться и отложить всю операцию? В это время на пирсе показалась тележка с нашим грузом. Если я окажусь не готовым принять его, наш тщательно разработанный план может пойти насмарку. Я пристроился к веренице носильщиков и пошел следом за ними по доске. Внутри корабля было темно, смрадно и невыносимо жарко. Полуголые носильщики так плотно теснились вокруг, что я едва мог двигаться. Тут я вдруг вспомнил, что в нагрудном кармане моей рубашки лежит все мое достояние: паспорт, билет, деньги и авторучка. Я схватился за карман, но ощутил не материю, а чью-то руку. Вцепившись в нее мертвой хваткой, я медленно разжал ее и извлек оттуда свой бумажник. Владелец руки, пот-

ный полуголый субъект с какой-то мерзкой тряпкой вокруг головы, испепелял меня взглядом. Его не менее свирепые коллеги тесно сгрудились вокруг. Я решил, что в такой ситуации лучше спустить инцидент на тормозах, нежели дать волю мстительной ярости. От волнения из памяти вылетели последние крохи лингвистического багажа, и я смог произнести лишь нерешительное «тидак» — «не надо».

Карманник ответил нервным смешком, а я, чуть приободрившись и стараясь не терять достоинства, добрался до железной лестницы и поднялся на верхнюю палубу. Сердце у меня колотилось отчаянно.

Внизу, на причале, стоял Чарльз, охраняя тележку с багажом.

— Ни в коем случае не ходи через нижнюю палубу, — закричал я ему, — ко мне только что залезли в карман!

— Не слышу! — донесся ответ Чарльза сквозь грохот кранов и крики толпы.

— Ко мне только что залезли в карман! — заорал я, срывая голос.

— Куда-куда девать багаж?

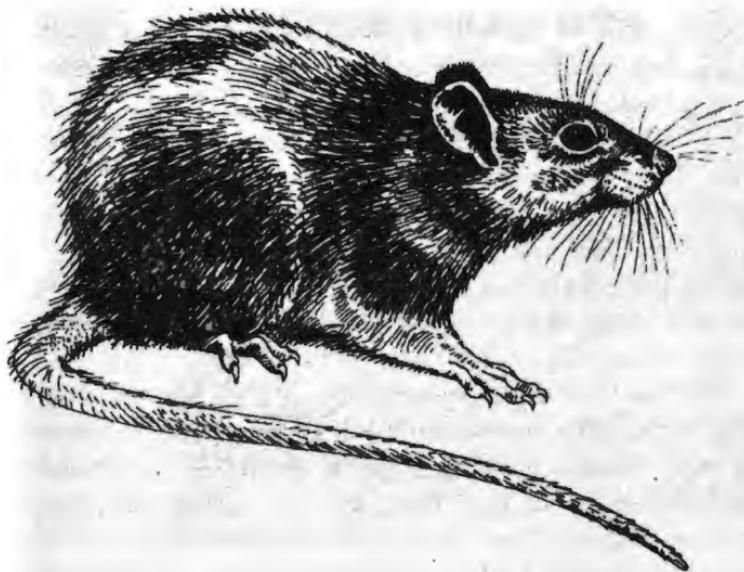
Я отказался от дальнейших попыток сообщить ему о своем приключении и стал энергично показывать на верхнюю палубу. В конце концов Чарльз меня понял. Я нашел какую-то веревку, бросил конец Чарльзу и один за другим вытянул наверх все наши ящики. Две минуты спустя он возник передо мной, взъерошенный и запыхавшийся.

— Ты не поверишь, — выдохнул он, — но ко мне только что залезли в карман.

Прошел еще час, прежде чем спасительные стены каюты укрыли и нас, и весь наш багаж. Случай на нижней палубе не прошел для нас даром. В дальнейшем, пробираясь сквозь толпу, мы одной рукой крепко

держались за карман, а другой готовились отразить на падение. Эта привычка въелась в нас настолько, что, когда мы оказались не в толчее джакартского базара, а среди вечерней лондонской толпы, я чуть было с ходу не нанес удар в челюсть какому-то джентльмену, который слегка толкнул меня по неосторожности.

Глава шестая НА КАЛИМАНТАНЕ

Четверо суток наш корабль вспарывал синюю гладь Яванского моря, держа курс на Калимантан, к небольшому городку Самаринда в устье Махакама — крупнейшей реки острова. Мы надеялись, что сумеем отправиться вверх по этой реке, в страну даяков. У нас имелись адреса двух человек, на помощь которых мы рассчитывали. Один из них, китаец Ло Бенг Лонг, был торговцем в Самаринде, и Даан написал ему о нас. Другой — некий Сабран, охотник и зверолов, — жил на Махакаме, в нескольких милях от города.

На рассвете пятого дня мы вошли в порт. Ло Бенг Лонг встретил нас на пристани и затем целый день возил по разным учреждениям. Первые впечатления о

Калимантане, как и о Яве, мы получали, знакомясь с чиновниками.

Благодаря Ло Бенг Лонгу нас уже ожидал моторный катер. Он назывался «Крувинг» и стоял, мягко покачиваясь, у причала в грязной бухте. Судно было длиной двенадцать метров. В центре его возвышалась рулевая рубка, а в носовой части была оборудована каюта. Палубу закрывал просмоленный брезент. Команду из пяти человек возглавлял старик капитан, с лицом мертвеца, которого все называли Па.

Па без особого энтузиазма дал нам понять, что завтра, возможно, он будет готов к отплытию, и мы спешно отправились закупать все необходимое для длительной жизни на катере. Вечером мы вернулись с рынка, нагруженные котелками и сковородками, мешками риса, связками перца, головками прозрачного пальмового сахара, аккуратно завернутыми в банановые листья. Чарльз, не без оснований опасаясь длительной рисовой диеты, уговорил нас приобрести мешок мелких сушеных осьминогов. Он уверял, что через неделю это сомнительное блюдо покажется нам пищей богов. Среди наших закупок было также шестьдесят брикетиков крупной соли и несколько фунтов голубого и красного бисера для меновой торговли с даяками.

В первый день мы дошли до Тентаронга — поселка длиной в милю, состоящего из ряда шатких деревянных хибар. Он располагался на левом берегу реки. Стремясь поскорее добраться до даякских деревень, я хотел продолжать плавание и ночью, но Па отверг мое предложение. Здешние суда, объяснил он, как правило, не имеют навигационных огней, и, кроме того, по реке плывет немало всяких бревен.

На причале собралась толпа любопытных, и Даан отправился на разведку. В этой деревне, как нам сказали, жил охотник Сабран, но никто не знал, где он

сейчас. Мы сели ужинать, а люди на причале продолжали нас разглядывать, пока не наступила полная темнота.

В каюте было три спальных места, но не разобранный еще багаж загромождал все койки, и я решил устроиться на свежем воздухе, прямо на причале. После дневной жары ночная прохлада была сущим благом, и я быстро заснул. Но тут же проснулся с тревожным чувством. Светила луна. В метре от моего лица большая щетинистая крыса, выгнув спину, грызла кокосовый орех. Поодаль еще несколько ее сородичей рылись в отбросах, а одна, волоча длинный чешуйчатый хвост, обнюхивала причальную тумбу, к которой тянулся канат с «Крувинга». Не дай Бог, подумал я, мы оставили на палубе что-нибудь съестное. Я долго лежал, не в силах ни на что решиться, и смотрел, как крысы сновали и дрались вокруг меня. Одна лишь мысль о том, что надо пройти среди них босыми ногами, доводила меня до тошноты, а под противомоскитным пологом я странным образом чувствовал себя в безопасности.

В конце концов я все-таки заснул, но, кажется, опять ненадолго. Сон прервал чей-то голос, повторявший мне в ухо: «Туан, туан». Рядом со мной стоял какой-то молодой человек с велосипедом. Я посмотрел на часы: не было еще и пяти.

— Сабран,— сказал мой ранний гость, указывая на себя.

Я вылез из постели, набросил саронг и приветствовал молодого охотника, стараясь тоном не обнаружить своих истинных чувств. Потом я несколько раз крикнул, пытаясь разбудить кого-нибудь на судне. В конце концов из иллюминатора высунулась взъерошенная голова Даана. Поговорив с молодым человеком, Даан выяснил, что вчера вечером Сабран был в своей охотничьей хижине, в нескольких милях от Тенггаронга. Как только

ему сообщили о каких-то незнакомцах, спрашивавших о нем, он тут же сел на велосипед и примчался к пристани. Такое усердие, как мы убедились позже, было в натуре Сабрана. Предприимчивый от природы, он собственным трудом к двадцати годам сумел собрать деньги на проезд до Сурабаи. Ему очень хотелось увидеть этот большой город, о котором так много говорили в Самаринде. В Сурабае он быстро получил хорошо оплачиваемую работу, но пороки и нищета большого города произвели на него такое угнетающее впечатление, что он решил вернуться в родные леса. Теперь он жил в Тенггаронге и содержал двух сестер и мать, выполняя заказы на отлов животных. Для нас такой человек был сущей находкой, и мы предложили ему участвовать в экспедиции. Сабран тут же согласился и укатил на велосипеде за вещами. Когда мы заканчивали завтрак, он вернулся пешком, неся маленький плетеный чемоданчик. Не успели мы оглянуться, как он уже мыл на корме грязную посуду. Оперативность Сабрана добавила нам уверенности, что в его лице мы получили настоящее сокровище.

После завтрака мы принялись обсуждать наши планы. Я рисовал нужных нам животных, а Сабран сообщал их местные названия и рассказывал, где они водятся. Особенно нам хотелось увидеть носача, или кахау, импозантную обезьяну, обитающую только в прибрежных болотистых лесах Калимантана. Изобразить ее было нетрудно, так как самцы кахау имеют огромный висячий нос. Сабран мигом узнал носача по моему неуклюжему наброску и сказал, что их можно найти в нескольких милях вверх по реке.

Вечером мы были уже там. Па заглушил двигатель, и судно медленно понесло к лесу, высокой стеной обступавшему берега. Сабран сидел на носу, сложив руки козырьком. Вдруг он взволнованно указал вперед. Там,

в густых зарослях у самой воды, сидело десятка два рыжих обезьян. Они ловко вылавливали из реки листья и цветы и отправляли их в рот, поглядывая на нас без всякого страха, даже с некоторым высокомерием. Длинные носы обезьян ходили ходуном, и вид они имели до того клоунский, что невозможно было удержаться от смеха. Главой этого комического ансамбля был один старый самец. Он сидел на развилке дерева, и его длинный хвост болтался, как колокольная веревка. Рыжий цвет верхней части туловища резко обрывался на пояснице, чресла и хвост сверкали белизной, и казалось, будто мэтр нарядился в белые шорты и оранжевый свитер. Но поразительнее всего был его огромный, бессильно поникший нос, напоминавший красный сплюснутый банан. Он имел такие неправдоподобные размеры, что неминуемо должен был создавать своему владельцу немалые трудности при еде. Нос, как семафор, преграждал прямой путь, и старому вожаку приходилось делать рукой обходной маневр, чтобы донести лакомство до рта. Мы подходили все ближе и ближе, пока наконец обезьяны не насторожились, а затем удивительно проворными для таких крупных животных прыжками не скрылись в лесу.

Эти необыкновенные приматы питаются только листьями определенных растений. Ни один носач еще не выживал вне тропиков, потому что пока никто не нашел подходящей замены их естественной пище. Мы даже не пытались поймать носачей, зато несколько дней снимали их, курсируя по реке вверх и вниз.

По утрам и вечерам обезьяны приходили на берег кормиться, а в жаркие часы спали где-то в гуще леса. Мы же днем разыскивали других животных, особенно надеясь найти крокодилов-людоедов. В Самаринде нам сказали, что их в реке видимо-невидимо, но, к нашему разочарованию, мы не обнаружили даже намеков на их

присутствие. Зато лес был полон изумительных птиц. В великом множестве водились здесь птицы-носороги, очень интересовавшие нас своими поразительными, уникальными гнездовыми повадками. Эти птицы гнездятся в дуплах, и, когда самка приступает к насиживанию, самец замуровывает ее, залепляя отверстие грязью. В самом центре он оставляет маленькое окошко и через него кормит свою подругу. Та тщательно следит за чистотой в гнезде, ежедневно выбрасывает из него помет и остается внутри, пока не подрастут птенцы. Когда они обретают способность к полету, самка взламывает печать, и выводок покидает гнездо.

Вдоволь наснимав обезьян, мы продолжили путь и на пятый день подошли к небольшой деревне. Вода стояла низко, и вдоль берега тянулась широкая коричневая полоса жидкой грязи. Мы причалили к плоту, заменявшему пристань, и перебрались через грязь по бревенчатым мосткам.

На высоком берегу, среди пальм и бамбука, стояла даякская деревня — один-единственный дом длиной около ста пятидесяти метров, поддерживаемый над землей целым лесом трехметровых свай. Вдоль фасада шла веранда, на которой собрались все жители деревни, наблюдавшие за нашим прибытием. Лестницу заменяло бревно с зарубками вместо ступенек. Наверху нас встретил величественный старец — петингти (вождь). Даан приветствовал его по-малайски, и после короткой церемонии первого знакомства петингти повел нас внутрь длинного дома, где можно было сесть, покурить и спокойно побеседовать.

Мы шли, словно вдоль нефа, мимо мощных опорных столбов из железного дерева. Верхнюю часть многих столбов украшали резные извивающиеся драконы, а под самой крышей были привязаны пучки заостренных бамбуковых палочек с насаженными на них вареными ку-

риными яйцами и рисовыми лепешками, предназначавшимися для духов. С балок свисали старые пыльные подносы для жертвоприношений и связки сухих листьев, сквозь которые просвечивали желтоватые зубы человеческих черепов.

Между столбами на специальных подставках лежали длинные барабаны. Пол был сделан из широченных тесаных досок. Вдоль одной стены коридора шла веранда, вдоль другой — деревянная стена, за которой находились жилые комнаты, по одной на семью.

Это впечатляющее здание было уже далеко не новым. Крыша кое-где обрушилась, и комнаты в этих местах опустели. Кожа на многих барабанах потрескалась, а некоторые доски пола прогнили и были источены термитами. Оба торца длинного дома заканчивались рядами голых столбов. Они стояли среди бананов и бамбука и смотрели прямо в небо, напоминая о лучших временах, когда дом был еще длиннее. Жители деревни сидели на веранде и провожали нас глазами. Многие были не в традиционных даякских костюмах, а в обычных майках и шортах. Даже старики не устояли перед соблазнами современной моды, но все же их облик еще хранил следы былых обычаев. Руки и ноги пожилых женщин украшала синяя татуировка, а мочки, растянутые еще в детстве тяжелыми серебряными кольцами, свисали до самых плеч.

И мужчины и женщины жевали бетель, отчего ротовая полость приобретала неприятный коричнево-красный цвет, а от зубов оставались только гнилые черные пеньки. Жевание бетеля вызывает обильное слюноотделение, о чем красноречиво говорили многочисленные алые кляксы на полу коридора. Молодежь поостыла к этой страсти, у нее было другое увлечение — золотые зубные коронки, как в лучших домах Самаринды.

Петингги рассказал нам, что неподалеку от их дома католические миссионеры выстроили церковь и школу. Те, кто принял новую веру, выбросили человеческие черепа, почитавшиеся из поколения в поколение как военные трофеи предков, и украсили стены своих комнат литографиями на религиозные темы. Но хотя миссионеры трудятся здесь уже больше двадцати лет, им удалось наставить на путь истинный меньше половины обитателей деревни.

Вечером, когда мы ужинали на палубе «Крувинга», на берегу появился даяк. Он взобрался на борт и протянул нам бьющуюся белую курицу со связанными лапами.

— От петингги, — пояснил он серьезно.

Посланец сообщил, что этой ночью в длинном доме по случаю свадьбы будут музыка и танцы, и если мы захотим присутствовать, то будем желанными гостями. Мы поблагодарили, вручили ему несколько брикетов соли в качестве ответного подарка вождю и сказали, что с радостью принимаем предложение.

Жители деревни широким кольцом расположились на веранде. Невеста, очаровательная девушка с гладкими черными волосами и правильным овалом лица, сидела, опустив глаза, между своим отцом и женихом. Наряд ее был великолепен — роскошный алый головной убор, отделанный бисером, и пышная, богато расшитая юбка. Перед ней в мерцающих бликах светильников, заправленных кокосовым маслом, раскачивались в торжественном танце две женщины. На головах у них были маленькие, украшенные бисером шапочки с подвесками из зубов тигра, а в руках они держали длинные черные и белые перья птицы-носорога. На противоположной стороне круга сидел голый по пояс мужчина и выбивал однообразную мелодию на шести гонгах, лежащих перед ним на подставке. Петингги поднялся нам

навстречу и усадил нас на почетное место рядом с собой. Его очень заинтересовал принесенный мной зеленый ящик, и я попытался объяснить, что этот ящик может ловить звуки. Петингги был озадачен и заинтерегован. Я тайком наладил микрофон, записал гонговую музыку и, улучив момент, тихо проиграл ему запись.

Петингги встал на ноги и остановил танец. Потом подозвал музыканта с гонгами, велел ему стать на середину круга и сыграть что-нибудь поживее, а мне предложил поймать эту новую мелодию. Дети, возбужденные неожиданным поворотом событий, заголосили так, что я едва мог слышать музыку. Боясь разочаровать петингги плохой записью, я приложил палец к губам, пытаясь утихомирить детвору.

Фокус мой имел огромный успех, и, когда запись кончилась, взрыв веселого смеха эхом прокатился по всему дому. Вождь расценил происходящее как свой личный триумф и, войдя в роль импресарио, стал распределять очередность среди массы желающих выступить перед микрофоном. Я взглянул на невесту. Она сидела одинокая, всеми забытая, и я вдруг со стыдом осознал, что нарушил ее праздник.

— Нет,— сказал я,— машина сейчас уставать. Больше не работать.

Через несколько минут танцы возобновились, но в них уже не было прежней самозабвенности. Все смотрели на волшебный ящик, ожидая, что чудо повторится, и мне пришлось отнести магнитофон обратно на судно.

На следующее утро празднество продолжилось. Теперь настал черед мужчин, танцевавших перед домом под барабаны и гамбус — трехструнный инструмент, похожий на гитару. На большинстве танцоров не было ничего, кроме традиционной длинной набедренной повязки. Со щитами и мечами в руках они гордо двигались в замедленном ритме, время от времени с дикими

криками подскакивая в воздух. Особенно выделялась одна фигура, с головы до ног облаченная в пальмовые листья. Лицо скрывала раскрашенная белым деревянная маска с длинным носом и устрашающими клыками, широкими ноздрями и круглыми зеркальцами вместо глаз.

Мои опасения, что мы слишком грубо вторглись в уединенный мир этой деревни, возможно, были безосновательны. Даяки проявляли к нам не меньший интерес, чем мы к ним. Каждый вечер они приходили на судно, усаживались на палубе и с удивлением наблюдали за нашим странным способом есть с помощью ножей и вилок или замороженно созерцали наше диковинное снаряжение. Как-то раз гвоздем познавательно-развлекательной программы стала основательная разборка магнитофона; немалый успех имела также демонстрация фотовспышки.

В свою очередь мы тоже освоились настолько, что посетили жилые комнаты длинного дома. Лишь в немногих стояли низкие кровати, завешенные грязными рваными пологам. Обитатели остальных комнат сидели, ели и спали на ротанговых циновках. Взрослых домочадцев отсутствие мебели, по-видимому, не смущало, а для младенцев даякские матери использовали оригинальные приспособления: они обвязывали своих крошек длинным, вроде полотенца, куском материи и подвешивали к потолку. Спеленутые дети так и спали в положении сидя. Если же ребенок начинал плакать, то мать, чтобы успокоить его, просто толкала люльку, которая раскачивалась как маятник.

Каждому новому знакомому мы сулили щедрое вознаграждение за любое принесенное животное: ведь даже самый зашудалый охотник-даяк, несомненно, поймал бы за неделю больше животных, чем мы за месяц. Но почему-то никто не проявлял интереса к нашим предложениям. В одной из комнат я увидел на полу кучу

перьев от крыла фазана-аргуса, пожалуй, самой прекрасной и эффектной птицы Калимантана.

— Где эта птица? — спросил я с мукой в голосе.

— Тут, — ответила хозяйка, указывая на кусочки мяса, приготовленные для варки в калембасе. Я застонал.

— Я дам много-много бисера за такую птицу.

— Кушать хочется, — ответила она просто.

Было ясно: никто здесь не верил, что мы можем дать что-то такое, из-за чего стоило бы лишиться своей пищи.

Как-то раз, возвращаясь из леса со съемок, мы с Чарльзом повстречались со знакомым стариком. Он чаще других заходил к нам на судно.

— Селамат сианг, — приветствовал я его, — мир вам. Вы поймали для нас животных?

Старик покачал головой и улыбнулся.

— Смотрите-ка, — сказал я и вынул из кармана свою лесную находку, похожую на округлый кусочек полированного мрамора в оранжевую и черную полоску, который вдруг развернулся и превратился в необыкновенно хорошенькую многоножку. Она засемила всеми своими бесчисленными ножками по моей ладони, настороженно поводя черными шишковатыми усиками. — Нам нужно много разных животных — больших и маленьких. Если вы принесете мне такую, — я показал на многоножку, — я дам вам одну плитку табака.

Старик вытаращил глаза. Что и говорить, обещанное вознаграждение явно превосходило ценность добычи, но я хотел подтвердить серьезность наших намерений и был доволен, увидев, какое впечатление на старика произвела наша щедрость.

— Если нам повезет, — сказал я Чарльзу, — он может стать первым членом нашей команды звероловов.

Утром меня разбудил Сабран.

— Тут один человек пришел, много-много зверей принес,— сообщил он.

Я вылетел из койки и ринулся на палубу. Там стоял наш старик. В руках у него был большой тыквенный сосуд, который он прижимал к себе как нечто бесценное.

— Что? — спросил я, стораю от нетерпения.

Вместо ответа он осторожно вытряхнул содержимое сосуда на палубу. По грубому подсчету, там оказалось две или три сотни мелких коричневых кивсяков¹, почти таких же я мог накопать в своем лондонском саду. Несмотря на разочарование, я не удержался от смеха.

— Отлично,— сказал я,— вы славно потрудились. За этих зверей я даю пять плиток табака. Но не больше.

Было ясно, что перед глазами старика померкло видение баснословного богатства, но он только пожал плечами. Я расплатился с ним, а затем с показной бережностью собрал всех кивсяков и положил их обратно в тыкву. Вечером я отнес их в лес, подальше от деревни, и выпустил там всех до единого.

Пять плиток табака оказались не напрасной жертвой. По деревне разнеслась весть о том, что награды и вправду раздают, и через несколько дней даяки стали приносить нам животных. Мы щедро расплачивались за каждое, и искорки любопытства постепенно разгорались в пламя энтузиазма. В скором времени у нас уже собралась весьма обширная коллекция: мелкие зеленые ящерицы, белки, циветты, хохлатые куропатки, кустарниковые курицы и висячие попугаи — пожалуй, самые очаровательные из всех. Эти короткохвостые маленькие попугайчики изумительно раскрашены: яркая изумруд-

¹ К и в с я к и — широко распространенные почвенные многоножки.

ная спинка, алая грудка и такое же надхвостье, на плечах — оранжевые пятна, а на лбу — миниатюрные синие звездочки.

По-малайски эти попугаи называются «бурунг-калонг» — птицы — летучие мыши, потому что они обладают уникальной способностью отдыхать повиснув на ветках вниз головой.

Для нас наступила напряженная пора: надо было мастерить клетки и ухаживать за животными. Коллекция росла, и в конце концов пришлось превратить правую сторону носовой части «Крувинга» в зверинец, поставив клетки одну на другую до самого тента. Животные все прибавлялись и прибавлялись. Самые большие хлопоты нам доставило наше последнее приобретение. Как-то ранним утром на берегу появился даяк с тростниковой корзинкой в руке.

— Туан, — позвал он, — тут беруанг. Хочешь?

Я пригласил его на борт, и он вручил мне корзинку. Я заглянул внутрь и осторожно извлек черный пушистый комочек. Это был крошечный медвежонок.

— Я нашел в лесу, — объяснил охотник. — Мамки нет.

Малышу была едва неделя от роду: у него еще не раскрылись глаза. Он лежал, болтая в воздухе непропорционально крупными ступнями с розовыми подошвами, и жалобно скулил. Чарльз побежал на корму и приготовил бутылочку разбавленной сгущенки, а я тем временем одаривал добытчика брикетиками соли. Хотя пасть у медвежонка оказалась порядочных для такой крошки размеров, он почему-то не мог высосать из бутылочки ни капли. Мы уговаривали его поесть, расширяли дырочку в резиновой соске, но, как ни бились, ничего не достигли, только измазали ему грудку сладким молоком. Теперь медвежонок уже яростно верещал от голода. В отчаянии мы оставили бутылочку и по-

пытались накормить его через пипетку. Я держал малыша за голову, а Чарльз совал ему пипетку меж беззубых десен и впрыскивал молоко в глотку. Мишка стал глотать, но тут у него началась такая икота, что он ватрясся всем телом. Мы гладили его и терли розовый круглый животик. Постепенно он успокоился, и процедура кормления возобновилась. За час мы смогли влить в него десять граммов молока, после чего, вконец измучившись, он заснул.

Спустя часа полтора он опять стал подревывать, требуя еды, но на этот раз кормежка прошла с меньшими трудностями. Через два дня он впервые пососал из бутылочки, и мы почувствовали, что имеем шанс поставить его на ноги.

Мы задержались в деревне дольше, чем предполагали, а когда все же собрались уезжать, даяки высыпали на берег помахать нам на прощание. Мы отчалили с чувством сожаления и поплыли вниз, увозя свой зверинец.

Бенджамин, как мы нарекли медвежонка, оказался существом очень прожорливым и требовал пищи каждые три часа, невзирая на время суток. Если мы задерживались, он приходил в такую ярость, что дрожь била его с головы до ног, а голый носик багровел от гнева. Кормление этого младенца требовало от нас изрядной выдержки, так как у него отросли длинные и острые когти, а медвежонок не желал сосать до тех пор, пока не вцеплялся ими в руки своего кормильца.

Бенджамин вряд ли можно было назвать очаровательным созданием. Голова слишком большая, ноги кривые, черная шерстка короткая и жесткая. Вся кожа у него была в язвочках, и в каждой пряталась белая извивающаяся личинка. Накормив медвежонка, мы принимались чистить и дезинфицировать эти крошечные ранки.

Прошло несколько дней, пока Бенджамин начал ходить, и с этого времени характер у него явно стал меняться к лучшему. Он, покачиваясь, расхаживал мелкими шажками, обнюхивал все, что попадалось на пути, ворчал себе под нос, но уже не был таким нетерпеливым и требовательным, как раньше. Теперь он стал довольно милым ребенком, и мы с Чарльзом сильно к нему привязались. Когда мы наконец оказались в Лондоне, Бенджамин еще пил только из бутылочки, и Чарльз решил подержать его немного у себя в квартире.

К этому времени Бенджамин стал уже в четыре раза больше, чем в момент нашего знакомства, и у него появились крупные белые зубы. Обычно он пребывал в мирном настроении и вел себя прилично, но если кто-нибудь мешал его забавам, Бенджамин, как и прежде, впадал в ярость и, злобно рыча, крушил все вокруг. Он рвал линолеум, грыз ковры и царапал мебель, но, несмотря на все это, Чарльз держал Бенджамина у себя, пока тот не научился лакать молоко из блюда и окончательно не отвык от бутылочки. Только после этого наш медвежонок отправился в Зоопарк.

Глава седьмая
ОРАНГУТАН ЧАРЛИ

Из всех животных Калимантана моей самой заветной мечтой был орангутан. Эта великолепная человекообразная обезьяна, название которой в переводе с малайского означает «лесной человек», живет только на Калимантане и Суматре, да и там ее можно встретить далеко не везде. На севере Калимантана орангутан стал большой редкостью. Мы путешествовали по южной части острова, где, как нас уверяли, орангутаны еще водились в изобилии, но было похоже, что не многие видели их собственными глазами. У нас оставалось мало времени, поэтому мы решили медленно плыть назад, к устью Махакама, и останавливаться у каждого жилья, пока не встретим человека, который видел орангутана недавно.

Нам повезло. В первый же день мы подошли к маленькой хижине, выстроенной на укрепленном плоту из железного дерева. Хозяин вел торговлю с китайцами, ходившими на катерах из Самаринды. Он получал от них товары в обмен на крокодиловые шкуры и ротанг, которые приносили ему даяки. Когда мы подходили к причалу, там как раз стояло несколько даяков весьма дикого вида. Прямые, неровно подстриженные волосы закрывали половину лба, все облачение — набедренная повязка да украшенные кисточками длинные деревянные ножны с парангом. Даяки рассказали, что в последние дни два-три семейства орангутанов совершали набеги на банановые плантации возле их дома. Именно такие сообщения и были нам нужны.

— Далеко ли до вашей деревни? — спросил Даан.

Один из даяков оглядел нас критически.

— Два часа для даяка, — ответил он, — четыре часа для белого.

Мы решили идти, а даяки согласились сопровождать нас и нести багаж. Не теряя времени, мы приготовили свою технику, захватили кое-какую запасную одежду и немного еды. Все это даяки аккуратно разложили по своим плетеным корзинам. Оставив Сабрана на борту «Крувинга» присматривать за нашим зверинцем, мы поднялись на берег и углубились в лес.

Скоро стало ясно, почему даяки считают белых не слишком резвыми ходоками. Тропа шла то через заболоченный лес, то по открытым участкам. Мелкие болота мы форсировали вброд, а через более глубокие пробирались по тонким скользким бревнам, нередко утопленным в грязной воде сантиметров на тридцать. Даяки шли по ним как по обычной тропе, почти не снижая скорости. Нам же приходилось тратить много сил и внимания, чтобы удержать равновесие и не оступиться на неверных мостках.

Часа через три, уже на исходе дня, мы добрались до длинного дома. Он был еще более ветхим и незащитным, чем тот, в котором мы уже побывали, пол не дощатый, а из тонкого расщепленного бамбука, вместо отдельных комнат — несколько кое-как сделанных перегородок. Нас провели по этому многолюдному помещению и устроили в углу, где можно было сложить вещи и отдохнуть. Мы приготовили рис на костерке, разложив его возле каменного очага, и поужинали. Тем временем стемнело. Мы положили под головы свернутые куртки и улеглись на пол.

Обычно я неплохо сплю на голых досках, но, чтобы заснуть, мне требуется хотя бы относительная тишина. Длинный же дом был полон разнообразных звуков. Визгивали собаки, когда кто-нибудь пинком отгонял их прочь, в клетках, висящих на стенах, кукарекали бойцовые петухи. Неподалеку от нас группа мужчин была поглощена какой-то азартной игрой. Они запускали на жестяном подносе волчок, накрывали его половинкой кокосовой скорлупы и громко выкрикивали ставки. Совсем рядом несколько женщин предавались песнопениям, окружив загадочный прямоугольный предмет, укутанный свисающей сверху материей. Кое-кто, не обращая внимания на весь этот бедлам, спал, устроившись как придется — одни лежали растянувшись во весь рост, другие сидели прислонившись спиной к стене, а некоторые дремали на корточках, сложив руки на коленях и положив на них голову.

Чтобы хоть как-то спрятаться от шума, я набросил на голову запасную рубашку. Это действительно приглушило некоторые звуки, но зато сконцентрировало мое внимание на том, что творилось внизу под домом. Прямо подо мной, визжа и хрюкая, рылись в отбросах между сваями несколько дурно пахнущих свиней. Упругий бамбуковый пол шуршал и скрипел, отзываясь

на каждый шаг обитателей дома. Когда кто-нибудь проходил близко от меня, тело мое слегка подскакивало, а треск стоял такой, будто прыгали через мою голову. Впрочем, в этом не было ничего удивительного, так как наши многочисленные хозяева действительно час тенько перешагивали через мое распростертое тело.

Но нет худа без добра. Все это тьявканье, кукареканье, болтовня, крики, пение, хрюканье и треск слились в такой устойчивый и ровный гул, что он в конце концов стал казаться мне монотонной колыбельной, под которую я и заснул.

Наутро все тело у меня ныло и я чувствовал себя разбитым.

Мы спустились ополоснуться к небольшой речке в ста метрах от дома. Там уже было полно голых резвящихся купальщиков. Мужчины мылись в одном месте, женщины — в другом, в нескольких метрах ниже по течению. Мы уселись под теплым солнцем на аккуратных деревянных мостках и опустили ноги в прозрачную воду. Поблизости умывался один из наших проводников. Закончив утренний туалет, мы отправились к дому вместе.

По пути мы обратили внимание на новую свайную хижину, под которой на деревянном настиле лежал столб с вырезанной на нем человеческой фигурой. Рядом был привязан могучий буйвол.

— Это зачем? — спросил я, показывая на бревно.

— В доме человек мертвый, — ответил наш проводник.

— Где именно в доме?

— Пошли, — предложил он и, когда мы поднялись наверх, подвел нас к задрапированному предмету, вокруг которого ночью пели женщины. Ничего не подозревая, я спал в нескольких шагах от покойника.

— Когда он умер? — спросил я.

Проводник на мгновение задумался.

— Два года,— услышали мы ответ.

Он рассказал нам, что похороны считаются у даяков чрезвычайно важным событием. Чем богаче был человек, тем пышнее и продолжительнее должны быть поминки, которые дети умершего устраивают в его честь. Этот покойник был человеком влиятельным, но детей оставил бедными, и им понадобилось два года, чтобы скопить достаточно средств для подобающих торжеств. Все это время тело находилось высоко на дереве, открытое солнцу, ветру, птицам и насекомым.

Теперь, когда пришло время похорон, останки спустили вниз и выставили для прощания.

Деревенские музыканты вынесли из длинного дома гонги и начали играть, а группа скорбящих принялась танцевать вокруг столба, установленного на полянке. Церемония длилась около получаса и сильного впечатления не произвела.

— Это все? — спросил я своего приятеля.

— Нет. Мы убивать буйвол, когда праздник конец.

— А когда конец?

— Наверное, двадцать дней, а наверное, тридцать.

Торжества по случаю похорон будут продолжаться почти месяц, днем и ночью, набирая все больший размах по мере приближения к финалу. В последний день, когда под влиянием возбуждающих напитков драматизм ритуала достигает апогея, все обитатели деревни спускаются из длинного дома с парангами в руках. Они окружают буйвола и, танцуя, смыкают кольцо все теснее, пока в конце концов не забивают жертву.

Мы объявили, что вознаградим того, кто покажет нам дикого орангутана. Первый претендент разбудил нас на следующее утро в пять часов. Подхватив камеру,

мы последовали за ним в лес. Там, где наш провожатый недавно видел орангутана, валялась разжеванная кожа ра дуриана, любимого лакомства этого животного, а в кронах деревьев мы обнаружили место его ночлега — массивное гнездо из сломанных веток. Целый час мы обшаривали окрестности, но больше ничего не нашли и, разочарованные, вернулись в деревню.

В то утро мы совершили четыре безрезультатные вылазки в лес и столько же на следующий день — так велико было желание обитателей деревни заработать обещанные соль и табак. Утром третьего дня один из охотников сообщил, что видел орангутана только что, и мы снова понеслись в лес, хлюпая по болотистой жиже и не обращая внимания на свирепые колючки. Мы думали только о том, чтобы успеть. Роковым для меня препятствием стал глубокий узкий овраг с ручьем внизу. Наш проводник в обычной манере даяков проворно бежал по перекинутому через овраг бревну, а я как мог поспевал за ним с тяжелой треногой на плече. Для верности я схватился за какую-то ветку. Она треснула. Больше хвататься было не за что, ноги разъехались, я потерял равновесие и рухнул в воду с двухметровой высоты, крепко приложившись грудью о ствол. Пыхтя, я пытался встать на ноги, чувствуя острую боль в боку. Прежде чем мне удалось добраться до берега, даяк очутился рядом.

— Адух, туан, адух, — бормотал он, прижимая меня к себе с искренним сочувствием.

Задыхаясь, я только слабо стонал. Он помог мне выбраться из воды и подняться на берег. Удар был столь силен, что бинокль, который я нес под мышкой, превратился в пару моноклей. Я осторожно пощупал грудь и по отеку и резкой боли определил, что сломаны два ребра.

Постепенно дыхание стало ровным, и мы медленно двинулись дальше. Через некоторое время даяк, подра-

жая орангутану, стал издавать крики, сочетавшие в себе хрюканье и свирепый визг. Вскоре послышался ответ. Мы взглянули вверх и увидели среди ветвей нечто большое, волосатое и рыжее. Чарльз молниеносно установил камеру и принялся снимать, а я опустился на пень, держась за ноющий бок. Орангутан раскачивался над

нами, скалил желтые зубы и сердито визжал. Ростом он был что-то около метра двадцати и весил, наверное, килограммов сорок. В зоопарках мне не приходилось видеть таких крупных экземпляров. Он добрался до конца гибкой ветви и, когда она прогнулась под ним, перепрыгнул на соседнее дерево. Время от времени он отламывал ветки и яростно швырял ими в нас, но удирать не спешил.

Тем временем подошли другие даяки, помогавшие нам нести снаряжение. Мы следовали за орангутаном, а даяки азартно рубили ветки, мешавшие съемке. Каждые несколько минут мы были вынуждены отвлекаться, так как влажный лес кишел пиявками. Если мы задерживались на одном месте, они тут же добирались до нас по листьям, ползли по ногам, вбуравливались в кожу и сосали кровь, пока не раздувались до невероятных размеров. Занятые орангутаном, мы не всегда замечали их, и тогда даяки с серьезным видом ножами сбрасывали с нас этих кровопийц. На местах наших съемок оставались не только срубленные деревца и ветки, но и кровавый фарш из пиявок.

Наконец мы решили, что отсняли достаточно, и стали упаковываться.

— Конец? — спросил один из даяков.

Мы кивнули. Почти в тот же миг позади раздался оглушительный грохот. Обернувшись, я увидел, что один из даяков стоит с дымящимся ружьем у плеча. Орангутан, по-видимому, не был серьезно ранен: мы услышали, как он проламывается сквозь заросли, удаляясь на безопасное расстояние. И все же я пришел в такое бешенство, что на минуту лишился дара речи.

— Зачем? Зачем?! — закричал я вне себя. Мне показалось, что выстрелить в это почти человеческое существо — все равно что совершить убийство.

Даяки стояли ошеломленные.

— Но он плохой! Он кушать мой банан и воровать мой рис. Я стрелять.

Мне нечего было возразить. Даяки, а не я вынуждены добывать себе пропитание в лесу.

Ночью, лежа на полу длинного дома, я мучился от боли в груди, пронзавшей меня при каждом вдохе. Раскальвалась голова. Озноб бил меня с такой силой, что я едва мог выговорить что-нибудь членораздельное. Это был приступ малярии. Чарльз дал мне аспирин и хинин. Я промучился всю ночь под заунывное пение и удары гонга продолжавшейся погребальной церемонии. К утру вся моя одежда промокла от пота, чувствовал я себя прескверно.

Однако к полудню мне стало легче, и мы отправились в обратный путь. Шли медленно, потому что мне приходилось часто останавливаться и отдыхать. Я вздохнул облегченно, только когда мы снова оказались на «Крувинге». Там, в сравнительном комфорте каюты, дело пошло на поправку быстрее.

Должен признаться, что в начале плавания команда «Крувинга» относилась к нам весьма сдержанно: никто с нами не разговаривал, кроме Па, да и тот в первый же вечер был шокирован моим предложением о ночном плавании. Вероятно, они считали нас не совсем нормальными, но безвредными.

Однако со временем отношения наладились, и теперь команда проявляла к нам искреннее дружеское расположение. Па был само внимание: если он замечал на берегу что-нибудь интересное, то по собственной инициативе приказывал сбавить скорость и посылал за нами узнать, не надо ли остановиться для съемок. Механик-машинист, по-местному «масинис», крупный дородный мужчина в неизменном синем комбинезоне, был горожанином до мозга костей. Ни звери, ни люди джунглейнисколько его не привлекали, и он редко сходил

на берег. Вместо этого он с мрачным видом усаживался на палубе, всегда точно над машинным отделением, и щипчиками для ногтей выдергивал щетину на подбородке. При виде каждого нового селения на нашем пути он отпускал неизменную остроту:

— Паршивое место — кина тут нет.

Надо сказать, что вообще всякого рода шутки стали нашим основным развлечением на борту во время долгого плавания по реке. Шутить на чужом языке — не легкий труд. На подготовку очередного выступления мне лично требовалось несколько часов. Еще с четверть часа уходило на работу со словарем. Потом я отправлялся на корму, где команда обычно коротала время за кофе, и старательно воспроизводил свой неуклюжий афоризм. Как правило, в ответ на меня смотрели с полным недоумением, и я удалялся, чтобы доработать свое произведение. Обычно после третьего или четвертого захода мне удавалось донести до остальных переполнявшее меня остроумие, и тут уж вся команда громко хохотала. Подозреваю, правда, что такую бурную реакцию вызывала не столько сама острота, сколько желание сделать мне приятное. Как бы там ни было, а, появившись на свет, мой шедевр продолжал жить в течение нескольких дней, повторяясь еще в чем-нибудь репертуаре для подкрепления собственного остроумия.

Второго механика, по имени Хидуп, мы видели редко, поскольку масинис целыми днями держал его в машинном отделении. Как-то вечером он появился на палубе обритый наголо. От смущения бедняга залился краской; он сидел, поглаживая голый череп, и неловко посмеивался. Разъяснения дал масинис: у Хидупа завелись вши.

Дулла, палубный матрос, прокаленный солнцем высохший старик, занимался главным образом тем, что давал нам уроки малайского языка. Его метод был на

уровне лучших европейских достижений в этой области: он не позволял нам говорить на родном языке. Найдя нас на палубе, старик усаживался рядом и с завидным терпением неторопливо вел урок, делая упор на артикуляцию. Тема бесед была произвольной. Мог обсуждаться, например, перечень индонезийской национальной одежды или, скажем, разнообразные качества риса. Занятия неизменно оказывались столь продолжительными, а изложение предмета до того подробным, что уже через несколько минут мы безнадежно теряли нить беседы и только кивали с понимающим видом, повторяя «да, да».

Пятый член команды, боцман Манап, обладал особым чутьем судовождения. Это был красивый молодой человек, обычно державшийся незаметно. Но если ему случалось стоять у штурвала в тот момент, когда на берегу замечали какое-нибудь интересное животное и предстояли съемки, он лавировал среди опасных мелей искуснее, чем кто-либо другой.

Но конечно, самым энергичным человеком на борту был Сабран. Он взял на себя главные заботы о животных, почти всегда готовил еду для нас, а если находил нашу грязную одежду, тут же по собственному почину простирывал ее. Как-то вечером я рассказал ему, что после Калимантана мы хотим отправиться на восток, на Комодо, за гигантскими ящерицами. Глаза Сабрана вспыхнули от возбуждения. Когда я спросил, не хотел бы он поехать с нами, он схватил мою руку и стал водить ею вверх и вниз, как ручкой насоса, в восторге повторяя:

— Это о'кей, туан, это очень о'кей!

Однажды утром Сабран предложил пристать к берегу, где жил один его друг, даяк, по имени Дармо, с которым они когда-то ловили животных. Не исключено,

у Дармо есть сейчас что-нибудь интересное, и, может быть, он согласится продать нам свою добычу.

Дармо жил в небольшой свайной хижине, убогой и грязной. Это был старик с длинными волосами, падавшими на лоб неопрятной бахромой. Он сидел перед дверью в хижину и выстругивал какую-то деревяшку. Сабран поднялся к нему и спросил, нет ли каких-нибудь животных. Тот взглянул на своего друга так, как будто они только что расстались, и ответил невыразительным тоном: «Йя, орангутан ада».

При этих словах я одним махом взлетел по бревну и очутился рядом с охотником. Он показал на деревянный ящик, наспех заколоченный сверху бамбуком. Внутри сидел на корточках молодой и очень испуганный орангутан. Я осторожно просунул палец и хотел почесать ему спину, но он с визгом повернулся, норовя меня укусить. Дармо рассказал, что поймал орангутана два дня назад, когда тот наведлся на его плантации. В завязавшейся рукопашной схватке Дармо получил хороший укус в руку, а у орангутана остались ссадины на коленях и запястьях.

Сабран от нашего имени начал переговоры, и в конце концов старик уступил свою добычу за весь оставшийся у нас запас соли и табака.

После того как мы доставили орангутана на «Крувинг», нам первым делом надо было пересадить его в более просторную и удобную клетку. Мы поставили ее вплотную к ящику, открыли дверцу и с помощью грозди бананов заманили нашего дорогого звереныша в его новое жилище.

Орангутан оказался самцом не более двух лет от роду. Мы называли его Чарли. Первые два дня мы к нему совершенно не подходили, предоставив ему возможность спокойно обжиться на новом месте. На третий день я приоткрыл дверцу клетки и осторожно просунул

руку. Чарли тут же схватил мои пальцы и оскалил желтые зубы. Я не менял позиции, и в конце концов он позволил почесать себя за ухом, а потом и погладить по круглому брюшку. За такое великодушие я угостил его сгущенным молоком. Немного погодя я повторил маневр, Чарли вел себя так покладисто, что я совсем осмелел и предложил ему сгущенку на кончике пальца. Он подобрал толстые подвижные губы и шумно всосал липкое угощение, не причинив мне ни малейшего вреда.

В тот день я почти не отходил от клетки Чарли, тихо беседуя с ним и почесывая ему спину сквозь решетку. К вечеру он уже доверял мне настолько, что разрешил осмотреть свои раны. Я осторожно взял теплую ладонь, распрямил его волосатую руку и щедро наложил антисептическую мазь на расцарапанное запястье. Чарли внимательно и серьезно наблюдал за происходящим. Мазь на вид почти не отличалась от сгущенки, и не успел я закончить процедуру, как мой пациент слизнул привлекательное лекарство. Кое-что, правда, осталось, и я надеялся, что толк от врачевания все же будет.

Нас всех поразила быстрота, с которой Чарли освоился в новых условиях. Вскоре он уже не только благосклонно принимал мои нежности, но и активно к ним стремился. Если я проходил мимо его клетки, не останавливаясь поболтать, он резко кричал мне вслед. Часто, когда я занимался птицами, щебетавшими в соседней клетке, снизу сквозь решетку просовывалась длинная волосатая рука и тянула меня за брюки. Чарли требовал к себе внимания так настойчиво, что мне приходилось одной рукой кормить птиц, а другой пожимать его черные шишковатые пальцы.

Мне очень хотелось приучить нашего орангутана к прогулкам. Однажды я специально на все утро оставил дверцу его клетки открытой, но Чарли не пожелал вы-

ходить. Он, очевидно, вовсе не считал свою клетку тюрьмой. Она была его домом, а палуба казалась ему неведомым миром, который настораживал и приводил в замешательство. Чарли продолжал сидеть внутри с выражением торжества на темно-коричневом лице, моргая своими желтыми веками.

Я попытался выманить его, показывая банку с теплым сладким чаем, к которому он уже успел пристраститься. Увидев угощение, Чарли принял выжидательную позу, полагая, что я тут же вручу ему лакомство, но я поставил банку у дверцы, с наружной стороны клетки, и он раздраженно завизжал. Потом придвинулся к выходу и осторожно выглянул наружу. Я медленно отодвигал банку до тех пор, пока мой орангутан не ступил на палубу. Держась одной рукой за дверцу, он наклонился к банке и стал пить, а когда кончил, мгновенно забросил себя обратно в клетку.

На следующий день я опять распахнул дверцу, и на этот раз Чарли вышел без всякого принуждения. Он залез на клетку, и я немного поиграл с ним. Я щекотал ему под мышками, а он лежал на спине, скаля зубы в беззвучном смехе. Через несколько минут это занятие ему наскучило, и он перекинулся на палубу. Первым делом Чарли обследовал все клетки, задумчиво просовывая пальцы сквозь решетки. Подойдя к клетке Бенджамина, он подцепил с пола тряпку, и медвежонок, решив, что пришли его кормить, закатил такой рев, что Чарли поспешно ретировался. Продолжая обход, он оказался возле клетки с висячими попугаями и, прежде чем я успел вмешаться, умудрился стащить у них порцию риса. Затем его заинтересовали многочисленные предметы, разбросанные на палубе. Он поднимал все подряд и подносил к своему маленькому толстенькому носу, чтобы определить степень их съедобности.

Я решил, что на первый раз хватит, но Чарли не желал возвращаться и все время от меня ускользал. Ребра еще здорово ныли, и я никак не мог за ним угнаться. Масинис веселился всюду, наблюдая, как я с проворностью дистрофика преследую орангутана и пытаюсь командирским тоном призвать его к повиновению. В конце концов пришлось прибегнуть к испытанному способу: я показал Чарли яйцо и положил его в клетку, подальше от дверцы. Чарли, не теряя достоинства, забрался внутрь, вскрыл скорлупу зубами и аккуратно высосал яйцо до последней капли.

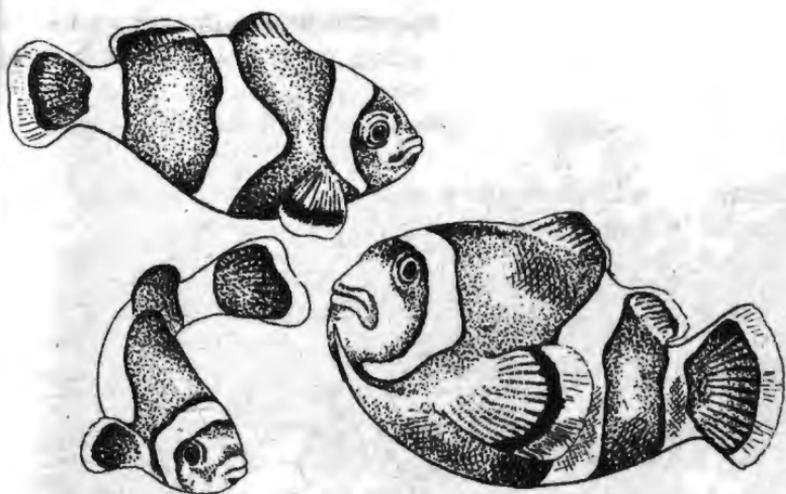
С этого дня полуденные прогулки Чарли стали на корабле обычным делом. Команда очень полюбила нашего питомца, но все же обращалась с ним осторожно. Если молодой орангутан начинал дурно себя вести, они не решались его утихомирить, а ждали нашего вмешательства. Когда «Крувинг» подходил к причалам Самаринды, Чарли восседал в рулевой рубке на плече у Па с видом заправского штурмана.

Наше путешествие по Калимантану подошло к концу. Через сутки в Сурабаю отправлялось крупное торговое судно «Каратон», и теперь предстояло нелегкое дело: переправить на борт багаж и всех животных. Своих сил было явно недостаточно, а просить членов команды «Крувинга» исполнить унижительную работу носильщиков мы не решались, боясь их обидеть. Поэтому мы были глубоко тронуты, когда вечером к нам подошел Манап и сообщил с грубоватой неловкостью, что Па получил от портовых властей разрешение подойти к «Каратону» и, если мы желаем, он и его товарищи перегрузят на корабль все наше снаряжение.

Было приятно смотреть, как охотно они работали, перетаскивая груз через высокий борт «Каратона» и весело выкрикивая прощальные слова нашим животным. Наконец все клетки под наблюдением Сабрана выстро-

ились в спокойном углу на шлюпочной палубе, а багаж надежно разместился за запертой дверью нашей каюты. Когда настал последний момент, вся команда «Круvinga» — Па, Хидуп, масинис, Дулла и Манап — выстроилась в коридоре для прощания. Каждый по очереди сердечно жал нам руку и желал счастливого пути, и мы искренне ощущали грусть расставания.

Глава восьмая
ОПАСНОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ

Мы благополучно прибыли в Сурабаю, и теперь нам предстояло осуществить главную цель всей экспедиции — посетить остров Комодо. В цепи островов, протянувшихся на тысячу миль от Явы до Новой Гвинеи, Комодо — пятый по счету, и лежит он как раз посередине. Мы предполагали, что попасть на Комодо — проблема не из простых, и теперь убедились, что это действительно так. Никто из знакомых правительственных чиновников не мог ничем помочь, и мы решили действовать самостоятельно.

Служащие пароходства впервые слышали о таком острове, и нам пришлось обратиться к карте, висевшей на стене. Мы указали клерку на крохотное пятнышко между крупными островами Сумбава и Флорес. Прак-

тически все пересекавшие карту черные линии — маршруты судов — как нарочно обходили стороной это место, и только одна обещала какую-то надежду. Она подходила к Сумбаве и дальше мимо Комодо шла к Флоресу. Оба порта захода — на Сумбаве и Флоресе — находились не слишком далеко от Комодо.

— Это судно, — спрашивал я, показывая на притягательную черную линию, — когда оно пойдет?

— Следующий раз, туан, — бодро отвечал услужливый клерк, — месяца через два пойдет.

— К тому времени, — вставил Чарльз, — лондонский туман уже сотрет с нас индонезийский загар.

— А нет ли в Сурабае, — продолжал я, не обращая внимания на этот всплеск неуместного пессимизма, — какого-нибудь небольшого судна, которое мы могли бы зафрахтовать прямо до Комодо?

— Нет, — отвечал клерк, — а если бы было, все равно не нанять. Это очень-очень хлопотно. Полиция, таможня, военные — они не дадут разрешения.

Служащие авиакомпании оказались несколько более осведомленными. У них мы выяснили, что если полететь на север, до Уджунгпанданга, то можно попасть на маленький самолет, который раз в две недели совершает рейс до Тимора, делая остановку в Маумере, на Флоресе. Остров Флорес конфигурацией напоминает банан длиной в двести миль. Маумере находится в сорока милях от его восточной оконечности, а Комодо — в пяти милях от западной. Судя по карте, через весь остров проходит дорога. Если в Маумере нам удастся нанять машину, пусть хоть грузовик, проблема будет решена.

Мы разыскали в Сурабае нескольких человек, которые слышали о Маумере, но сами там никогда не бывали. Наиболее достоверной информацией располагал один китаец, дальний родственник которого владел в Маумере магазинчиком.

— Как вы думаете, — спросил я его, — много ли там автомобилей?

— Много, много, я уверен. Пожалуйста, если хотите, я пошлю телеграмму своему шурина Чат Сэну. Он все устроит.

Мы выразили ему самую сердечную признательность.

— Все просто, — объяснил я Даану вечером, — мы летим в Уджунгпанданг, пересаживаемся на самолет до Маумере, отыскиваем там шурина нашего китайского приятеля, нанимаем грузовик, едем две сотни миль на другой конец Флореса, находим лодку или что-нибудь в этом роде, пересекаем пятимильный пролив и попадаем на Комодо. А там остается только поймать дракона.

Уджунгпанданг оказался на осадном положении. Большая часть Сулавеси находилась в руках мятежников, которые время от времени спускались с гор и нападали на транспорт. В аэропорту было полно вооруженных солдат. После тщательного досмотра на таможене нам разрешили провести ночь в городе. Утром мы вернулись в аэропорт, сели в двенадцатиместный самолет и полетели дальше, теперь уже на юго-восток. Под нами лежала бесконечная россыпь крошечных островков, напоминавших божьих коровок: коричневые от выгоревшей травы, с зелеными точками пальм, они уютно устроились в жемчужных кольцах коралловых пляжей. За неровной линией прибоя всевозможными оттенками сверкали зеленые коралловые мелководья, а дальше, где морское дно обрывалось в пучину, море опять становилось переливчато-синим. Островки сменяли друг друга непрерывной чередой, и каждый следующий точь-в-точь походил на предыдущий. Точно так же, думал я, выглядит, наверное, и Комодо, но лишь ему и ближайшим к нему островкам суждено было сохранишь на Земле гигантских ящеров.

Самолет жужжал и жужжал в безоблачном небе, между сапфировым морем и топазовым солнцем. Через два часа впереди из туманного горизонта возникли высокие горы. Это был Флорес. Мы стали снижаться, и устланное коралловым ковром море заскользило под нами со всевозрастающей скоростью. Мы прошли над берегом и увидели в отдалении могучие конусы вулканов, потом под крылом мелькнули хижины, обступившие большую белую церковь, и через несколько мгновений самолет уже катил по тряскому травяному полю.

Небольшое казенное строение было единственным признаком того, что мы приземлились не на случайном лугу, а на действующем аэродроме. Перед зданием стояла группа людей и наблюдала за нашей посадкой, а рядом — о чудо! (мы чуть не подпрыгнули от радости) — стоял грузовик. В приподнятом настроении мы прошли в здание аэровокзала, но никто не бросился нам навстречу. Внутри находилось человек десять мужчин в саронгах, почти все курчавые и с плоскими носами. На нас они смотрели без особой заинтересованности. Внешне они заметно отличались от прямоволосых и приземистых жителей Явы и Бали. Обитатели Флореса были ближе к папуасам Новой Гвинеи и меланезийцам Океании. В зале оказалась девушка — служащая авиакомпании — в фуражке и клетчатой шотландской юбке, выглядевшей здесь довольно странно. Она немедленно принялась заполнять какие-то документы. Прикатили и выгрузили на пол наш багаж. Мы суетились возле него, все еще надеясь, что Чат Сен опознает нас по броским наклейкам, но никто из зрителей на это не среагировал.

— Здравствуйте, — обратился я громко по-индонезийски ко всем присутствующим. — Туан Чат Сен?

Курчавая публика, задумчиво рассматривавшая наш багаж, перевела взгляды на нас. Кто-то захихикал. Де-

вушка в шотландской юбке, размахивая бумагами, торопливо пошла на летное поле.

Мужчины продолжали созерцать нас, а потом один из них, надев форменную фуражку, представился таможенным чиновником и указал на багаж:

— Ваше, туан?

Я весь просиял и разразился на индонезийском языке речью, которую репетировал про себя в самолете во время всего полета.

— Мы англичане. Из Лондона. К сожалению, по-индонезийски мы говорим еле-еле. Мы приехали снимать фильм. У нас много документов. От министерства информации в Джакарте, от губернатора Малых Зондских островов в Сингарадже, от индонезийского посольства в Лондоне, от британского консула в Сурабае.

Перечисляя все эти высокие инстанции, я вручал таможеннику соответствующие бумаги — письмо или пропуск. Он набрасывался на них, как голодный на деликатесы. Пока он их переваривал, в открытую дверь торопливо вошел толстый потный китаец. Он протянул к нам обе руки, расплылся в широкой улыбке и обрушил на нас стремительный поток индонезийской речи.

Я уловил смысл первых фраз, но дальше ничего разобрать не мог. Дважды я пытался прервать его красноречие собственными репликами («Мы — англичане, из Лондона. К сожалению, по-индонезийски мы говорим еле-еле»), но без всякого результата. Я смотрел на него как зачарованный, а он безостановочно продолжал свои непостижимые излияния. На китайце были мятые мешковатые брюки защитного цвета и такая же рубашка; он то и дело вытирал пот со лба носовым платком в красный горошек. Меня очень заинтересовал именно его лоб, а точнее, тот факт, что волосы над ним были выбриты на добрый десяток сантиметров. От этого вид у китайца получался не такой, каким замыслила его

природа, и я старался представить себе оригинал. Его черные волосы, жесткие, как сапожная щетка, явно должны были распространяться ближе к роскошным бровям. Мои размышления прервала внезапная тишина: китаец замолк.

— Мы англичане, — вступил я поспешно, — из Лондона. К несчастью, по-индонезийски мы говорим еле-еле.

Таможенник тем временем закончил изучать наши документы и стал чертить мелом какие-то закорючки на багаже. Чат Сен сиял.

— Лосмен! — закричал он.

Видя, что я не понимаю, китаец прибегнул к классическому британскому приему обращения с не владеющими языком иностранцами, то есть повел себя так, словно мы глухие.

— Лосмен! — заорал он мне прямо в ухо.

Прием подействовал — я вспомнил значение этого слова. Вчетвером мы потащили багаж наружу, к грузовику, который, как оказалось, действительно принадлежал Чат Сену. Трясаясь по дороге к городу, мы вынуждены были молчать, ибо жуткий рев мотора делал всякие разговоры абсолютно невозможными.

Лосмен, подобно всем остальным гостиницам в маленьких городах Индонезии, представлял собой ряд темных цементных камер с общей верандой. В каждой камере имелся дощатый прямоугольник, служивший кроватью, на котором лежал тощий свернутый матрас. Мы сложили свои вещи и вернулись к Чат Сену.

Потребовался час работы со словарем, чтобы уяснить ситуацию. Оказалось, что единственным в Маумере механическим транспортным средством был грузовик Чат Сена и его только что подготовили к двадцатимильному путешествию на восток, в деревню Ларантука. Мы же стремились на запад. В Ларантуке машину предстояло еще с недельку обласкать, прежде чем отважиться на

обратный путь в Маумере. О каком-либо насилии над техникой не могло быть и речи. Чат Сен улыбнулся, похлопал меня по плечу и сказал:

— Забудьте о грузовике.

Чарльз, Сабран и я мрачно переглянулись.

— Забудьте о нем, — повторил Чат Сен, — есть идея получше. Разноцветные озера острова Флорес. Очень известные. Очень красивые. Очень близко. Забудьте о ящерицах. Снимайте озера.

Мы отклонили это предложение. Итак, оставался только морской путь. Может быть, в Маумере найдется какое-нибудь небольшое моторное суденышко? Чат Сен энергично затряс головой. Но тогда, может быть, маленькая рыбацкая прау?

— Может быть, — ответил Чат Сен, и, прежде чем мы смогли как следует выразить ему свою благодарность, он укатил на дребезжащем грузовике разыскивать для нас лодку.

Вернулся наш благодетель поздно вечером, сияя и утирая пот платком. Весь рыболовный флот ушел в море, но, к счастью, в порту нашлась одна-единственная прау, и он привез на переговоры ее капитана. Это был мужчина с длинными неопрятными волосами, в саронге и черной пичи, с хитроватым выражением лица. Он предоставил Чат Сену вести переговоры, а сам сидел молча, уставившись в пол, время от время кивая в знак согласия.

Мы знали, что в направлении от Маумере к Комодо дуют пассаты, и считали, что с их помощью прау без труда дойдет до Сумбавы, где можно сесть на самолет. Капитан кивнул, и теперь оставалось договориться о цене. Торговаться вряд ли имело смысл, так как и Чат Сен и капитан прекрасно понимали, что мы полны желания добраться до Комодо и что прау — наша единственная надежда. Мы согласились на непомерную цену,

и капитан ушел чрезвычайно довольный, сказав, что к завтрашнему дню будет готов.

Дел оставалось много. С утра мы нанесли визит местной полиции, умиротворили портовую таможню, сдали обратные билеты, а потом наведались в продуктовый магазин Чат Сена. Ассортимент пришлось ограничить по той причине, что капитан уже унес большую часть наших наличных средств. Кроме того, пришлось еще отложить некоторую сумму на непредвиденные расходы: ведь одному Богу известно, что готовит нам предстоящее путешествие. Все же кое-какую роскошь мы себе позволили: несколько банок мясных консервов и сгущенного молока, немного сушеных фруктов, большую банку маргарина и с подложины плиток шоколада. Но основным нашим приобретением стал объемистый мешок риса, ибо Чат Сен заверил, что именно этот продукт, да еще при обилии свежей рыбы, которую наловит капитан, позволит нам припеваючи жить не одну и не две недели.

Со всеми покупками мы прибыли в порт после обеда, но капитана не обнаружили. Чат Сен представил нас остальным членам команды прау — двум мальчишкам лет по четырнадцати, тоже прямоволосым, с резкими чертами лица. Одного звали Хасан, другого — Хамид. Заправив свои клетчатые саронги в алые шаровары, они помогли нам погрузить багаж.

Прау оказалась на удивление крохотным одномачтовым суденышком — всего семь с половиной метров в длину. Два паруса — основной, треугольный грот, и поменьше, фок, — были укреплены на бамбуковом гике. Позади мачты стояла низкая рубка-каюта с двускатной крышей. В самом высоком месте каюты от пола до потолка было сантиметров девяносто, не более, и проникнуть внутрь мы могли только на четвереньках. Полом служила бамбуковая циновка, положенная поверх трех деревянных поперечин. Циновку свернули, и под ней об-

наружилось зияющее пространство — трюм. Мы передали туда все наше снаряжение, и его уложили на куски кораллов, служивших балластом, а заодно выполнявших роль твердой подставки для наших вещей. Это было отнюдь не лишним, так как в трюме плескалась грязная вода. Оттуда шел тошнотворный запах испортившейся солонины, затхлой воды и гнилого ореха кола. Мы с облегчением плотнули свежего воздуха, когда погрузка закончилась.

Капитан явился к вечеру. Мы от души поблагодарили Чат Сена, не перестававшего вытираться платком, мальчики подняли паруса, и прау с капитаном у румпеля пустилась в путь.

Вечер выдался на славу, и наше суденышко лихо несло по волнам, подгоняемое свежим ветром. Чарльз предпочел спать на носу, а я, Сабран и мальчики устроились на ночь в каюте, на бамбуковой циновке. Трудно было сказать, кто остался в выигрыше. Чарльз подвергал себя риску пробудиться под небесным душем или получить затрещину от гика, который при любом маневре проходил в тридцати сантиметрах над его головой. Но в то же время он мог наслаждаться свежим воздухом, чего нельзя было сказать о нас, стиснутых в зловонной каюте. Но никто и не думал ворчать: пусть в тесноте, пусть в неудобстве, но мы двигались к цели.

Проснувшись, я по движению лодки понял, что ветер стих. Через дверь каюты был виден Южный Крест, сверкавший на безоблачном небе. Внезапно тишину снова нарушил разбудивший меня звук: отвратительный хруст, при котором вся прау затряслась и накренилась. Пришлось вылезти на палубу. Чарльз стоял у борта и вглядывался в воду.

— Мы сидим на рифе, — объявил он бесстрастно.

Я окликнул капитана, сторбившегося у румпеля. Он не шевелился. Я быстро перебрался на корму и стал его трясти. Он открыл глаза и посмотрел на меня осуждающе.

— А дух, туан,— произнес он,— так делать не надо.

— Да вы посмотрите! — вскричал я, возбужденно показывая за борт. В этот миг снова раздался мерзкий хруст, и лодка задрожала. Капитан постучал себя по правому уху.

— Это у меня плохой,— сказал он обиженным тоном.— Я слышать не хорошо!

— Мы сели на риф! — закричал я в отчаянии.— Это тоже не хорошо!

Капитан нехотя встал на ноги и разбудил свою команду. Втроем они взяли длинный бамбуковый шест, лежавший вдоль борта, и стали отталкиваться от кораллового рифа. Светила луна. Вода была как бы расшита яркими фосфоресцирующими стежками, и всякий раз, когда легкая волна поднимала и опускала лодку, вокруг разливалось зеленоватое свечение.

Минут через десять мы сошли с рифа и мягко качались на глубокой воде. Мальчики вернулись в каюту и улеглись спать. Капитан пристроился у румпеля, завернулся в саронг и продолжил прерванный сон.

Этот эпизод нас сильно обеспокоил. Одно дело — при полном штиле мирно покачиваться в открытом море, совсем другое — наскочить на риф, что, как я знал из книг, неминуемо ведет к кораблекрушению. Мое доверие к капитану пошатнулось. Спать расхотелось, и мы с Чарльзом больше часа сидели на палубе, беседуя. Впереди, на горизонте, вырисовывались неясные очертания довольно большого острова. Паруса чуть слышно шелестели над нами, прау то поднималась, то опускалась в такт легкой волне. Где-то наверху, с мачты, вдруг подал голос маленький геккон¹. В конце концов мы все же отправились спать.

¹ Г е к к о н ы — семейство ящериц.

За ночь, судя по положению острова на горизонте, мы не продвинулись вперед ни на дюйм. Не лучше обстояло дело и днем: прау только медленно поворачивалась на синей зеркальной глади. Мы с Чарльзом сидели, сердито уставившись на маячивший перед нами остров, курили и бросали окурки в неподвижную воду, Хасан и Хамид спали, капитан лежал на своем месте у румпеля, заложив руки за голову и уставившись в небесную бесконечность. Время от времени он вдруг испускал пронзительный вопль. Надо полагать, так капитан пел, во всяком случае другого объяснения этим звукам я не нашел. С наступлением темноты мы отравились спать все при том же абсолютном спокойствии окружающих нас стихий. Ничего не изменилось и наутро: ненавистный остров торчал на прежнем месте. Вчерашние окурки плавали у самого борта, и это нагоняло еще большую тоску. Капитан возобновил свои вокальные упражнения, которые еще вчера стали действовать мне на нервы. Чарльз и я весь долгий день просидели на жгучем солнце, свесив ноги в теплую воду и мрачно глядя на бессильно поникшие паруса, а Сабран коротал время за стряпней. Наши запасы пресной воды хранились в большом глиняном кувшине, привязанном снаружи к стенке каюты. Он был закрыт блюдцем, но все равно вода в нем кишела комариными личинками. К тому же палящее солнце сделало ее отвратительно теплой, и мы, наверное, не рискнули бы к ней притронуться, если бы не Сабран. Он вскипятил воду, растворил в ней несколько дезинфицирующих таблеток, добавил сахар и кофейный порошок, и напиток получился вполне приличным и безвредным. Да и в горле у нас к тому времени пересохло так, что привередничать не приходилось. Но аппетит мой был полностью подавлен однообразной пищей, и, когда Сабран в четвертый раз подряд предложил пустой отвар-

ной, без всякой приправы рис, я не выдержал и отправился к капитану. Он все так же лежал на корме и спазматически выдавливал из себя какие-то песенные отрывки.

— Друг, — обратился я к нему, — мы сильно проголодались. Не наловите ли рыбки?

— Нет, — ответил капитан.

— Почему?

— Крючков нету, доски нету.

— Но туан Чат Сен сказал, что вы рыбак!

Капитан скривился в ухмылке.

— Нет, — буркнул он.

Такой оборот дела не только лишил нас надежды на более разнообразное меню, но и порождал всякого рода подозрения. Если наш капитан не рыбак, то кто же он? Я еще поприставал к нему с вопросами, но так и не смог получить никакой дополнительной информации. Пришлось вернуться на нос и присоединиться к Чарльзу, сидевшему перед полной кастрюлей простого отварного, без всякой приправы риса.

После еды мы с Чарльзом укрылись от невыносимого солнца в каюте и лежали там полуголые, потев на жестких бамбуковых жердях. Из оцепенения меня вывело какое-то неясное пыхтение и фыркание. Высунувшись, я увидел в метрах в трехстах от прау крупную стаю дельфинов. Пространство размером с футбольное поле пенилось и сверкало фонтанами брызг, когда дельфины с присущей им жизнерадостностью вылетали из воды, демонстрируя свои воздушные пируэты. Менее энергичные высывали из воды только морду и прочищали легкие через дыхало, издавая громкий храп.

Вначале дельфины шли стороной, но потом изменили курс, подошли к нам и окружили прау. Мы перегнулись через борт и смотрели, как они играют, волнуя прозрачную зеленую воду. Дельфины были теперь так

близко, что мы хорошо видели их вытянутые клювообразные морды, большие темные дыхла на темени и лукавые глаза, глядящие на нас насмешливо и удивленно.

Минуты две дельфины резвились вокруг прау, а затем, пыхтя и брызгаясь, стали удаляться в сторону острова, который по-прежнему маячил на горизонте. Мы с сожалением проводили их взглядом и опять остались одни посреди оцепеневшего моря. К вечеру паруса слегка зашевелились, и, посмотрев за борт, я обнаружил, что мусор уже находится довольно далеко от кормы. Вскоре бриз превратился в крепкий ветер, а когда солнце коснулось горизонта, мы уже всю мчались по разыгравшемуся морю. Большие волны, настигая нас, поднимали корму суденышка так, что бушприт глубоко зарывался в воду. Когда волна проходила, нос прау взмывал вверх, а с ним взлетал и промокший фок. Ночью, пристроившись в каюте, я слышал, как гик ходил ходуном с таким скрежетом и визгом, какие впору ожидать только от нализовавшегося тромбониста. Мне же эти звуки казались дивной музыкой.

Весь следующий день попутный ветер дул не стихая. Слева по борту на горизонте тянулся берег Флореса. Перед носом прау проносились стайки летучих рыб. Они внезапно появлялись в толще волны, взрывались фейерверком на ее гребне и, распутив синие с желтым грудные плавники, пролетали метров двадцать, резкими зигзагами обходя волны. Если же рядом с прау оказывалась крупная стая этих изумительных созданий, то у нас просто рябило в глазах от их стремительных и замысловатых движений.

Мы вспомнили, что должны запечатлеть наше морское путешествие, и Чарльз достал из трюма камеру, приготовил ее к действию и направил на капитана. Тот

в полудреме сидел на юте, привалившись к румпелю и закрывшись от солнца саронгом, и неплохо смотрелся на фоне пенистых волн, которые то вздымались, то исчезали за кормой.

— Друг, — окликнул я его, — хотите фото?

Капитан вздрогнул и очнулся.

— Нет, нет! — В тоне его была явная неприязнь. — Фото не надо. Не согласен.

Капитан становился для нас все большей загадкой. Из всех индонезийцев, которых мы встречали, он был первым, кто не обрадовался возможности иметь свой портрет. Мы явно делали что-то не так, но в чем заключалась наша бестактность — я не мог понять. Чарльз стал искать другие объекты для съемки, а я попытался исправить неловкость с помощью светской беседы.

— Хороший ветер, — сказал я, вызывая капитана на диалог и взглядом указывая на белоснежные паруса, раздувавшиеся на фоне синего безоблачного неба.

Капитан хмыкнул, сузил глаза и устремил взгляд вдаль.

— С таким ветром мы завтра дойдем до Комодо? — не отступал я.

— Может быть, — ответил капитан.

Он помолчал, шмыгнул носом и издал пронзительный вопль. Я принял это за знак окончания беседы и вернулся на нос прау.

Наступила наша четвертая ночь в море, и я надеялся, что мы уже недалеко от Комодо. Засыпая, я был почти уверен, что завтра наконец собственными глазами увижу вожделенный остров. Но наутро никто не встретил меня радостной вестью; вдоль южного горизонта неровной полосой по-прежнему тянулся Флорес.

Капитана я нашел в его обычном полусонном состоянии, но на новом месте — у рубки, где он устроился в лежавшей на боку долбленке.

— Друг, — обратился я к нему, — сколько еще часов нам плыть до Комодо?

— Не знаю! — ответил капитан недовольным тоном.

— А вы раньше бывали на Комодо? — продолжал я допытываться, стараясь выудить из него хоть какие-нибудь сведения.

— Белум, — услышал я в ответ.

Такого слова я не знал. Пришлось лезть в каюту за словарем. «Белум» переводилось как «нет еще», и у меня зародилось ужасное подозрение. Пока я выбирался из каюты, капитан снова заснул.

Я легонько похлопал его по плечу.

— Капитан, вы знаете, где находится Комодо? — спросил я.

Он устроился поудобнее.

— Я не знаю. Туан знает.

— Туан, — произнес я громко и решительно, — не знает.

Кажется, мое сообщение произвело впечатление на капитана, и с возгласом «Адух!» он принял вертикальное положение.

Я сбегал в каюту за картами и позвал Чарльза, который в тот момент снимал крупным планом живописное буйство парусов.

Одна из двух наших карт была мелкомасштабной и изображала всю Индонезию, где Комодо выглядел крошечным, не более трех миллиметров, пятнышком. Эту карту мне удалось выпросить в пароходной компании. Вторую, крупномасштабную карту я перерисовал из одной научной монографии. На ней Комодо и соседние островки были представлены в мельчайших подробностях, а сбоку виднелся кончик Флореса. Мы показали капитану карту Индонезии.

— Где, по вашему мнению, мы сейчас находимся?

— Не знаю.

— Может быть, он вообще в картах не разбирается,— предположил Чарльз.

Я стал медленно обводить пальцем каждый остров, старательно произнося его название.

— Понятно? — интересовался я вкрадчиво каждый раз.

Капитан энергично кивал. Потом ткнул пальцем в Калимантан и уверенно сказал:

— Комодо.

— Нет,— резюмировал я печально.— К сожалению, нет.

Прау продолжала путь при стихающем ветре, и вели ее теперь мы с Чарльзом. Днем ориентиром нам служило солнце, а ночью мы уповали на Южный Крест. Мы слегка изменили курс и подошли ближе к земле. Береговой ландшафт изменился. Вчера он был гористым, с глубокими лесистыми ущельями, сбегавшими к ровной прибрежной полосе, где покачивались кокосовые пальмы. Теперь же горы уступили место низким округлым холмам с побуревшей от солнца травой и редкими пальмами, похожими на гигантские зеленоватые булавки. Несмотря на эти перемены, мы считали, что по-прежнему идем вдоль Флореса. Скорее всего, так оно и было: вряд ли за ночь прау успела проскочить Комодо и выйти к Сумбаве.

В середине дня прямо по курсу в легкой дымке возникло какое-то скопление мелких островов. Мористее они были совсем крошечными и редкой цепью терялись на северном горизонте. С другой стороны, на юге, острова теснились друг за другом затейливым каскадом отвесных скал, зубчатых конусов и бесформенных глыб. Невозможно было ни разобрать, где кончается один остров и начинается другой, ни разглядеть, что находится

вперед — узкий извилистый пролив или глубокая бухта. В этом лабиринте нам предстояло определить, где кончается Флорес и где начинается тот пролив, который должен привести нас к острову Комодо, к его единственной пригодной для якорной стоянки бухте.

Подойдя к островам, мы получили очередной таймаут: ветер стих и прау застыла на зеркальной глади моря. На мелководье под нами тянулись сплошные заросли кораллов, и мы с Чарльзом, надев маски, спустились за борт. Нам случалось плавать под водой и раньше, и поэтому мы были готовы к восприятию совершенно иного физического мира. Но великолепие рифа потрясло нас. Под нами горбились, щетинились и лучились розовые, голубые и белые кораллы. Одни простирались плотными каменными зарослями, над которыми колыхались пурпурные опахала морского веера, другие росли отдельными колониями в виде раскидистых кустов, белых чаш или валунов, испещренных бороздами, похожими на мозговые извилины. Проплывая мимо гигантских актиний, мы отказывались верить в реальность их размеров и завороженно созерцали метровые сплетения их многоцветных щупалец. Повинуясь воле невидимых течений, они слегка колыхались, словно цветущий луг на ветру.

Ярко-голубые королевские морские звезды сверкали на белом песке меж коралловых замков. Зловещие гигантские моллюски — тридакны — лежали зарывшись на три четверти в песок и, раскрыв волнистые створки, выставляли напоказ свою изумрудную мантию. Я подплыл к одной тридакне и тронул ее палочкой. Створки беззвучно захлопнулись, и палочка оказалась зажатой в крепких тисках. Среди моллюсков и морских звезд лежали черные в розовую крапинку морские огурцы — голотурии. И со всех сторон нас окружали рыбы.

Поначалу жизнь кораллового рифа кажется совершенно беспорядочной, хаотичной, но вскоре начинаешь замечать, что здесь царит свой порядок. Одна из самых ярких рыбок, крошечное создание такой ослепительной голубизны, что кажется светящейся, обитает только в ложках рифа с разреженными зарослями кораллов. Изумрудная рыба-попугай с желтым мраморным узором на челюстях постоянно держится среди розовых кораллов, ветвистых, как олени рога; видно, как она пощипывает крошечным ртом коралловые полипы — свою основную пищу. Изящные зеленые рыбки ходят стайками штук по двадцать. Каждая такая стайка знает свое определенное место на песчаном дне, над которым она и парит. При нашем приближении вся стайка резко уходила в сторону, но когда мы отплывали и оборачивались, то видели рыбок на прежнем месте. Маленькая оранжевая рыбка-клоун бесстрашно сновала среди сплетения щупалец актиний. Любая другая рыбка неминуемо получила бы смертельные ожоги, если бы по неосторожности подплыла к этим щупальцам слишком близко.

Поднявшийся ветер прервал наши подводные исследования, но нам трудно было сразу расстаться с волшебным миром рифа. Мы спустили в воду веревочные петли, ухватились за них и продолжали парить над рифом, медленно двигаясь за прау. Каждый метр скольжения под водой открывал перед нами что-нибудь новое в той удивительной композиции, которую мы едва-едва начали постигать. Но вскоре коралловая стена стала постепенно уходить вниз, а потом вода вдруг из светло-зеленой превратилась в сине-фиолетовую. Морское дно исчезло, и под нами разверзлась бездна. Пришлось возвращаться на борт: в этих глубинах могли быть акулы.

Мы лежали на горячей палубе и изучали карту, пытаясь сопоставить ее мозаику с бесчисленным множест-

вом окружавших нас островков. От капитана по-прежнему было мало проку. Правда, он устроился позади нас, но только затем, чтобы дышать нам в затылки и невянятно бормотать что-то неодобрительное.

В конце концов мы вычленили в натуре сочетание островов, показавшееся нам похожим на одну из комбинаций на карте. Ключом к совмещению послужил островок, который и в море, и на бумаге отличался слегка обособленным положением. Конечно, ошибка не исключалась, но других соответствий нам не удалось найти, и поэтому мы решили считать этот островок отправной точкой дальнейшего маршрута.

Осторожно лавируя, мы подошли к какому-то проходу, который, как мы надеялись, в конечном счете выведет нас к Комодо. Я поинтересовался у капитана, стоит ли нам идти этим проливом, но он только развел руками:

— Может быть, туан. Не знаю.

Оставалось одно — рискнуть.

События последующих трех часов могли стать роковыми для нашей экспедиции. Если бы я подольше поразмышлял над картой, то, наверное, угадал бы подстерегающую нас опасность. Флорес, Комодо и Сумбава составляют часть длинной островной цепи, отделяющей море Флорес от Индийского океана, и поэтому в узких проходах между ними приливо-отливные течения должны обладать чрезвычайной силой. И как раз в такой проход шла теперь наша прау.

Приближались сумерки, свежий ветер надувал паруса, и прау быстро неслась по волнам на юг. Мы были счастливы, полагая, что этой ночью сможем бросить якорь в Комодской бухте. Внезапно сквозь скрип снастей и шум волн послышался грозный рев, и мы увидели, что вода впереди вспенилась и закружилась водоворотами. Налетевший водяной вихрь потряс суде-

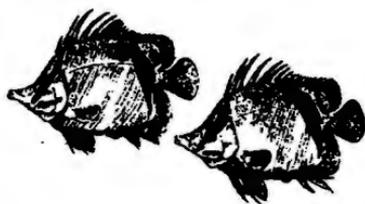
нышко от киля до клоти́ка мачты и развернул его на добрых двадцать градусов. Капитан бросился на бушприт, вцепился в снасти и, пытаясь перекрыть рев моря, стал истошно выкрикивать команды Хасану, державшему румпель. Остальные с сумасшедшей поспешностью расхватили бамбуковые шесты и приготовились отталкиваться от рифов.

Сильная качка чуть не сбивала нас с ног, стремительный напор воды рвал шесты из рук, когда мы с отчаянным напряжением отталкивались от рифа. Мы сражались изо всех сил и в конце концов с помощью штормового ветра сумели вырваться из водоворота на более глубокую воду. Но и здесь течение с прежней стремительностью несло нас навстречу. Только теперь мы по-настоящему осознали происходящее и почувствовали страх. Прау уже не подчинялась нам. Вернуться было невозможно. Пришлось бы свернуть паруса и идти против ветра по воле течения, а это было равносильно самоубийству. Мы обречены двигаться вперед, только вперед. Спустя несколько секунд нос суденышка взметнулся вверх и тут же резко опустился, засасываемый следующим водоворотом.

В течение часа мы бились, не имея ни секунды передышки. К счастью, маленькая осадка прау часто позволяла ей проноситься над подводными рифами, а те, которые поднимались к самой поверхности, были хорошо заметны благодаря пенящимся над ними бурунам. Хасан мастерски обходил их, спасая нас от неминуемой катастрофы. Ветер дул не ослабевая, и мы молились на него: если он изменит нам, прау не совладать с напором прилива.

Вода кипела за кормой, паруса трещали, и казалось, прау птицей летела вперед, но, бросая взгляды на берег, мы видели, что движемся неправдоподобно медленно. Стемнело. Наконец самое узкое место пролива осталось позади, дальше цепь водоворотов как будто редела. И

не же мы не рискнули выйти на середину пролива, опасаясь, что в темноте не сможем заблаговременно зайти в буруны над рифами. Капитан решил держаться ближе к берегу. Медленно пробиваясь вперед, мы обошли мыс. Вода и здесь была беспокойной, но по сравнению с той круговертью, которую мы только что проходили, она казалась тихой. В полном изнеможении я стоял, держась за шест. У меня мелькнула мысль, что мы еще не потеряли шанса добраться сегодня до бухты Комодо. Впереди выступал следующий мыс, и, дойдя до него, мы опять почувствовали сильное течение. Прау качалась, боролась с потоком, но с места не двигалась. Мы опять налегли на шесты, продвинули ее на метр, еще на двадцать сантиметров. Метрах в сорока — пятидесяти впереди вода казалась спокойной, и, если бы удалось пройти этот маленький мыс, можно было бы, наверное, считать наше испытание законченным. Мы работали шестами еще час, потом, выбившись из сил, сдались, и без нашей поддержки ветер, надувавший паруса прау, оказался слабее течения. Судно медленно отнесло под нависшую громаду скал, в крошечную тихую бухточку, и здесь мы бросили якорь. Двое остались караулить с шестами на случай, если прау подойдет слишком близко к скалам, а остальные упали на палубу и тут же заснули. Был ли этот остров островом Комодо, никто из нас не знал.

Глава девятая ОСТРОВ КОМОДО

Проснувшись с первыми проблесками зари, я с трудом расправил затекшие конечности и заставил себя подняться на ноги. Чарльз с Хасаном сидели в полудреме, прислонившись к рубке, и все еще держали шесты. Но прилив кончился, и нас уже не могло выбросить на скалы. Появился Сабран с дымящимся котелком солоноватого, хлорированного кофе, и, пока мы, исполненные благодарности, потягивали этот напиток, позади, из-за горизонта, вынырнуло солнце. Теплые лучи согревали наши полуголые тела и освещали три зубчатых островка, стоявших, словно на страже, перед туманной полосой отдаленных горных цепей. Милях в двух слева от нас тянулась береговая линия, немного не доходя до трех островков, она исчезала в море, ос-

твляя узкий проход. По-видимому, это был выход в Индийский океан. А укрьвшую нас землю мы в глубине души уже считали островом Комодо, и я всматривался в поросшие травой крутые каменные склоны с тайной надеждой увидеть бронированную голову притаившегося дракона.

Стояло полное безветрие. Взяв шесты, мы осторожно вывели прау из бухточки и медленно пошли вдоль берега, не рискуя выйти на середину пролива, где пришлось бы вступить в единоборство с сильным течением. Впереди виднелись три островка, и мы двигались к ним, так как, изучив еще раз карту, были уверены, что именно они стерегут вход в Комодскую бухту. До них оставалось не меньше мили, когда киль прау стал задевать дно, и мы вынуждены были ожидать прилива.

Близость цели разжигала наше любопытство, и, спустив на воду крошечную долбленку, мы с Сабраном отправились на разведку.

Шли под самым берегом. Внизу расстиались сплошные заросли кораллов, и часто долбленка скользила над ними всего в нескольких сантиметрах. Время от времени впереди возникали едва выступавшие из воды бугры кораллов-мозговиков. Наскочи долбленка на один из них, и мы вывалились бы прямо на каменный лес острых коралловых рогов. Но Сабран знал свое дело. Он видел опасность заранее и легким движением весла чуть менял курс. Какие-то тонкие рыбешки длиной сантиметров тридцать выпрыгивали перед нами и скользили по воде. Они держали тело под углом в сорок пять градусов к поверхности, а в воде оставался только быстро работающий хвост. Прогулявшись таким способом несколько метров, рыбки падали на воду брюхом вперед и исчезали.

И вот мы у островного трио. Проходим между правым и центральным островами, и перед нами открыва-

ется великолепная бухта, окруженная крутыми и неприветливыми горами. Вдали аметистовую воду встречает тонкая белая полоска песчаного пляжа, а над ним, у подножия голых буроватых холмов, что-то темнеет — скорее всего пальмовая роща, скрывающая деревушку. В нетерпении устремляемся мы через глубокую бухту и вскоре различаем на берегу лодку с балансиром, пальмы и несколько серых хижин. Наконец-то мы точно знаем, где находимся: без сомнения, перед нами — Комодо, единственный обитаемый остров во всем этом микроархипелаге.

Под любопытными взглядами ребятишек мы вытащили из воды свой челн и по коралловому песку, усеянному раковинами, пошли в сторону ветхих свайных хижин. У одной из них на корточках сидела старуха. Она вынимала из корзины сморщенные кусочки мякоти моллюсков и длинными рядами аккуратно раскладывала их под палящим солнцем на куске грубой коричневой ткани.

— Доброе утро, — сказал я. — Где живет петингти?

Неожиданное появление двух незнакомых мужчин, казалось, ничуть не удивило старуху. Она откинула длинные седые волосы с морщинистого лица, сощурилась и показала на хижину, которая была чуть больше и крепче остальных. Обжигая босые ноги горячим песком, мы направились к ней вдоль деревни, провожаемые взглядами детишек да нескольких старух. Петингти уже ожидал нас в дверях. Это был старик в элегантном опрятном саронге и белой сорочке, в черной, сдвинутой на лоб пичи. Он одарил нас широкой, но совершенно беззубой улыбкой, пожал обоим руки и пригласил в дом.

Войдя внутрь, мы поняли, почему деревня казалась полупустой: в комнате собрались, по-видимому, все местные мужчины. Они сидели на ротанговых циновках,

благо мебель не загромождала это помещение площадью не более пяти квадратных метров. Здесь стоял только массивный, с витиеватой резьбой гардероб, к дверце которого было прикреплено зеркало, все в трещинах и пятнах. Задней стеной комнаты служила ширма, сплетенная из пальмовых листьев, с пришитым внизу куском старой ткани. Она закрывала вход в дальнюю половину хижины, где, как я потом узнал, находилась кухня. Из-за ширмы по очереди выглядывали четыре молодых женских лица. Петингги жестом указал на свободный пятачок в центре комнаты. Когда мы сели, ширма откинулась, и одна из женщин, мягко ступая, медленно направилась к нам. Она шла низко наклонившись, выражая тем самым свое почтение сильному полу, и несла полное блюдо жареных кокосовых лепешек. Поставив блюдо перед нами, она так же бесшумно удалилась, а другая женщина принесла чашки с кофе. Вождь, скрестив ноги, сел напротив нас, и вместе мы отдали должное угощению. После этой продолжительной церемонии знакомства я как мог объяснил, кто мы и зачем явились. Не находя подходящего малайского слова, я оборачивался к Сабрану, и он немедленно приходил мне на помощь. Иногда лингвистическая находчивость изменяла нам обоим и приходилось прибегать к поспешной консультации друг с другом на нашем собственном жаргоне. А бывало и так, что я вдруг без всякого содействия выдавал какое-нибудь новое для себя слово или даже целую фразу, и тогда Сабран весь сиял от восторга и шептал мне по-английски:

— Эта очень, очень о'кей.

Вождь согласно кивал и дружелюбно улыбался. Я пустил по кругу пачку сигарет и, выждав еще с полчаса, решил, что не проявлю бестактности, если упомяну теперь о нашей прау, сидящей на мели в нескольких километрах от деревни.

— Туан,— сказал я,— может быть, кто-нибудь из твоих людей пойдет с нами и проведет лодку через рифы?

Вождь выразил полное согласие — и кивками и улыбкой.

— Халинг, мой сын, поможет вам.

Однако петингти, по-видимому, не считал это дело не терпящим отлагательств, и, когда появились новые чашки кофе, он сменил тему беседы.

— Я болюсь,— объявил он, протягивая сильно опухшую левую руку, вымазанную какой-то белой грязью.— Я лечусь так, но не помогает.

— На прау у нас много-много хороших лекарств,— сказал я, надеясь вернуть его к нашей насущной проблеме. Он мягко кивнул и попросил разрешения взглянуть на мои часы. Я отстегнул их, вручил петингти, и тот после внимательного осмотра пустил их по кругу. Каждый из присутствующих восхищенно оглядывал часы и прикладывал их к уху.

— Очень хорошо,— сказал вождь,— мне нравится.

— Туан,— ответил я,— я не могу их отдать. Эти часы подарил мне мой отец. Но,— добавил я значительно,— на прау есть подарки.

Появилась новая порция кокосовых лепешек.

— Ты делать фото? — спросил петингти.— Тут был француз. Он делать фото. Мне очень нравится.

— Ну, конечно,— ответил я,— у нас на прау есть аппарат. Вот привезем его сюда и будем делать фото.

Наконец петингти посчитал, что продолжительность нашей первой встречи вполне отвечает требованиям этикета. Беседа закончилась, и все высыпали на пляж, где петингти указал на лодку с балансиром.

— Лодка моего сына,— пояснил он и с тем удалился.

Халинг ушел сменить свой праздничный наряд на рабочий костюм. Только через два часа после нашей

высадки на остров мы наконец столкнули лодку в воду. В поход отправилось еще шестеро желающих. Мы установили бамбуковую мачту, подняли косой парус и понеслись по волнам, подгоняемые хорошим попутным ветром.

Пока мы отсутствовали, Чарльз, как оказалось, времени даром не терял и успел заснять разнообразные виды острова. По всей носовой части прау были разложены объективы и камеры, и островитяне, оказавшись на борту, тут же принялись с восторгом хватать диковинные предметы. Мы попытались объяснить им, что, к сожалению, этого делать нельзя, но слова не возымели действия. Тогда мы поспешно упаковали свои драгоценности и убрали их в трюм. Тем временем наши гости переместились на корму. Мы застали их весело болтающими с капитаном и Хасаном. Халинг держал нашу драгоценную банку с маргарином; я хорошо помнил, что она была на три четверти полной.

Сын вождя поскреб пальцами дно банки, извлек кусочек маргарина и наложил его на свои длинные черные волосы. Я посмотрел на остальных: одни, как и Халинг, занимались своей прической, другие непринужденно облизывали пальцы. Банка была пуста. Мы лишились всех своих запасов кулинарного жира и даже не могли теперь разнообразия ради превратить рис отварной в рис обжаренный. Я чуть не разразился гневной тирадой, но вовремя понял, что это бесполезно.

Вместо меня заговорил Халинг.

— Туан, — обратился он ко мне, поглаживая волосы жирными пальцами, — а расческа у тебя есть?

Вечером прау мирно покачивалась на якоре у деревни, а мы сидели в хижине петингти и обсуждали наши дальнейшие планы. Главной темой разговора были, разумеется, вараны, или буайя — сухопутные крокодилы, как называл их петингти. Он сказал, что буайя на ос-

трове очень много, иногда они даже заходят в деревню и роются в отбросах. На мой вопрос, нет ли в деревне человека, когда-нибудь охотившегося на варанов, старик энергично затряс головой. Буайя совсем не так хороши на вкус, как дикие свиньи, которых на острове множество, и поэтому зачем же их убивать? И кроме того, добавил петингги, эти звери небезопасны. Всего несколько месяцев назад один человек наткнулся на буайя в густых зарослях. Чудовище сшибло его с ног мощным ударом хвоста, потом развернулось и стало терзать несчастного. Когда беднягу нашли, он был так искалечен, что вскоре умер.

Мы спросили петингги, чем можно заманить дракона, чтобы хорошенько его поснимать. На этот счет у старика не было никаких сомнений. Буайя обладает прекрасным нюхом, сказал он, и на запах тухлого мяса придет издалека. Петингги сегодня же велит зарезать двух козлов, а завтра Халинг отнесет их на другую сторону залива, где буайя обитают во множестве, и все будет в порядке.

Ночь выдалась ясной. Южный Крест сверкал над зубчатым силуэтом Комодо. Мы уютно устроились на палубе прау, только покончив с ужином, в котором впервые за последние шесть дней не было ни зернышка риса. Хвала Сабрану! Он сумел раздобыть в деревне две дюжины крошечных куриных яиц и приготовил роскошную яичницу, подав к ней прохладное, слегка шипучее кокосовое молоко. Мы с Чарльзом лежали на носу прау, заложив руки за голову и глядя на незнакомые созвездия. Время от времени черную бесконечность над нами прочерчивали штрихи падающих звезд, из деревни неслись над чернильной водой монотонные удары гонга. Я думал о завтрашнем дне, и образ дракона острова Комодо так волновал меня, что не давал заснуть до глубокой ночи.

Мы поднялись на рассвете и переправили в долбленке на берег все свои вещи. Я надеялся выйти пораньше, но на сборы ушло два часа: сначала Халинг сам готовился к путешествию, а потом собирал еще трех помощников. Наконец мы общими усилиями спустили на воду его лодку и загрузили ее камерами, треногами, магнитофонами, а также двумя козьими тушами, привязанными к длинной бамбуковой жерди.

Когда мы отчалили и пошли через залив, вспарывая воду бамбуковым балансиrom, над коричневыми горами засияло солнце. Халинг сидел на корме, держа привязанную к прямоугольному парусу веревку, и с ее помощью управлял лодкой на неверном ветру. Вскоре мы уже плыли вдоль крутых утесов. Высоко над нами, на уступе, сидел в сторожевой позе великолепный орлан, и солнце играло на его каштановом оперении.

Мы вышли на берег там, где с травянистых гор сбегала к морю густо поросшая кустарником долина, и Халинг повел нас в глубь колючих зарослей. Время от времени мы пересекали открытые участки, где росли только пальмы. Их тонкие стволы устремлялись вверх метров на пятнадцать и там выбрасывали веер перистых листьев. Попадались нам и мертвые деревья с голыми, побелевшими и растрескавшимися от зноя ветвями. Не было заметно никаких признаков жизни, если не считать стрекота насекомых да громких криков желтохлостых какаду, стайками пролетавших над нами. Мы пересекли мелкую солоноватую лагуну и, продираясь сквозь кустарник, направились к верхней части долины. Было жарко и душно. Появилась пелена низких облаков, которая не давала знойному воздуху подняться над раскаленной землей.

Через час мы вышли к сухому каменистому руслу ручья, ровному и широкому, как дорога. По обе его

стороны стояли высокие деревья, ветви которых, смыкаясь, образовали просторный тоннель.

Халинг остановился и опустил свою ношу на землю, — Здесь, — сказал он.

Первым делом надо было привлечь варанов. Козьи туши уже раздулись от жары и стали тугими, как барабан. Сабран вытащил нож и вспорол брюхо одной из коз. Из прорези с шипением вырвался зловонный газ. Затем Сабран развел костерок и бросил в него кусочек козьей шкуры, чтобы соблазнить варанов еще и запахом паленой шерсти. Халинг забрался на пальму и срубил несколько листьев, из которых Чарльз соорудил некое подобие засидки, а мы с Сабраном тем временем оттащили козы туши на сухое ложе ручья, метров на пятнадцать от нашего укрытия. Потом все устроились в засидке и стали ждать.

Вскоре начался дождь, и капли мягко застучали по скрывавшим нас листьям. Халинг покачал головой.

— Плохо, — сказал он, — буаяя дождь не любит. Он дома оставайся.

Рубашки на нас постепенно намокали, по спине потекли ручейки, и я нехотя подумал, что буаяя в общем-то проявила больше здравого смысла, чем мы. Чарльз стал запаковывать технику в непромокаемые мешки. В воздухе стояло зловоние от разлагающейся козлятины. Через некоторое время дождь прекратился, но с деревьев продолжало капать, и мы вышли из засидки посушиться на открытом песчаном берегу ручья. Халинг мрачно бубнил, что никакой буаяя не покинет своей норы, пока не засветит солнце и ветерок не разнесет по окрестностям запах гниющего мяса. Я лег на мягкий песок и закрыл глаза. Настроение у меня было не самое радужное.

Когда я открыл глаза, то с удивлением понял, что успел немного вздремнуть. Оглядевшись вокруг, я уди-

вился еще больше, так как обнаружил, что не только Чарльз, но и Сабран, и Халинг, и все остальные тоже крепко спят, склонив головы на колени друг другу или пристроившись на ящиках с техникой. Ну и поделом же нам, подумал я, если вараны явились сюда, невзирая на дождь, и сожрали всю приманку. К счастью, туши лежали на месте нетронутыми. Я взглянул на часы: три пополудни. Дождя не было, но плотные облака висели низко, и мне подумалось, что вараны сегодня скорее всего не придут. Тем не менее время терять не стоило, мы могли пока соорудить ловушку и оставить ее тут на ночь. Я разбудил своих товарищей.

За последние несколько дней мы часто обсуждали с Сабраном модели ловушек на дракона и в конце концов остановились на той, которую он использовал для ловли леопардов. Эта ловушка обладала неоспоримым преимуществом: весь необходимый для нее материал, кроме толстой веревки, можно было взять прямо в лесу.

Соорудить основу всей конструкции — крытый прямоугольный загон — особой сложности не составляло. Халинг и его люди срубили крепкие ветки и сделали из них жерди. Мы с Чарльзом, выбрав четыре самые толстые, вбили их в землю, пользуясь большим булыжником как кувалдой. Получилось четыре угловых столба. Сабран залез на высокую пальму и срезал несколько больших веерообразных листьев. Он оставил от них только черешки и, превратив их с помощью камня в гибкие волокна, быстро сплел крепкую веревку и вручил ее нам. Мы привязали этой веревкой длинные горизонтальные жерди к угловым столбам, а затем укрепили конструкцию вертикальными кольями. Получилась длинная клетка-загон, открытая с одного конца. На всю работу ушло не более получаса.

Дальше предстояло сделать падающую дверцу. Мы соорудили ее из тяжелых кольев, связав их все той же

пальмовой веревкой. Вертикальные кольца заострили снизу, а нижнюю поперечину подвязали изнутри на скользящих петлях к угловым столбам. Теперь, когда дверь упадет, ее не вышибить наружу, если, конечно, будет кому вышибать. Чтобы упавшую дверь не так-то легко было поднять, мы привязали к ней лианами тяжелый камень.

Оставалось наладить спусковое устройство. Сквозь крышу ловушки, у дальнего ее конца, мы опустили до земли длинный кол. Затем укрепили еще два кола по обе стороны от дверцы и связали их наверху крестом, точно над дверцей. К дверце привязали веревку, которая потом пошла вверх, через угол креста и дальше до вертикального кола у заднего конца ловушки. Можно было закрепить дверь в поднятом положении, привязав веревку прямо к этому колу, но мы сделали иначе: привязали ее к «собачке» — небольшой палочке, сантиметров пятнадцать длиной. Держа «собачку» вертикально и близко к колу, мы набросили на нее и на кол две лиановые петли, одну сверху, другую снизу. Тяжесть двери крепко держала эту связку, не давая петлям скользить вдоль кола. Затем мы привязали небольшой кусок веревки к нижней петле, пропустили ее сквозь крышу ловушки и прикрепили к козлятине.

Чтобы проверить устройство, я взял палку, просунул ее внутрь и ткнул приманку. Вережка, привязанная к нижней петле, дернулась и потянула ее вниз. Спусковая палочка — «собачка» — выскочила, и дверь на другом конце ловушки грохнулась вниз. Система сработала.

Закончив строительство, мы обложили ловушку с трех сторон большими камнями, чтобы попавшийся дракон не мог просунуть морду под нижние поперечины и подрывать всю конструкцию, и завесили пальмовыми листьями задний, закрытый конец ловушки, чтобы приманка была видна только со стороны дверцы. Затем

трое добровольцев оттащили остатки козлятины и подвесили их к одному из деревьев. Теперь приманка, болтаясь в безопасности, могла распространять соблазнительный дух по всей долине.

Закончив все дела, мы собрали свои вещи и под морозящим дождем зашагали обратно к лодке.

Вечером мы сидели в хижине петингги, пили кофе и курили. Хозяин пребывал в задумчивости.

— Женщины, — проговорил он, — почему в Англии?

Я не был уверен, что сумею правильно ответить на этот вопрос.

— Моя жена, — продолжал старик скорбно, — обошлась мне в две сотни рупий.

— А дух! В Англии иногда, когда мужчина берет женщину в жены, он сам получает от ее папаши много-много денег!

Петингги был потрясен. Затем сказал с шутливой серьезностью:

— Не говори об этом нашим мужчинам. Они все сядут в лодки и отправятся напрямик в Англию.

Потом разговор зашел о нашей прау и ее капитане. Мы рассказали, с какими трудностями пришлось добираться до Комодо.

Петингги хмыкнул.

— Этот капитан. Он плохой. Он не с наших островов.

— А откуда он? — спросил я.

— С Сулавеси. Он возил ружья из Сингапура и продавал мятежникам в Уджунгпанданге. Об этом узнали, и капитан уплыл на Флорес, да там и остался.

Это объясняло многое: отсутствие рыболовных снастей, незнание нашего маршрута, а также нежелание капитана фотографироваться.

— Он сказал мне, — добавил старик, как бы вспомнив что-то, — может быть, люди из моего кампунга поплывут с вами, когда вы уедете.

— Ну конечно. Мы с удовольствием их возьмем. Они хотят поехать на Сумбаву?

— Да нет, — ответил петинги с веселой беззаботностью, — но капитан сказал — у тебя много денег и много всяких ценных штук. Он сказал, может, если будут помощники, он заберет у тебя это все.

Я попробовал рассмеяться, но внутри у меня что-то дрогнуло.

— И они поедут?

Петинги задумчиво посмотрел на меня.

— Я так не думаю, — ответил он. — Нам надо тут, знаешь ли, много рыбы ловить, да они и сами не захотят оставить своих жен.

Глава десятая **ДРАКОНЫ**

Наутро, когда мы пересекали залив, небо было совершенно безоблачным. Халинг сидел на корме, улыбаясь и показывая на уже сильно припекавшее солнце.

— Хорошо, — приговаривал он, — много солнца, много вони от козлятины, много буайя.

Выйдя на берег, мы торопливо двинулись через кустарник. Мне не терпелось поскорее очутиться у лодушки, ведь могло случиться, что какой-нибудь дракон забрался туда ночью. Когда, продравшись сквозь заросли, мы вышли на полянку, шедший впереди Халинг внезапно остановился.

— Буайя! — воскликнул он.

Я кинулся к нему и успел заметить, как на противоположной стороне полянки, метрах в пятидесяти от

нас, в колючей чаще скрылось что-то черное. Мы бросились следом. Варан исчез, но свидетельства его пребывания были налицо. Мелкие лужи после вчерашнего дождя уже успели высохнуть под утренним солнцем, и на их грязной поверхности четко отпечатались драконьи следы.

Между двумя рядами глубоких отпечатков лап с отчетливыми шрамами от когтей тянулась извилистая борозда — след хвоста. По всем признакам зверь, только что мелькнувший перед нами, был весьма крупным. Как ни коротко оказалось первое свидание с драконом, мы все же почувствовали чрезвычайное волнение: наконец-то своими глазами нам удалось увидеть уникальное существо, владевшее нашими мыслями на протяжении многих месяцев.

Мы не стали задерживаться возле следов и поспешили сквозь чащу к ловушке. Выйдя к высокому мертвому дереву, от которого до сухого русла было уже рукой подать, я чуть не пустился бегом, но сдержался, сообразив, что ломиться с треском через кусты было бы сейчас непростительной глупостью. Ведь как раз в этот момент дракон мог облизываться возле приманки. Я обернулся к Халингу и его людям и знаком попросил их подождать. Дальше мы пошли втроем, молча пробираясь через кусты и тщательно следя за каждым своим шагом, чтобы не хрустнуть какой-нибудь веткой. Чарльз сжимал камеру. Пронзительные крики какаду перекрывали неумолчное стрекотание насекомых. Попугаю отзывался кукарекающий голос какой-то птицы.

— Аям утан, — прошептал Сабран, — лесной пех.

Раздвинув ветки кустарника, я выглянул из чащи. Ловушка стояла в нескольких метрах от нас, и дверца была поднята. Меня охватило разочарование. Я огля-

делся и не увидел никаких признаков пребывания дракона. Осторожно выбрались мы на сухое русло и осмотрели ловушку. Может быть, спусковое устройство не сработало, может быть, приманку все-таки трогали, а дверь не упала? Но козлятина висела на месте, черная от мух, а на гладком песке вокруг ловушки были только наши следы.

Сабран вернулся за остальными, и они принесли всю нашу записывающую и снимающую технику. Чарльз поправил засидки, а я прошелся немного вверх по руслу, до дерева, где мы подвесили основную порцию мяса. Я ужасно обрадовался, увидев, что песок вокруг дерева сплошь изрыт: вне всякого сомнения, кто-то побывал здесь и пытался достать приманку. И немудрено — дух от этой гниющей массы был во много крат сильнее, чем запах от одной козлиной ляжки, оставленной в ловушке. Туши почти целиком были скрыты под плотным покрывалом из прелестных оранжево-желтых бабочек, которые, трепеща крылышками, наслаждались ароматным мясным деликатесом. Не без горечи я отметил, что реальности Матери-Природы подчас расходятся с нашими романтическими представлениями о ее прелестных творениях. Самые прекрасные бабочки тропического леса вовсе не порхают в поисках столь же великолепных цветков, а льнут к падали или навозу.

Я отвязал веревку, спустил козлятину, и роскошное покрывало превратилось в дрожащее облачко, насыщенное массой гудящих мух. Нас прежде всего интересовали съемки гигантских варанов, поэтому я оттащил мясо к сухому руслу и устроил его так, чтобы оно хорошо смотрелось из наших засидок. Затем загнал глубоко в землю толстый кол и крепко привязал к нему тушу: теперь дракон не сможет утащить тушу в заросли и ему придется пировать у нас на виду.

Завершив эти приготовления, я присоединился к Чарльзу и Сабрану, которые уже устроились в засидках.

Солнце сверкало на чистом небе, посылая лучи сквозь листву и расцвечивая яркими пятнами песок сухого русла. Мы сидели в тени, но пот лил с нас так, что Чарльз, боясь залить видоискатель камеры, обвязал лоб платком. Халинг и остальные расположились позади нас и коротали время за болтовней. Кто-то из них чиркнул спичкой и закурил, другой заерзал, сел на ветку, и та хрустнула как пистолетный выстрел. Я повернулся в раздражении и приложил палец к губам, они недоуменно посмотрели на меня, но умолкли. Я снова нетерпеливо припал к амбразуре своего укрытия, но в тот же момент разговоры позади возобновились. Опять пришлось отрываться.

— Шуметь плохо. Идите обратно к лодке. Мы придем к вам, когда кончим свое дело,— зашипел я сердито.

Они поднялись со слегка обиженным видом и исчезли в кустах. Стало тихо, лишь где-то в отдалении кукарекал лесной петух, да несколько раз по тоннелю вдоль русла стремительно пролетела яркая разноцветная горлица. Мы ждали, боясь шевельнуться. Все было наготове: камера с полной заправкой, запасные кассеты с пленкой и целый арсенал сменных объективов.

Через четверть часа, не в силах больше переносить напряженную ломоту в суставах, я бесшумно переместил свой вес на руки и вытянул ноги. Рядом со мной согнулся у камеры Чарльз, чуть выставив сквозь пальмовые листья длинный черный объектив. Сабран застыл на корточках. Здесь, в пятнадцати метрах от приманки, над всем разнообразием тропических запахов преобладал густой смрад тухлятины.

Так в полном молчании мы просидели более получаса. Вдруг сзади послышалось какое-то шуршание. «Парням наскучило ждать», — подумал я с раздражением и медленно, стараясь не шуметь, стал поворачиваться, чтобы призвать их к терпению и отправить обратно. Чарльз и Сабран не сводили глаз с приманки. Я уже почти повернулся, когда обнаружил, что звук исходит не от людей. Прямо передо мной, метрах в четырех, стоял дракон.

Он был огромен — не меньше трех метров от краешка узкой морды до кончика гребенчатого хвоста — и стоял так близко, что я различал каждую блестящую чешуйку на его темной коже. Казалось, она была ему велика и свисала по бокам длинными горизонтальными складками, а вокруг мощной шеи вздувалась и морщилась. Кривые лапы поддерживали над землей грузное туловище, голова была угрожающе поднята. Жесткая, чуть изогнутая кверху линия рта застыла в дьявольской усмешке, дракон резкими и частыми бросками посылал вперед раздвоенную желтовато-розовую плоть огромного языка. Между нами и чудовищем не было ничего, кроме нескольких крохотных зеленых ростков, пробившихся сквозь устилавшие землю листья. Я толкнул Чарльза. Он обернулся, увидел дракона и в свою очередь толкнул Сабрана. Втроем мы усталились на монстра, и он ответил нам немигающим взглядом.

У меня мелькнула мысль, что дракон не сможет медленно пустить в дело самое страшное свое оружие — хвост, ибо для этого ему надо сменить позицию. Далее, если он пойдет в атаку, то у нас с Сабраном дело обстоит не так уж безнадежно: деревья рядом. Я не сомневался, что сумею вскарабкаться вверх на предельной скорости. А вот Чарльзу, сидевшему между нами, придется хуже.

Дракон стоял неподвижно, будто отлитый из бронзы, и только его длинный язык непрестанно мелькал перед мордой.

Так продолжалось с минуту. Потом раздался тихий смех Чарльза.

— Слушайте,— зашептал он, не отрывая взгляда от чудовища,— этот зверь, наверное, стоит тут уже минут десять и смотрит на нас так же внимательно, как мы — на приманку.

Дракон испустил тяжкий вздох и расслабился: медленно подогнул лапы и опустил свое громадное тело на землю.

— Он кажется мне весьма любезным,— прошептал я Чарльзу.— Почему бы не сделать его портрет прямо тут?

— Не пойдет: у меня на камере телевик, с такого расстояния получится не портрет, а одна правая ноздря.

— Слушай, была не была, давай рискнем и сменим объектив.

Как в замедленном фильме, Чарльз протянул руку к кофру, вытащил короткий широкоугольный объектив и привинтил его куда надо. Затем развернул камеру, тщательно прицелился в голову дракона и нажал на спуск.

Тихое жужжание показалось мне оглушительным, но на дракона это не произвело никакого впечатления. Он продолжал властно смотреть на нас своим немигающим черным глазом. Дракон словно сознавал свое могущество и, будучи царем зверей острова Комодо, никого не боялся. Желтая бабочка уселась царю прямо на нос, но он не отреагировал. Чарльз нажал кнопку и запечатлел, как бабочка вспорхнула и, сделав круг, опять устроилась на драконьем носу.

— По-моему, — пробормотал я, осмелев, — это уже немного глупо и даже не смешно. Он что, не понимает, для чего мы соорудили тут свои засидки?

Сабран тихо засмеялся.

— Эта очень-очень о'кей, туан.

Волны смрада от козлятины шли к нам одна за другой, и я вдруг сообразил, что мы сидим как раз по прямой между драконом и приманившей его сюда тухлятиной, причем ветер дует в нашу сторону.

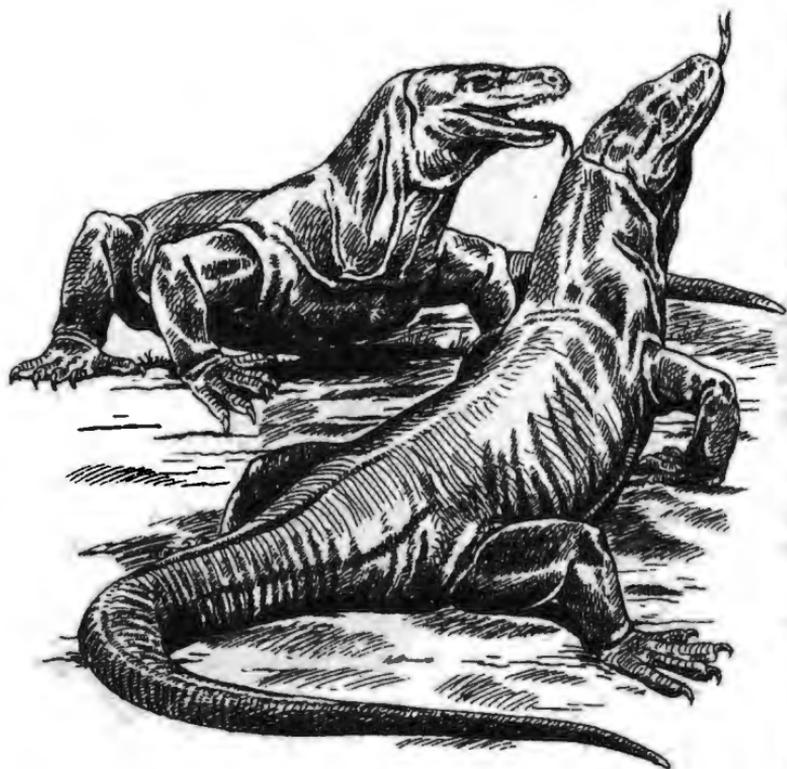
В это время со стороны русла послышался какой-то шум. Я повернулся и увидел еще одного дракона, помладше, который вразвалку шел по песку к приманке. В длину он едва ли достигал метра, но окрашен был гораздо интереснее, чем его гигантский собрат. Хвост молодого варана опоясывали темные кольца, а по плечам и передним лапам были разбросаны неяркие оранжевые крапинки. С застывшей усмешкой он целеустремленно направлялся к ловушке, изгибая туловище характерными для всех рептилий движениями, и не переставая ловил длинным желтым языком соблазнительный запах тухлой козлятины.

Чарльз потянул меня за рукав и молча показал налево. Там по сухому руслу шагал еще один огромный варан, стремясь к той же цели. На вид он был даже больше того, что держал нас с тыла. Мы дождались, чего хотели: вокруг нас были живые ископаемые:

Лежавший позади дракон снова глубоко вздохнул, чем опять привлек наше внимание. Он выпрямил согнутые лапы и приподнял туловище. Затем сделал несколько шагов вперед, повернулся и стал неторопливо обходить наше сторожевое укрепление. Мы не спускали с него глаз. Дракон подошел к берегу и сполз на сухое русло. Чарльз не отводил от него камеру и повернулся на полных триста шестьдесят градусов.

Напряжение спало, и мы разрядились счастливым смехом.

Все три варана пировали теперь прямо перед нами, зверски терзая козлятину. Тот, что был крупнее всех, схватил челюстями козью ногу и вмиг расправился с ней. Чудовище исполнило этот номер с такой непринужденной легкостью, что я с трудом поверил своим глазам: как-никак дракон проглотил целую ногу взрослого козла. Широко расставив лапы, он резко бросил вперед тело и стал рвать тушу. Не привяжи я мясо к столбу, он наверняка без труда уволок бы в лес всю

тушу. Чарльз непрерывно жужжал камерой, пока не израсходовал всю пленку.

— Не пора ли взяться за фотоаппарат? — прошептал он.

Фотосъемкой заведовал я, но объектив моей камеры был не слишком сильным и для хороших кадров пришлось бы подойти к варанам поближе. Это могло испугать зверей, но, с другой стороны, ни один из драконов, по-видимому, не прельстится ничтожной порцией мяса в ловушке, пока в их распоряжении есть солидные туши. Раз мы хотим поймать зверя, значит, надо отвлечь варанов от козлиных туш и вынудить их пойти к ловушке, а остатки туш снова подвесить на дерево. Не исключено, что такой маневр мог удалиться при фотосъемке.

Я медленно выпрямился и вышел из укрытия. Сделав два осторожных шага вперед, я нажал на спуск аппарата. Драконы не отрывались от трапезы и только поглядывали в мою сторону. Я приблизился еще на шаг и сделал второй кадр. Так, кадр за кадром, я отснял всю пленку и остановился в замешательстве в двух метрах от чудовищ. Чтобы перезарядить аппарат, нужно было вернуться в укрытие. Хотя драконы были поглощены своим занятием, я все же не рискнул повернуться к ним спиной и отходил пятясь.

В повторную фотоатаку я пошел куда смелее и начал съемку, лишь оказавшись в трех шагах от варанов. Дело дошло до того, что, касаясь ногой козлиной туши, я пошарил в кармане и вынул дополнительную насадку на объектив. В метре от меня предводитель великанов вытащил свою голову из козлиных недр, зажав в зубах кусок добычи. Он распрямился, несколько судорожно дернул челюстями, проглотил лакомство и на несколько минут застыл, глядя прямо в аппарат. Я опустил на

колени и щелкнул. Дракон наклонил голову и полез за очередным куском.

После съемок мы собрались на совет. Было ясно, что комодские вараны — звери не из пугливых, и мы решили попробовать шумовую атаку. Наши дружные крики из укрытия драконы оставили без внимания, и, лишь когда мы ринулись к ним в открытую, они прервали трапезу. Два великана развернулись, неуклюже вскарабкались на берег и удалились в кусты, а подросток заспешил вниз по сухому руслу. Я что было духу погнался за ним, пытаюсь схватить его за хвост, но зверь оказался проворнее меня. Он подбежал к откосу, быстро выбрался на берег и исчез в зарослях.

Я вернулся, тяжело дыша, и втроем мы подвесили остатки туш на дерево, в двадцати метрах от ловушки. Мне казалось, что напуганные драконы больше не вернуться, но не прошло и десяти минут, как на противоположном берегу из кустов высунулась голова нашего гиганта. Некоторое время он стоял неподвижно, как изваяние, потом ожил и спустился вниз. Варан пошарил языком в том месте, где он только что так славно угощался, но ничего не нашел. Это его явно озадачило. Подняв голову, он стал рыскать вокруг в поисках исчезнувшего лакомства, а потом в задумчивости направился вдоль русла. Мы с тревогой следили за ним. Не обращая внимания на ловушку, он шел прямо к подвешенному мясу. Когда варан подошел к дереву, мы поняли, что подвесили козлятину недостаточно высоко. Опираясь на огромный хвост, великан поднялся на задние конечности и, махнув передней лапой, зацепил моток козлиных внутренностей. Объемистая порция тут же исчезла в его жадной пасти, только один длинный кусок кишки торчал из угла рта. Это варану не понравилось;

несколько минут он безуспешно пытался лапой убраться болтавшийся кусок.

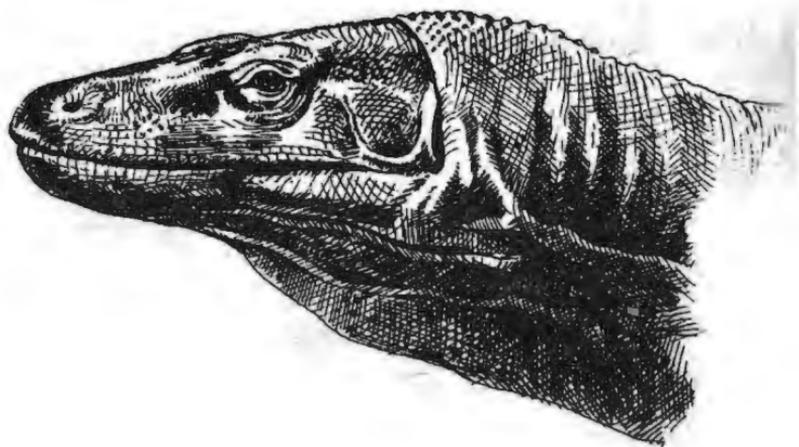
Сердито мотая головой, гигант грузно зашлепал вдоль русла обратно, по направлению к ловушке. Он остановился у большого валуна и потерся о него щекой. На этот раз ему удалось привести себя в порядок. Теперь варан стоял у самой ловушки. Запах приманки достиг его ноздрей. Дракон свернул с тропы и, безошибочно определяя направление, подошел к закрытому концу ловушки. Стремясь преодолеть препятствие, он нетерпеливо ударил по нему передними лапами и сорвал завесу из пальмовых листьев, под которой обнажились деревянные колья. Зверь просунул между ними тупую морду и напряг мощную шею, но крепление из лиан выдержало, и мы облегченно вздохнули. Встретив сопротивление, варан пошел вдоль ловушки и в конце концов добрался до двери. Очень осторожно он заглянул внутрь, потом сделал три шага вперед. Теперь мы видели только его задние конечности и огромный хвост. Прошла целая вечность, прежде чем дракон наконец двинулся дальше и полностью скрылся в ловушке. Затем раздался щелчок и глухой удар упавшей двери. Заостренные колья глубоко вонзились в песок.

Вне себя от возбуждения мы бросились к ловушке и завалили дверь булыжниками. Дракон стрелял языком и кидал на нас презрительные взгляды. Мы не могли поверить, что цель четырехмесячной экспедиции достигнута, несмотря на все злоключения, нам наконец удалось поймать крупнейшую в мире ящерицу. Мы сидели на песке, смотрели на предмет своих вожделений и улыбались друг другу. У нас с Чарльзом были основания чувствовать себя триумфаторами, но Сабран, который еще два месяца назад и понятия о нас не имел, был счастлив не меньше нашего. И не только потому,

что дракон сидел в ловушке. Истинную радость Сабрану доставляло, я уверен, и наше нескрываемое ликование. Он обнял меня за плечи, широко улыбнулся, сверкая белыми зубами, и сказал:

— Туаң, эта очень-очень о'кей.

ЭПИЛОГ

Да, главная цель нашего путешествия была достигнута, и добавить к этому почти нечего. Теперь оставалось пройти сложную и длительную процедуру получения разрешений на выезд и вывоз из Индонезии пленки, камер и животных. Как ни странно, эту изнурительную битву не всегда можно было назвать противоборством, порой нам казалось, что и мы, и вовлеченные в схватку чиновники сражаемся плечом к плечу с общим врагом — бюрократической машиной с ее бесчисленными запретами, ограничениями и инструкциями.

Я с нежностью вспоминаю портового полицейского чиновника на Сумбаве, куда мы прибыли с Комодо. Мы просидели там три дня, так как воздушное сообщение прекратилось из-за какой-то аварии на Бали. Свободных мест в гостиницах города не оказалось, и

нам пришлось ночевать в здании аэропорта, устроившись прямо на полу.

Само собой разумеется, мы должны были отметиться в полицейском участке, и нас принял там необыкновенно симпатичный человек. В его обязанности входила проверка наших паспортов. Он начал с Чарльза и первым делом взялся за чтение каллиграфической надписи на внутренней стороне обложки, сообщавшей, что «Ее Королевского Величества Главный Государственный Секретарь Иностраннных дел убедительно просит...». Переварив эту информацию, полицейский методично изучил каждую визу и резолюцию, делая карандашом пометки на замусоленном листке бумаге, пока в конце концов не добрался до справки с перечислением выданной Чарльзу иностранной валюты. Тут дело серьезно застопорилось, но, имея в запасе четыре дня, мы не очень спешили. Он предложил кофе, мы в свою очередь — сигареты. Наконец чиновник перевернул последний листок паспорта и отдал его Чарльзу со словами: «Вы американец, да?»

На следующий день, когда мы проходили мимо того же полицейского участка, перед нами возник часовой в полном вооружении. Вчерашний чиновник снова просил нас к себе.

— Извините, туан,— сказал он,— но я что-то не заметил в вашем паспорте визу на въезд в Индонезию.

На третий день этот чиновник сам явился к нам в аэропорт.

— Мир вам,— приветствовал он нас радостно.— Прошу прощения, но мне необходимо еще раз взглянуть на ваши паспорта.

— Надеюсь, ничего серьезного? — спросил я.

— Нет-нет, туан, просто я хочу знать, как вас зовут.

На четвертый день он не пришел, и мы решили, что к нашему досье прибавить больше нечего.

Но не всегда наши трагикомические испытания имели столь безобидный финал. В завершение всех бюрократических экзекуций нам нанесли неожиданный и тяжелый удар — не разрешили вывозить дракона. С остальными животными — орангутаном Чарли, мышкой Бенджамином, питонами, циветтами, попугаями и другими птицами и рептилиями — все обошлось благополучно.

Было, конечно, очень жаль расставаться с нашим драконом, но безутешного горя я не испытывал. Не сомневаюсь, что варан прекрасно чувствовал бы себя в просторном и теплом помещении Террариума Лондонского зоопарка, но никогда уже он не выглядел бы так царственно, как в своих исконных владениях — лесах острова Комодо.

В Паравкай
за броненосцами

Глава первая **В ПАРАГВАЙ**

В 1958 году мы отправились в Парагвай на поиски броненосцев. Сразу же оговоримся — не каждый согласится с тем, что ради существ отнюдь не бесспорного обаяния стоит пускаться в столь далекое путешествие. Что обычно привлекает нас в животных? Изысканное величие птиц, изящество и скрытая сила крупных кошек, отталкивающая и вместе с тем влекущая непостижимость гигантских змей, заискивающая преданность собак, проказливый, сродни человеческому, интеллект обезьян — каждое из этих качеств снискало себе немало ревностных поклонников. Ничего подобного у броненосцев нет. Их окраска монотонна, они не слишком красивы, только глаза имеют удивительно трогательное выражение. Насколько мне известно, их нельзя обучить забавным трюкам (по правде говоря, я подозреваю, что броненосцы вообще не Бог весть какого

ума), и милыми ручными зверюшками они никогда не становятся. И все же есть в них одна изюминка — некая смесь экзотичности и причудливости, которую весьма приблизительно можно передать словом «чудной» или «диковинный». Именно эта странная черта больше всего привлекает меня в животных.

Не так-то просто определить это свойство. У льва, например, его нет, потому что лев — это в сущности увеличенный вариант обычной домашней кошки. То же и с белым медведем: он не кажется нам ни особенно загадочным, ни удивительным, потому что несколько напоминает собаку, только очень большую. Даже такое невероятное создание, как жираф, в общем устроено по привычным стандартам и относится к тому же подотряду копытных, что и европейский олень.

Но нет в Европе ни одного зверя, который хоть отдаленно напоминал бы таких феноменальных существ, как кенгуру, гигантский муравьед, ленивец и броненосец. Ни по внешнему виду, ни по внутреннему строению они не похожи ни на одного из обитателей нашего континента. Они — последние представители себе подобных, оставшиеся от тех времен, когда большинства современных животных еще не было на Земле. Их без преувеличения можно назвать диковинными, чудными.

История этих «последних из могикан» необыкновенно увлекательна. Предки кенгуру когда-то обитали во многих районах земного шара. В то время способность вынашивать в сумке своих крошечных, еще не закончивших эмбрионального развития детенышей дала им решающее преимущество перед всеми другими животными той поры. Но когда появились более прогрессивные плацентарные млекопитающие, сумчатым пришлось худо: они не выдержали конкуренции в борьбе за пищевые ресурсы и жизненное пространство, и в конце концов многие из них вымерли. Опоссумы уцелели в Америке, но большинство современных сумчатых обитает в Австралии, которая отделилась от остальной суши еще до появления высокоразвитых млекопитающих. Эта естественная изоляция оказалась спасительной для

умчатых. Они дожили до наших дней, сохранив разнообразие форм, и поэтому Австралию с полным правом можно назвать музеем живых древностей.

В Южной Америке в силу ее сложной геологической истории сохранились не только опоссумы, но и другие реликтовые животные. Многие миллионы лет северная и южная части Американского континента соединялись широким мостом, но вскоре после появления первых плацентарных млекопитающих эта связь прервалась. То было время господства и расцвета неполнозубых — группы млекопитающих, куда входят ленивцы, броненосцы и муравьеды. Изолированные от всего остального мира, они породили множество необыкновенных животных. В лесах паслись гигантские ленивцы величиной чуть ли не со слона, а по саваннам разгуливали родственники броненосцев глиптодонты — закованные в панцири исполины длиной более трех метров с мощным булавообразным хвостом.

Около шестнадцати миллионов лет назад обе Америки опять соединились, и некоторые из этих паразитических зверей ушли на север. Их останки находят в ледниковых отложениях в разных районах Северной Америки и в битумных илах калифорнийских озер. Они оставили отпечатки лап на берегу водоема, некогда плескавшегося там, где ныне вздымаются горные хребты Невады, и эти следы были обнаружены в конце прошлого века при строительстве тюрьмы в Карсон-Сити.

Современные броненосцы как бы соединяют наш мир с доисторическим прошлым, и именно ощущением волнующей связи времен я могу объяснить свою страсть к этим животным. Не исключено, что до наших дней они дожили благодаря своему панцирю. Их можно считать весьма процветающим семейством неполнозубых с богатым разнообразием видов — от крошечного, не больше мышки, броненосца-пигмея, живущего в песках Аргентины, до полутораметрового гигантского броненосца, обитающего в амазонской сельве.

В Гайане нам с Чарльзом доводилось снимать и ловить ленивцев и муравьедов, но нам так и не удалось

увидеть дикого броненосца. Мы надеялись встретиться с ним в Парагвае. Когда парагвайцы спрашивали нас о цели приезда в их страну, я отвечал, не вдаваясь в подробности:

— Мы прибыли сюда на поиски тату.

Тату, как я полагал, означало «броненосец». Это не испанское слово, так называют броненосца на гуарани — языке, который наравне с испанским считается официальным языком в Парагвае.

Реакцией на мой ответ всегда был взрыв хохота. Сначала я объяснял это тем, что по более или менее понятной причине человек, разыскивающий броненосцев, должен казаться всем парагвайцам фигурой в высшей степени комичной, но вскоре стал подозревать, что тут что-то не так. Когда же мой сакраментальный ответ довел старшего служащего Национального парагвайского банка до веселости, граничащей с истерикой, я решил, что пора самому обратиться за разъяснениями. Но он опередил меня, задав еще один вопрос:

— И каких же именно тату?

У меня и на это был готов ответ.

— Черных тату, волосатых тату, рыжих тату, гигантских тату, вообще всех тату, какие только есть в Парагвае.

Моя беглая тирада повергла служащего в состояние конвульсивного припадка. Я терпеливо ожидал возможности продолжить разговор. До этих злополучных вопросов мой собеседник казался мне человеком открытым и внимательным. Он прекрасно владел английским, и наши переговоры проходили на редкость плодотворно. Немного придя в себя, служащий спросил:

— Может быть, вы имеете в виду животных?

Я кивнул.

— Видите ли, — объяснил он, — на гуарани «тату» — это еще и не слишком приличное слово, означающее, ну, — он замаялся, — ну, такую, знаете, молоденькую дамочку.

Я не мог понять, почему кличкой «броненосец», каким бы очаровательным ни казалось это животное, надо было награждать человеческое существо, но вся анекдотичность ситуации до меня наконец дошла. В дальнейшем нам без конца задавали тот же самый вопрос, но теперь-то уж я отвечал на него с видом записного шутника, и эта моя дежурная острота нередко помогала устанавливать непринужденные отношения с владельцами ранчо, таможенниками, крестьянами и индейцами.

Но иногда моя шутка не давала желаемого эффекта, и наши собеседники не видели ничего странного в том, что мы направляемся в глухие уголки Парагвая разыскивать молоденьких дамочек. Напротив, они проявляли явное недоверие, как только мы принимались настаивать на своем пристрастии не к двуногим, а к четвероногим тату. Иной раз, когда наш коронный номер с тату бывал должным образом оценен и всячески обыгран, у кого-нибудь вдруг возникало желание докопаться до первопричины столь странного интереса, но я не настолько владел гуарани, чтобы как следует раскрыть эту тему. Во всяком случае с «глиптодонтом» мне было не справиться. И вероятно, к лучшему: я весь холодел при мысли о том, какой лингвистический сюрприз могло преподнести такое слово.

Глава вторая
РОСКОШНОЕ ПЛАВАНИЕ

В предыдущих совместных экспедициях нам с Чарльзом пришлось испытать немало всяческих неудобств. Нередко, чтобы отвлечься от мыслей о ломоте в ногах и пустоте в желудке, мы предавались мечтам об идеально организованной экспедиции, в которой роскошь полевых условий сочеталась бы со сказочными успехами в нашем непосредственном деле — съемках и отлове диких животных.

На Новой Гвинее мы прошагали не одну сотню утомительных миль, разыскивая неуловимых райских птиц. К концу этого путешествия Чарльз категорически заявил, что, по его мнению, идеальная экспедиция должна быть прежде всего обеспечена механическими средствами передвижения. Во время плавания на Комодо, когда все наше меню состояло из отварного риса, я оговорил в проекте воображаемого предприятия особый пункт о

передвижной кладовой со всевозможными консервированными деликатесами. На Калимантане, сидя в какой-то обветшалой горе-хижине и пытаясь спасти свои пленки и кассеты от потоков дождя, мы единогласно решили, что без водонепроницаемого жилища нашей будущей идеальной экспедиции не обойтись. В менее кризисных, но столь же безрадостных ситуациях мы, стараясь вернуть себе душевное равновесие, обсуждали подробности нашего утопического проекта. Я не мог отказать себе в удовольствии иметь неиссякаемый запас шоколада, а Чарльз ратовал за право спать в чем-нибудь таком, что гарантировало бы защиту от муравьев, многоножек, ос, комаров и прочих кусающих и жалящих насекомых. Мы с таким вдохновением отдавались своей мечте, что в конце концов буквально сроднились с ней, никогда не позволяя себе, однако, всерьез надеяться на ее осуществление. Велико же было наше изумление, когда, не успев еще как следует осмотреться в Асунсьоне, мы получили от местного отделения британской мясной промышленности предложение, которое, казалось, превращало в реальность наши самые смелые фантазии.

Олицетворением этих грез стало девятиметровое дизельное судно, быстроходное и вместительное, носившее имя «Кассель». Оно обладало такой малой осадкой, что могло без труда доставить нас со всем снаряжением и припасами вверх по мелким извилистым речкам в глухие дебри страны. Мы оформили сделку, боясь поверить в реальность происходящего и не зная, как благодарить своих соотечественников.

«Кассель» покинул причалы Асунсьона и, рассекая коричневую воду, пошел вверх по широкой реке Паравгай, а мы стали обживать свой так неожиданно обретенный рай. Сначала мы разложили камеры и магнитофоны по полкам в просторных и абсолютно сухих стенных шкафах каюты, потом забили камбуз пакетами супов и овощных гарниров, коробками шоколада, банками джема, мяса и фруктов в количестве, с трудом поддающемся исчислению. Вернувшись в каюту, мы завесили иллюминаторы противомоскитной сеткой, а я ус-

троил над своей койкой небольшую библиотечку. Когда все было разложено, повешено и прибрано, Чарльз включил приемник, поймал Асунсьон, и наш сказочный дом наполнился призывными звуками гитары.

В состоянии почти эйфории от всей этой неправдоподобной роскоши я вышел на корму полюбоваться лодкой, которую «Кассель» вел на буксире. Она была оснащена тридцатипяти сильным подвесным мотором, и мы почтительно нарекли ее катером. Мы уже представляли себе, как будем отправляться на нем за животными, а потом возвращаться на корабль, чтобы вкусно есть и сладко спать.

Теперь можно было забраться на койку и полностью расслабиться. Окруженные небывалым комфортом, мы плыли по направлению к величайшему на планете дождевому тропическому лесу, занимающему огромное пространство — от северо-восточной части Парагвая до бассейна Амазонки и Ориноко. Экспедиция начиналась хорошо. Даже слишком хорошо, и это вызвало у нас в душе смутную тревогу. И действительно, десять дней спустя судьба послала нам такие испытания, каким мы не подвергались ни в одной из предыдущих экспедиций.

Кроме нас на борту находились еще три человека. Нашим проводником и переводчиком был здоровенный темноволосый парагваец, бегло говоривший на испанском, английском и гуарани и, кроме того, знавший пару индейских языков. Звали его Сэнди Вуд. За свою жизнь он перепробовал немало занятий: рубил лес в верховьях той реки, к которой мы направлялись, был охотником и пастухом, а в настоящее время подрабатывал в качестве агента Асунсьонского бюро путешествий. Он не только имел солидный лингвистический багаж и хорошо знал лес, но и обладал уравновешенным характером — словом, во всех отношениях был для нас сущей находкой.

Нам не сразу удалось разобраться в сложной иерархии отношений двух членов команды «Касселя». Стройный и жизнерадостный Гонсалес был повыше ростом и носил морскую фуражку. Когда-то ее, очевидно, укра-

Шал золотой позумент, болтавшийся теперь жалкими дохмотьями по обе стороны от растрескавшегося козырька. Гонсалес доверительно сообщил нам, что фуражка — неотъемлемая принадлежность формы капитана и что он, ее обладатель, не только прекрасно разбирается во всех тонкостях навигационного искусства, но и не имеет себе равных в умении обращаться с двигателем. К тому же он способен одновременно управлять и судном и машиной. Гонсалес признался также, что характер у него покладистый и непритязательный, а потому он великодушно уступил своему компаньону честь называться капитаном, хотя, по правде говоря (тут наш новый приятель не скупился на эпитеты), от капитана у того только и есть что звание.

Обладатель капитанского звания был приземист и тучен. Он неизменно носил темные очки и огромную соломенную шляпу, похожую на колокол. Очки капитан не снимал даже по вечерам, и мы подозревали, что он не расстается с ними и в койке. Уголки его сжатых губ были всегда опущены, и полумесяц рта выражал непреходящий пессимизм. На загорелых щеках выделялись бледно-розовые пятна — следы какого-то кожного заболевания. Свободное время, которое, по-видимому, имелось у него в избытке, капитан проводил за обработкой своих пятен специальной мазью. Любое слово, замечание или вопрос вызывали у него неизменную реакцию: зловещее цыканье зубом.

До места, где мы собирались остановиться и поработать, надо было идти миль семьдесят пять вверх по реке Парагвай, а потом подниматься по одному из ее левых притоков — Жежуи-Гуасу. Мы надеялись за неделю добраться до самых верховьев этой реки, где жили индейцы да несколько лесорубов.

Первые несколько дней мы часами лежали на палубе и смотрели, как «Кассель» вспарывает коричневую гладь реки или разрезает носом заросли водяного гиацинта-каamelота. Это плавучее растение имеет соцветия нежных розовато-лиловых тонов и изящные широкие листья с объемистыми воздушными камерами у основа-

ния. Там, где скопления гиацинтов были особенно плотными, судну приходилось маневрировать, чтобы винт не запутался в массе переплетенных корней. Иногда на плавучих гиацинтовых островах дрейфовали птицы, чаще всего — цапли, в том числе и белые. Особое удовольствие доставляло нам наблюдение за яканами. Эти прелестные кулики с каштановым оперением грациозно вышагивали по широким округлым листьям камелота, легко опираясь на них своими длинными пальцами и высматривая рыбешек, укрывшихся в водяных зарослях. При нашем приближении яканы взлетали, и тогда были видны их желтые подкрылья. Они кружились над нами, болтая длинными ногами, а затем опять опускались на свои гиацинтовые островки, колыхавшиеся на дорожке за кормой.

Сэнди сидел на юте, потягивая мате, парагвайский чай. Гонсалес, расположившись на корточках у своего двигателя, вдохновенно брэнчал на гитаре и громко распевал для собственного удовольствия, так как за шумом мотора никто не мог его слышать. Капитан был в рублевой рубке. Взгромоздившись на высокий стул, он одной рукой управлял судном, а другой смазывал свои пятна. Жара стояла адская. Пытаясь хоть немного охладиться, мы с Чарльзом спустились к себе и легли на койки. Но здесь оказалось еще жарче: пот лил с нас так, что простыни скоро стали мокрыми.

Неожиданно мотор заглох. Наступившую было непривычную тишину тут же нарушили пронзительные голоса Гонсалеса и капитана: члены команды явно о чем-то спорили. Выбравшись на палубу, мы увидели, как две диванные подушки и сиденье не спеша удалялись за кормой. Катер исчез. Сэнди бесстрастно пояснил, что капитан только что заложил перед очередной камелотовой клумбой такой крутой вираж, что катер перевернулся. Гонсалес, перегнувшись через борт, безуспешно дергал буксирный канат, вертикально уходивший в мутную воду. Капитан с оскорбленным видом восседал на своем троне и залиvisto цыкал зубом.

Полемика капитана с Гонсалесом обнаружила еще одну немаловажную деталь: ни тот, ни другой не умел плавать. Пока члены команды бросали друг другу выразительные упреки, мы с Чарльзом сбросили одежду и спустились за борт. Место оказалось неглубоким, но все же потребовалось без малого два часа, чтобы поднять катер, привести его в порядок, разыскать три бачка с горючим и сумку с инструментами. Тем временем река без помех уносила сиденье и подушки обратно к Асунсьону, и попытки (правда, не очень настойчивые) догнать их успеха не имели. В итоге катер лишился немалой доли комфорта, а у нас с Чарльзом зародились сомнения в навигационном мастерстве капитана.

Следующие три дня прошли без приключений. Мы доплыли до устья Жежуи и стали подниматься вверх по этой реке, задержавшись на часок в деревне Пуэрто-И, последней на нашем пути. Капитан, и без того неизменно пребывавший в мрачном настроении, теперь и вовсе впал в депрессию. Он впервые шел по этой беспокойной реке, и его, по-видимому, одолевали нехорошие предчувствия. На следующее утро, когда впереди показался крутой поворот, из-за которого стремительно выбегал пенящийся поток, капитан застопорил мотор с видом человека, принявшего окончательное решение. Он дал понять, что и так уже не раз рисковал, демонстрируя чудеса судовождения, но что теперь продолжать путь — чистейшее безумие. После долгих уговоров капитан согласился обследовать на катере грозную излучину. Когда он вернулся, по выражению его лица нам стало ясно, что ближайшее знакомство с препятствием только подтвердило его худшие опасения.

В последовавших затем дебатах наш переводчик Сэнди проявил себя искусным дипломатом. Он решил доводить до сведения обеих сторон только те фрагменты дискуссии, которые имели непосредственное отношение к делу. Сэнди держал нить переговоров в своих руках и тактично опускал как специфические диалектизмы, перемежавшие, как я подозревал, бурную речь капитана, так и отнюдь не парламентские выражения, которые

мы, за это я мог поручиться, не скупясь, посылали в ответ. По нашему мнению, поворот был действительно каверзным, но никак не роковым. Отступить и вернуться в Асунсьон, потратив впустую целую неделю, было немисливо, а остаться здесь означало бы проститься с мечтой о поимке необыкновенных животных. Но капитан непоколебимо стоял на своем. Он мелодраматическим тоном заявил, что не желает умирать сам и не думает, чтобы этого хотелось нам, но такой аргумент, разумеется, вызвал лишь наше презрение. В разгар спора какой-то захудалый баркасик с захлебывающимся мотором протащился мимо нас и как ни в чем не бывало скрылся за поворотом.

Увидев это, мы пришли в бешенство. Мы просто задыхались от бессильной ярости, не имея возможности самим, без посредничества Сэнди, выразить капитану всю степень нашего возмущения. Все тормоза были спущены. С Чарльзом что-то стряслось. Он вдруг выразился по-испански, впервые установив таким образом непосредственный и недвусмысленный контакт с капитаном. Примерно за час до описываемых событий капитан тщетно бился над парафиновой печкой. Ее упорное нежелание работать он объяснял тем, что печка изготовлена не в Европе, а в Аргентине, и презрительно называл ее продуктом аргентинской индустрии. Теперь Чарльз, исступленно указывая в сторону капитана и вложив в интонацию весь свой сарказм, заявил: «Капитан — аргентинская индустрия!» Достигнув таких высот лингвистической находчивости, он испытал столь явное удовлетворение, что мы все не смогли удержаться от смеха. Сэнди счел момент подходящим и благоразумно удалился подкрепиться очередной порцией мате. Без него спор волей-неволей сошел на нет.

Мы с Чарльзом последовали за Сэнди, чтобы обсудить ситуацию и найти какой-нибудь выход. Капитан вряд ли уступит, но можно попытаться воспользоваться попутным транспортом. Ведь прошла же только что одна посудина, значит, не исключено, что пройдет и другая.

Утешившись этой последней оставшейся нам надеждой, мы отужинали и отправились спать.

В полночь нас разбудил звук проходящего судна. Выскочив на палубу, мы стали кричать что было мочи, и оно подошло к нам. По счастью, Сэнди знал его капитана, маленького смуглого человека по имени Кейо. Минут десять они беседовали, светя фонариками то на катерок Кейо, то на «Кассель», то на лица друг друга. Мы с Чарльзом терпеливо ожидали, держась в стороне от освещенной арены переговоров.

Наконец Сэнди повернулся к нам и сообщил, что Кейо направляется к небольшой лесозаготовительной станции в верховьях Куругуати, притока Жежуи, то есть именно туда, куда мы мечтали попасть. Но Кейо уже вез трех пассажиров — лесорубов с их багажом, — и для нас места не было. Он соглашался взять только самое необходимое из нашего снаряжения и минимальный запас продуктов. Сами же мы могли бы пойти на нашем катере.

— А как мы вернемся? — проямлил я и тут же устыдился своего малодушия.

— Ну, точно этого никто не скажет, — беспечно ответил Сэнди. — Если вода там высокая, Кейо может и задержаться на несколько дней. Если нет, он вернется сразу же, и тогда вы можете застрять там недельки на три, а то и дольше.

Раздумывать было некогда — Кейо торопился. Будь что будет, решили мы, скрепили сделку авансом и быстро перегрузили свои вещи на его судно.

Спустя полчаса Кейо отбыл, увозя наши камеры и магнитофоны стоимостью в несколько тысяч фунтов. Мы наблюдали за удалявшимся желтым кормовым огнем, пока он не исчез во мраке, а затем вернулись на свои койки, уверяя друг друга, что не испытываем ни малейшего беспокойства относительно нового поворота событий. Ну и застрянем на недельку-другую, так это и неплохо, разве нет? Каждый из нас, казалось, хотел почувствовать в другом больше уверенности.

На следующее утро мы с несколько натянутой любезностью распрощались с капитаном и Гонсалесом, отвязали катер и затарахтели вверх по реке вслед за своим снаряжением. Капитан, как оказалось, не без причины опасался злополучного поворота. Бешеная водяная карусель подхватила катер, весь его корпус затрясся от мощных ударов противоборствующих струй, и нам пришлось судорожно вцепиться в борта. Я успел даже бросить прощальный взгляд на «Кассель» — он скрылся из виду, прежде чем мы смогли дать себе передышку. Мне стало тоскливо и захотелось хоть на минуту вернуться на судно, где осталась наша водо- и гнусонепроницаемая каюта, изобилие пищи, наша библиотечка, радио, уютные койки. Катер несся вверх по реке. Мрачный безмолвный лес, подступавший к берегам, казалось, таил угрозу, впереди громоздились зловещие грозовые тучи. С тоской озираясь вокруг, я чувствовал себя обездоленным и незащищенным.

Вскоре мы догнали Кейо, хотя он с ночи шел без остановки. Его катер упорно пробивался вперед, но, нагруженный по самый планшир, он делал от силы три узла против наших восемнадцати. Благоразумнее всего было бы пристроиться за ним на буксире и держаться ближе к пише, постели и своим камерам, но это еще больше замедлило бы его ход. Поэтому, презрев осторожность, не сулящую нам никаких дополнительных удобств, мы забрали у Кейо свои гамаки, суточный запас провизии, а также камеру на случай возможных съемок и продолжили самостоятельную бодрящую скачку по волнам.

Река стала более извилистой. Скорость благотворно сказалась на нашем настроении, и, лихо проходя поворот за поворотом, мы с удовольствием наблюдали, как волны веером разбегаются за кормой и теряются в прибрежных зарослях.

Чем выше забирались мы по реке, тем величественнее становился лес вокруг нас. Мы неслись теперь меж высоких стен, за которыми возвышалась цитадель настоящих лесных гигантов. Именно за ними устремлялся

человек в эти необжитые края. Шум мотора распугивал птиц. Тот тут, то там мелькали туканы с гротескными клювами, ярко-красные ара, всегда державшиеся парами, стайки синелобых амазонов. Чаще других птиц мы видели черных с алым надхвостьем тоди-тиранов, которые с пронзительными криками вились у своих булавовидных гнезд, свисавших над водой.

Немного погодя птицы перестали попадаться, и лес опять стал казаться сумрачным и недоброжелательным. Брызги за кормой сверкали в лучах солнца всеми цветами радуги, мы проносились вдоль прибрежных зарослей совсем близко от глухой зеленой стены, и казалось, будто невидимая граница разделяет два мира: яркий радостный — реки и темный мрачный — леса. Такое же чувство возникает, когда из теплой светлой комнаты смотришь сквозь хрупкое стекло наружу, где царит сырой холодный сумрак. Я знал, что, если мотор вдруг откажет, если мы налетим на затопленный ствол и получим пробойну, если грозные тучи на горизонте разразятся бурей, нам не избежать серьезных, по-настоящему опасных испытаний, и я не переставал мысленно возвращаться к нашей каюте на «Касселе», где мы могли бы сейчас безмятежно наслаждаться комфортом.

На закате мы подошли к устью Куругуати и решили дожидаться здесь Кейо. На мысу, очищенном от кустарника, стояла убогая хижина, которой иногда пользовались лесорубы. Повсюду валялись обрывки ржавой проволоки и пустые канистры из-под горючего, земля вокруг была обезображена пятнами масла и бензина. У хижины слонялся сопливый мальчишка-индеец, угрюмо наблюдавший за нашими попытками приспособить ржавые канистры под опоры для гамаков.

Ночью послышалось ровное пыхтение катера Кейо. Не останавливаясь, он свернул на Куругуати, и мы крикнули, что догоним его утром.

На рассвете мы быстро собрались и поплыли дальше. За штурвал сел Сэнди. Он вел лодку на сумасшедшей скорости, и мне это не нравилось. Надвинув шляпу до бровей, он с невозмутимым видом вертел штурвал и

так резко бросал лодку на поворотах, что она едва не зачерпывала воду. Я полулежал на корме, закрыв глаза, и сердце у меня ныло от предчувствий.

Внезапно я услышал предупредительный крик Сэнди. В тот же миг страшно затрещали ветки, что-то отвратительно закрипело, и от резкого толчка я упал на дно лодки. Мы остановились. Нос лодки уткнулся в берег, а сама она угрожающе раскачивалась на поднятой волне. Лопнул рулевой привод, когда Сэнди, желая на полном ходу вписаться в особенно крутой поворот, слишком резко крутанул штурвал.

Из-за тесноты починкой мог заняться только один человек, и им оказался я. Без пассатижей срastить размочаленные концы провода было невозможно, оставалось только связать их узлом. Я работал быстро, ибо занятие это доставляло мне мало удовольствия. Чтобы прикрепить провод к колонке управления, мне пришлось лечь и уйти головой в крытый форпик лодки. Снаружи было отнюдь не прохладно, а здесь и вовсе как в пекле, и пот лил с меня потоками. Жилки провода кололи и резали руки, я весь измазался бензином и маслом. Вдобавок ко всему на нас накнулись полчища злобных голодных комаров. Задыхаясь в смрадном форпике, с израненными руками и распухшим от укусов лицом, я не переставал думать о Кейо, который с каждым мгновением уходил от нас все дальше и дальше, увозя и наш паек, и нашу технику. Мы попали именно в такую переделку, какой я больше всего страшился.

Только через час мы снова двинулись в путь, но теперь уже нам было не до лихачества. Хотя моя кустарная работа дала на удивление хороший результат, опасность повторного обрыва все же оставалась. Через некоторое время мы нагнали Кейо и снова обошли его. Я вздохнул с облегчением. Теперь, если с нашим приводом что-нибудь и случится, мучиться не придется — нужно будет только дождаться Кейо.

В полдень гнетущая предгрозовая атмосфера последних дней разрядилась оглушительными ударами грома, и тяжелые капли дождя побежали рябью по поверхности

реки. Атмосферные явления, по-видимому, повлияли на мотор: он заглох. Мы отчаянно дергали шнур стартера, и двигатель наконец завелся в тот момент, когда ненастье разразилось в полную силу.

Следующие часы я до сих пор вспоминаю с содроганием. Дождь лил стеной. Мотор глох все чаще, но мы не решались заглянуть внутрь, опасаясь, что он может замолкнуть навсегда, если вода попадет на свечи. Стало ужасно холодно. Сэнди упрямо вел лодку вперед, я сидел рядом с ним, не сводя глаз с узла на приводе, а Чарльз лежал на корме, укрывшись дырявым брезентом, и был готов схватиться за стартер, как только мотор в очередной раз заглохнет. В начале нашего путешествия Чарльз решил отпускать бороду и, кроме того, обзавелся бейсбольным кепи с длинным козырьком, хотя ни Сэнди, ни я не считали, что оно ему идет. Теперь при каждой нашей вынужденной остановке эта бородатая личность в кепи и с сигаретой в длинном мундштуке высовывала из-под брезента лицо, по которому струилась вода, и выразительно ругалась, выбирая, однако, выражения с большой осмотрительностью.

А дождь все лил и лил под вспышки молний и раскаты грома, но видимость улучшилась. Сэнди уверял, что теперь совсем близко до той хижины, которую мы наметили последней точкой нашего маршрута, и каждый раз, когда мы проходили очередной поворот, я с надеждой вглядывался в берег. Мотор барахлил без конца, и привод управления пришлось чинить еще два раза. День был на исходе, когда, выйдя на обширный плес, мы увидели впереди крошечный желтый огонек. В полной темноте мы пристали к крутому берегу и побежали наверх по узкой тропинке, превратившейся в настоящий водопад.

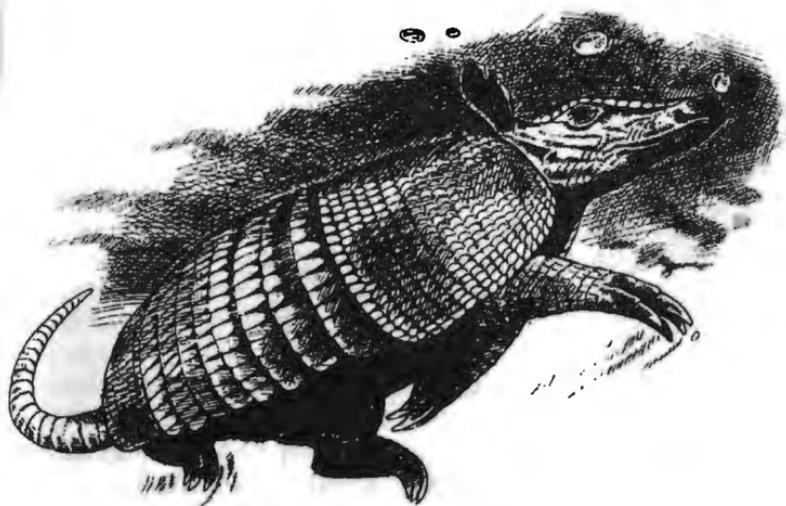
Свет шел от большого костра, разложенного на земляном полу в центре маленькой прямоугольной хижины без дверей. Вокруг огня сидели четверо: молодая женщина в брюках и блузке с длинными рукавами, черноволосый мужчина лет тридцати и двое индейских юношей с овальными лоснящимися лицами и минда-

видными глазами. Шум проливного дождя и завывание ветра заглушали все остальные звуки, и наше появление на пороге хижины было для ее обитателей полной неожиданностью.

Мужчина вскочил и приветствовал нас по-испански, но подробные объяснения пришлось отложить: первым делом надо было спасти наши вещи, и вместе с хозяином мы побежали обратно к лодке.

Уложив вещи под навес, мы наконец и сами оказались по крышей. После горячего супа хозяин повел нас в кладовую, где мы могли провести ночь. Здесь все было заставлено бочками, пухлыми мешками, блестящими от масла топорами и разными ржавыми железками. Отовсюду свисала паутина. Огромные коричневые тараканы покрывали грязные стены глянцевым шевелящимся ковром, а наверху, меж балок, порхали летучие мыши. В помещении стояло зловоние от тухлой соляны, но зато было сухо. Исполненные благодарности, мы развесили гамаки и через несколько минут заснули под неумолчные раскаты грома.

Глава третья **БАБОЧКИ И ПТИЦЫ**

Отшумев, буря унеслась, и утро встретило нас безоблачным и невероятно синим небом. Местечко, куда мы прибыли, называлось Иреву-Куа, что на гуарани означало «участок грифов». Наш хозяин Неннито и его жена Долорес владели небольшим домиком в городке Росарио, но они редко бывали там с тех пор, как Неннито получил от правительства в концессию этот лесо-заготовительный участок. Если ему удастся свалить тут все принадлежащие ему деревья и сплавить их до лесопилки в Асунсьоне, он станет богачом. Разумеется, Неннито не собирался делать это сам: он был патроном, то есть организатором и руководителем, а для непосредственной работы нанял бригаду лесорубов. Когда руководить было некем, как, например, в момент нашего прибытия, Неннито мог сидеть у своей хижины и попивать мате.

Неннито жил в Иреву-Куа уже несколько сезонов, но почти ничего не сделал для благоустройства своего жилья. На окнах не было противомоскитной сетки, в доме — почти никакой мебели, возле дома не посажены ни бананы, ни папайя. Долорес готовила на костре и обходилась без холодильника. Невзгоды лесной жизни уже наложили свой отпечаток на ее красивое, с правильными чертами лицо. Некоторые женщины, даже живя в весьма примитивных условиях, умудряются каким-то чудом сохранять привлекательность, но Долорес, казалось, ничуть не заботилась собственная внешность. Состояние ее зубов оставляло желать лучшего, длинные черные волосы были не причесаны, а одежда неряшлива. Поверх длинных брюк, защищавших от укусов насекомых, она носила юбку, считая, по-видимому, отсутствие этой части женского туалета вопиющей нескромностью. Но, несмотря на весьма примитивный быт, Неннито и Долорес являли собой счастливую, жизнерадостную и чрезвычайно гостеприимную пару. Их дом, заявили они, будет и нашим столько, сколько мы пожелаем.

Лесная усадьба наших новых знакомых состояла из нескольких построек, соединенных крытыми верандами. Тут были кухня, где всегда горел костер, кладовая, приютившая нас в первую ночь, хозяйская спальня; в одном из флигелей находилась комната для двух юношей-индейцев, к ней примыкал курятник, служивший еще и складом для разных вещей. Позже мы заняли его под собственную спальню. При доме был небольшой огород, где Неннито выращивал маниок и кукурузу. Крутая тропинка спускалась от построек к вздувшейся коричневой реке, а с противоположной стороны, за огородом, начинался лес. Первое же утро подарило нам изумительное зрелище: на очищенной от леса площадке вокруг дома разыгралась настоящая метель из бабочек. Их было так много, что, взмахнув сачком, я поймал штук тридцать или сорок. Все они принадлежали к роду катаграмма: великолепные создания с радужно-синими передними крылышками и пурпурными задними, укра-

шенными снизу желтыми фосфоресцирующими иероглифами.

Известно, что бабочки мигрируют в поразительном количестве и на огромные расстояния. Великий американский зоолог Биби наблюдал однажды фантастический перелет бабочек через Анды, когда за секунду мимо него пролетала по крайней мере тысяча этих насекомых, и так продолжалось без остановки несколько дней кряду. То же самое отмечали и многие другие путешественники и натуралисты. Но здесь, в Иреву-Куа, катаграммы никуда не летели, они просто порхали на поляне вокруг хижины. Интересно, что ни в лесу, ни ниже по реке не было видно ни одной бабочки. Мы обнаружили, что можем предсказывать их появление: они прилетали всегда после сильной грозы, когда небо было уже чистым, а солнце жгло так, что на камни у реки нельзя было ступить босиком.

К вечеру бабочки начинали постепенно исчезать, и с наступлением темноты их уже не было совершенно. Если следующий день выдавался пасмурным, они не появлялись. Может быть, эти катаграммы в массе выходили из куколок именно в жаркую погоду? А где они скрывались ночью? Жизнь бабочек коротка, но едва ли все они умирали к концу дня. Может быть, они улетали в лес и устраивались на ночь в кронах высоких деревьев? Я так и не нашел ответа на эти вопросы.

Вообще Иреву-Куа отличалась редкостным изобилием бабочек. Нигде больше мне не приходилось видеть ни такого количества, ни такого разнообразия этих насекомых, и я решил в свободные часы развлечься их коллекционированием. Моя методика сбора была чрезвычайно проста. Я не бродил по болотам и не гонялся за бабочками, бегая от куста к кусту, как это сделал бы на моем месте истинный исследователь чешуекрылых. Я вообще не отправлялся на специальные поиски, а просто гулял себе и гулял, но если замечал какую-либо новенькую порхающую красотку, то пытался ее изловить. Таким незатейливым способом я за две недели наловил свыше девяноста видов и поймал бы еще

по крайней мере столько же, будь у меня побольше терпения и навыков. Но и то, что мне удалось, не может не впечатлять, если учесть, что на всех Британских островах найдено только шестьдесят пять видов бабочек семейства нимфалид, включая редчайшие залеты.

Самая крупная и самая осторожная из всех местных бабочек жила в лесу. Размах ее крыльев превышал десять сантиметров. Принадлежала она к великолепному роду морфо и, подобно всем другим бабочкам этой группы, обладала изумительной сверкающей сине-голубой окраской. Поначалу, стоило мне увидеть, как она лениво и безмятежно порхает по лесу, я тут же устремлялся в погоню, ломаясь сквозь кусты и забывая про колючки. Бабочка дразнила меня своими зигзагами и пируэтами, и я, пытаясь завладеть ею, лихорадочно молотил сачком по воздуху. Но красotka, казалось, знавала, что ее преследуют, или, говоря научным языком, поведение ее менялось при опасности. Стоило мне, подбравшись к бабочке, чуть раньше времени взмахнуть сачком, как она немедленно увеличивала скорость, меняла неторопливый порхающий полет на быстрый и прямой и поднималась так высоко, что становилась совершенно недоступной. Мне потребовалось совершить несколько утомительных и безрезультатных забегов, прежде чем я понял, что необходимо изменить тактику.

Морфо, по-видимому, предпочитали открытые участки, где им не мешали ни деревья, ни кусты, и часто порхали на широких просеках, сверкая крыльями в лучах солнца. Мой новый способ охоты на них, как и прежний, не отличался изобретательностью. Я неподвижно стоял с сачком наготове, пока ничего не подозревавшая бабочка не подлетала достаточно близко, а затем пытался накрыть ее одним взмахом. Эти маневры весьма напоминали мне сражения на крикетном поле, а уж мудреный пилотаж бабочек определенно таил в себе такой же подвох и был так же непредсказуем, как и подача с финтом, классно исполненная боулером на мачте международного турнира.

Но оказывается, существовал еще более простой способ поймать морфо. Профессиональные охотники за бабочками ловят их на приманку, чаще всего — на смесь сахара с навозом. Здесь же этого не требовалось, так как в лесу повсюду росли дикие апельсиновые деревья и на каждом шагу попадались их горькие плоды, гниющие на земле. Бабочки, почти всегда парами, садились на них пососать забродивший сок. Тут-то их и можно было поймать, но даже в такой простейшей ситуации приходилось быть осмотрительным, подкрадываться осторожно и точно рассчитывать решающий бросок.

Но не все бабочки были вегетарианками. Однажды, когда я гулял по лесу, до меня вдруг донесся отвратительный тлетворный запах. Поискав вокруг, я нашел разлагающийся труп крупной ящерицы. Определить вид ящерицы мне удалось не сразу, так как труп был почти совершенно скрыт под массой бабочек, трепещущие крылышки которых украшал волнистый рисунок глубокого черного цвета. Бабочки были так поглощены своей ужасной трапезой, что я ловил их без труда, беря за сложенные крылья двумя пальцами.

Как ни поразительно было обилие катаграмм, морфо и других бабочек на полянах и просеках, оно не шло ни в какое сравнение с теми фантастическими скоплениями, которые нам довелось увидеть по берегам водоемов. Моя первая встреча с ними произошла совершенно неожиданно. Как-то раз я вышел из влажного сумеречного леса на залитый солнцем мокрый луг с роскошной травой, где росли одиночные маленькие пальмы. На лугу было несколько глубоких коричневых прудиков, которые соединялись ручейками, тихо струившимися среди мхов и осоки. Я неподвижно стоял на опушке в тени деревьев и рассматривал луг в бинокль, надеясь увидеть каких-нибудь животных. Но луг был пуст. Затем мне показалось, что ручеек на дальней стороне луга как бы курится. В первую секунду я было решил, что обнаружил горячий источник, а возможно, и серную fumarолу вроде тех, что дымятся на склонах спящего вулкана, но тут же сообразил, что нахожусь в районе, где не

может быть никакой вулканической активности. Озадаченный, я направился к дымку и, только подойдя к нему метров на сорок — пятьдесят, понял, что передо мной живая завеса из бабочек. Их было невообразимое количество, я с трудом верил, что такое возможно. С каждым моим шагом земля как будто бесшумно взрывалась огромным желтым облаком. Я остановился, пораженный этим видением, и бабочки снова опустились на землю. Они плотно укрыли песчаный берег ручья трепещущим желтым ковром. А чуть поодаль несколько черных кукушек-ани деловито пожирали безропотную добычу. Бабочки не выказывали ни малейших признаков беспокойства, они как будто не замечали ни птиц, ни меня.

Развернув свои хоботки, обычно свернутые впереди головы как часовая спираль, они лихорадочно погружали их во влажный песок и без устали пили, одновременно выбрызгивая крохотные струйки жидкости из кончика своего брюшка. Это не могло быть обычным утолением жажды, ведь воды кругом было вдоволь. Скорее всего они пропускали через себя воду, чтобы выпитые растворенные в ней минеральные соли. Желая рассмотреть их поближе, я присел и получил подтверждение своей догадке. Как только я перестал двигаться, бабочки стали садиться мне на руки, на лицо, на шею. Без сомнения, их привлекал мой пот, столь же богатый минеральными солями, как и болотная вода. Вскоре на мне уже расположилось с полсотни бабочек, а над головой, громко и сухо шурша крыльями, порхали другие. Я сидел неподвижно и чувствовал, как их тончайшие хоботки мягко ощупывают мою кожу, а нежные лапки едва ощутимо щекочут затылок.

В дальнейшем, даже привыкнув к этому удивительному зрелищу, мы не переставали им восхищаться. В любой солнечный день мы находили скопления пьющих бабочек у ручьев, на болотах, на песчаных пляжах и речных отмелях выше Иреву-Куа. Тут были не только желтые бабочки, которые первый раз попались мне на лугу, но и многие другие. Одних только крупных кра-

сивых парусников¹ я насчитал около полутора десятков видов. В смешанных скоплениях бабочки каждого вида старались держаться особняком. Их, по-видимому, привлекал определенный, «свой» внешний вид. Если, например, какая-нибудь бабочка, порхая, замечала другую такой же расцветки, она подсаживалась к ней, и через несколько минут здесь уже собиралась целая группа из сорока — пятидесяти одинаковых насекомых. Но случались и ошибки. Вероятно, зрительные способности бабочек были не слишком совершенны. Внимательно разглядывая эти группы, я нередко замечал в них несколько экземпляров, которые лишь на первый взгляд казались такими же, как и все, но на самом деле отличались и размерами и расцветкой. Сначала я думал, что это скорее всего индивидуальные, а может быть, и половые различия, но позже, вплотную занявшись определением, убедился, что имею дело с разными видами.

Когда мы ходили на лодке вверх по реке, то поднимаемые нами волны докатывались до низких песчаных берегов и накрывали скопления бабочек. Отхлынув, волны оставляли на песке кучки сломанных крыльев и брюшков, мокрых и испачканных. Но даже эти разноцветные останки привлекали новых и новых бабочек, которые через несколько секунд покрывали погибших ярким трепещущим саваном.

К несчастью, бабочки были не единственными насекомыми, обитавшими в Иреву-Куа. Нас буквально изводили целые орды кровососущей нечисти, действовавшей по четко отработанной системе.

С раннего утра за дело принимались комары. Их было несколько видов, и особенным садизмом отличались крупные, с хорошо различимой белой головой. Мы обычно завтракали у костра, в надежде, что едкий дым будет держать их на расстоянии, но некоторые из этих

¹ Автор скорее всего имеет в виду семейство бабочек. Но так же называется и род этого семейства.

тварей шли на все, лишь бы испить нашей крови. Когда солнце поднималось над лесом и накаляло красную землю на нашей поляне так, что она превращалась в пыль, комары оставляли дом и удалялись к реке, в тень деревьев. Если мы по неосторожности забредали туда, они набрасывались на нас с таким же пылом, как и утром, но дом в дневные часы был от них свободен.

Наступал черед мбарагуи, крупных синих мух, укусы которых можно было сравнить с уколом иглы, оставившим на коже капельку крови. Эти тоже трудились на совесть. Они безжалостно мучили нас все жаркое время дня и кончали работу с приближением сумерек, когда некоторая часть комариного войска могла возобновить свои действия. Главными же исполнителями вечерней программы были польверины. От этих крошечных, не больше пылинки, черных мушек мы страдали сильнее всего. С комарами и мбарагуи нам удавалось хоть как-то справляться: хлопнешь мучителя, когда он воткнул хоботок в твою кожу, и из лопнувшего брюха полетят брызги крови, пусть даже твоей собственной. Но польверины были так мелки и так многочисленны, что хотя одним ударом можно было уничтожить их с полсотни, это не приносило ни малейшего облегчения: густое черное облако над головой абсолютно не редело. И защиты от них не было никакой: они без всяких затруднений проходили сквозь нашу противомоскитную сетку, и остановить их могла бы только простыня. Из одной мы попытались соорудить что-то вроде палатки, но в ней было так жарко и душно, что от этой затеи пришлось отказаться. Оставалось одно — штукатурить себя цитронеллой и другими патентованными средствами от насекомых. Некоторые из этих средств обладали отвратительным запахом, от других горела кожа и мучительно жгло глаза и губы. Но польверины, казалось, считали эти медикаменты пикантной приправой к своему обычному блюду и каждую ночь пировали на наших телах. На рассвете их смена кончалась, и на дежурство заступали комары.

Только погода могла внести изменения в это расписание, причем как в лучшую, так и в худшую сторону. Если день выдавался пасмурным, сырым и душным или ночь была ясной и лунной, тогда комары, мбарагуи и польверины работали сообща. И лишь сильный дождь сметал прочь всю эту нечисть. В Иреву-Куа один день из четырех бывал дождливым, и при других обстоятельствах это повергло бы нас в отчаяние, но здесь дождь приносил несказанное облегчение. В такие дни мы чувствовали себя счастливыми и, лежа в гамаках с книгой, наслаждались блаженной свободой.

В первые же дни ко всем нашим тревогам прибавилась еще одна, и очень серьезная. По нашим расчетам, Кейо должен был подойти к хижине примерно через сутки после нас, но пошли уже третьи, а он не появлялся. Мы доели все свои припасы и вынуждены были обратиться за помощью к Неннито, хотя и так уже были у него в долгу за приют. Пища наших хозяев не отличалась ни разнообразием, ни хорошим качеством. Их рацион неизменно состоял из вареного маниока и затхлой солонины да иногда нескольких горько-кислых диких апельсинов на десерт. Помимо проблем с пищей у нас было плохо и с горючим, но тут уж Неннито ничем не мог нам помочь. Ситуация получалась не из приятных. Если катер Кейо из-за поломки встал временно где-нибудь на реке, у нас еще хватило бы бензина, чтобы добраться до него. Но если с ним случилось что-то серьезное и Кейо решил сплавляться до Жежуи, тогда нам до него на моторе не дойти, и остается только самим пуститься самосплавом в долгую и голодную погоню.

С каждым днем наше беспокойство возрастало, но наконец на пятые сутки Кейо прибыл, улыбаясь как ни в чем не бывало. Мы бросили ему канат, катер причалил, и Кейо зашагал вверх по каменистому склону. Я еще долго оставался на берегу, наблюдая за выгрузкой наших ящиков, а затем последовал за ним.

Сэнди, Неннито и Кейо сидели вокруг костра и пили мате, а Долорес почтительно обходила мужчин, следя

за тем, чтобы кружки не пустовали. Мате — это высушенные и измельченные листья вечнозеленого кустарника — падуба парагвайского. Их кладут в рог или высушенную тыквочку, заливают водой и посасывают настой через бомбилью — трубочку с круглым наконечником в виде ситечка. Вкус у мате специфический, горьковато-сладкий и вяжущий, но и Чарльз и я скоро пристрастились к этому напитку. Мы присоединились к компании.

— У Кейо слегка закапризничал мотор, — объяснил нам Сэнди, — но теперь все в порядке. Он говорит, что вода сейчас высокая и можно идти дальше, посмотреть, что там за лес. Если уровень продержится, он останется там недельки на две, но если вода начнет спадать, он вернется раньше, и тут уж медлить будет нельзя. В любом случае он захватит нас и отвезет обратно в Асунсьон.

Такой план нас полностью устраивал. Кейо надел шляпу, пожал всем руки и пошел к катеру. Через некоторое время звук мотора замер вдали.

Теперь, когда возвращение было гарантировано, мы могли сосредоточиться на отлове и съемке животных, и первым делом, как обычно, нам хотелось привлечь к своим занятиям помощников. Три пары глаз и рук — хорошо, но больше — еще лучше, особенно если они принадлежат индейцам, с которыми в знании леса и его обитателей никакому европейцу не сравниться. Ненито сообщил нам, что в пяти милях от Иреву-Куа есть толдерия, индейская деревня, и мы с Сэнди отправились на разведку.

Толдерия оказалась кучкой ветхих, крытых тростником хижин, расположенных в небольшой прелестной долине. Индейцы — цвета шоколада, с прямыми черными волосами — во многом уже изменили свой прежний образ жизни. Они ходили в лохмотьях, бывших когда-то европейской одеждой, и не добывали мясо в лесу, а держали с десятков облезлых мелких кур да несколько полуголодных, замученных коров с выпиравшими ребрами и пораженной язвами шкурой.

Мы объяснили, что разыскиваем птиц и зверей, особенно броненосцев, и щедро заплатим тому, кто принесет нам что-нибудь интересное. Мы пообещали хорошую награду и тем, кто покажет нам обитаемые гнезда или норы.

Пока Сэнди держал речь, индейцы во главе с вождем меланхолически рассматривали нас, посасывая мате. Ни один из них, казалось, не загорелся энтузиазмом, и едва ли можно было укорять их за это. В такую жару и духоту лежать в гамаках куда приятнее, чем продира́ться сквозь лесные заросли. Внезапно я осознал, что нас не едят насекомые, и это открытие буквально потрясло меня. Я прервал красноречивые призывы Сэнди и попросил его поинтересоваться у индейцев, не досаждают ли им комары, мбарагуи и польверины. Те медленно покачали головами. Интересно, подумал я, что стало бы с моей собственной активностью, живи я тут постоянно? Без насекомых, побуждавших к действию, и без каких-либо иных стимулов я бы тоже, наверное, полеживал в гамаке да ждал, пока курочка снесет яйцо, а на ближайшем дереве созреет папайя.

Вождь с важным видом пояснил, что наш запрос сделан не в самое подходящее время. Последние несколько недель мужчины его деревни заняты обсуждением серьезной проблемы: стоит или не стоит срубить одно дерево, в котором есть дикий мед. Решение, вероятно, не за горами, но пока, разумеется, ни один человек ни на что отвлекаться не может.

Тем не менее вождь был уверен, что, если кто-то из его людей случайно наткнется на какое-нибудь животное, он постарается его не упустить и сообщить нам об этом. Мы вернулись в Иреву-Куа без особой надежды на сколько-нибудь существенную помощь от индейцев.

Лес, по которому мы бродили целыми днями, вызывал у нас какое-то гнетущее чувство и даже внушал некоторый страх. Нам все время вспоминался английский лес — ласковый, уютный. Такой лес, как гостеприимный хозяин, приглашал вас прогуляться по солнечным просекам, уводящим в его зеленые владения. Здеш-

ний же лес наглухо запахивался злобными колючками и густой завесой ползучих побегов. Продираясь сквозь них в глубь чащи, мы сталкивались с полчищами клещей, пиявок и жалящих насекомых, обладавших огромным запасом нерастроченных сил. Если у нас не оказывалось компаса, мы полностью теряли ориентировку, так как солнце ни единым лучом не могло пробиться сквозь бесчисленные складки огромного зеленого занавеса, и, чтобы не заблудиться, приходилось метить путь зарубками на деревьях.

Большинству деревьев, чтобы выжить, необходимо было дотянуться до солнечного света. Одним это удавалось. Другим не хватало жизненных сил, и они, так и не добравшись до живительных лучей, упали и гнили теперь на земле. Ползучие растения и лианы карабкались вверх, цепляясь за стволы, и те из них, что уже достигли своей цели, душили тех, кто еще недавно служил им опорой. Там, где рухнул какой-нибудь древесный гигант, луч света добирался до земли и давал жизнь более мелким растениям. Они буйно разрастались и тоже стремились вверх, а тем временем молодая древесная поросль набирала силу, обгоняла своих меньших соплеменников, отнимала у них свет и в конце концов обрекала их на гибель. В этих «окнах» леса встречались даже цветы, в других местах мы их почти не видели.

Самым крупным животным здешнего леса был ягуар. Он вполне обычен в этих местах, но передвигается так тихо и так прекрасно скрыт своей окраской, что путешественник редко замечает его, если только специально не охотится с собакой. Вообще на первый взгляд лес казался пустынным, только бабочки порхали по вырубкам да бесчисленные невидимые насекомые наполняли влажный воздух своим неумолчным звоном.

Но были здесь, безусловно, и другие животные, незримо наблюдавшие на нами сквозь листву из своих тайных убежищ. Однажды мы увидели енота, но он только мелькнул перед нами и исчез в хаосе шелестящей листвы, оставив на земле свои следы. Земля под лесным пологом была книгой, на страницах которой мы

читали о существах, бродивших до нас по тропе и бесшумно исчезающих при нашем приближении. Чаще всего нам попадались следы ящерицы тегу: извилистая дощечка от хвоста с отметинами когтистых лап по обеим сторонами. Иногда, пройдя по такому следу, мы находили и саму ящерицу. Серая, с красноватым оттенком, длиной чуть ли не метр, она сидела неподвижно, как чучело. Но и тегу молниеносно исчезал, стоило нам подойти к нему слишком близко.

Самыми заметными обитателями леса были птицы. На деревьях, вытянувшись в струнку, сидели трогоны. Размером с кукушку, с ярко-красной грудью и щетиными усами вокруг клюва, они держались поблизости от коричневых шарообразных гнезд термитов, в которых устраивали свои гнезда-норы. По земле, прячась в тени, робко и незаметно ступали тинаму — мелкие коричневые, почти не летающие птицы, похожие на куропаток. Время от времени слышны были их мелодичные позывки — протяжный нежный свист. Как-то раз мы нашли гнездо тинаму с дюжиной лиловых яиц, гладких и блестящих, как бильярдные шары. Сойки уррака, обладающие безграничным любопытством, как правило, сами разыскивали нас. Если мы проходили поблизости от места их шумной сходки, они спускались ниже и скакали за нами с ветки на ветку, пронзительно крича и кудахча. Сойки привлекали внимание не только голосом, но и внешностью: нижняя часть их туловища имела кремовый цвет, спинка и крылья — ярко-синий, а голова, будто забавной шляпкой, была покрыта завитками мелких перьев. Во множестве водились в лесу птицы-колокольчики. Всюду раздавались их поразительные металлические голоса, но на глаза они почти не попадались. Когда же нам все-таки удалось выследить одну птицу, мы увидели только маленькое белое пятнышко, устроившееся на самой верхушке высоченного дерева. Птицы-колокольчики, распределив между собой территорию, заявляли права на свои владения непрерывными звонкими трелями. Случалось, что один певец заводил вокальное сражение с другим, находившимся

от него почти за километр, и тогда казалось, что весь лес наполнен перезвоном колокольчиков.

С прибытием лесорубов — пассажиров транспорта Кейо — начались лесозаготовительные работы. Ежедневно отправлялись они валить отборные деревья, среди которых попадались гиганты высотой метров тридцать. Другие рабочие под наблюдением Неннито и с помощью двух юношей-индейцев принялись оттаскивать к реке очищенные и отбеленные дождем стволы, сваленные в прошлом сезоне. Это был нелегкий труд, и выполнялся он с использованием джинкерсов — огромных, больше трех метров в диаметре, деревянных колес, соединенных попарно тяжелыми, тоже деревянными, осями. Бревна прикреплялись к осям цепями и вывозились из леса на быках. На берегу реки росли штабеля бревен, и, когда их собиралось достаточно, из них сооружали плоты и отправляли с одним сопровождающим вниз до Асунсьона. Сплав занимал примерно месяц.

Через несколько дней мы послали одного из индейцев в толдерию узнать, не поймали ли там каких-нибудь животных. Он вернулся с захватывающими новостями. Вождь уже держал у себя тукана, муравьеда, тинаму и даже (о радость!) броненосца и интересовался, сколько мы ему за все это заплатим. Я устыдился своих сомнений относительно предприимчивости обитателей толдерии. Раз индейцы оказались такими энергичными охотниками, нам, конечно, надо скорее перебраться в толдерию, разбить там лагерь и быть готовыми к приему животных. Вспомнив о том, что прелестная долина, приютившая толдерию, почти свободна от кровососущих насекомых, я уже был не в силах отказаться от этого плана. Неннито одолжил нам двух лошадей, мы погрузили на них свой багаж и в приподнятом настроении покинули Иреву-Куа.

— Дайте знать, если придет Кейо, и мы тут же вернемся, — попросили мы своих хозяев на прощание.

К толдерии мы подъехали вечером. Вождя на месте не оказалось: он, как нам сказали, ушел на один из своих участков маниока.

— А скорее всего, — шутливо предположил я, — он отправился ловить новых животных.

Индейцы от души рассмеялись и даже, как мне показалось, переоценили мой юмор. Когда они ушли, мы занялись устройством лагеря.

На следующее утро от вождя прибыл посыльный.

— У вождя болячка на ноге, — сообщил он. — Он не может прийти и встретиться с вами.

— Ну, а животные, — спросили мы, — где они?

— Я спрошу у него, — ответил посыльный и устремился обратно.

Поздно вечером появился сам вождь, но мы не заметили, чтобы он хромал.

— Эти сеньоры хотели бы заплатить за животных, — объявил Сэнди. — Где броненосец?

— Он убежал.

— А гигантский муравьед?

— Он помер.

— А тукан?

Небольшая пауза.

— Его ястреб скушал, — произнес вождь упавшим голосом.

— Может быть, тинаму остались?

— Вот что, — признался вождь, — я их совсем не поймал, но, кажется, я знаю, где их найти. Я сказал, что поймал, чтобы узнать, сколько вы заплатите.

По правде говоря, мне было не совсем ясно, для чего вождю понадобились все эти хитроумные трюки. Может быть, думал я, дело тут в вежливости, и, кроме того, возможно, он боялся потерять авторитет в своем маленьком обществе. Заключение Чарльза было менее возвышенным.

— Я полагаю, — заявил он угрюмо, — это научит нас не задавать глупых вопросов.

Все же наше присутствие в толдерии побудило ее обитателей к некоторой активности. Правда, до настоящего отлова животных дело еще не дошло, но индейцы стали весьма сочувственно относиться к программе нашей экспедиции и частенько приходили посидеть, по-

пить мате и дать разные полезные советы. Один индеец припомнил, что слышал, будто недавно кто-то нашел гнездо птицы дхаку пети. По его словам, это очень редкая птица, и тот человек забрал яйца, принес их домой и положил под домашнюю наседку. Судя по описанию, дхаку пети мог быть белохохлым гокко, который похож на индейку и слывет одним из самых красивых представителей своего семейства. Мы заинтересовались, как нам найти этого человека. Вид у рассказчика был хитроватый: а что бы мы дали за цыплят? Поторговавшись, мы условились, что окончательную меру вознаграждения установим тогда, когда увидим, сколько цыплят пойдет на продажу, что они собой представляют и можно ли поручиться за их здоровье. Индеец, очевидно рассчитав уже комиссионные за посредничество, сказал, что принесет цыплят сам.

Он вернулся через два дня и принес птенцов: желтые в черную крапинку восхитительные пушистые мячики. Мы не могли определить, белохохлые это гокко или нет, но взяли с индейца слово, что это именно они, и с тем обменяли их на нож.

Птенцы вскоре стали совсем ручными и ходили за нами повсюду. Опасаясь ненароком наступить на них, мы соорудили им вольер. Они с большой охотой клевали зерна и мелкие кусочки мяса и быстро подрастали, а мы внимательно наблюдали за ними, гадая, в кого же они превратятся. Со временем один из птенцов стал как будто слегка отличаться от остальных, но только в Лондоне мы смогли точно определить свое приобретение. Трое действительно оказались белохохлыми гокко. У них были черные с белыми крапинами крылья, яркие алые сережки, а на макушке — прелестное украшение из длинных белых перьев. Четвертая птица имела гораздо более скромную однотонно-коричневую окраску и могла похвастаться только маленькими красными сережками. Если индейцы намеренно всучили нам этого птенца, полагая, что обхитрили нас, выгодно продав низкочемную птицу, то они ошиблись: он оказался самым ценным из всей четверки. Это был другой вид гокко —

гокко Склэтера, который в ту пору чрезвычайно редко попадал в Лондонский зоопарк.

То, что четыре маленьких птенчика гокко были обменены на большой блестящий нож, не прошло незамеченным. Спустя два дня в наш лагерь явился молодой индеец и предложил почти метрового тегу, которого он нес на веревке, подвесив за шею. Соблюдая осторожность, я схватил ящерицу за шею и хвост, так как у тегу чрезвычайно мощные челюсти и он играючи мог бы отхватить мне палец. Тегу изогнулся, раздался слабый хруст, хвост, к моему изумлению, отделился от туловища, и в каждой руке у меня оказалось по половине рептилии, которые продолжали энергично извиваться. Крови не было, если не считать крошечных алых пятнышек на концах длинных листообразных боковых мышц, кольцом выступавших по краю обломанного хвоста. Ящерицы поменьше часто отбрасывают хвост в подобной ситуации, но я совершенно не ожидал такого номера от гиганта, брыкавшегося у меня в руках. То, что произошло, не только озадачило меня, но и заставило слегка понервничать.

Тегу, казалось, ничуть не обессилел от нанесенного себе увечья, но красоту свою потерял. Я наградил индейца, а ящерицу отнес в лес и отпустил отращивать новый хвост.

На следующий день тот же индеец принес второго тегу. Он был не меньше вчерашнего, и теперь я принял его с еще большей осторожностью. К сожалению, ящерица оказалась раненой — индеец, загнав добычу в угол норы, пустил в действие свое мачете. Весь рот тегу был в крови. Я не верил, что он выживет, но все же посадил его в клетку и угостил яйцом.

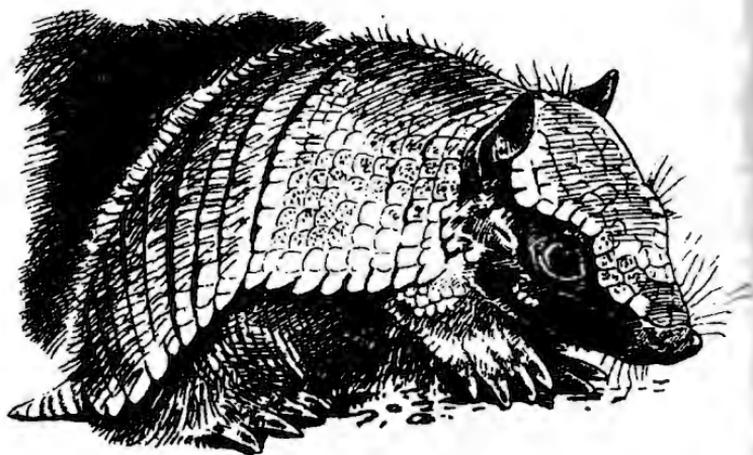
На следующее утро яйцо исчезло, а тегу дремал в углу. Мало-помалу рот у него заживал, а когда настало время вручать тегу Лондонскому зоопарку, он уже полностью поправился и был, как положено, злобным и желчным.

Наша коллекция разрасталась. Кроме гокко и тегу мы имели уже двух редких максимилиановых попугаев,

молодую сойку уррака и пять крошечных птенчиков амазонских попугаев. Но тех, о ком я мечтал больше всего, — броненосцев — у нас все еще не было.

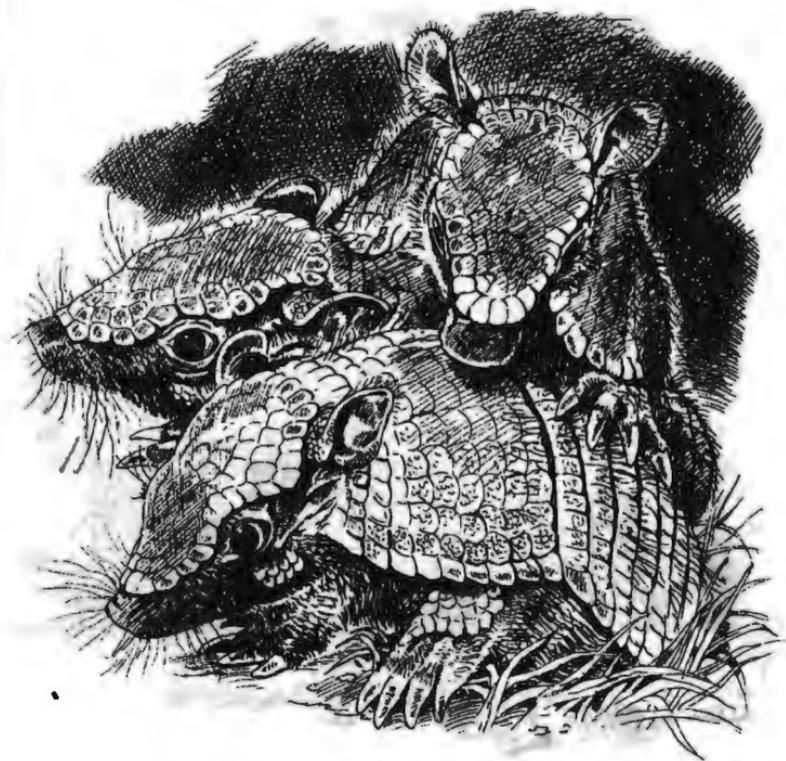
День за днем мы обследовали норы броненосцев. Найти их было нетрудно, потому что эти животные — усердные и неутомимые копатели. Они прокладывают тоннели в поисках пищи, роют по всему лесу многочисленные запасные подземные убежища, не сомневаясь, по-видимому, что те им когда-нибудь понадобятся. Время от времени они покидают свои старые жилища норы и выкапывают новые.

В конце концов мы нашли нору, которая по всем признакам показалась нам обитаемой. У входа виднелись свежие отпечатки лап, а внутри среди всякого хлама лежали еще не засохшие листья. Если броненосец действительно сидел в этой норе, его надо было еще выкопать оттуда. Но я сильно сомневался в успехе такого предприятия. Взрослый броненосец конечно же спрячется в самый дальний отнорок, который может уходить вглубь на четыре-пять метров. Допустим, нам удастся туда добраться, но броненосец, надо полагать, не станет ожидать нас, а закопается еще глубже. И сделает это куда проворнее нас. Найти бы малышей, тогда дру-

гое дело. Броненосцы обычно держат своих детенышей почти у самой поверхности и стараются не уводить их на большую глубину, где в дождливую погоду скапливается много воды.

Раскопки потребовали от нас большого напряжения сил. Жара стояла невыносимая, земля представляла собой сплошное переплетение корней. После часа работы мы обнаружили, что основной ход идет более или менее горизонтально, примерно в метре от поверхности. Листьев в тоннеле становилось все больше, и чувствовалось, что мы приближаемся к гнезду. Стоя на четвереньках, я отбросил рыхлую землю и заглянул в проход: прежде чем запустить туда руку, мне хотелось убедиться, что

внутри нет ничего опасного. Но в норе было темно, и приходилось действовать вслепую. Я лег плашмя в вырытую нами яму и, осторожно просунув руку в отверстие, пошарил в норе, но нащупал только листья. Затем, уловив там какое-то движение, я сунул руку поглубже и схватил что-то теплое и извивающееся, что вполне могло быть хвостом броненосца. Вытащить добычу было не так-то просто. Мне казалось, что зверь сознательно заклинился в норе. Не ослабляя хватки, я просунул внутрь вторую руку и, сражаясь на ощупь, вдруг обнаружил ахиллесову пяту схваченного мной существа: оно боялось щекотки. Моя левая рука случайно попала ему под живот, и существо сразу же свернулось, потеряло опору и вышло из норы, как пробка из бутылки.

Я пришел в восторг, когда увидел, что вытащил детеныша девятипоясного броненосца. Но на более внимательный осмотр добычи времени не было: внутри могли оставаться другие члены семейства. Я быстро положил броненосца в мешок, вернулся к норе и минут за десять выловил еще трех подростков. Именно на такое количество я и рассчитывал, потому что самка девятипоясного броненосца обладает необыкновенной способностью рождать четырех близнецов. Не скрывая триумфа, мы понесли малышей в лагерь.

Первым делом надо было обеспечить наших новых питомцев удобным жильем. По счастью, четыре разборных ящика, которыми нас снабдил в Асунсьоне один британский приятель, еще не пошли в дело, и теперь мы быстро собрали их, прибили сверху тонкую металлическую сетку, положили внутрь немного земли и сухой травы и получили прекрасные домики. Имена для квартирантов родились сами собой: ящики были из-под хереса, и вскоре мы автоматически уже называли наших броненосцев Фино, Амонтильядо, Олоросо и Сэксвилль, а всю компанию нарекли Четверкой.

Это были необыкновенно привлекательные существа с гибким, гладким, блестящим панцирем, маленькими любопытными глазками и большим розовым брюшком.

Почти целыми днями они спали, зарывшись в сено, а к вечеру оживали и начинали гулять по клеткам, нетерпеливо требуя еды. Надо сказать, что аппетит у них был чудовищный.

Из всех броненосцев девятипоясный самый обычный. Он широко распространен от Парагвая до северных пределов Южной Америки, а за последние пятьдесят лет он проник и на юг США. Индейцы часто приходили посмотреть на нашу Четверку и, сидя на корточках, наблюдали за каждым движением зверюшек. Я не мог понять, чем вызван такой интерес к животным, мясом которых они привыкли лакомиться и которых они видели не один раз. Может быть, подумал я, дело в том, что индейцам редко приходится наблюдать живого броненосца сколько-нибудь продолжительное время: ведь поймав зверька, они, конечно, тут же его убивают.

Индейцы рассказали нам о броненосцах много интересного, но не всему, должно быть, можно было верить. Например, они уверяли, что, если броненосцу надо перебраться через реку, он спускается к воде, погружается в нее и идет по дну, пока не выберется на другой берег. Я отнесся к этому сообщению с большим сомнением, но, вернувшись в Англию и внимательно изучив литературу, подумал, что индейцы, может быть, говорили нам правду. Броня утяжеляет броненосца, и в принципе он способен без труда удержаться на дне реки. Кроме того, броненосец обладает поразительной способностью надолго задерживать дыхание, возмещая недостаток кислорода в легких тканевыми ресурсами. То же самое происходит и при рытье норы, когда нос животного погружен в землю. Поэтому вполне вероятно, что броненосец действительно может ходить под водой, во всяком случае американским исследователям в лабораторных условиях удалось склонить его к этому. Но в научной литературе я не нашел ни одного сообщения о том, что броненосец в естественных условиях и по собственному желанию перешел бы реку по дну. Зато известно, что он может плавать обычным способом, по поверхности,

наполнив легкие воздухом, чтобы увеличить плавучесть тела.

Мы не могли нарадоваться на свою Четверку, но, когда первые восторги прошли, мы опять забеспокоились о своем возвращении. За последние дни не было сильных дождей, и, если вода в реке начала падать, Кейо мог уже пуститься в обратный путь. Боясь его пропустить, мы свернули свой лагерь и вернулись в Иреву-Куа.

Неннито и Долорес встретили нас с мате. Мы расселись вокруг костра и, передавая друг другу тыквенный сосуд, стали делиться новостями. Хозяева рассказали, что в последнее время особенно свирепствовали польверины, что лесозаготовки идут хорошо и скоро можно будет приступить к сооружению плотов.

— А что слышно о Кейо? — спросил я.

— Он уже прошел, — небрежно ответил Неннито по-испански.

— Как прошел?! — Мы не верили своим ушам.

— Си, си. Река здорово мелеет. Я просил его задержаться, чтобы послать за вами, но он сказал, что очень торопится.

— Но как же мы теперь вернемся?

— Я думаю, что выше по реке еще осталось какое-нибудь судно и рано или поздно оно должно пойти вниз. Если это так, то они вас захватят, я уверен.

Нам оставалось только ждать и надеяться.

Через два дня судьба послала нам малюсенький катерок, который, громко пыхтя, направлялся вниз по реке. На борту находилось пять человек, и о дополнительных пассажирах не могло быть и речи, но капитан согласился забрать наших животных и большую часть багажа. Река быстро мелеет, объяснил он, и если не удастся за три дня добраться до Жежун, то в ожидании хорошего ливня можно застрять на несколько недель. Катерок шел только до Пуэрто-И, но мы решили, что там больше шансов на подходящую оказию, чем в Иреву-Куа. Нам потребовался час, чтобы собрать и распределить багаж. Попрошавшись с Неннито и Долорес, мы

устроились в своей лодке и отправились вслед за перегруженным суденышком.

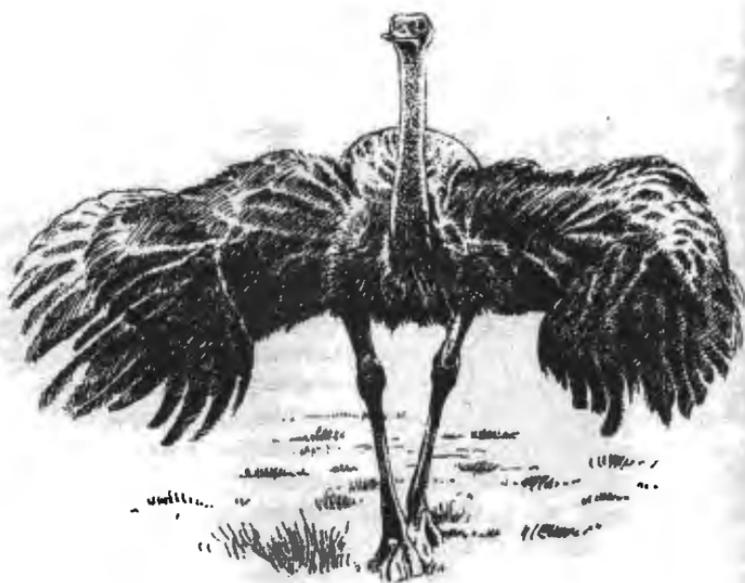
Через три дня на подходе к Пуэрто-И мы увидели какое-то довольно большое судно, шедшее нам навстречу. Я схватил бинокль и, не веря своим глазам, узнал «Кассель». Можно было даже разглядеть несравненную, увенчанную соломенной шляпой фигуру капитана за штурвалом. Вглядываясь в эту фигуру и удивляясь самому себе, я шептал нежные слова.

Подойдя к высокому борту «Касселя», мы приветствовали Гонсалеса. Он перегнулся через поручни и широким жестом дал понять, что отныне роскошный корабль снова находится в нашем распоряжении. Когда переселение было закончено, капитан рассказал, что, увидев «Кассель», возвратившийся в Асунсьон без нас, джентльмены из мясопромышленной фирмы пришли в ужас. Они велели ему заправиться, вернуться в Пуэрто-И и ожидать нас там. Капитан подчеркнул, что он в точности выполнил это распоряжение.

Каюта показалась нам земным раем. Чарльз включил радио, улегся на койку и начал опустошать тарелку с канаве — галетами со сливочным маслом и искусно уложенными анчоусами, а потом надолго припал к стакану пива.

— Недурно прокатились, — сказал он, как бы размышляя. — Если не считать пары кисловатых деньков в середине дистанции, очень даже недурно прокатились.

Глава четвертая ГНЕЗДА В САВАННЕ

Когда спустя несколько дней наш капитан подвел «Кассель» к причалу мясопромышленной компании в Асунсьоне и с небывало широкой улыбкой на лице сошел на берег, знакомые грузчики приветствовали его как героя. Гонсалес тоже покинул корабль и собрал собственную аудиторию, которая с живым интересом слушала его приключенческий рассказ, сопровождавшийся щедрой и выразительной жестикуляцией. А мы тем временем направились к конторе управляющего компанией, чтобы поблагодарить его за заботу и хлопоты.

После всех испытаний, выпавших на нашу долю на протяжении последних недель, мы с Чарльзом откровенно хотели получить все патентованные удовольствия большого города. Мне мерещились сухая постель, мягкий матрас, письма из дома и изысканные блюда (при-

готовленные не мной и не Чарльзом) на полированном столе красного дерева со сверкающей серебром сервировкой. Организация и подготовка следующего путешествия неизбежно потребуют не меньше недели, и мы мечтали провести ее, ни в чем себе не отказывая.

Управляющий тепло приветствовал нас.

— Вы вернулись в самый подходящий момент. Помните, вы говорили, что хотели бы побывать на одной из наших эстансий?¹ Так вот, послезавтра в Буэнос-Айрес идет наш самолет, и, если вы хотите, он забросит вас в Ита-Каабо.

Об этой эстансии мы узнали еще до путешествия на «Касселе» и сразу же решили, что должны туда попасть. Она находилась в двухстах милях к югу от Асунсьона, в Корриентесе, самой северной провинции Аргентины. Много лет ею управлял шотландец, некий мистер Маккай, который считал, что успех животноводства вовсе не обязательно зиждется на полном уничтожении всех диких животных. Будучи страстным натуралистом, он запретил охоту на всей обширной территории, находящейся под его присмотром. В результате его эстансия стала не только поставщиком огромного количества мяса, но и настоящим зоологическим заповедником. Эта благородная традиция была поддержана и продолжена нынешним управляющим эстансии Диком Бартоном, и теперь трудно было найти другое место, где бы дикие животные аргентинской пампы встречались в таком количестве, как в Ита-Каабо. Поэтому мы с благодарностью приняли предложение управляющего и, простившись с мечтой о недельных каникулах, стали лихорадочно готовиться к отъезду.

Мы остановились у своих британских друзей и тут же превратили в зверинец их большой приусадебный сад. Для присмотра за животными хозяева порекомендовали нам нанять своего садовника, обаятельного парагвайского паренька по имени Аполлонио. Он оказался страстным любителем животных и, временно передав

¹ Эстансия — животноводческая ферма.

свои прямые обязанности садовника одному из своих братьев, принялся с воодушевлением ухаживать за птенцами гокко, попугаями, Четверкой и даже за упрямым тегу. Можно было не сомневаться, что наши питомцы попали в надежные руки.

Устроив животных, мы отправили в Лондон отснятую пленку и тщательно проверили всю свою съемочно-записывающую технику.

Самолет компании оказался крошечной одномоторной машиной, такой тесной, что нам с трудом удалось впихнуть в него только самое необходимое.

Через несколько минут после взлета Парагвай остался позади, и мы полетели над Аргентиной. С недоумением и тревогой мы смотрели на бескрайнюю зеленую равнину, аккуратно разлинованную сетью дорог и оград. Казалось невероятным, что какой-нибудь дикий зверь может выжить на такой земле, почти совершенно лишенной девственной растительности и откровенно отданной под научное производство мяса. Мы летели уже почти два часа над однообразным унылым ландшафтом, когда пилот окликнул нас и указал вперед, на маленький прямоугольник красноватых строений, окаймленных деревьями. Это и была Ита-Каабо, напоминавшая картинку в темно-зеленой раме. Горизонт накренился, строения стали быстро увеличиваться, а крошечные пятнышки, которыми была усеяна равнина, превратились в коров. Затем самолет снова принял горизонтальное положение и коснулся земли.

Управляющий ожидал нас. Это был высокий мужчина в помятой фетровой шляпе и с немного комичным выражением лица. Он опирался на трость и живо напомнил мне типичного английского фермера. Даже приветствовал он нас по-английски.

— Здравствуйте. Меня зовут Бартон. Прошу ко мне, я уверен, что вы не откажетесь от стаканчика эля.

Он повел нас через сад, и мы тут же забыли об Англии. На бархатистой лужайке лениво покачивали листьями гигантские пальмы, аллеи сверкали глянцевыми листьями палисандрового дерева, бугенвиллеи и гибискуса, а на клумбе среди неведомых нам растений

маячила романтическая усатая фигура в широкополой шляпе, поношенных мешковатых брюках, с огромным сверкающим ножом за широким кожаным поясом.

Одноэтажный хозяйский дом снаружи имел запущенный вид, но был выстроен и обставлен на широкую ногу, в духе времен королей Эдуардов. Нас с Чарльзом проводили в отдельные просторные покои с ванной комнатой. Мы разместили там свои вещи, а потом присоединились к Дику Бартону в просторной бильярдной, где получили обещанное пиво.

Мы рассказали Дику, каких именно животных надемся увидеть: нанду, капибар, черепах, броненосцев, вискача, куликов и кроличью сову.

— Бог ты мой, — отреагировал Дик, — да это же просто. У нас их тут полным-полно. Возьмите один из наших грузовиков и колесите себе сколько хотите. А кроме того, я пошлю людей, пусть и они поищут ваших зверюшек. Да предупрежу их, что крепко осерчаю, если они не смогут найти то, что вам нужно.

Окрестности эстанции оказались не плоскими, какими они представлялись сверху, а слегка волнистыми, напоминающими холмистый пейзаж Уилтшира. Кое-где росли и деревья: несколько рощиц австралийских казуарин и эвкалиптов были посажены, чтобы дать тень скоту. Дик не считал эти места настоящей пампой, которая начиналась в нескольких сотнях миль к югу и была ровной как стол. Здепнюю саванну он называл «камп», англизированным сокращением от испанского слова «кампо», что означает «поле», «сельская местность».

Восемьдесят пять тысяч акров эстанции были разделены проволочной изгородью на несколько участков, каждый размером с небольшую английскую ферму. пышная трава давала прекрасный корм скоту, но птицам здесь совершенно негде было укрыться. Все же несколько видов смогли тут освоиться, выработав особые гнездовые приемы для вполне успешного существования в этой открытой местности.

Небольшая, с дрозда, красновато-коричневая птица-печник, или алонсо, даже не пыталась скрыть свое гнез-

до от хищных птиц или как-нибудь еще позаботиться о его безопасности.

Яйца и птенцов она защищала по-иному: строила на высушенной солнцем грязи почти неприступное куполообразное сооружение, напоминающее земляную печь, в которой местные жители пекут хлеб. Эта постройка высотой сантиметров тридцать имела такое широкое отверстие, что в него можно было просунуть руку. Я так и сделал, но до яиц не добрался, а наткнулся на внутреннюю перегородку. За ней и находилась собственно гнездовая камера, попасть в которую можно было только через такое маленькое отверстие, что в него с трудом протискивалась сама птица.

Птице-печнику нет нужды прятать свое прочное, надежное сооружение, надо только устроить его повыше, чтобы уберечь от копыт пасущегося скота. Если нет деревьев, опорой для гнезда служат толстые жерди ограды, телеграфные столбы или что-нибудь в этом роде. Одно гнездо было выстроено на верхней перекладине ворот. Ими часто пользовались, и гнездо по несколько раз в день путешествовало на девяносто градусов туда и обратно.

Алонсо — птички не из пугливых. Они, по-видимому, ищут соседства с человеком и часто строят свои гнезда поблизости от его жилья. Пастухи платят им той же привязанностью. Они очень любят этих общительных и доверчивых пташек и дают им разные дружеские прозвища. Так же как мы ласково именуем своих птиц — Красногрудый Робин (зарянка) или Дженни Рен (крапивник), — так и они называют птицу-печника Алонсо Гарсиа и Жоао де лос Барриос. Последнее в вольном переводе означает Джонни Штукатурка. Пастухи говорят, что у этой птицы примерный характер: она всегда весела и все время поет, она придерживается высоких моральных принципов и никогда не изменяет своему партнеру, она чрезвычайно трудолюбива и, сооружая свое гнездо, работает от зари до зари. Кроме воскресенья, добавляют пастухи, потому что она ко всему прочему и очень набожна.

В лощинах по склонам холмов и по берегам ручьев попадались заросли колючей травы карагуаты. Нижняя

часть этого растения представляет собой розетку листьев, усаженных страшными колючками, а из розетки почти на двухметровую высоту вздымаются стебли. В зарослях карагуаты обитало множество мелких красивых птиц, которые редко отваживались вылетать на открытое пространство.

Мухоловки стайками прилетали в колючие дебри покориться. Мы узнавали их по характерному неровному полету. Они перелетали от стебля к стеблю или садились на верхушки самых высоких растений и оттуда, освещенные солнцем, заливались щелкающими трелями, распуская и складывая при этом свой длинный хвост с глубокой вырезкой посередине. Здесь мы увидели и вдовьих тиранов — снежно-белых птичек с черным кончиком хвоста и черными маховыми перьями. Были тут и великолепные огненные мухоеды с изумительно ярким алым оперением и черными пятнышками на хвосте, крыльях и спине. Пеоны называли эту птичку «пожарник» или «бычья кровь», а еще «бразита дель фу-это». Последнее имя, означающее «вспыхивающий уголек», подходило ей больше всего. Стоило нам ее увидеть, как мы замирали от восхищения и в то же время досадовали, что не имеем цветной пленки.

Самыми элегантными из всех пернатых обитателей «кампа» были нанду. Дик считал нас невозможными педантами за то, что мы не называли их просто страусами. Нанду действительно очень похожи на страусов, но мельче, и оперение у них не черно-белое, а пепельно-серое, а на ногах не по два пальца, как у страуса, а по три. Настоящие страусы обитают только в Африке, а нанду — только в Южной Америке.

Мы часто видели, как нанду вышагивали по саванне с изысканной неторопливостью заводных манекенов. Благодаря многолетнему запрету охоты на территории эстансии они в значительной мере потеряли осторожность и позволяли нам ехать в нескольких метрах от себя. Если мы подъезжали слишком близко, они прекращали пастись, поднимали головы и подозрительно глядели на нас, точно так же, как это делают олени.

Длинные шеи придавали нанду надменный вид, но большие глаза смотрели мягко и кротко.

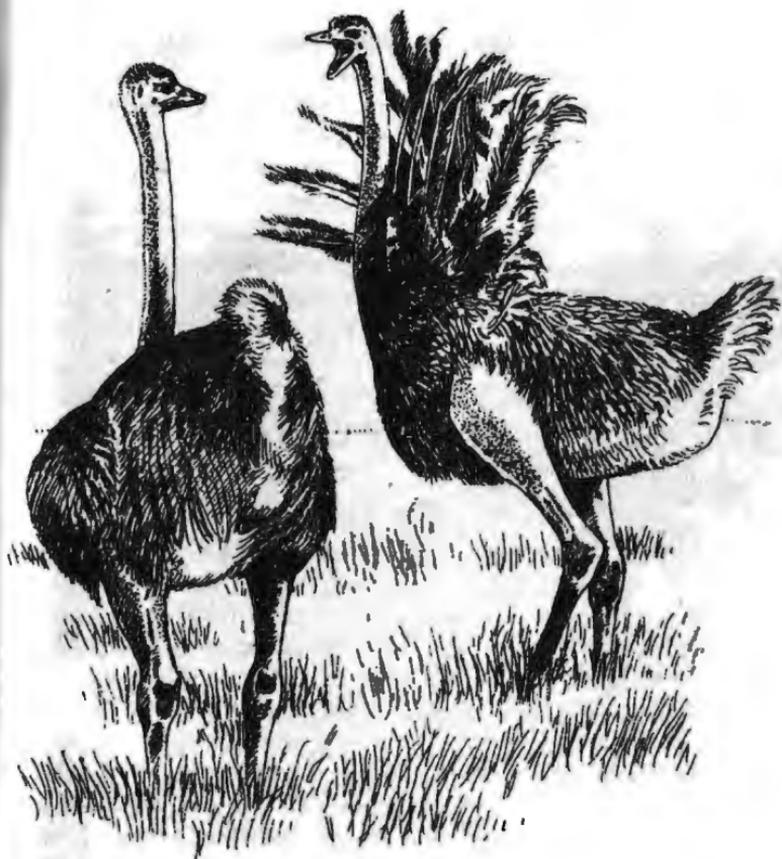
Нанду — нелетающие птицы, и их пушистые крылья служат, вероятно, только для тепла. Оперение у нанду рыхлое, туловище покрыто редкими короткими перьями, и, когда птица топорщит распушенные крылья, как бы укутывая ими свое слабо защищенное тело, она смахивает на озябшего танцора с опахалом.

Нанду держатся группами, которые состоят из одного самца и нескольких самок разного возраста. Самец обычно бывает самой крупной птицей в стае и, кроме того, хорошо отличается от своих подруг узкой черной полосой, идущей по плечам от затылка. У самок эта полоска коричневая и менее заметная.

Если мы, не обращая внимания на предупреждающий пристальный взгляд нанду, подъезжали к ним слишком близко, они обращались в паническое бегство. Птицы мчались по равнине, высоко подбрасывая мощные ноги и выбивая по земле приглушенную дробь. По словам Дика, догнать нанду можно только на самой быстроногой лошади, но поймать их чрезвычайно трудно, потому что на бегу они петляют и искусно увертываются.

На одном из болот, в тростниках, мы нашли гнездо нанду — круглую, почти совершенно плоскую площадку диаметром около метра, заметную только благодаря выстилке из сухих листьев. В гнезде в беспорядке лежали тридцать огромных белых яиц, каждое длиной сантиметров пятнадцать. Глядя на эту потрясающую кладку, я мысленно перевел ее в куриные яйца — получилось около пятисот. Но наша находка не была рекордной: в предыдущем сезоне пеоны нашли гнездо с пятьюдесятью тремя яйцами, а натуралист У. Х. Хадсон писал о сверхгигантской кладке нанду в сто двадцать яиц.

Разумеется, найденная нами кладка не могла быть отложена одной самкой: тут потрудился весь гарем. Приглядевшись, я обнаружил, что яйца немного отличаются друг от друга размерами: очевидно, молодые самки несли яйца помельче.

Врачная жизнь нанду таила ряд загадок. Я знал, что место для гнезда выбирает самец, он же насиживает кладку. Но как все его самки узнают, где именно их повелитель построил гнездо? И каким образом получается так, что необходимость отложить яйцо не возникает у самок одновременно, но в то же время этот процесс не растягивается на недели, а укладывается в достаточно сжатые сроки? Мы могли бы попытаться найти ответы на эти вопросы, наблюдая за гнездом, но нам не повезло: оно оказалось покинутым.

Через три дня, когда мы шли вдоль берега ручья через травянистые заросли, перед нами выскочил нанду

и, глухо топая, пустился наутек, петляя среди высоких стеблей карагуаты. Пройдя несколько метров, мы нашли его гнездо. Там было всего два яйца, и при непрерывном дежурстве нам, возможно, удалось бы узнать подробности интимной жизни нанду.

Имея уже некоторый опыт обращения с нанду, мы решили воспользоваться нашей машиной как укрытием. Удобнее всего было бы установить наблюдательный пункт на пологом склоне, метрах в двадцати пяти — тридцати выше гнезда, но заросли карагуаты оказались здесь слишком густыми, и гнездо невозможно было разглядеть даже на расстоянии одного-двух метров. Нам пришлось срезать несколько высоких стеблей и сделать в зарослях узкий проход — наблюдательный коридор. Мы действовали очень осторожно, чтобы не спугнуть птицу и дать ей возможность постепенно привыкнуть к изменяющейся обстановке.

В течение нескольких дней мы каждое утро приезжали к гнезду и ставили машину на одно и то же место, а затем, когда самец отбегал подальше, расширяли узкую аллею, ведущую от машины к гнезду. Пока что наши действия не тревожили птицу: каждое утро в гнезде оказывалось новое яйцо, отчетливо выделявшееся яркой желтизной среди остальных, уже немного потускневших. На пятое утро в гнезде лежало шесть яиц, то есть еще слишком мало для того, чтобы начинать насиживание. Коридор наконец был готов, и мы приступили к наблюдению из машины.

Самец, которого мы окрестили Черношейчиком, сидел на гнезде, сложив длинную шею так, что ее совершенно не было видно. Серое оперение птицы сливалось с травой. Выдать нанду могли только блестящие глаза, но, если бы я не знал заранее, куда смотреть, мне, вероятно, не удалось бы его заметить.

Прошло два часа, но Черношейчик ничего не предпринимал. Он почти не двигался. Солнце поднималось все выше, пасшиеся поодаль коровы перебрались в тень эвкалиптовой рощи. По другую сторону от гнезда шумно взлетела цапля, закончив завтрак у ручья. Каждые несколько минут я подносил к глазам бинокль в на-

дежде увидеть что-нибудь интересное, но Черношейчик сидел неподвижно и только мигал.

Около девяти утра на склоне холма справа от нас появилась группа из шести нанду. Это были самки — гарем нашего Черношейчика. Они лениво паслись, медленно продвигаясь в нашу сторону, затем повернули обратно и исчезли за вершиной холма.

Черношейчик поднялся на ноги. С минуту он постоял, потом не спеша направился вслед за своими подругами.

На протяжении следующих трех часов мы не видели ни одного нанду. В четверть первого на вершине холма появились две птицы — Черношейчик и молодая самка. Они двигались к гнезду. Наш самец шел размеренным шагом, и казалось, что он ведет или даже подгоняет свою подругу. Поскольку жен в его гареме было больше, чем яиц в гнезде, я принял рабочую гипотезу, что эта самочка раньше к гнезду не ходила и поэтому Черношейчик должен ее сопровождать.

Самка подошла к гнезду, и вид его, казалось, не слишком ее восхитил. Несколько минут она внимательно разглядывала гнездо, потом наклонила голову, схватила клювом небольшое перышко, затерявшееся среди яиц, и пренебрежительно бросила его через плечо. Черношейчик наблюдал за ней, стоя рядом. Она еще немного прибрала в гнезде, а затем, не получив, по-видимому, от этого занятия особого удовлетворения, направилась прочь сквозь высокие заросли карагуаты. Черношейчик последовал за ней.

Они прошли уже примерно сотню метров, когда самка вдруг села, почти скрывшись в высокой траве. Шедший впереди Черношейчик повернулся к ней и стал раскачивать головой из стороны в сторону. Самка ответила ему тем же. Цель большинства брачных демонстраций — блеснуть своей отличительной окраской или украшениями, привлекательными для противоположного пола, и, безусловно, Черношейчик затеял этот танец, чтобы пощеголять перед подружкой яркой черной полоской на шее и плечах. Одновременно он сделал шаг по направлению к ней. Их раскачивающиеся шеи постепенно при-

ближались друг к другу и в конце концов встретились и переплелись, как две змеи. Несколько секунд они в экстазе раскачивались вдвоем, а потом самка распласталась на земле. Черношейчик встряхнулся и легким темно-серым облаком накрыл ее, выгнув шею и опустив голову. Они замерли на несколько минут, и мы видели только холмик из серых перьев. Затем птицы разделились, и Черношейчик побрел по склону, рассеянно пощипывая на ходу плоды карагуаты. Самка поднялась на ноги и присоединилась к нему. Обе птицы встряхивали крыльями, приводя себя в порядок, потом вернулись к гнезду. Снова самка наклонилась и осмотрела его, но, как и в первый раз, не пожелала всерьез заняться домашними делами. Оставив гнездо, пара стала удаляться и вскоре скрылась за холмом.

Мы опять остались одни, но, твердо решив увидеть, как нанду откладывает яйцо, продолжали в молчании сидеть на своем посту. Нам только что посчастливилось наблюдать ту часть брачного ритуала, когда самец знакомит с гнездом одну из своих подруг и соединяется с ней. Если у нашего Черношейчика впервые была любовь с этой самкой, то она снесет оплодотворенное яйцо не раньше чем через несколько дней. Но возможно, мы застали уже продолжение брачных отношений и нежная сцена была устроена для побуждения яйцекладки. Мы пока еще не располагали точными данными, чтобы правильно судить о происходящем.

Три часа спустя в зарослях карагуаты справа от нас появилась пара нанду: Черношейчик с самкой. Мы не смогли определить, была ли это уже знакомая нам птица или Черношейчик привел другую. Самка осмотрела гнездо, выбросила из него несколько сухих листьев и очень медленно уселась, прикрыв яйца крупным телом и напряженно держа голову на вытянутой вверх шее.

Я никогда не задумывался над тем, что у птиц делает самец, пока самка откладывает яйца. Я полагал, что большинство самцов при этом отсутствует, да и вообще мало интересуется этим моментом своей семейной жизни. Черношейчик был не из таких. Пока самка сидела

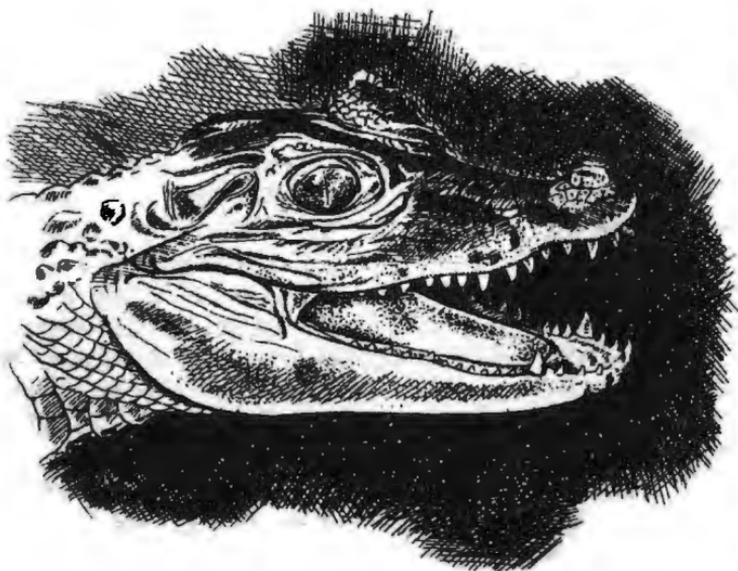
на гнезде, он расхаживал рядом взад и вперед с таким взволнованным видом, какой бывает у новоиспеченного отца, ожидающего у дверей родильной палаты. Самка, казалось, чувствовала себя не вполне уютно. Раз или два она встряхивала крыльями, потом опустила голову на землю. Через несколько минут она встала и подошла к Черношейчику, после чего они вдвоем удалились.

Подождав немного, я осторожно выбрался из машины и приблизился к гнезду. Снаружи, у самого его края, лежало седьмое яйцо, ярко-желтое и еще мокрое. Вероятно, самка была слишком крупной, и поэтому ее яйцо оказалось в стороне от других. Вечером Черношейчик вернется, закатит его на место, к остальным, и будет всю ночь охранять кладку.

Мы завели машину и, ликуя, отправились домой. По крайней мере на один из вопросов мы получили ответ. Теперь можно было не сомневаться, что гнездо самкам показывает самец и он же устанавливает регламент откладывания яиц.

Сэнди Вуд рассказывал нам, что, прежде чем начать насиживание, самец нанду выкатывает из гнезда одно яйцо. Это называется — сделать запас для будущих детюшек. Так и лежит оно у гнезда до вылупления остальных. Когда появляются птенцы, самец ударом ноги разбивает яйцо, и его содержимое разливается по земле. Через неделю здесь уже кишат черви — превосходное лакомство для птенцов, причем именно тогда, когда они больше всего нуждаются в такой пище. Я очень жалел, что нам не удалось задержаться в Ита-Каабо и понаблюдать, как Черношейчик выполняет эту часть своих отцовских обязанностей.

Глава пятая
ЗВЕРИ В ВАННОЙ

Тому, кто путешествует, собирая животных, не найти для них временного приюта более удобного, чем ванная комната. Впервые я открыл для себя эту истину в одной из африканских гостиниц, где ванная оказалась в таком плачевном состоянии, что мы без особых угрызений совести свели на нет остатки ее номинальных удобств, разместив в ней свой зверинец. Единственным элементом обстановки, который хоть как-то мог оправдать название этой комнаты, была уродливая ванна с побитой эмалью, громоздившаяся посреди совершенно голого земляного пола. В ней еще красовалась затычка, прикованная к медному водосливу массивной цепью, а на кранах горделиво значилось «горячая» и «холодная». Но если вода когда-либо и текла по ее викторианскому смесителю, покрытому теперь ржавой коростой, то было это во времена весьма давние, ибо в наши дни краны

не соединялись ни с какими трубами, и на мили вокруг воду можно было найти только в одной-единственной речке.

Все эти пороки ванной комнаты, которые привели бы в уныние желающего освежиться, ничуть, однако, не снижали ее достоинств как жилья для животных. Крупному пушистому совенку пришлось по душе царивший здесь полумрак, вероятно напоминавший ему затененные покои родного гнезда, и он со счастливым видом уселся на палку, торчавшую из камышовой стены. Шесть тучных жаб обосновались во влажных осклизлых впадинах под ванной, а молодой крокодил почти метровой длины благополучно провел несколько недель в самой ванне.

Честно говоря, ванна для крокодила — не лучшее место. Правда, днем ему не удавалось одолеть ее гладкие стены, зато ночью он, вероятно, обретал какой-то дополнительный источник энергии, потому что каждое утро мы находили его разгуливающим по полу. Утренняя разминка с крокодилом стала для нас своеобразным ритуалом. Решительно войдя в ванную, дежурный залеплял зверю глаза мокрой фланелевой тряпкой, хватал его за шею и водворял в эмалированный водоем. Крокодил при этом негодуяще хрюкал.

Во время путешествия по таким экзотическим краям, как Новая Гвинея, Гайана и Ява, мы повидали немало ванных комнат, где не без успеха держали колибри и хамелеонов, питонов, электрических угрей и выдр. Но все наши прошлые впечатления меркли перед тем, что мы увидели у Дика Бартона. Когда он предложил нам со вкусом обставленную ванную в своем доме, я с чувством глубокой признательности заметил, что подобных удобств мы до сих пор не имели. Пол был выложен кафелем, стены — бетонные, массивная дверь снабжена защелкой, а кроме самой ванны с безотказно работающими кранами здесь находились еще туалет и умывальник. Словом, было где устроиться и нам самим, и нашим животным.

Когда мы летели в Ита-Каабо на крошечном самолете, нам стало ясно, что с животными в нем не разместиться. Но дни шли, воспоминания о размерах самолета постепенно стирались и тускнели, и я убедил себя, что на обратном пути в нем хватит места для одной-двух небольших зверюшек. Кроме того, было бы просто преступлением не воспользоваться теми возможностями, которые предоставляла нам ванная комната Дика Бартона.

Первого постояльца я нашел, когда однажды ехал верхом по «кампу» сразу же после ливня. Крутом было сыро, а кое-где образовались широкие мелкие лужи. Проезжая мимо одной из них, я заметил что-то вроде лягушачьей морды, выглядывавшей из воды и сумрачно меня рассматривавшей. Я спешил; морда, взбаламутив воду, исчезла, но вскоре показалась снова, на этот раз у дальнего конца лужи. Я стал обходить лужу и скоро смог установить, что это любопытное маленькое существо во всяком случае не лягушка. Оно опять нырнуло и поплыло под водой, оставляя за собой полоску мути. След прервался, когда животное остановилось, и, сунув руку в воду, я вытащил маленькую черепашку.

Снизу она имела красивый черно-белый узор. Шея у черепашки была такой длинной, что она не втягивала ее прямо, как это обычно делают черепахи, а подгибала в сторону. Это была бокошейная черепаха, не редкая, но чрезвычайно привлекательная, и я почти не сомневался, что для такого миниатюрного существа мы сумеем найти место в аэроплане. В крайнем случае поедет у меня в кармане. А пока мы прекрасно устроили черепашку в ванне, наполнив ее наполовину водой и положив на дно несколько булыжников. На них черепашка забиралась, когда ей надоедало плавать.

Через два дня в одном из ручьев мы нашли ей компаньона. Когда черепашки неподвижно лежали на дне ванны, хорошо были видны два ярких черно-белых лоскутка кожи, болтающихся у них под подбородком, как адвокатские ленточки. Эти странные отростки, которыми их обладатели могут двигать по собственному ус-

мотрению, служат, возможно, для приманки мелких рыбешек, побуждая их подплывать ближе к роковой пасти черепахи, неподвижно лежащей на дне водоема. Но у наших черепах не было необходимости пускать в дело свои приманки: каждый вечер мы выпрашивали на кухне немного сырого мяса и пинцетом подавали им угощение. Черепахи жадно глотали кусочки, дергая шеей. Когда они насыщались, мы вытаскивали их из воды и пускали погулять по кафельному полу, а сами тем временем использовали ванну для общепринятых целей.

Мне очень хотелось узнать, какие именно броненосцы живут в этой части Аргентины: вполне возможно, что тут обитает один вид, которого нет в Парагвае. Дик сказал нам, что в «кампе» обычно встречается два вида броненосцев: девятипоясный, уже пойманный нами, и некий мулито, или «маленький мул». Это название ничего нам не говорило. Дик попросил пеонов при случае поймать одного, и уже на следующий день старший пеон явился в дом с мешком, в котором копошился мулито.

К нашей радости, он оказался именно тем видом, который, насколько мы знали, в Парагвае не водится. От девятипоясного броненосца он отличался тем, что имел только семь «поясков» — сочлененных друг с другом пластинок, охватывающих туловище посредине, и панцирь у него был не гладкий и блестящий, а матовый и с мелкими наростами. Конечно же мы просто обязаны были предоставить такому зверю место в самолете.

Наблюдая за Четверкой, мы убедились, что для броненосцев годится только сверхпрочное жилище. Ванная комната — кафельная, просторная и к тому же пока еще сравнительно слабо заселенная — была именно той крепостью, которая способна выдержать напор этих маленьких «бульдозеров». Мы принесли охапку сухого сена, уложили его в углу возле унитаза, поставили рядом блюдо с фаршем и молоком и пустили мулито в его новое жилище. Зарывшись в сено, он тут же шаркал невидимкой взад и вперед, так что копна за-

ходила, как штормовая волна. Затем, утомившись, он высунул голову и, почуяв мясо, засеменил к блюду. Мулито принялся за еду, чавкая и пыхтя, так что брызги молока полетели во все стороны. Мы наблюдали за ним, пока он не отобедал и снова не скрылся в сене, а потом и сами отправились спать со счастливым чувством, что дела у нас с броненосцами идут совсем не плохо.

Когда утром я вошел в ванную, мулито нигде не было видно. Решив, что он все еще спит, я поискал под сеном, но не нашел его там. С тем же успехом я заглядывал под ванну, за унитаз, за умывальник и стойку вешалки. На этом, кажется, и исчерпывались все зримые возможности для укрытия в этой стерильной гигиенической комнате. Удрать же отсюда было невозможно. Оставалось единственное объяснение: вероятно, один из слуг заходил в ванную и ненароком выпустил броненосца. Дик, узнав новость, страшно расстроился. Он опросил всех слуг, но ни один из них утром в ванной не был. После завтрака мы еще раз осмотрели все углы ванной комнаты, но тщетно: непостижимым образом мулито исчез.

Два дня спустя нам принесли еще одного мулиты, это была самка — мулита. Мы и ее поместили в ванной, и в тот вечер я каждый час заходил проведать новенькую. Она чувствовала себя прекрасно и набросилась на еду с такой же жадностью, как и ее предшественник. Но когда в полночь я в очередной раз заглянул в ванную, мулиты там не оказалось. Но ведь она просто обязана была там быть! Я позвал Чарльза и Дика, и мы втроем решительно взялись за поиски. А что, если при каких-то загадочных обстоятельствах мулита угодила в унитаз? Мы открыли люк на внутреннем дворе, но не обнаружили там никаких признаков нашей беглянки. Мы ползали по полу ванной, ища какую-нибудь неприметную щель или трещину, но ничего не нашли. В последней отчаянной попытке Чарльз протиснулся между стеной помещения и основанием унитаза и тут увидел черный бородавчатый

хвост. Разрыв щель, мулита проникла внутрь полого керамического пьедестала. Извлечь ее оттуда стоило нам огромных усилий. Мы долго безуспешно тянули зверюшку за хвост и преуспели только тогда, когда вспомнили свой предыдущий опыт и стали щекотать ей брюхо. Мулита недовольно заскреблась у меня в руках, а Чарльз заглянул в пещерку, недоумевая, как это ей удалось протиснуться в столь узкий проход. Заглянул и хмыкнул.

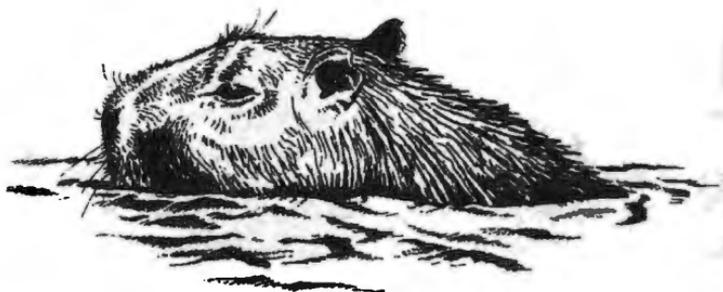
— Взгляните-ка, — предложил он.

На дне пещерки я увидел темный бугор, почти полностью скрытый выброшенной землей. Это был наш первый мулита. Броненосцы подтвердили свою репутацию изобретательных и искусных беглецов: только они могли отыскать изъян в броне ванной комнаты. Оставалось одно — поселить их в самой ванне. Я перенес черепашек в умывальник, спустил воду в ванне, устелил ее дно сеном и поместил туда обоих мулит. Они разбежались по селу и отчаянно заскребли когтями по гладкой эмали. Потом сунули носы в сливное отверстие, пару раз на пробу взяли за медный ободок, но, убедившись, что для рытья это не подходит, залезли под сено, устроились там и заснули.

Мы выключили свет и вышли.

— А знаете, — сказал Дик, — мне даже жаль, что мы их оттуда вытащили. Они бы наверняка доставили немало острых ощущений нашим будущим гостям. Думаю, не каждое место общего пользования может похвастаться собственными броненосцами.

В полумиле от дома протекала небольшая речка. Вдоль ее песчаных берегов рос высокий тростник, над водой склонялись ивы. В узких местах речка бежала по перекатам или пенилась на естественной плотине из валунов, но большую часть своего пути мягко струилась от одной тихой заводи к другой, сверкая солнечными бликами. На мелководье любили ловить рыбу цапли, в самых укромных уголках семейными группами чинно плавали чирки, и повсюду мелькали радужными крыльями стрекозы, бросавшиеся на комаров и мошек. Мы

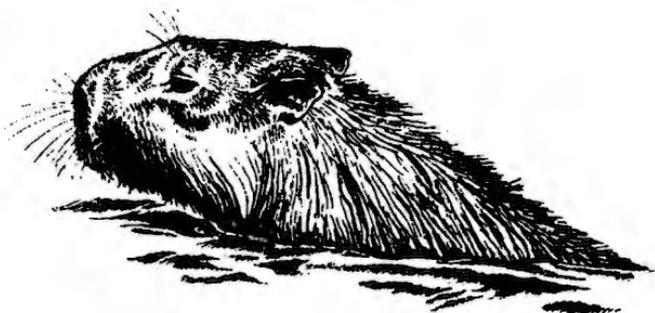
поделились с Диком своими впечатлениями о сценах безмятежной жизни на реке, а он в свою очередь сообщил нам о том, что знает одно особенное местечко, где можно увидеть капибар.

Эта новость взволновала нас, так как мы с Чарльзом уже давно искали случая заснять этих необычных созданий в естественной обстановке. До сих пор нам удавалось видеть только ручных капибар.

Капибары — животные не редкие, но очень пугливые и осторожные. Их преследуют и из-за вкусного мяса, и из-за шкуры, из которой выделывают необыкновенно мягкую эластичную кожу, идущую затем на одежду и седла.

— С капибарами у вас не будет никаких проблем, — заверил нас Дик. — Их здесь сотни. Охотиться на них никому не разрешается, вот они и обнаглели совсем. Каждый может щелкнуть их обычным «Брауни», а уж вы-то, со всей вашей умопомрачительной техникой, снимаете вдоволь.

Мы не склонны были слишком доверять этой информации. Нам и прежде приходилось слышать подобные заверения, только каждый раз почему-то все звери вокруг немедленно исчезали, обрекая нас на бесплодные поиски. А это, разумеется, отнюдь не прибавляло нам репутации наблюдательных и удачливых звероловов. Но искушение было велико, и на следующее утро мы вооружились самыми мощными своими телеобъективами, сели в машину и поехали вдоль реки, не надеясь, однако, на какой-либо крупный успех.

Обогнув эвкалиптовую рощу, мы неожиданно выехали прямо к нужному месту. Чарльз плавно остановил машину, и я, припав к биноклю, стал осматривать окаймленный деревьями берег и... не поверил своим глазам. Даже приняв за истину все рассказанное Диком, я не смог бы представить себе ту картину, которая открылась теперь передо мной.

На траве у воды расположилось больше сотни капибар. Мамаши, рассевшись группами, благодушно взирали на резвящихся вокруг них малышей. Пожилые джентльмены сладко дремали поодаль, положив головы на вытянутые передние лапы. Щеголеватая молодежь лениво слонялась среди семейных групп, задевая время от времени кого-нибудь из клюющих носом представителей старшего поколения. Те не оставляли без внимания подобные шалости, и задиристые юнцы, не стремившиеся, очевидно, к обострению конфликта, улепетывали прочь неуклюжим галопом. В общем же все это необыкновенное общество напомнило мне разморенных жарой отдыхающих на воскресных пляжах Блэкула.

Мы осторожно подъехали ближе. Один-два дремавших самца встрепенулись, сели и угрюмо воззрились на нас, но потом отвернулись и возобновили прерванный сон. Их головы в профиль были почти прямоугольными, с плеч свисала длинная красноватая грива. На морде с обеих сторон, между глазом и ноздрей, хорошо выделялась рубцеобразная полоска — особая железа, отсутствующая у самок. Исполненные благородного величия, эти матерые капибары были похожи скорее на

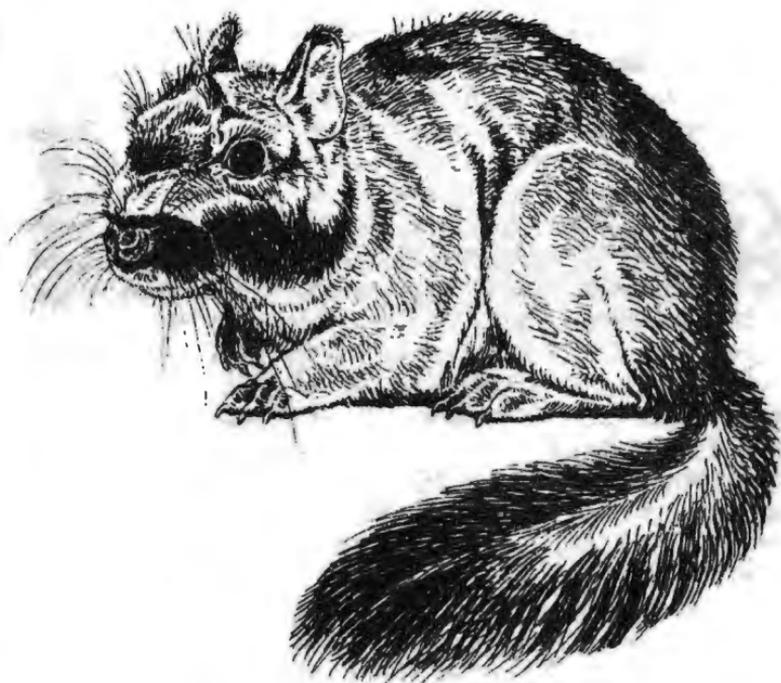
львов, чем на своих действительных родственников — крыс и мышей.

Одна мамаша медленно побрела к реке, ведя за собой вереницей шестерых малышей, и вся компания дружно погрузилась в прохладную воду. В реке капибар было, пожалуй, не меньше, чем на берегу; животные мирно наслаждались водными процедурами. Одни лениво лежали на воде, другие беспечно плавали взад-вперед. Пожилая самка, стоя по пояс в воде, задумчиво жевала листья лилий. Лишь один молодой самец действовал в воде быстро и целеустремленно. Мы наблюдали, как он пересекал реку, оставляя за собой веер разбегающихся волн, потом неожиданно нырнул и поплыл под водой. Теперь его путь обозначала серебристая дорожка воздушных пузырьков. Точно рассчитав дистанцию, он выскочил на поверхность резко, как пробка, как раз рядом со стройной самочкой, скромно плававшей у противоположного берега. Она тут же устремилась прочь, самец — за ней, и так, выставив над водой только коричневые головы, они плыли вдвоем вниз по реке, как лодки на параде. Самочка нырнула, пытаясь ускользнуть, но самец сделал то же самое, и, когда она снова показалась на поверхности, он был рядом. Флирт продолжался минут десять, любовная погоня шла то вниз по реке, то вверх. Преследование молодого самца отличалось и пылкостью, и сноровкой. В конце концов самочка уступила, и они соединились на мелководье под склонившейся ивой.

В то утро мы снимали капибар часа два, а в дальнейшем приходили сюда почти каждый день, чтобы полюбоваться редкостным зрелищем. Нигде во всем мире нет больше места, где бы капибары в таком множестве спокойно соседствовали с человеком.

А вот другой грызун, похожая на кролика вискача — некогда самое многочисленное дикое животное Аргентины — была теперь в Ита-Каабо чрезвычайной редкостью.

Семьдесят лет назад Хадсон писал, что можно неделю ехать по пампе и через каждые полторы мили

встречать нору вискачи, а случается увидеть и целые колонии, не менее чем в сотню нор. Численность вискачи в свое время сильно возросла из-за того, что владельцы эстансий преследовали врагов этих зверьков — ягуаров и лисиц. Естественное равновесие было нарушено, вискачи стали размножаться без помех, и вскоре скотоводы осознали, что эта масса грызунов представляет серьезную угрозу их пастбищам. Вискаче была объявлена непримиримая война. От ручьев отводили воду и затопляли норы, а самые глубокие ходы заваливали камнями и землей. Оставшиеся там животные погибали от голода. По ночам люди сторожили разоренную нору, потому что вискачи ближайших колоний каким-то таинственным образом узнавали о несчастье своих соседей и, если им не препятствовали, приходили

на помощь замурованным собратьям, расчищая ходы. Сегодня в пампе осталось совсем мало вискач. Дик мог бы без труда организовать их полное уничтожение в Ита-Каабо, но он сохранил одну колонию в дальнем углу эстанции. Как-то однажды, ближе к вечеру, он повез нас туда на грузовике.

Часа полтора мы ехали по разбитой грунтовой дороге, потом свернули в сторону и запрыгали по кочкам среди высокой колючей травы. Спустя некоторое время мы остановились метрах в двадцати от низкого земляного холма, лишенного всякой растительности. На его верхушке виднелось беспорядочное нагромождение камней, сухих веток и корней, а вдоль всего основания темнел ряд широких отверстий.

Груды камней на холме не были частью естественной россыпи, их сложили сами вискачи, ибо этим зверькам свойственна мания коллекционирования. Они не только стаскивают на верхушку своих жилищ камни и корни, которые им случается выкопать из нор, но и собирают все интересное в окрестностях колонии. Если пеон потеряет что-нибудь на просторах «кампа», он скорее всего обнаружит пропажу в не слишком аккуратном, но с любовью организованном музее вискачи.

Сами зверьки еще спали в недрах своего лабиринта. Наружу вискачи выходят только вечером и пасутся под прикрытием темноты.

Вечер дарил приятную прохладу. Легкий ветерок овеивал лицо и шелестел в зарослях карагуаты. Из-за холма показались четыре нанду и медленно направились в нашу сторону. Подойдя к пятачку голой земли, они уселись, взъерошили пушистые крылья, опустили головы и побаловали себя пылевой ванной. Донеслись и замерли голоса куликов. Другие пернатые обитатели «кампа» парочками устроились у своих гнезд. Огромное багровое солнце медленно опускалось к ровной линии горизонта.

Хотя создатели кургана еще не появились, он вовсе не был пустынным. Две мелкие кроличьи совы в полосатых «жилетках» торчали столбиками на высоких камнях. Эти птицы вполне способны рыть собственные но-

мы, но часто занимают отнорки в поселениях вискачи. Пирамиды из камней они используют как удобный наблюдательный пост, откуда хорошо видны окрестности и можно высмотреть добычу — грызунов или насекомых.

Пара сов, по-видимому, занимала нору на дальней от нас стороне холма и была весьма небезразлична к нашему присутствию. Птицы делали характерные движения туловищем, то приседая, то выпрямляясь, вертели головами и гневно хлопали ярко-желтыми глазами. Время от времени выдержка им изменяла, они взлетали и плавно скользили в воздухе к своим гнездам, но через несколько минут снова возвращались поглядеть на нас.

Жили здесь и другие пернатые. Несколько печников-землекопов бегали вокруг холма по коротко подстриженной скотом траве. Эти птички гнездятся в длинных узких норах, а так как в «кампе» подходящих мест мало, они обычно устраивают гнезда на склонах жилищ вискачи. Печники-землекопы, как и близкие их сородичи птицы-печники, каждый год роют себе новые жилища, но старые норки не пустуют — их занимают ласточки, стремительные пируэты которых мы наблюдали у кургана. Поистине норки вискачи — средоточие жизни в этих местах.

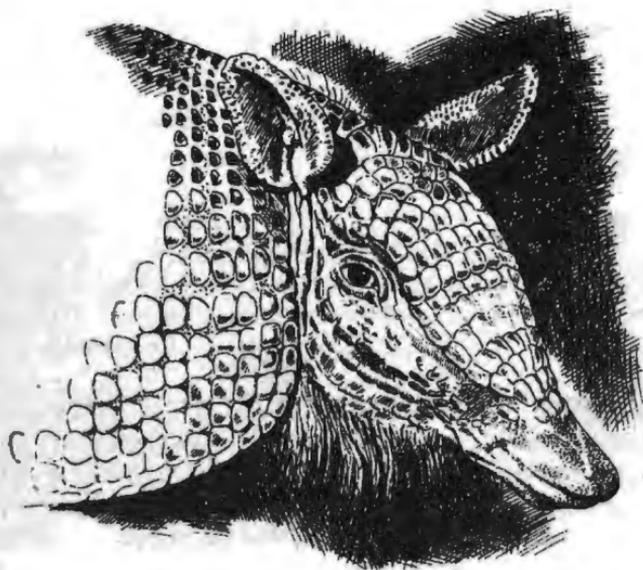
Квартиранты резвились под мягкими лучами предзакатного солнца, а мы терпеливо ожидали появления самого хозяина. Но непосредственный момент его выхода ускользнул от нашего внимания. Мы вдруг заметили, что он уже сидит у одного из отверстий, почти не отличаясь от ближайшего серого булыжника. Зверек напоминал довольно крупного кролика. У него были короткие уши и широкая черная поперечная полоса на носу, как будто он выпачкался краской, пытаясь боком просунуть голову сквозь только что выкрашенный забор. Почесав за ухом задней лапой, зверек хрюкнул, дернулся всем телом и обнажил зубы. Потом он неуклюже запрыгал на верхушку своего кургана и, устроившись там, стал осматриваться вокруг, словно пытаясь определить, изменилось ли что-нибудь в мире с тех пор, как он видел его последний раз.

Удостоверившись, что все в порядке, он уселся по удобнее и занялся вечерним туалетом — стал скрестив передними лапами свое кремовое брюшко.

Захватив камеру с треногой, Чарльз осторожно выбрался из машины и стал медленно приближаться к хозяину норы. Тот успел уже переключиться с живота на длинные усы и теперь тщательно их расчесывал. Солнце уже быстро катилось вниз, и Чарльзу пришлось прибавить шаг. Это несколько не беспокоило прихорашивавшегося зверька, который в конце концов позволил установить камеру всего в метре с небольшим от своей персоны. Кроличьи совы, ошеломленные происходящим, отлетели подальше и, усевшись на кочки, негодующе воззрились на нас. Печники-землекопы нервически чирикают у нас над головой. А хозяин с невозмутимым видом восседает на каменистом троне своих предков, как член королевской фамилии, с которого пишут портрет.

Наше безмятежное пребывание в Ита-Каабо было к сожалению, недолгим. Через две недели прилетел маленький самолетик, чтобы доставить нас обратно в Асунсьон. Мы увозили с собой броненосцев, черепах, ручную лисичку, полученную от одного из пеонов, и вместе с отснятой пленкой волнующие воспоминания о птицах-печниках и кроличьих совах, нанду и вискачах. Но наверное, самое глубокое впечатление осталось у нас от фантастических сценок на реке в исполнении многочисленного капибарьего «народца».

Глава шестая
ПОГОНЯ ЗА ГИГАНТОМ

С мощных улиц Асунсьона, проложенных по склонам холмов, открывается вид на оживленный порт и широкую коричневую реку Парагвай. От противоположного берега реки уходит к горизонту обширная, плоская и безлюдная равнина, которая простирается на запад на пятьсот миль, до подножия Анд. Это — Чако. В зимние месяцы тропическое солнце превращает равнину в пыльную пустыню, где выживают только кактусы. Летом же обильные дожди и многочисленные талые ручьи, устремляющиеся сюда со склонов Анд, делают Чако кишашим комарами болотом. Мы решили посвятить этому необыкновенному краю заключительную часть экспедиции.

Жители парагвайской столицы, всегда неравнодушные к заботам ближнего, с сочувствием отнеслись к нашим намерениям и дружно информировали нас о Ча-

ко. Почти в каждом рассказе преобладал негативный мотив: в Чако нас ожидают невероятные лишения. Оптимисты составляли списки необходимого нам снаряжения, забывая, очевидно, о наших скромных возможностях, а пессимисты считали, что мы должны отказаться от своей затеи и забыть о Чако.

Но все сходилось на одном: в Чако очень жарко. Это побудило нас начать сборы в дорогу с поисков двух соломенных шляп, и мы направились в район порта, где в витрине одного из магазинчиков под сенью колоннады был выставлен широкий выбор дешевой одежды.

— Сомбреро? — спросили мы.

К счастью, нам не пришлось подвергать дальнейшим испытаниям свой испанский язык. Владелец магазинчика, очень тучный молодой человек, небритый, с копной черных вьющихся волос и небогатым набором зубов, как выяснилось, был однажды в Соединенных Штатах и поэтому мог кое-как изъясняться на колоритном бруклинском жаргоне. Он вручил нам шляпы, недорогие и как раз такие, как нам хотелось. Но мы имели неосторожность рассказать ему о наших планах.

— А, Чако, она чертовски плохой место, — сказал он. — Мой Бог! Эти комары и бичос, они муи-муи браво. Они там много, вы можете хватануть рукой по воздуху и получите пребольшой бифштекс, первый сорт. Амиго, они вас сожрут.

Он умолк, потрясенный силой своих слов. Затем прошептал:

— У меня есть сетка от комаров, первый сорт.

Мы купили две. Он заговорщически перегнулся через прилавок.

— Там чертовский холод, — сказал он. — Мой Бог, ночью вы окаменеете. Но чуть-чуть не надо волноваться. Я тут иметь, что надо, — прекрасный пончо.

Он достал два дешевых одеяла с прорехой для головы посередине. Их можно было носить как плащ-накидку. Мы купили и их.

— Вы мастера по лошадям? Скакать, как Гари Купер?

Нам пришлось признаться, что искусство верховой езды не входит в число наших достоинств.

— А и ну ее, научитесь. Вы будете хотеть бомбачос,— сказал он поспешно и потряс перед нами двумя парами плиссированных обвисших панталон. Это было уж слишком.

— Не надо, не надо, мучиссима грасиас,— запротестовали мы.

На лице его появился притворный испуг.

— Амигос, так нельзя совсем. Вы искалечите себя просто ужасно. Вам нельзя без бомбачос.

Мы сдались, подставив себя тем самым под следующий удар.

— Вот теперь вы иметь полно прекрасных, просто замечательных бомбачос, первый сорт,— произнес он задумчиво, как бы поздравляя нас с похвальным умением выбирать то, что нужно,— но этот кактус и все эти кусты в Чако, она очень колючий.

Он стал раздирать ногтями воздух, чтобы пояснить свою мысль.

— Она хотеть порвать ваши прекрасные бомбачос на сто кусков.

Мы ждали, что будет дальше.

— Только не волнуйся! — воскликнул он и, взмахнув рукой, как фокусник, вытаскивающий из шляпы кролика, извлек из-под прилавка две пары кожаных гетр.— Пиернера.

Купив и их, мы признали свое полное поражение. Больше, кажется, у нас не оставалось незащищенных частей тела. Но цепкий взгляд из-за прилавка не отпускал нас.

— Живот у вас нет,— огорченно заключил он, оглядев нас с ног до головы. Но тут же уверенно добавил: — Я знаю, вы будете хотеть фаха.

Он наклонился к полке позади себя и вытащил два рулона плотной ткани шириной сантиметров пятнадцать.

— Смотрите, я вам показываю.

Он трижды обернул один рулон вокруг своего необъятного живота и позволил себе короткую пантомиму: попрыгал взад-вперед, изображая всадника.

— Ну, поняли? — Он не скрывал триумфа. — Кишки. Внутри у вас ничего не болтается.

Ошеломленные своей безоговорочной капитуляцией, мы вышли из магазинчика, сгибаясь под тяжестью покупок.

— Не знаю, что из всего этого хоть как-то пригодится нам в Чако, — сказал Чарльз, — но на ближайшем маскарадном балу соперников у нас не будет.

Некоторые из наших доброжелателей называли Чако «зеленым адом». Мы старались не поддаваться эмоциям, но тем не менее готовились к путешествию серьезно. По совету друзей мы приобрели специальные высокие сапоги, без которых в Чако, как нас уверяли, невозможно ездить верхом. Запаслись двумя дюжинами пузырьков со зловонной жидкостью; этикеток пузырьки не имели, но нас заверили, что они содержат сверхмощное противомоскитное средство, изготовленное по армейскому заказу. Купили шприц колоссальных размеров, а к нему — невероятное количество противоземной сыворотки, которую нас заставили взять самые заботливые, но и самые пессимистически настроенные из наших парагвайских друзей. Запаслись десятком метров очень плотной резины (Чарльз обнаружил ее на рынке и не смог удержаться: «Чертовски полезная вещь, старина, пойдет для ловушек, ну и вообще для чего-нибудь в этом роде»). И наконец, мы стали обладателями совершенно неподъемного деревянного контейнера, наполненного всякой консервированной снедью.

Когда сборы были почти закончены, мы разыскали в туристическом агентстве Сэнди Вуда, заручились его согласием участвовать в нашем новом предприятии, а потом не без труда заказали три авиабилета до глухой эстансии в самом сердце Чако.

До отлета у нас оставалось три свободных дня, и мы решили посвятить их знакомству с народной парагвайской музыкой, которая славится далеко за преде-

лами Парагвая. Когда триста пятьдесят лет назад на этой земле появились первые испанские поселенцы и миссионеры-иезуиты, музыка индейцев гуарани ничем особенным не выделялась. Она была простой и монотонной, медленной и минорной. Миссионеры не только обратили гуарани в новую веру, но и познакомили их с европейскими музыкальными инструментами. Индейцы быстро и охотно научились ими пользоваться. Музыкальные от природы, они вскоре целиком отдались своему новому увлечению. Музыка стала их страстью. Восприняв тот или иной европейский танец — польку, галоп или вальс, — они приносили в него своеобразный ритм и в то же время какую-то южную негу. Индейцы стали изготавливать музыкальные инструменты сами. Гитару они оставили в прежнем виде, а из арфы сделали фактически новый инструмент — маленький и легкий. В отличие от европейской концертной арфы индейская модель не имеет педалей, поэтому на ней нельзя брать полутонов. Тем не менее этот инструмент обладает богатыми возможностями, и парагвайский арфист использует их с необыкновенным талантом. Он не только виртуозный исполнитель, но и неистощимый импровизатор. Его пальцы скользят по струнам, рождая захватывающее глиссандо и сохраняя при этом опьяняющий ритм. Я в свое время слышал некоторые записи парагвайских групп, приехавших в Европу, и теперь мне хотелось непосредственно познакомиться с этой удивительной музыкой.

Один из самых известных в Парагвае мастеров музыкальных инструментов жил в нескольких милях от Асунсьона в маленькой деревушке Лике. Мы отправились к нему. Его небольшой дом был окружен благоухающей апельсиновой рощей — типичная картинка для этой плодородной и живописной части страны. Сам хозяин сидел на своей рабочей скамье и неторопливыми мягкими движениями, выдававшими искусного мастера, полировал какую-то деталь арфы. Позади него под крышей сарая расхаживали два ручных попугая, а в саду, на деревянной перекладине, сидел прирученный ястреб.

Мы расположились под апельсиновыми деревьями, а жена мастера вынесла нам холодный мате. Пока напиток ходил по кругу, хозяин играл нам на гитаре, законченной им совсем недавно. С соседней фермы подошли два подростка и тоже взяли гитары. Целый час они играли и пели. Их неподражаемые голоса звучали сладостно и вместе с тем мужественно. В них безошибочно можно было узнать голоса истинных парагвайцев. Одна мелодия сменяла другую, полную чарующих ритмов и синкопов. Парагвайские мелодии нежны, в них нет характерной для музыки соседней Бразилии порывистости, почти грубой дикости, привнесенной негритянской частью населения: в Парагвае во все времена негров было очень мало. Потом гитару передали мне, и старик попросил исполнить «уна кансьон инглезе». И я исполнил, показал все, на что был способен.

Гитара, оказавшаяся у меня в руках, была великолепно сработана и обладала богатой и сочной тональностью. Не в силах сдержать свое восхищение, я спросил в максимально тактичной форме, нельзя ли купить эту гитару.

— Нет-нет, — ответил старик с такой горячностью, что на мгновение я испугался, что оскорбил его. — Я не могу позволить вам взять эту гитару, она не очень хороша. Я сделаю вам другую, особую, и вы будете петь как птица.

Когда через месяц мы вернулись в Асунсьон, гитара ожидала меня. Она была изготовлена из какого-то красивого парагвайского дерева, а на конце грифа старый мастер сделал инкрустацию из кости в виде моих инициалов.

За два дня до отъезда в Чако мы встретили Сэнди в центре города, в баре, где он откровенно готовился к предыдущему испытанию засухой. Он угостил нас пивом.

— Кстати, — сказал Сэнди, — вчера в наше агентство зашел один малый и спросил, правда ли, что какие-то два парня в городе интересуются броненосцами. Он сказал, что у него есть тату каррета.

Я чуть не поперхнулся. Тату каррета, то есть «тату-телега», — так называют тут гигантского броненосца. Это великолепное существо длиной почти полтора метра встречается чрезвычайно редко, и еще никому не удалось привезти его в Англию живым. Даже увидеть его доводилось очень немногим, и я только в самых дерзких грезах мнил себя обладателем этого сокровища.

— Где этот человек? Чем он его кормит? Здоров ли тату? Что он за него хочет? — в чрезвычайном волнении накинулись мы на Сэнди, который с обычным своим задумчивым видом потягивал пиво.

— Видите ли, я точно не знаю, где он сейчас. Если вас это очень интересует, давайте пойдем и узнаем. Сам я его не видел.

Мы бросились в агентство и разыскали клерка, который разговаривал с обладателем тату каррета.

— Да он просто забрел сюда, — ответил клерк, не понимая причин нашего волнения, — и спросил, сколько эти инглези дали бы за тату каррета. У него есть один на продажу. А я не знал, интересует ли вас это или нет, и он сказал, что зайдет как-нибудь в другой раз. Кажется, его зовут Аквиньо.

Какой-то бездельник, из тех, что обычно целыми днями торчат на ступеньках агентства, дал дополнительную информацию:

— Вроде он иногда бывает в конторе лесопромышленной фирмы, что у порта.

С лихорадочной поспешностью мы покинули агентство, окликнули такси и устремились по следу. В конторе нам сообщили, что Аквиньо три дня назад приплыл в столицу с грузом леса из Консепсьона, расположенного в ста милях к северу от столицы, но броненосца у него не было — должно быть, тот остался в Консепсьоне. Несколько часов назад Аквиньо, говорят, уплыл обратно.

Найти этого Аквиньо было совершенно необходимо, и как можно скорее. Я слишком хорошо знал, как обычно обращаются с пойманными животными — просто ставят в клетку миску с рисом и маниоком, а если

зверь не ест, считают, что он болен, и больше не обращают на него внимания. Может быть, редчайший зверь в этот самый момент умирает с голоду где-то в Консепсьоне. Мы обязаны его разыскать, для того чтобы убедиться, что с ним все в порядке. Но до отлета в Чако, который нельзя было отложить, оставалось только два дня.

Мы ринулись в авиационную контору. Как раз на следующий день в Консепсьон шел самолет, и, на наше счастье, еще оставались два места. Мы решили, что полечу я и Сэнди, а Чарльз завершит приготовления к путешествию в Чако.

В семь часов утра самолет вылетел из Асунсьона и спустя час с небольшим приземлился в Консепсьоне, маленьком тихом городке с пыльными улочками и простыми белыми домами из сырцового кирпича. Мы сразу же направились к единственному здесь отелю. Сэнди уверял, что именно с этого места мы должны начать розыск. Патио был переполнен любителями утреннего кофе. Я хотел немедленно пуститься от столика к столу, спрашивая, не знает ли кто человека по имени Аквиньо, но Сэнди и слышать не желал о подобной невежливости. Многие из сидящих здесь были его старыми приятелями, и они, конечно, будут страшно оскорблены, если он не поприветствует их спокойно и неторопливо, как и подобает цивилизованному человеку. Сэнди стал представлять меня своим друзьям, и мы с каждым из них обменивались вежливыми приветствиями. На протяжении всей этой церемонии я едва сдерживал нетерпение.

Сэнди объяснил всему обществу, что я интересуюсь гигантскими броненосцами. Все присутствующие нашли мое пристрастие в высшей степени необыкновенным и пространно высказались по этому поводу. Изумление завсегдатаев кафе возросло, когда Сэнди объявил, что я не только интересуюсь тату каррета, но и без всяких шуток хочу приобрести живой экземпляр. Последовал продолжительный обмен мнениями о различных методах отлова гигантского броненосца. Правда, дискуссия ока-

залась не слишком плодотворной, так как вскоре выяснилось, что ни один из ее участников не только никогда не видел самого животного, но и не испытывал ни малейшего желания с ним познакомиться. Затем мы перешли к проблеме содержания броненосца в неволе, если его вдруг удастся поймать. Участники дебатов пришли к единодушному мнению, что такой проблемы не существует, так как зверь сумеет уйти из любого помещения, кроме разве что стальной цистерны. Подсевший официант позволил себе легкую юмористическую реплику на тему — что можно было бы предложить тату каррета в качестве выпивки и закуски. Когда Сэнди наконец поднял вопрос о личности Аквиньо, мое отчаяние уже достигло предела — ведь на поиски броненосца у нас оставалось всего-навсего двадцать четыре часа. Оказалось, что Аквиньо знал каждый. Нам сообщили, что он еще не вернулся из Асунсьона, а вообще-то он работает на грузовике. Недавно он привез лес из лагеря лесорубов, которыми руководил один немец. Лагерь находился в девяноста милях к востоку от Консепсьона, недалеко от бразильской границы. Если Аквиньо действительно поймал тату каррета, то скорее всего оставил его там.

— А нельзя ли нанять грузовик, чтобы добраться до этого лагеря? — спросил я, сознавая, что, по всей вероятности, мой вопрос даст пищу для размышлений еще на полчаса. На мое счастье, оказалось, что во всем Консепсьоне имелся только один владелец грузовика, который мог бы взяться за это дело. Звали его Андреас, и на его поиски отправили мальчишку.

В ожидании известий я зашел в соседний магазин купить что-нибудь съестное для броненосца. Мне удалось приобрести только две банки консервированных банановых языков и банку сгущенного молока без сахара. Но и этим можно было вполне заменить рацион, уже проверенный нами на пойманных броненосцах.

Через полчаса явился Андреас — молодой человек в цветастой американской рубашке, с пышными черными усами и лоснящейся шевелюрой. Он заказал чашеч-

ку кофе и сел с нами обсудить предприятие. После третьей чашечки кофе он принял наше предложение, сказав только, что ему надо сначала навестить свою матушку, зайти к жене, забежать к брату и заскочить к теще, чтобы сказать им, куда он едет, потом заправить грузовик — и он готов. Я уже почти перестал надеяться, что нам когда-нибудь удастся покинуть это заведение, но Андреас оказался человеком слова, и не прошло и двадцати минут, как он подкатил к патио на новеньком мощном грузовике. Мы с Сэнди втиснулись в кабину, мотор взревел, и прощальный гудок грузовика слился с ободряющими криками посетителей кафе, к которым присоединился и официант. Путешествие началось. Я подумал, что с учетом местной специфики наши дела идут совсем неплохо, если мы отправляемся в путь спустя всего четыре часа после прибытия в Консепсьон.

Однако столь бурный темп держался недолго: Андреас вдруг резко свернул в боковую улочку и подрулил к больнице. Как оказалось, накануне он познакомился в баре с каким-то уругвайским моряком, который имел неосторожность предложить там одной из девиц стаканчик каньи — тростниковой водки. В ответ на это стоявший рядом с ней мужчина тут же всадил уругвайцу в живот длинный нож. Теперь моряк лежал в больнице, а Андреас, уверенный в том, что его нового приятеля мучает жажда, направился к нему, прихватив с собой пару бутылок злополучной каньи. Он собирался сунуть их под подушку больному, как только сиделки отвернутся. Андреас отсутствовал недолго, но мне хватило времени, чтобы поразмыслить о пользе знания местных обычаев.

Мы ехали через лес по красноватой грунтовой дороге — широкой, но страшно разбитой. Андреас, почти не сбавляя скорость, отчаянно кидал машину из стороны в сторону, лавируя меж огромных рытвин. Через каждые несколько миль нам попадался лагерь рабочих, нанимаемых специально для ухода за дорогой. На самом деле никто из них этим не занимался, и, как объяснил

Андреас, было бы весьма неразумно ожидать от них какой-либо работы. Жалованье у наемного рабочего очень низкое, и идет оно независимо от того, чинит он дорогу или нет. А раз так, то ему прямая выгода заняться побочным заработком: например, рубить лес и продавать его проезжающим. По моим наблюдениям, мало кто из рабочих утруждал себя и этим: чаще всего они просто крепко спали у дороги, устроившись в тени деревьев. Жара стояла страшная, и я бы вполне сочувственно отнесся к их времяпрепровождению, если бы от тряски не лязгал все время зубами и не бился по минутно головой о крышу кабины, поскольку дорога с каждой милей становилась все хуже и хуже.

К пяти часам вечера мы подъехали к лагерю лесорубов — одной-единственной хижине, перед которой стояли большие колеса для перетаскивания бревен, точно такие же, какие мы видели в Иреву-Куа. Сердце у меня беспокойно забилося: жив ли броненосец? Я с трудом усидел в кабине, пока мы подруливали к хижине.

Она оказалась пустой. Ни людей, ни броненосца мы не обнаружили. Да и места в ней для такого зверя не было. Но хижина была обитаемой. Мы нашли старую рубашку, три остро наточенных топора, несколько эмалированных мисок, расставленных вдоль бревенчатых стен, массивный шкаф с зеркалом на дверце и, наконец, гамак, подвешенный в углу. По всей вероятности, немец был на работе, в лесу. Мы аукали и кричали на манер тирольских горцев, а Андреас в грузовике выводил сигналом пронзительные рулады. Но никто не откликнулся. Удрученные, мы сели у хижины, прячась от солнца.

В шесть часов впереди на дороге из-за поворота показался всадник. Это был немец. Я бросился к нему.

— Тату каррета? — произнес я, не в силах сдерживать волнение.

Немец воззрился на меня как на лунатика, и мне стало ясно, что никакого гигантского броненосца мы сегодня не увидим. Сэнди изложил суть дела, и в скором времени, прибегнув к некоторой помощи дедукции,

мы восстановили цепь событий. Она предстала перед нами во всей своей безотрадности.

Неделю назад один поляк, работающий у немца, пришел в лагерь с дальнего участка, где он обследовал строевой лес. За ужином он рассказал, что встретил индейца, который говорил, что недавно в их деревне устроили роскошный пир и главным блюдом на нем был гигантский броненосец. Поляк заметил, что никогда не видел редкое животное, и хотел, вернувшись обратно, попросить индейцев поймать броненосца и показать ему. Аквиньо, прибывший из Консепсьона за партией леса, слышал разговор. Очевидно, он припомнил слухи о каких-то англичанах, которые разыскивают броненосцев. Поляку он об этом ничего не сказал, а сам, оказавшись в Асунсьоне, навел справки и добрался в конце концов до того агентства, где работал Сэнди. Там он заявил, что уже поймал тату каррета. Вернувшись в лагерь, Аквиньо, без сомнения, предложит поляку какие-нибудь гроши за броненосца, а потом привезет его в Асунсьон, чтобы с немалой для себя выгодой продать его нам.

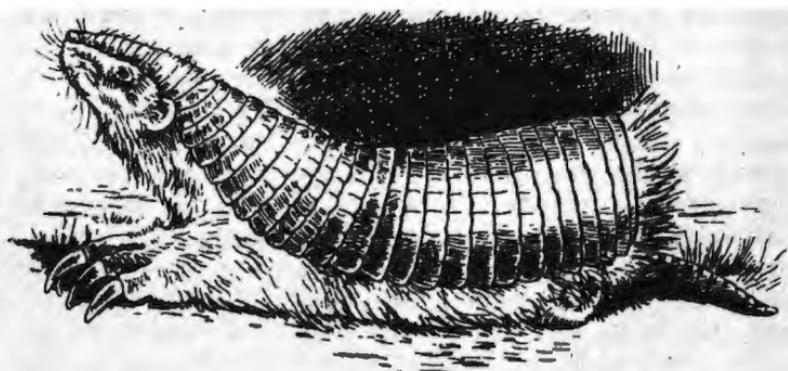
Вся эта история чрезвычайно позабавила немца. И не только потому, что мы забрались в такую глушь из-за какого-то животного, а главным образом потому, что нечаянно-негаданно сорвали корыстные планы Аквиньо. Он достал бутылку виски и пустил ее по кругу.

— Музыка! — крикнул он и вытащил из шкафа огромный аккордеон. Андреас пришел в восторг, и они, беспардонно фальшивя, затянули дуэтом «О соли мио». А мне было не до песен: я чувствовал горькое разочарование. Шел одиннадцатый час, когда нам наконец удалось оторвать Андреаса от веселья. Мы уехали, твердо обещав немцу щедро заплатить за любого гигантского броненосца, если таковой у него окажется, и дав ему подробные инструкции об уходе за этим животным. В качестве приложения к инструкции мы оставили две банки бараньих языков и банку сгущенного молока без сахара.

Когда на следующий день мы вернулись в Асунсьон, я уже несколько оправился от сокрушительного фиаско, которое мы потерпели с гигантским броненосцем, и, пересказывая Чарльзу перипетии нашей поездки, смотрел на все с большим оптимизмом, чем накануне. Правда, самого зверя мы не видели, но зато разговаривали с человеком, у которого работает лесоруб, встречавший индейца, съевшего гигантского броненосца. А это означает, уверял я, что мы уже почти у цели — ведь за броненосца теперь назначена награда, и я попросил немца, чтобы он сказал об этом поляку и чтобы тот передал это индейцам. Значит, у нас есть все основания считать, что индейцы поймут, как выгодно они могут распорядиться своей добычей, если не будут превращать ее в несколько жалких фунтов не очень-то нежного тушеного мяса. Поэтому уж одного-то броненосца мы, по всей вероятности, получим.

Чарльз, как мне показалось, не слишком проникся моей убежденностью.

Глава седьмая
РАНЧО В ЧАКО

Пришло время отправиться в Чако. Ранним утром мы загрузили в машину свое снаряжение и поехали в аэропорт. Самолет оказался на редкость крошечным, и, несмотря на многократные попытки, нам не удалось впихнуть в него весь наш багаж. Приходилось чем-то жертвовать. Владелец ранчо, где мы собирались остановиться, уверял по рации, что нам не надо везти с собой никаких продуктов, поэтому после долгих колебаний мы решили оставить все свои съестные припасы. Позже нам пришлось об этом пожалеть.

Валетев, мы сделали круг над Асунсьоном и на мгновение увидели уходящую на восток зеленую холмистую равнину с множеством апельсиновых рощ и небольшими ферм, где живет три четверти населения Парагвая. Развернувшись, самолет взял курс на запад, пересек блестящую на солнце широкую ленту реки

Парагвай и полетел над Чако. Эта земля начиналась от самого берега Парагвая и ничуть не напоминала ту, что осталась на противоположной стороне реки. Здесь не было никаких признаков жизни человека. Под нами извивалась какая-то речка, петлявшая так замысловато, что во многих местах русло меняло направление на обратное. В поисках прямого пути река отсекала от себя собственные излучины, и они, обреченные на бездействие, превращались в зарастающие озера. Я нашел эту речку на карте; она носила очень удачное название — Рио-Конфузо. Кое-где среди речных петель сумели закрепиться пальмы. Разбросанные по обширной равнине небольшими группами, они напоминали булавки, воткнутые в выцветший ковер. На всем остальном расстилавшемся под нами пространстве не было ни лесов, ни озер, ни холмов, ни дорог, ни домов — ничего, кроме безжизненной, невыразительной, дикой пустыни. Я обратил внимание, что наш пилот имеет при себе два больших пистолета и плотно набитый патронташ. Что ж, может быть, Чако и в самом деле не только неудобное, но и небезопасное место, как уверяли наши знакомые в Асунсьоне.

Чтобы добраться до цели своего путешествия — эстансии «Эльсита», — нам пришлось пролететь над этой негостеприимной землей почти двести миль.

Хозяева ранчо, Фаустиньо Бризуэлья и его жена Эльсита, именем которой и была названа эстансия, ожидали нас у края посадочной полосы. Глава семейства, высокий мужчина с необъятной талией, видимо, полностью игнорировал условности: его костюм состоял лишь из пижамной пары. При этом верхняя и нижняя части его одеяния были разного цвета, но обе выделялись невероятной полосатостью. Голову Фаустиньо украшал огромный тропический шлем, а глаза были скрыты под темными очками. Зато широкая радушная улыбка открыто сверкала золотом. Он приветствовал нас по-испански и представил своей жене, маленькой кругленькой даме с незажженной манильской сигарой во рту и ребенком на руках. Среди встречавших мы с удивлением увидели полутолых, раскрашенных индейцев. Это

были рослые мужчины атлетического телосложения, с черными прямыми волосами, связанными на затылке в «конский хвост». Некоторые из них держали лук и стрелы, а кое у кого были старинные дробовики. Позже мы узнали, что Фаустиньо вообще редко расставался со своей пижамой, так же как Эльсита — с сигарой, но индейцы устроили маскарад специально по случаю нашего приезда.

Один наш знакомый в Асунсьоне говорил, что владельцы ранчо в Чако — люди ленивые. В качестве доказательства он приводил рассказ некоего эксперта по сельскому хозяйству из Соединенных Штатов, который, посетив глухую эстансию в Чако, был поражен убогим столом хозяина: тот питался лишь маниоком и говядиной.

— Почему бы вам не выращивать бананы? — спросил этот эксперт.

— Да, кажется, они тут не растут, не знаю уж почему.

— Ну а папайю?

— Да, кажется, она тоже тут не растет.

— А кукурузу?

— Не растет.

— Апельсины?

— То же самое.

— Но ведь у вашего соседа-немца всего в нескольких милях отсюда растут и бананы, и папайя, и кукуруза, и апельсины.

— А, — ответил поселенец, — так ведь он же их выращивает.

Но если считать Фаустиньо типичным владельцем ранчо в Чако, то этот рассказ следует признать не соответствующим действительности. Внутренний двор его дома утопал в тени апельсиновых деревьев с сочными зрелыми плодами, у дверей кухни росли папайи, а за садом простирался участок площадью в акр, засаженный кукурузой. На крыше, крытой красной фигурной черепицей, вертелся алюминиевый пропеллер ветряного двигателя, дававшего ток для рации и освещения дома. Действовал и водопровод. Рядом с обширным, затяну-

тым ряской водоемом Фаустиньо выкопал неглубокий колодец и обложил его деревянными щитами. Сверху он соорудил помост и установил на нем вместительный железный бак, который каждое утро наполнялся колодезной водой. Для этого был приспособлен конвейер из ведер, подаваемых наверх на веревке через систему блоков. С этой операцией справлялся, сидя на лошади, мальчишка-индеец. Из бака вода по трубам шла в дом, к кранам. Приспособление было во всех отношениях замечательное, очень рациональное и надежное, и мы считали, что и сама вода, разумеется, вне подозрений, раз Фаустиньо, Эльсита и их дети охотно ее пьют. Но наше отношение к этой воде изменилось, когда несколько дней спустя мы поближе познакомились с колодцем.

Один из пеонов принес нам кариаму, крупную птицу, которую надо было кормить лягушками. Фаустиньо предложил нам навеститься к колодцу, где, как он уверял, мы найдем их в избытке. Спустившись к пруду, я забросил сеть в темные недра колодца и ощутил подозрительный запах. С первого же раза сеть принесла трех живых зеленоватых лягушек, четырех мертвых (того же вида) и вдобавок — разложившуюся крысу. Вероятно, крыса угодила в колодец случайно, но какой из компонентов нашей питьевой воды лишил жизни таких превосходных пловцов, как лягушки, оставалось зоологической загадкой, решать которую я не имел желания. Следующие два дня мы, прежде чем утолить жажду, тайком пользовались хлориновыми таблетками, но они придавали воде такой отвратительный вкус, что нам пришлось отказаться от этой предосторожности.

Мы прибыли на эстансию в конце засушливого сезона. Большая часть равнины в другое время года была сплошным болотом, теперь же она представляла собой голое, покрытое коркой соли пространство с редкими куртинками засохшего тростника и оспинами затвердевших следов от копыт. Эти следы были оставлены несколько месяцев назад, когда скотина пробиралась по болоту к последним лужицам воды. Кое-где еще сохранились маленькие пятнышки вязкого синего ила, и на-

ши лошади иногда проваливались в них по колено. Иногда мы находили мелкие озерца вроде того, что сохранилось у дома. Эти лужи мутной теплой воды были последним свидетельством потопа, который ежегодно обрушивался на равнину.

Деревья и кустарники могли выжить лишь там, где местность слегка возвышалась над общим уровнем. Тут, недостижимая для воды, развивалась кустарниковая растительность, так называемое монте. Все растения монте обладали свирепыми колючками, защищавшими их от скота, который в период засухи бросался на любой корм. Многие виды приспособились сохранять воду в себе. Одним для этой цели служили массивные корни, другим, например сторукому, похожему на канделябр кактусу, — утолщенные мясистые стебли. Символ растительного мира Чако — дерево палоборрачо — «пьяный чурбан» — удерживало влагу в раздувшемся стволе, густо усеянном коническими шипами. Палоборрачо стояли группами и казались фантастическими бутылками, вдруг пустившими ветви.

В полумиле от усадьбы жили индейцы племени мака. Еще сравнительно недавно они слыли вероломными и кровожадными, и первые белые, пришедшие в их страну, несомненно, давали им повод быть такими. В свое время индейцы редко задерживались на одном месте и кочевали по всему Чако, устраивая стоянки там, где было достаточно дичи. Теперь они жили в деревнях — толдерях, в ветхих куполообразных хижинах, крытых сухой травой. Многие мужчины забросили свое традиционное занятие — охоту и работали на эстансии Фаустиньо в качестве пеонов. Язык этих индейцев на слух заметно отличался от всех других, которые я слышал прежде. Слова их гортанной речи, насколько я мог судить, имели ударение на последнем слоге. От этого речь звучала как-то странно, напоминая магнитофонную запись английского текста, пущенную наоборот.

В первый же день мы познакомились с индейцем по имени Спика. Прогуливаясь вместе с ним по деревне, я вдруг увидел нечто такое, что целиком завладело моим вниманием. Прямо передо мной с грубой перекладины над костром свешивалось ведро, сделанное из гладких

серых пластинок — панциря девятипоясного броненосца.

— Тату! — воскликнул я в волнении. Спика кивнул: тату ху. «Ху» на гуарани означает «черный».

— Мучо? Мучо? — спросил я, обводя рукой окрестности.

Спика быстро схватил смысл вопроса и снова кивнул. Затем добавил что-то непонятное на мака. Я озадаченно смотрел на него, и тогда Спика нагнулся и достал из золы обломок какой-то пластинки. Я осмотрел ее края. Края пластинки расплавились и почернели, но тем не менее я безошибочно признал в ней часть желтой мозаики, составляющей панцирь трехпоясного броненосца.

— Тату наранхе, — сказал Спика. — Портуху, — добавил он, облизнувшись, с подчеркнутой мимикой проголодавшегося человека.

Это слово на гуарани я уже знал от Фаустиньо. В примерном переводе оно означало «отличная еда».

С помощью комбинации из испанского, гуарани и жестов Спика объяснил, что тату наранхе, то есть апельсиновые броненосцы, в изобилии водятся в монте и его окрестностях. На поверхность они выходят обычно по ночам, но иногда попадают и в дневное время. В ловушках нет надобности, потому что если уж вы нашли тату наранхе, то спокойно возьмете его рукой.

Спика сказал также, что недалеко от толдерии можно встретить и другого броненосца, тату подху, а Сэнди пояснил, что «подху» означает «желтолапый». Это определение ничего мне не говорило, но тем не менее было ясно, что на территории эстансии водятся по крайней мере два вида броненосцев, которых мы еще не видели. На следующий день мы одолжили у Фаустиньо лошадей и отправились на поиски. Честно говоря, я не очень верил в возможность увидеть броненосцев днем, хотя Спика и уверял, что такое бывает. Но в любом случае поездка обещала быть небесполезной: мы познакомимся с окрестностями ранчо, а это пригодится нам, когда дело дойдет до ночной охоты.

Однако Спика оказался прав. Мы не отъехали еще и мили от дома, как увидели броненосца. Он пересекал

эстеро — высохшее болото — всего лишь в нескольких метрах от нас. Сэнди схватил поводья моей лошади, а я соскочил на землю. В длину броненосец был сантиметров шестьдесят или даже больше, то есть значительно превосходил размерами тату ху; желтовато-розовый панцирь покрывала редкая длинная щетина. Коротенькие ножки этого существа изобличали его как весьма посредственного бегуна, поэтому я не бросился тут же ловить броненосца, а затрусил рядом, желая немного понаблюдать за ним. Он на мгновение остановился, взглянул на меня крошечными глазками и покатил дальше по неровной поверхности эстеро, громко похрюкивая себе под нос. Вскоре он очутился в небольшом понижении и, обнюхивая его, принялся передними лапами копать землю, отбрасывая ее назад. Через несколько секунд на поверхности остались лишь задние лапы да хвост броненосца, и я решил, что на этом наблюдение можно закончить. Зарывшийся в землю броненосец, естественно, не подозревал о моих намерениях, и можно было не опасаться каких-либо хитростей с его стороны. Я ухватил зверька за хвост и осторожно вытащил его наружу, а он только пыхтел и хрюкал, продолжая работать передними лапами.

Мы принесли броненосца домой и пригласили Спика для определения нашей добычи.

— Тату подху, — сказал он одобрительно. Мы так и окрестили нового броненосца — Подху. Говоря по-научному, это был шестипоясный, или волосатый, броненосец, которого в Аргентине называют пелюдо (паук). Хадсон, изучавший броненосцев в их естественной обстановке, больше всего восхищался именно тату подху, считая их самыми приспособленными к жизни в пампе животными. У него есть описание необыкновенной истории о том, как волосатый броненосец однажды расправился со змеей. Пелюдо подошел к ней и, не обращая внимания на ее яростное шипение, взобрался на рептилию и стал раскачиваться взад и вперед — при этом неровный край его панциря рвал тело змеи. Несчастная жертва извивалась, билась, кусала своего палача, но тот продолжал свое дело, пока не распилил

змею почти надвое. Когда змея наконец испустила дух, броненосец принялся поедать ее, начав с хвоста.

Ежедневно мы исследовали окружающую местность, иногда верхом, в сопровождении Фаустиньо или пеонов. Манера езды индейцев разительно отличалась от принятого в Англии подпрыгивающего стиля. Они как влитые сидели в своих подбитых бараньей шкурой седлах и, казалось, составляли с лошадьёю одно целое. Я восхищался их искусством держаться в седле и пытался подражать им.

В первые дни, отправляясь верхом, мы надевали на себя все «ковбойские» принадлежности, купленные в Асунсьоне, — бомбачос, сапоги, гетры и фахи, но постепенно от них отказались. Широкие свободные бомбачос идеально подходили для верховой езды в условиях жаркого климата, но, когда нам приходилось спешиваться и продираться сквозь колючие заросли, они становились серьезной помехой. Первая же экскурсия по знойной равнине так изменила форму моих сапог, что носить их стало невозможно. Кожаные гетры сильно стягивали ногу, и к тому же в них было слишком жарко. Фаха выглядела весьма живописно и придавала нам эффектный, исключительно профессиональный вид. Но для того чтобы как следует обмотать ее вокруг талии, требовалось много сил, и я в конце концов предпочел обходиться без нее, даже ценой риска «разболтать себе кишки». И только пончо действительно пригодились: мы подкладывали их под себя.

Поездки верхом мы чередовали с пешими прогулками. Ближайший участок монте начинался сразу же за толдерией и тянулся на несколько миль к северу, до ленивой соленой речки Рио-Монте-Линдо. В монте попадались буквально непроходимые места. Лианы оплетали гигантские кактусы, колючие кусты и низкорослые пальмы, а землю сплошь устилали массивные розетки карагуаты. Каждый куст, каждое дерево щетинились колючками, иглами и шипами, которые хватали одежду, вонзались в обувь и рвали нашу плоть.

Местами над колючей чащей возвышались деревья кебрачо, а иногда кустарник расступался, и перед нами

открывалась уединенная полянка, где среди кочек жесткой травы стояли одиночные кактусы.

Некоторые птицы, обитавшие в Чако, казалось, были охвачены гигантоманией. Они сооружали настоящие особняки, издавлека привлекая к себе внимание. Однажды, выйдя на полянку, где росло с дюжину чахлах колючих деревьев, мы увидели на их ветвях какие-то стожки из беспорядочно уложенных прутиков. Эти стожки величинной в два футбольных мяча оказались гнездами небольших, чуть мельче дрозда, невзрачных птичек. Сидя на крыше своих домиков, они распевали пронзительными голосами, не обращая внимания на немилосердно палящее солнце. Сэнди назвал этих птиц «леньятерос» — «собиратели хвороста». Леньятерос — неважные летуны, но это не мешает им бесстрашно браться за такой громоздкий строительный материал, перед которым отступили бы многие куда более крупные птицы. Мы наблюдали, как эти доблестные труженики, быстро работая крыльями, несли в клюве прутья, превышавшие в длину их собственное тело. Они летели к гнезду с видимым напряжением, зигзагами. Им не всегда хватало сил дотянуть до нужного места. Поэтому нередко их ноша падала мимо гнезда и застревала среди нижних ветвей дерева. Постепенно там скапливался солидный запас хвороста — прекрасной растопки для костра. Отсюда и название этой птицы.

Самые большие из найденных нами гнезд принадлежали попугаям-квакерам. Как и гнезда леньятерос, они были сложены из прутиков и палочек и казались снопами, перенесенными на деревья. Впервые мы увидели их на узловатых ветвях сухого голого дерева, одиноко стоявшего на самом краю монте. Квакеры — попугаи средней величины, они примерно вдвое крупнее волнистых попугайчиков. В их окраске нет ничего примечательного: общий тон зеленый, низ туловища серый, серые же щеки. От остальных представителей подсемейства настоящих попугаев они отличаются тем, что гнездятся не в укрытиях (дуплах, норах, термитниках и т.п.), а под открытым небом. Огромные гнезда квакеров — это не общежития с коммунальными квартира-

ми. Скорее их можно назвать многоквартирными домами, так как каждая пара владеет собственной гнездовой камерой с отдельным «крылечком» и входом и все «квартиры» изолированы друг от друга.

Квакеры — чрезвычайно трудолюбивые птицы. Мы наблюдали, как то одна, то другая группа этих попугаев улетала в монте и возвращалась с зелеными веточками. Остававшиеся дома птицы воровали строительный материал у беспечных соседей. Эта лихорадочная созидательная деятельность не прекращается ни осенью, ни зимой — квакеры живут в своих гнездах круглый год. Перед брачным сезоном они перестраивают или подновляют «квартиры», расширяют помещения для будущего потомства. Молодые птицы, становясь взрослыми, часто строят собственное жилье рядом с родительским домом, поэтому колония все время растет, пока ей не начинает грозить опасность быть снесенной сильным ветром.

Гигантские гнезда квакеров и леньятерос привлекут внимание даже самого рассеянного путешественника, но в Чако не все птицы так открыто афишируют свое жилище. Как-то раз, исследуя окрестности ранчо, я пробирался через монте по охотничьей тропе индейцев. Было очень жарко, и, пройдя с час, я присел в скудной тени колючего куста, чтобы хоть немного охладиться и смочить водой из бутылки пересохшее горло. Пока я размышлял, повернуть ли мне обратно или пройти немного дальше, надо мной послышалось какое-то жужжание. Я посмотрел вверх и увидел крошечную зеленую колибри, зависшую среди ветвей. Чем мог привлечь ее этот куст, на котором не было ни единого цветка? Во всяком случае не возможностью полакомиться нектаром. Но крошка была явно чем-то занята. Она то мелькала среди ветвей, то вдруг замирала в воздухе, с такой частотой работая крылышками, что вместо них я видел лишь неясное мерцание. При пикирующем полете и во время брачных воздушных игр колибри способны работать крыльями с невероятной скоростью — до двухсот взмахов в секунду. Но в данный момент у крошечной птички, носившейся над моей головой, не было, веро-

ятно, необходимости развивать скорость более пятидесяти взмахов в секунду, и только временами она прибавляла «обороты», отчего возникало жужжание. Неожиданно она стрелой метнулась прочь и исчезла в монте, но через некоторое время вернулась.

Большинство колибри — полигамы. Самочка строит гнездо одна, и сама же насиживает кладку и выкармливает птенцов. Моя птичка оказалась самкой, занятой строительством гнезда. Она принесла паутинку и стала опутывать ею поверхность своего гнездышка, ловко работая ярко-красным клювиком. Потом замелькал ее язычок-ниточка: птичка смазывала постройку клейкой слюной, будто покрывала глазурью пирог с помощью миниатюрного кондитерского ножичка. Затем она принялась изо всех сил утрамбовывать ножками внутреннюю поверхность гнезда, вертясь в нем из стороны в сторону, несколько раз что-то быстро подправила клювиком и опять унеслась прочь, за новой порцией материала.

Крошка работала на удивление усердно, и спустя час мне стало казаться, что гнездо заметно увеличилось в размерах. Так как все это время я сидел молча и неподвижно, то обитатели монте, по-видимому, перестали обращать на меня внимание. Маленькие ящерицы негромко шуршали в траве, деловитые квакеры устроились прямо надо мной и принялись состригать клювами колючие ветви куста, визгливо переговариваясь между собой. Рассматривая их, я вдруг краем глаза уловил какое-то слабое движение под соседним кактусом. В бинокль мне не удалось обнаружить там ничего, кроме выгоревшей травы и желтоватой кочки у основания изогнутых мясистых стволов кактуса. Неожиданно кочка зашевелилась, и в ее нижней половине возникла темная вертикальная щель. Она стала медленно расширяться, и вдруг из нее высунулась волосатая мордочка. Кочка превратилась в маленького броненосца — тату наранхе. Зверек стал осторожно пробираться через густую траву. Дойдя до открытого пространства, он увеличил скорость и побежал, отталкиваясь от земли кончиками пальцев. Коротенькие ножки броненосца работали быстро-быстро. Он был по-

хож на какую-то диковинную заводную игрушку. Я вскочил и бросился за ним. Малыш ловко изменил курс и исчез в тоннеле, проложенном в куртине карагуаты. Я перепрыгнул через растение и, чувствуя себя участником игры в паровозики, стал ждать появления броненосца с другой стороны. Через несколько секунд он выкатился прямо мне в руки.

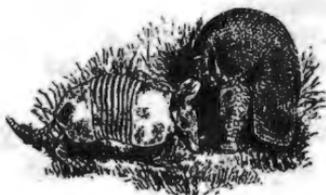
Маленький наранхе сердито захрюкал и тут же плотно свернулся, превратившись в желтый мячик. Его чешуйчатый хвостик лег рядом с роговой пластинкой, покрывающей макушку, и все тело зверька оказалось закрытым броней. В таком положении он был неуязвим. Пожалуй, только волк или ягуар могли бы вскрыть этот живой сейф своими мощными челюстями. Я вытащил из кармана матерчатый мешок и положил в него свернувшегося наранхе. Кстати, такие мешки очень удобны для переноски животных. В них свободно проникает воздух, внутри темно, и поэтому пленники, попав туда, почти всегда ведут себя смиренно. Положив мешок с броненосцем на землю, я на несколько минут отлучился к гнезду колибри за футляром от бинокля. Когда я вернулся, мешка на месте не оказалось. Оглядевшись, я увидел, как мешок медленно отползает в сторону. Очевидно, наранхе решил устроить бег в мешке. Подобрал беглеца, я отнес его домой и поселил вместе с Подху в старой повозке. Малыш, судя по всему, остался доволен своим новым жилищем.

За неделю мы поймали пять пар броненосцев: три — наранхе и две — девятипоясных. Все они свободно разместились в повозке, которую мы стали называть «лошадиной столовой», так как вся эта компания поглощала безмерное количество пищи. На эстансии каждую неделю резали коров, поэтому в мясе недостатка не было. Но броненосцы нуждались еще в молоке и яйцах, а эти продукты оказались у Фаустиньо дефицитными. По счастливой случайности как раз в это время одна из куриц, свободно навещавших нашу спальню, решила устроить гнездо в моем вещевом мешке. Сначала я хотел было помешать ее намерениям, но потом сообразил, что смогу получать от наседки по яйцу в день. Курица

не подвела, и ежедневный рацион броненосцев пополнился свежим яйцом: я смешивал его с молоком, которое удавалось раздобыть на кухне. Должен признаться, что мы утаили от хозяев свои побочные доходы.

И все же с рананке не обошлось без неприятностей. Сначала на их нежных розовых подошвах появились порезы и язвочки. Мы выложили дно «лошадиной столовой» землей. Это помогло, хотя и прибавило нам много лишней работы. Броненосцы вели себя за едой страшно неряшливо, и мы были вынуждены каждые несколько дней вычищать повозку и полностью менять земляную подстилку.

Потом у рананке началось сильное расстройство желудка. Выявить больных оказалось несложно. Броненосцы — в высшей степени нервные существа, и стоило взять одного из них в руки, как у него начинали дрожать конечности и он незамедлительно облегался. Стараясь разнообразить рацион броненосцев, мы попытались накормить их пюре из вареного маниока, но они отвергли эту пищу. Расстройство тем временем усиливалось. Всерьез обеспокоенные состоянием здоровья наших питомцев, мы без конца обсуждали друг с другом их диету. Мы решили, что отпустим броненосцев на свободу, если не сумеем вылечить. И вдруг нас осенило: не слишком ли рафинированную пищу мы им даем? На воле броненосцы неизбежно должны проглатывать вместе с корешками и насекомыми изрядное количество земли, и не исключено, что она необходима им для нормального пищеварения. Не теряя времени, мы добавили к смеси мясного фарша, молока и яиц две пригоршни земли и, получив малопривлекательную на вид жижу, угостили ею броненосцев. Через три дня они исцелились.

Глава восьмая
ПУТЕШЕСТВИЕ ПО ЧАКО

Когда начинал дуть пронизывающий южный ветер, в Чако наступала холодная погода с затяжными, наводящими тоску проливными дождями. В такие дни вынужденного бездействия мы частенько наведывались в просторную, крытую соломой хижину, стоявшую рядом с загоном для скота. Здесь пеоны собирались поболтать, поточить ножи, сплести лассо из сыромятной кожи, пофлиртовать с девушками-метисками, служившими на кухне эстансии, и, конечно, попить горячего мате. На полу в центре хижины обычно горел костер, и пеоны всегда приглашали нас к огню и угощали мате. В этой хижине царила атмосфера гостеприимства и дружелюбия, приятно пахло лошадьми, кожей и дымом костра.

Как-то раз дождливым утром я зашел в хижину в надежде разделить с пеонами горшочек согревающего мате. К моему разочарованию и удивлению, я не застал

там никого, кроме пяти или шести незнакомых, хорошо откормленных собак, смотревших на меня с явным подозрением. Тут мой взгляд упал на человека, растянувшегося во весь рост на деревянной скамье. Это был очень высокий мужчина в рваном бомбачо, рубашке без пуговиц и выцветшей домотканой фaxe, обмотанной вокруг талии. Грубые, мозолистые подошвы босых ног говорили о том, что этот человек не привык пользоваться обувью. Он лежал на спине, прикрыв лицо старой широкополой шляпой, и, насколько я мог судить, был мне совершенно не знаком.

— Буэнос диас,— сказал я.

— Буэнос диас,— ответил незнакомец из-под шляпы приглушенным голосом.

— Издалека пришли? — спросил я, с запинкой подбирая испанские слова.

— Да,— ответил он и лениво поскреб живот.

Наступила пауза.

— Холодновато,— произнес я довольно бессмысленно, не в состоянии придумать для продолжения беседы иной темы, кроме традиционной погодной.

Незнакомец спустил ноги на землю, сдвинул шляпу на затылок и сел. У него оказались черные, слегка тронутые сединой вьющиеся волосы, прокаленное солнцем лицо и серая щетина на подбородке.

— Как насчет мате? — спросил он и, не дожидаясь ответа, стал развязывать брезентовый мешок, служивший ему подушкой. Он извлек оттуда коровий рог, серебряную бомбилью и бумажный пакет, насыпал из него в рог немного сухого зеленого мате, потом, не говоря ни слова, добавил туда воды из глиняного кувшина, стоявшего у скамьи, и, подождав немного, стал сосать настой через бомбилью. Выплюнув несколько первых мутных порций, он вновь наполнил рог и учтиво протянул его мне.

— Что вы тут делаете? — поинтересовался он.

— Ищем животных.

— Каких?

— Тату,— ответил я не без лукавства.— Разных-разных тату.

— У меня есть тату каррета,— услышал я в ответ.

Я не был уверен, что понял его правильно. Может быть, он употребил прошедшее время? Или сказал, что сможет поймать тату каррета, если захочет? Надо было срочно разобраться.

— Моментито,— пробормотал я в волнении и, выскочив под дождь, побежал за Сэнди. Наш переводчик твердо держался правила начинать беседу с пустяков, считая, что это самый верный способ подготовить почву для любого серьезного разговора. Так он поступил и на этот раз, а я сидел рядом и ерзал от нетерпения. Через несколько минут Сэнди представил мне краткое резюме их разговора. Незнакомца звали Комелли. Он был охотником и скитался по Чако в поисках ягуаров, нутрий, лисиц или любых иных обладателей приличных шкур, за которые можно было получить спички, патроны, ножи и другие предметы, необходимые для бродяжьей жизни. Он уже лет десять не спал под крышей и ничуть о том не сожалел.

— А тату каррета? — спросил я с тревогой.

— А! — отозвался Сэнди. Казалось, он совершенно забыл о броненосцах.

Они поговорили еще некоторое время.

— У него когда-то был тату каррета, и он его держал несколько недель, но это было давно.

— А что же с ним случилось?

— Подох.

— А где он его поймал?

— Далеко отсюда, за рекой Пилькомайо.

— А может он отвести нас туда завтра?

Сэнди перевел вопрос. Комелли расплылся в широкой улыбке.

— С удовольствием.

Весь горя от возбуждения, я побежал в дом сообщить новости Чарльзу. Мне не терпелось немедленно отправиться в те места, которые описал Комелли. Даже если нам не удастся найти там гигантского броненосца, мы

наверняка встретим других животных, которых нет в окрестностях эстанции. Верхом туда три дня пути, но с учетом неизбежных остановок для охоты все путешествие займет по крайней мере недели две. Мы рассказали о своих планах Фаустиньо, и он предложил нам двух лошадей и повозку с парой быков. Но у нас не было продуктов.

— Вот и прекрасно, будем жить на подножном корме, — заявил я Чарльзу.

— Пожалуй, мы от этого не много потеряем, — мрачно ответил он.

Надо сказать, Чарльз был прав. Фаустиньо и Эльсита отличались чрезвычайным гостеприимством, но их еду без привычки вряд ли можно было назвать аппетитной. В любое время дня она состояла из мяса, всегда почему-то очень жесткого, жареных кишок и других частей коровьего организма, которые в процессе приготовления принимали такие странные формы, что мне (и, вероятно, к счастью) не удавалось их определить. Мы были не против сменить диету и провести две недели на «подножном корме», но нужно было еще обсудить продовольственный вопрос с Фаустиньо.

— Чако — голодная страна, — сказал он. — Вы можете взять с собой маниок, фарину¹ и мате, но от этого не располнеешь. — Вдруг он просиял: — Не беспокойтесь. Когда проголодаетесь, режьте корову, я дам вам специальное разрешение.

На подготовку к путешествию ушло два дня. Надо было разыскать и пригнать к дому быков и лошадей, привести в порядок кожаную обувь. Эльсита порылась в кладовках и принесла нам сковороду и вместительный чугунный котелок. Мы с Чарльзом набрали полный ящик апельсинов, а Фаустиньо заботливо снабдил нас коровьей ляжкой, которой, как он сказал, мы успеем разок подкрепиться, прежде чем жара ее погубит. В день отъезда подул теплый северный ветер, дождь пре-

¹ Ф а р и н а — высушенный размолотый маниок.

кратился, и небо расчистилось. Наконец все было готово: повозка нагружена, быки впряжены. Сэнди взял поводья, и под пронзительный скрип несмазанных колес мы медленно двинулись с эстансии.

Впереди ехал Комелли. В широкополой шляпе, с болтающимися у самой земли ногами, он напоминал Дон-Кихота, оказавшегося вдруг на просторах Южной Америки. Его собаки, которых Комелли различал не только по голосу, но и по отпечаткам лап, обыскивали окрестности. Время от времени он зачем-то подзывал то одну, то другую собаку. Вожака звали Дьябло, следующего по рангу — Капитас, кличек двух других псов я так и не запомнил. Любимицей Комелли была большая коричневая сука, самая красивая и самая ленивая собака во всей стае, платившая хозяину такой же привязанностью. Он ласково называл ее Куарента (Сороковка) и в шутку говорил, что на ее крупные лапы подойдут лишь сапоги сорокового размера.

Мы двигались на юг, постепенно эстансия и окружавший ее монте растворялись на горизонте и вскоре совсем исчезли. Перед нами расстилалась широкая плоская равнина, на которой разрозненными группками пасся скот. Повозка медленно катила вперед. Быки не могли шагать быстрее двух миль в час, и, чтобы держать их в постоянном движении, вознице приходилось кричать без передышки. Имея только двух лошадей на четверых, мы ехали верхом по очереди и по очереди же погоняли быков. Тот, кто был свободен от того и другого занятия, сидел на откидной доске повозки и посасывал холодный мате.

Уже вечерело, когда мы заметили вдали причудливый силуэт какого-то высохшего дерева. Подъехав ближе, мы увидели на его верхушке огромное гнездо ябиру. Неподалеку лежало озеро, окаймленное редким колючим кустарником. Здесь мы и устроили первую ночевку.

В течение следующих трех дней мы продолжали неуклонно продвигаться к югу. Комелли называл участки монте «островами» и ориентировался по ним в травяном море пампы. Солнце палило немилосердно, но на чет-

вертый день ветер изменился, небо затянуло облаками, и к вечеру, когда мы достигли Пилькомайо, пошел сильный дождь.

Река делилась на несколько рукавов, которые мутными потоками растекались меж заиленных галечниковых кос. Восемьдесят лет назад по Пилькомайо установили границу между Аргентиной и Парагваем, но с тех пор река неоднократно меняла русло и теперь текла на много миль севернее границы.

Мы форсировали реку вброд. Она была неглубокой, но все же вода струилась в угрожающей близости от повозки, и мы вздохнули с облегчением лишь тогда, когда быкам удалось вытянуть ее на противоположный берег.

Мясо, которое дал нам Фаустиньо, было съедено на второй день. Дичь не попадалась, а однообразное меню из маниока, фарины и мате не вызывало радости. Комелли сказал, что впереди нас ожидает небольшой торговый пункт — фактория Пасо-Роха, где всегда есть консервы на любой вкус. При мысли об этом у меня текли слюнки.

Под проливным дождем мы подъехали к «островку» монте, в глубине которого находилась фактория. В первую очередь надо было найти укрытие для нашего снаряжения, и Комелли по раскисшей колее вывел нас через колючий кустарник к какой-то глинобитной лачуге с дырявыми стенами и просевшей соломенной крышей. Он сказал нам, что эта хижина пустует уже несколько лет, с тех пор, как умер ее хозяин. Вода лила сквозь отверстия в крыше, на пороге лачуги стояла широкая лужа, внутри беспрепятственно гулял ветер. Мы торопливо разгрузили повозку, разложили вещи в тех немногих местах хижины, где было сравнительно сухо, и отправились через монте к фактории.

Через четверть часа, усталые, мокрые и голодные, мы добрались до единственного домика фактории. Он оказался почти таким же маленьким и ветхим, как и захваченная нами лачуга. Войдя в открытую дверь и стараясь не наступить на грязных кур и уток, спасав-

шихся тут от непогоды, мы попали в комнату, поперек которой были натянуты два гамака. В одном из них лежал, попивая мате, патрон — хозяин фабрики. Он был удивительно молод и, как мне показалось, подозрительно весел. После того как мы представились, он позвал из соседней комнаты свою жену и молодого человека, которого он представил как своего кузена. Мы познакомились со всеми, а потом, дрожа и ежась в мокрой одежде, уселись на какие-то ящики. Сэнди спросил, нельзя ли нам купить немного еды.

Патрон одарил нас счастливой улыбкой.

— Нет, — сказал он. — Жду фургон с продуктами, уже несколько недель жду, а его все нет и нет. Только пиво осталось.

Он пошел в боковую комнату и вынес корзинку с шестью бутылками. Одну за другой Патрон передавал бутылки кузену, а тот с леденящими душу звуками сдирал с них зубами металлические пробки. Про себя я окрестил этого кузена Вскрывателем Бутылок.

Пили прямо из горла. Пиво было слабым и холодным, и, сказать по правде, я в последнюю очередь выбрал бы сейчас этот напиток. И уж конечно он не заменял консервированных сардин или персиков, о которых я мечтал весь день.

— Пасо-Роха, очень хорошо? — весело обратился ко мне Комелли, похлопывая меня по плечу.

Я не мог заставить себя покривить душой и поддерживать его словами и лишь кисло улыбнулся в ответ.

Вернувшись в свою хижину, мы запалили в ней костер, чтобы высушить одежду и сварить похлебку из фарины. Места под крышей для всех не хватило, и мы с Чарльзом добровольно вызвались провести ночь снаружи. Дождь лил не переставая, но наши гамаки, изготовленные для американских войск, действующих в тропиках, имели тонкую крышу из прорезиненной ткани. Поблизости от хижины, на другой стороне небольшой полянки, виднелись остатки сарая. Крыша и три стены обвалились, но угловые столбы еще держались. Улучив момент, когда ливень чуть ослабел, я выбежал

из хижины и повесил гамак между этими столбами. Чарльз привязал свой гамак рядом, к стволам двух высоких деревьев. Через несколько минут я уже был в гамаке. Застегнув молнию противомоскитной сетки и положив рядом фонарик, я завернулся в пончо и почти тут же заснул, впервые за весь день почувствовав тепло и уют.

Вскоре после полуночи я проснулся с неприятным ощущением, будто тело мое сгибается, как складной нож, и ноги уже приблизились к голове. Посветив фонариком, я обнаружил, что доверился ненадежной опоре: столбы покосились, гамак провис и едва не касался земли. Стараясь не двигаться, я обдумывал ситуацию. Дождь не утихал, превратив пространство вокруг меня в сплошную лужу. Если я выберусь из гамака, то в несколько секунд промокну насквозь, если останусь, столбы продолжат свое движение и уложат меня в воду, где, однако, я окажусь не в худшем положении, чем на голом полу хижины. Придя к такому резонному выводу, я решил остаться на месте и снова заснул.

Примерно через час я проснулся от ощущения холодной сырости в области поясницы. И без фонарика было ясно, что я сплю фактически на земле, а точнее, посреди обширной лужи. Вода медленно пропитывала мой гамак и пончо. С полчаса я лежал так, созерцая молнии, озарявшие колеблющиеся завесы дождя, и стараясь сравнить свое положение с тем, что могло ожидать меня в хижине. Мысль о блаженном тепле возле тлеющих угольков костра в конце концов склонила чашу весов в пользу дислокации. Я расстегнул противомоскитную сетку, выбрался из своей промокнувшей постели, оставив ее в луже, и зашлепал босиком по раскисшей поляне.

Хижина содрогалась от оглушительного храпа Сэнди и Комелли. Резко пахло мокрой псиной, костер потух. Жалкий и замерзший, я скрючился в свободном углу. Куарента заметила мое появление и, аккуратно переступив через вытянутые конечности Сэнди, устроилась

у меня в ногах. Я завернулся в сырое пончо и просидел так до рассвета.

Комелли проснулся первым. Вдвоем мы оживили костер и поставили на него кастрюльку с водой для мате.

На рассвете дождь наконец утих. Проснувшийся в своем гамаке Чарльз сладко потянулся и объявил, что прекрасно провел ночь. Затем он игриво добавил, что хотел бы получить мате в постель. Я не считал, что подобные шутки свидетельствуют о хорошем вкусе их автора.

Когда мы завтракали, в хижину вошел Патрон. С ним был Вскрыватель Бутылок и какой-то незнакомый человек. Они уселись у костра, и Патрон представил нам незнакомца как еще одного своего кузена, добавив, что тот имеет призвание резать скот. Этот Живодер (назовем его так) был угрюмым мужчиной. Его внешность отнюдь не украшал бледный шрам, пересекавший все лицо. Одна бровь превратилась в зигзаг, веко искажилось, а угол рта опустился, отчего с лица нашего нового знакомого не сходила малоприятная хитровато-злая усмешка.

Патрон рассказал нам, что шрам остался как память об одной жестокой попойке, когда Живодер, осерчав на Вскрывателя Бутылок, бросился на него с разделочным ножом. Тот в целях самообороны воспользовался разбитой бутылкой из-под каньи, да так ловко, что Живодер мигом протрезвел, а жене Патрона было предложено зашить рану. Но, судя по всему, кровавый инцидент нисколько не повлиял на взаимоотношения этих трех родственников.

Мы рассказали кузенам, что разыскиваем всевозможных животных, но особенно интересуемся тату каррета. Вскрыватель Бутылок сообщил, что однажды встретил след этого броненосца, но самого зверя никто из них не видел. Молодые люди пообещали не пропустить ни одно живое существо, которое может представлять для нас интерес.

Кузены, по-видимому, собирались провести с нами все утро. Прежде всего они захотели посмотреть наше

снаряжение. Вскрыватель Бутылок был так потрясен гаммаком Чарльза, что, забравшись внутрь, там остался. Он совершенно потерял голову при виде разнообразных застёжек и кармашков, противомоскитной сетки и непротекаемой крыши. Патрон устроился на бревне с моим биноклем и благоговейно его изучал, поглаживая окуляры, поворачивая бинокль то одним, то другим концом и время от времени поднося его к глазам. Живодер проявил профессиональный интерес к режущим инструментам. Он нашел мой нож и, присев у огня, с наслаждением пробовал лезвие большим пальцем, прозрачно намекая на то, что не прочь был бы получить нож в подарок. Я не реагировал, потому что это был мой единственный нож. Тогда он пошел напрямик.

— Сколько?

— Один тату каррета, — ответил я без колебаний.

— Вот пута. — Употребив это довольно вульгарное испанское слово, Живодер взмахнул ножом и метнул его в ствол дерева метрах в пяти от костра. Нож вонзился в ствол и мелко задрожал.

После завтрака Комелли сказал, что хочет отправиться дальше на восток, чтобы поискать в монте какие-нибудь следы гигантского броненосца. На это уйдет дня два-три, но если он найдет что-нибудь интересное раньше, то сразу же вернется к нам. Ему потребовалось всего несколько минут, чтобы уложить все свои вещи — пончо, мешочек фарины и пакет мате, — и не успело еще солнце подняться над деревьями, как он не торопясь поехал прочь на одной из наших лошадей. Впереди него, счастливо помахивая хвостами, трусили собаки.

Сэнди вызвался подправить хижину, соорудить навес для кухни и вообще навести некоторый порядок в нашем наспех устроенном лагере.

У нас с Чарльзом теперь оставалась только одна лошадь, поэтому мы не могли предпринять далекое совместное путешествие. Но экскурсию по ближайшим окрестностям фактории можно было себе позволить. Навьючив лошадь камерами, магнитофоном и бутылками с

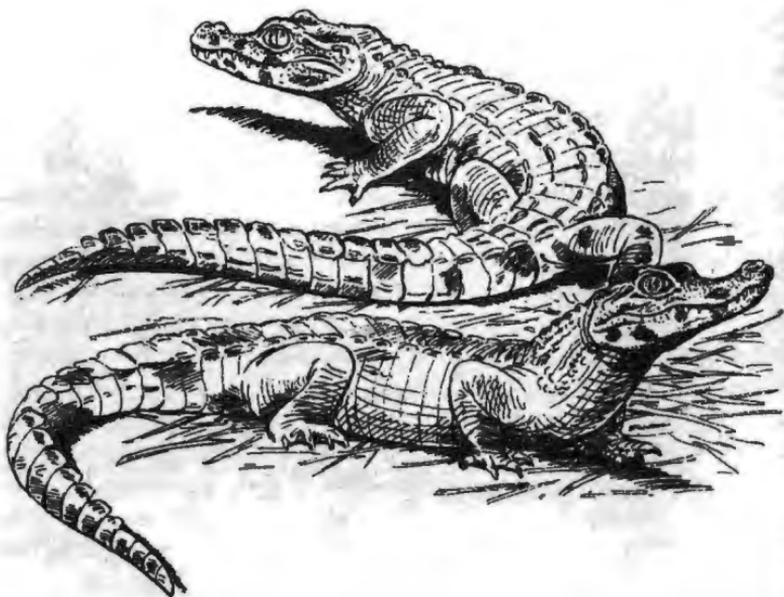
водой, мы пешком отправились на разведку по равнине в северном направлении.

Между Пасо-Роха и Пилькомайо протекало множество риаchos — мелких ручейков длиной не более нескольких сот метров. Они возникали как будто ниоткуда и так же неожиданно обрывались в какой-нибудь грязной луже. В этих ручейках во множестве росли водяные гиацинты и другие плавающие растения, а в воздухе стояло гудение от комаров и огромных злобных слепней. На берегу одного из ручейков мое внимание привлекла странная куча сухого тростника. Осторожно поковыряв внутри ножом, я наткнулся в сыром нижнем слое тростника на маленьких кайманчиков. Несколько малышей прошмыгнули у меня под ногами и плюхнулись в воду, но четырех мне удалось поймать. Куча тростника была гнездом, куда самка каймана отложила яйца, доверив дальнейшую заботу о них солнечным лучам. Малыши, которых я держал в руках, были длиной сантиметров пятнадцать. Несмотря на свой нежный возраст, они кусали меня за пальцы, испепеляли яростными взглядами, издавали гневные звуки и распахивали челюсти, обнажая лимонно-желтую пасть. Я смочил водой матерчатый мешок и заключил в него этих маленьких дьяволят.

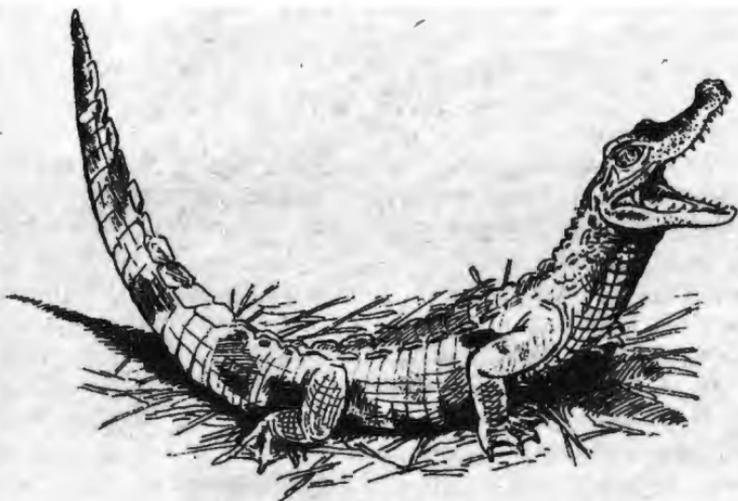
Мы продолжали осматривать ручей, надеясь обнаружить еще каких-нибудь животных. Вдруг я заметил, что с противоположного берега за нами молча наблюдают четверо индейцев. Голые по пояс, босые, в штанах и кожаных гетрах, с длинными спутанными волосами, падающими на татуированные лица, они были вооружены допотопными ружьями. Двое держали пухлый мешок, а один тащил разделанную тушку нанду.

Индейцы-охотники могли стать для нас ценными помощниками. Мы перешли ручей, подошли к ним и жестами предложили им пойти с нами в лагерь. Но они озадаченно смотрели на нас, опираясь на ружья. В конце концов наши усилия дали результат, индейцы быстро посоветовались друг с другом и согласно кивнули.

В лагере Сэнди, потолковав с ними на гуарани и мака, выяснил, что они много дней назад ушли из своей

толдерии охотиться на нанду. За перья этих птиц можно получить неплохое вознаграждение. В Аргентине они идут на щетки для смахивания пыли, и индейцы обменивают их у торговцев, таких, как наш Патрон, на спички, соль и охотничьи припасы. Сбыв перья где-то у аргентинской границы, индейцы возвращались теперь в свою деревню. Сэнди объяснил им, что если они останутся с нами и помогут искать животных, то будут на это время обеспечены фаринной, и, кроме того, получат хорошую награду за каждого пойманного зверя. Особенно высокая цена назначается за тату каррета. Они согласились и тут же потребовали мате в качестве аванса. Мы выдали им несколько порций из нашего уже порядком оскудевшего запаса. Я надеялся, что индейцы сейчас же отправятся в монте и немедленно начнут охотиться, но они поняли свои обязанности иначе. Все четверо разлеглись в тени деревьев, натянули на лица пончо и заснули. Ну что ж, подумал я, может быть, сегодня уже и вправду поздновато начинать работу.

На закате индейцы проснулись, разложили костер и опять пришли к нам за провизией. Мы выдали им несколько порций фарины, и они сварили ее вместе с мясом нанду. Над деревьями поднялась большая серебряная луна, и мы стали готовиться ко сну. Индейцы же после полуденной сиесты выглядели вполне отдохнувшими, и, казалось, не собирались отправляться на покой.

— Наверное, — обратился я с надеждой к Сэнди, — они хотят всю ночь охотиться.

Он невесело рассмеялся.

— Будь уверен, они хотят другого. Но нет смысла даже пытаться уговаривать их. Индейцев торопить бесполезно.

Я перевесил свой гамак, натянув его на этот раз между деревьями, залез внутрь и расслабился, стараясь скорее заснуть. Индейцы, по-видимому, пребывали в прекрасном расположении духа. От их костра неслись крики и смех. Бутылка каньи ходила по кругу, и каж-

дый надолго припадал к ней. Веселье принимало все более буйный характер. Один из индейцев с воплем швырнул пустую бутылку в кусты, а другой, порывшись в мешке, извлек новую, непечатую. Было ясно, что успокоятся они не скоро. Я повернулся и натянул на голову пончо.

Оглушительный хлопок вырвал меня из полузабытья, и что-то просвистело над моей головой. В тревоге я высунулся из гамака и увидел, что индейцы теперь уже скачут вокруг костра, потрясая ружьями. Один из них размахивал бутылкой, а другой с воплем вторично разрядил ружье в воздух.

Это веселье могло плохо кончиться, и надо было что-то предпринимать, пока не пролилась кровь. Я вылез из теплой постели и пошел в хижину. Чарльз был уже там. События у костра вынудили и его покинуть гамак, и теперь он поспешно распаковывал сумку с медикаментами.

— Боже правый, — вскричал я, — они попали в тебя!

— Не попали, — ответил он сумрачно, — но я хочу быть уверен, что и впредь не попадут.

Один из индейцев, шатаясь, подошел к нам и скоробно продемонстрировал пустую бутылку из-под каньи, держа ее горлышком вниз. Он промышчал что-то, очевидно прося добавки. Чарльз вручил ему полную кружку воды, предварительно кинув туда что-то.

— Снотворное, — шепнул он мне. — Это ему не повредит, а нам, возможно, обеспечит более спокойную ночь.

Следом за одним индейцем подошли остальные. Они едва держались на ногах, но непременно хотели получить то же, что их приятель. Чарльз охотно снабдил снотворным каждого. Они разом приняли свои дозы и изумленно заморгали: очевидно, их отравленный мозг все же отметил необычный вкус выпивки.

Я не предполагал, что снотворное может подействовать так быстро. Не прошло и трех минут, как один из индейцев выронил ружье и тяжело плюхнулся на землю, тряся головой. Некоторое время он пытался си-

деть прямо, раскачиваясь, как в нокдауне, но потом повалился на спину и заснул. Скоро все четверо крепко спали. В лагере воцарилась тишина.

Канья наградила индейцев чудовищным похмельем. Ни один из них не пошевелился до полудня, а потом они еще долго с несчастным видом сидели под деревьями. Глаза их были мутны, волосы неряшливо падали на лица.

К вечеру они покинули лагерь. Я хотел верить, что, погуляв накануне, индейцы возьмутся теперь за работу, чтобы рассчитаться с нами за мате и фарину. Но мы их больше не видели.

Глава девятая
ПОИСК ПРОДОЛЖАЕТСЯ

Прошло два дня. На третий день в лагерь прибежала Куарента и, с лаем бросившись к нам, стала лизать руки. Следом за ней появился Дьябло. С непроницаемым видом, полный достоинства, он шел мягкой походкой, ведя за собой остальную свору. Собаки улеглись под деревом, а через десять минут из-за поворота выехал Комелли. Шляпа его была сдвинута на затылок, в бомбачо зияла огромная дыра. Увидев нас, он расстроенно покачал головой.

— Ничего,— сказал он, спрыгивая на землю.— Я проехал на восток до самого конца монте, но ничего не нашел.

Комелли в сердцах плюнул и стал чистить лошадь.

— Вот пута,— сказал я, употребив слово, услышанное от Живодера. Произнесенное с оттенком ядовитой горечи, оно удивительно богато выражало чувство ра-

зочарования. Комелли усмехнулся, его начинающая отращать черная борода резко оттенила белые зубы.

— Можете сами поискать, — сказал он, — да вряд ли найдете, разве что повезет. Был я тут, в этом монте, в прошлом году. И на каждом шагу встречал норы тату каррета. Ничего стоящего не попадалось, и я решил поохотиться на него. Просто хотелось посмотреть, что же это за зверь такой. Целый месяц я каждую ночь разыскивал его с собаками, но мы ни разу даже запаха его вшивого не схватили. Я подумал, пропади он пропадом, и послал его к черту. А дня через три, вечерком, еду я себе и уж забыл думать об этой дряни, как вдруг нате вам — один перебегает тропу ну прямо перед лошадью. Я спрыгнул и схватил его за хвост — плевое дело. Вот это и называется удачей. Тот тату каррета был первым и последним за всю мою жизнь.

Я, конечно, не был столь уж безрассудным оптимистом, чтобы вообразить, что Комелли вернется с живым гигантским броненосцем, притороченным к седлу. Но крохотный уголек надежды во мне все же теплился. Я надеялся, что Комелли, может быть, удастся найти нору, или след, или кусочек помета тату каррета, хоть какой-нибудь признак того, что это существо обитает в монте. Имея такую улику, мы могли бы организовать тщательный поиск по всей округе. Иначе искать не имело смысла.

Комелли хлопнул лошадь по крупу и пустил ее пасть.

— Не расстраивайся, амиго, — ему хотелось утешить меня, — старина каррета непредсказуем. Он может пожаловать к нам в лагерь сегодня же ночью.

Комелли отвязал от своей котомки полотняный мешок.

— На, возьми. Может быть, это сделает тебя чуточку счастливее.

Я развязал мешок и осторожно заглянул внутрь. На дне виднелся большой пушистый шар красноватого цвета.

— Не укусит?

Комелли со смехом покачал головой. Я запустил руку в мешок и одного за другим вытащил четырех маленьких пушистых зверюшек со сверкающими глазками,

вытянутыми подвижными мордочками и длинными хвостиками с черными колечками. Это были детеныши носухи. На мгновение я забыл о гигантском броненосце — уж очень приятно было держать этих восхитительных малюток. Ничуть меня не испугавшись, они стали лазать по мне, негромко ворча, покусывая меня за уши и засовывая носы в карманы. Малыши оказались такими шустрými, что я не мог их удержать и спустил на землю, где они тут же принялись носиться друг за другом, кувыркаться и ловить себя за хвост.

Взрослая носуха — существо отнюдь не безобидное. Она обладает неодолимым стремлением впиваться длинными клыками во все движущиеся предметы — большие и маленькие. Носухи живут семейными группами. В монте семья носух держит в страхе всех менее крупных его обитателей. Они пожирают всевозможных личинок, червей, птенцов, корешки растений — вообще все съедобное. Комелли рассказал, что его собаки наткнулись на самку с десятью детенышами и пустились за ними в погоню. Мамаша забралась на дерево, и, пока малыши поспедали за ней, Комелли успел поймать четырех детенышей. В таком возрасте они легко приручаются, и на свете найдется не много животных, более забавных, чем домашняя носуха. Я был в восторге от малышек.

Мы построили для носушек просторный загон из кольев, переплетенных разными ползучими растениями, а внутрь положили большую ветку, чтобы малышам было где лазать и развлекаться. На обед мы могли предложить им только немного вареного маниока, но носушки с воодушевлением накинулись на эту еду и громко зачавкали. Очень скоро они наелись так, что могли передвигаться лишь с трудом. Малютки устроились в углу, поскребли свои раздувшиеся животики и через несколько минут заснули.

Держать носух на одном лишь маниоке не годилось, им непременно нужна была мясная пища. Как, впрочем, и нам, а мы вот уже несколько дней сидели без мяса. Пока мы обсуждали, что же нам предпринять, само провидение пришло нам на помощь.

В Пасо-Роха галопом ворвались два десятка пеонов. Крича и улюлюкая, они гнали перед собой ревущего бычка.

— Портиху! — воскликнул Комелли, поспешно вскакивая и хватаясь за нож.

Я всегда думал, что если когда-нибудь мне придется побывать на бойне, то я сразу же стану убежденным вегетарианцем. Но примитивное чувство голода что-то переключило в моем мозгу. Я не дрогнул, когда в пятидесяти метрах от нашего лагеря на обреченного бычка набросили лассо, и ни разу не отвернулся, наблюдая последующую сцену забоя и разделки.

Когда все было кончено, Комелли подошел к нам, таща на плече добрую половину грудной клетки бычка. Руки у него были в крови по самые локти. Через несколько минут огромный аппетитный кусок с шипением запекался на огне. Не прошло и часа с момента появления бычка, как от него остались лишь длинные, изогнутые как луки, ребра, которые мы обглаживали с большим аппетитом. Мясо было очень нежное, и я недоумевал, почему оно во сто крат вкуснее, чем то, которым потчевала нас Эльсита.

— В Чако мясо готовят только двумя способами, — проговорил Сэиди с полным ртом. — Или оно сначала повисит несколько дней, или его едят сразу же после забоя, до того как наступит трупное окоченение. Разумеется, свежее мясо лучше.

Действительно, никогда в жизни я не ел такой вкусной говядины.

Пеоны, пригнавшие бычка, работали на одной из эстансий за много миль от Пасо-Роха. Они ездили по Чако в поисках отбившегося скота и каждые несколько дней забивали по бычку для собственных нужд. Очередной срок забоя по милости судьбы как раз совпал с их ночевкой в нашем лагере.

На этом пиршестве еды хватило всем, потому что даже такие титанические едоки, как пастухи, не в состоянии одолеть в один присест целого бычка. Живодер грыз огромный мосол, Патрон и Вскрыватель Бутылок уминали боковые части. Собаки жрали потроха, носуш-

ки затеяли драчку из-за сочных кусочков грудинки, а черные стервятники, слетевшиеся к месту действия, устроились на деревьях, терпеливо ожидая своей очереди.

Вскоре на всем пространстве между нашим лагерем и домом Патрона потрескивали небольшие костры. Вокруг них по двое или по трое расположились пеоны, а над монте потянулся аромат жареного мяса.

Комелли сумел раздобыть для нас не только ребра, но и изрядный кусок передней ноги. Мы решили не съесть всю свою долю, а сделать чарки, как здесь называют высушенные на солнце длинные полоски мяса. Правильно приготовленные чарки хотя и не отличаются таким уж изысканным вкусом, зато долго остается съедобным. Не успели мы нарезать и развесить мясо, как на него шумно налетела стайка попугаев-квакеров и стала уничтожать наши запасы. Попугаи, как известно, должны питаться плодами и семенами растений, но жизнь в таком не балующем изобилием краю, как Чако, очевидно, сделала их всеядными. И как оказалось, не их одних. Вскоре к пирующим попугаям присоединились красивые красноглазые кардиналы, крупные вьюрки с черными щеками и оранжевым клювом и пересмешники, которые удерживались на тонкой бечевке, балансируя длинным хвостом.

Комелли не отказался от поисков тату каррета. Теперь он собирался предпринять рекогносцировочный маршрут на запад, и мне очень хотелось отправиться с ним. Ехать все вместе мы не могли: кому-то надо было оставаться в лагере, чтобы присматривать за вещами и маленькими носухами. Да и оставлять Чарльза и Сэнди совсем без лошадей тоже не годилось. Мы узнали, что у Вскрывателя Бутылок есть свободный конь по кличке Панчо. Одолжить его нам он не захотел, но заявил, что не прочь потолковать о продаже. Я не силен в искусстве на глаз оценивать качества лошадей — скажем, устанавливая их возраст по зубам, — но даже мне достаточно было беглого взгляда, чтобы понять, что Панчо уже далеко не молод. Щеки его ввалились, спина глубоко просела, голова была понуро опущена. Я решил, что Вскрыватель Бутылок не хочет одалживать

нам своего коня из опасения, что бедное животное не выдержит напряжения похода. И этого, несомненно, стоило бояться, имея в виду дикую, жестокую манеру обращения пеонов с лошадьми. Но у меня ничего подобного и в мыслях не было. Все, что мне требовалось, это спокойно и неторопливо двигаться вперед, и Панчо, на мой взгляд, для такого дела как раз и годился. Молодой резвый жеребец, несомненно, доставил бы мне больше хлопот. И все же я не был уверен, что мне следует приобретать Панчо.

— Сколько? — спросил я.

— Пятьсот гуарани,— заявил Вскрыватье Бутылок категорически.

Это соответствовало примерно тридцати шиллингам. Я решил, что такой скромной цены, пожалуй, Панчо достоин, и купил его.

На следующий день мы с Комелли отправились в путь, взяв с собой мешочек фарины и немного чарки. Мы ехали по узкой тропе, проложенной через кустарник, который был здесь более высоким и не таким колючим, как в монте у эстансии «Эльсита». Собаки молча трусили впереди. Время от времени они подбегали к Комелли и затем снова удалялись исследовать кусты по обе стороны от тропы.

Уже вечерело, когда Комелли вдруг резко осадил свою лошадь и соскочил на землю. У края тропы зияло огромное отверстие — более полуметра в диаметре: по ликующему выражению лица Комелли и величине отверстия было ясно, что мы наконец-то нашли нору гигантского броненосца. Она была вырыта в плотной земле на склоне довольно большого холма — жилища муравьев-листорезов. Перед входом валялись крупные комья земли, некоторые с глубокими бороздами от массивных когтей броненосца. Я лег на живот и заглянул внутрь норы. Там, у самого входа, гудело целое облако комаров. Я не мог разглядеть конца норы и, срезав в кустах прут, стал действовать им как щупом. Увы, нора оказалась короткой: метра полтора, не больше. Она не могла быть постоянным домом тату каррета; он просто рыл здесь землю, чтобы полакомиться муравьями.

Комелли тем временем искал обратный след броненосца. Углубившись в кусты, он обошел муравейник и нашел с другой стороны еще одну нору, вырытую с той же целью. Масштабы работы впечатляли и давали представление о величине и силе животного. Возбужденно идя по следу, мы прорубались сквозь колючие заросли. Метров через двадцать показалась третья дыра. За полчаса мы насчитали их пятнадцать. Собаки подтвердили, что все они были пусты: броненосец рылся здесь, только чтобы поест. Мы сели обсудить ситуацию.

— Судя по следам, он был здесь не более четырех дней назад,— сказал Комелли,— иначе бы их смыл дождь, который шел в день нашего приезда. Следы уже осыпались, да и запаха нет. Наверное, им как раз четыре дня. Каррета, я думаю, теперь уже далеко отсюда.

Конечно, было из-за чего расстроиться, но в то же время появился повод и для радости: наконец-то перед моими глазами были осязаемые следы зверя, в реальном существовании которого я уже стал сомневаться. Мы тщательно прочесали кустарник, пытаясь определить, в какую сторону ушел броненосец, но нам это не удалось. И собаки не помогли: следы действительно не сохранили запаха. Нам оставалось только продолжить путь по тропе на запад в надежде найти более свежие следы.

На закате мы остановились, разожгли небольшой костер и поужинали чарки.

— Поспим немножко,— предложил Комелли,— а когда взойдет луна, поедем дальше.

Я расстелил пончо у костра, закрыл глаза, и мне приснился гигантский броненосец, перебегающий тропу прямо перед копытами Панчо.

Когда Комелли разбудил меня, белая полная луна уже ярко освещала Чако. Мы оседлали лошадей и не спеша поехали сквозь кустарник. Слегка позвякивала упряжь, шуршали задеваемые на ходу ветки. Кроме этих звуков, мало что нарушало тишину монте. Где-то далеко жутковато ухал филин да неистово трещали сверчки.

Была уже почти полночь, когда вдруг раздался короткий пронзительный лай Дьябло. Он явно что-то нашел.

Даже Панчо почувствовал волнение: когда я стал понукать его, направляя в сторону лая, он отважился на легкий галоп и смело ринулся в колочие кусты. Мы с Комелли одновременно подъехали к псу и, спрыгнув с лошадей, стали протираться сквозь чащобу. Дьябло, припав к земле, рычал и лаял на какое-то животное. Комелли отозвал пса. На земле лежал броненосец. Девятипоясный.

В эту ночь собаки отыскивали еще двух девятипоясных броненосцев, но больше нам не попался никто. В три часа мы остановились, решив поспать до рассвета.

Мы продолжали поиски еще три дня и три ночи. Днем жара стояла чудовищная. Бутылки с мутной кипяченой водой, которыми мы запаслись в Пасо-Роха, давно опустели, и пополнить их было нечем. Когда жажда стала непереносимой, Комелли показал мне, как можно выйти из положения в этом безводном краю. Вокруг росло множество толстых приземистых кактусов разных видов. У одного из них очищенный ствол вкусом напоминал огурец. Он действовал освежающе, но все же не очень мне понравился: от него во рту оставалось какое-то неприятное раздражающее ощущение. Другое растение — с тонким стеблем и невзрачными листьями — обладало даже большим, чем кактусы, запасом влаги. Оно хранило свой запас под землей, в корнях, которые имели утолщения размером с хорошую репу. Их белая полупрозрачная мякоть была насыщена жидкостью, и, сжимая очищенный корень руками, мы нацеживали целую кружку довольно вкусного сока.

Эта кустарниковая местность казалась совсем бесплодной. Но Комелли всегда находил, чем дополнить наш рацион из фарины и чарки. У низенькой пальмы карандилли он срезал белые, плотные, как орех, побеги, вкусом напоминавшие цикорий. По его словам, эти побеги часто едят индейские женщины, когда кормят своих младенцев грудью. Он показывал мне, какие ягоды съедобны, а какие ядовиты. Однажды мы нашли упавшее дерево с пчелиным гнездом. Комелли собрался тут же его вскрыть, но я предложил сначала устроить дымокур, чтобы выкурить побольше пчел и свести к

минимуму риск быть искусанными. Комелли от души посмеялся над моими страхами.

— В Чако,— сказал он,— действительно есть пчелы, которые здорово жалят, но только не эти.

И точно, когда мы принялись разделять ствол своими мачете, пчелы хотя и гудели грозно у нас над головами, но жалить не пытались. Мы вытащили крупные соты, полные меда, и уплетали их, как медведи — с воском, молочком, личинками и всем остальным, а мед так и тек у нас по щекам.

Мы продолжали целыми днями искать гигантского броненосца, хотя уже почти отчаялись его найти. Комелли уверен, что этот зверь редко выходит из норы при свете дня. Но нас не оставляла надежда отыскать какие-нибудь признаки близкого присутствия гиганта. Мы обнаружили еще несколько нор, но все они были похожи на предыдущие, и ни одна не оказалась жилой. Ночью мы полагались на чутье собак. Они разыскали одного волосатого броненосца и несколько трехпоясных, а как-то вечером поймали и сожрали лису. Но ни им, ни нам не удалось найти ни одного свежего следа тату каррета.

Мы ехали по тропе до тех пор, пока она не вывела нас на открытую равнину. Дальнейшие поиски не имели смысла, так как тату каррета, по словам Комелли, практически не выходит из-под прикрытия кустов. Разочарованные, мы повернули назад, в Паса-Роха.

Сидя у костра, мы рассказали Чарльзу и Сэнди о нашей поездке в монте. В это время в лагере появился Живодер. В руке у него был крупный пушистый филиненок, длинноногий, с огромными желтыми глазами и непомерно длинными ресницами. Живодер глуповато ухмылялся, словно его вовлекли в какую-то детскую игру. Не в его натуре было нянчиться с таким ничтожеством, как птенец, но и обращаться с малышом слишком уж грубо он не решался. Было совершенно ясно, что он надеется заработать на филиненке.

Он положил птенца на землю и присел к огню. Филиненок выпрямился, щелкнул клювом и что-то тихо протрещал себе под нос. Я сделал вид, что не замечаю его.

— Добрый вечер,— церемонно произнес Живодер. Мы ответили с не меньшей учтивостью. Живодер мотнул головой в сторону птенца.

— Очень хороший,— начал он,— очень редкий. Я рассмеялся.

— Это ньякуруту, филин. Совсем он не редкий. Живодер оскорбился.

— Очень ценная птица. Попадается куда реже, чем тату каррета. Хочу оставить его себе.

Очевидно, он надеялся, что это меня огорчит и я сдамся. Но я молча продолжал смотреть на огонь.

— Я его тебе уступлю, если он тебе нравится,— предложил Живодер.

— И сколько же ты за него хочешь?

Именно этого вопроса Живодер и ожидал, но теперь, в решающий момент, он как будто устыдился того, что было у него на уме. А я знал, что там было. Он потыкал веткой в костер и проямлил:

— Твой нож.

Нам скоро предстояло навсегда покинуть Чако, а в Асунсьоне я мог без труда купить себе новый нож. Я отдал нож Живодеру и взялся за птенца: его надо было кормить.

Филиненок оказался нашим последним приобретением в Пасо-Роха. Наутро мы отправились в обратный путь, так как через пять дней на эстансию «Эльсита» должен был прилететь самолет, чтобы отвезти нас в Асунсьон.

Глава десятая
ПЕРЕДВИЖНОЙ ЗВЕРИНЕЦ

Стоявшая больше двух недель жаркая сухая погода изменилась, когда мы уже были рядом с эстансией. Багровый рассвет озарил сгущавшиеся тучи, и через некоторое время разразился затяжной ливень. За несколько часов взлетная полоса у дома превратилась в болото. Фаустиньо связался с аэропортом Асунсьона и отменил рейс, назначенный на завтра специально для нас.

Прошла почти неделя, прежде чем полоса как следует подсохла. И вот наконец самолет прибыл. Мы разместили в нем броненосцев, кайманов, носух, юного филина и остальных своих животных. Уже перед самым прощанием появился индеец Спика с тремя попугайчиками. Ими, к большому удовольствию индейца, мы завершили покупку местных животных. Фаустиньо вручил нам огромный кусок свежего мяса с просьбой передать его своим родственникам в Асунсьоне.

— Несчастные, — сказал он, — они там никогда не едят настоящего мяса.

Эльсита с неизменной сигарой оставила на время своих младенцев, чтобы присутствовать при нашем отлете. Комелли, прощайся, тепло жал мне руку.

— Я еще поищу этого черта, — сказал он, — и, если найду, примчусь в Асунсьон и сам вам его вручу. Если, конечно, вы еще будете в Парагвае.

Самолет затарахтел, мы захлопнули дверь и через два часа были в Асунсьоне.

Животные, оставленные на попечение самоотверженного Аполонио, чувствовали себя прекрасно. Многие из них выросли до неузнаваемости. Аполонио между делом сам поймал нескольких опоссумов и жаб и добавил их к нашей коллекции.

Наступил самый горячий, самый хлопотный этап экспедиции. Предстояло пересадить всех животных в легкие переносные клетки, пересчитать и зарегистрировать их на таможне и представить весь зверинец чиновникам из министерства сельского хозяйства для ветеринарного осмотра на случай каких-нибудь инфекционных заболеваний. Надо было договориться в специальном агентстве обо всех деталях перелета нашего зверинца и нас самих сначала в Буэнос-Айрес, затем в Нью-Йорк и оттуда в Лондон. Требовалось соблюсти все правила и инструкции по транзиту животных на всем пути следования, для чего приходилось распутывать сложные бюрократические клубки. Чиновники при этом скрупулезно обследовали солидную документацию, бдительно проверяя каждую бумажку, каждый медицинский сертификат.

Занимаясь всеми этими делами, мы должны были, естественно, еще и кормить животных, и чистить их помещения. Даже при огромной помощи Аполонио эти заботы отнимали, казалось, почти все время. Особенно много внимания требовали малыши. Филиненку нельзя было давать просто мясо. Всем совам необходимо поглощать шерсть и перья, кусочки хряща и сухожилий, которые они потом отрыгивают в виде погадок, иначе у них расстраивается пищеварение. Поэтому Аполонио

и его брат непрестанно ловили крыс и ящериц, которых потом крошили и скармливали филиненку из рук. Были у нас еще птенцы тукана. Эти вообще не могли есть сами. Их приходилось три раза в день угощать ягодами и кусочками мяса, да не просто угощать, а заталкивать пищу сначала в клюв, а потом проталкивать ее в глотку.

Еще в начале экспедиции я выяснил, что везти свой зверинец из Асунсьона в Лондон нам придется через Соединенные Штаты. Теперь шел уже декабрь, мы могли задержаться в Нью-Йорке, и надо было на всякий случай обеспечить наших животных утепленными жилищами. Это усложняло наши и без того непростые сборы, но мы не видели возможности как-то сократить свой маршрут.

И вдруг Сэнди сообщил нам, что случайно познакомился с местным представителем одной европейской авиакомпании, который сказал, что легко может организовать нам прямой перелет из Буэнос-Айреса в Европу. Это сократило бы наш путь на много часов. Мы бросились в контору авиакомпании, чтобы узнать подробности. Знакомый Сэнди сказал нам, что хотя прямых грузовых рейсов из Буэнос-Айреса в Европу нет, но пассажирские самолеты его компании в это время года возвращаются из Южной Америки почти пустыми, поэтому он не сомневается, что получит разрешение на провоз всего нашего зверинца. Нужен только список животных. Мы тут же вытащили исчерпывающий каталог, приготовленный для таможенных властей, где были указаны пол, размер и возраст (с точностью до месяца) каждого из наших питомцев.

Представитель авиакомпании читал список вслух, и в голосе его слышались нотки недоуменного любопытства. Когда он дошел до броненосцев, брови его сдвинулись, а рука потянулась к увесистому тому инструкций. Несколько минут он что-то искал в указателе, потом взглянул на нас:

— Скажите, пожалуйста, а что это за животные?

— Броненосцы? Это такие довольно симпатичные небольшие зверушки. У них действительно есть твердая защитная броня.

— А, так это черепахи.
— Нет-нет, это именно броненосцы.
— Может быть, это что-то вроде омаров?
— Да нет же,— возразил я терпеливо,— это не омары. Это именно броненосцы.

— А как они называются по-испански?

— Армадилло.

— А на гуарани?

— Тату.

— А по-английски?

— Знаете, как ни странно,— я позволил себе шуточный тон,— тоже армадилло.

— Джентльмены,— сказал представитель,— вы, должно быть, ошибаетесь. Безусловно, для этого животного есть какое-то другое название. В руководстве нет никакого армадилло, а в нем перечислены абсолютно все животные.

— Извините,— ответил я,— но, к сожалению, он действительно называется так, и другого названия у него нет.

Представитель захлопнул руководство.

— Ну да ладно,— заключил он весело,— назову его как-нибудь еще. Я уверен, что все будет в порядке.

Получив от него эти гарантии, мы аннулировали все свои заказы на рейс через Нью-Йорк, стоившие нам немалых трудов.

За два дня до вылета этот чиновник явился к нам. Вид у него был озабоченный.

— Мне страшно неловко,— сказал он,— но моя компания не может принять ваш груз. Начальник конторы в Буэнос-Айресе говорит, что животные, не отмеченные в руководстве, будут слишком плохо пахнуть.

— Какая чушь,— возразил я негодуя,— наши броненосцы вообще не пахнут. За кого вы их выдали?

— Понимаете, я просто решил выбрать такое название, которое вряд ли кто-нибудь знает. Я не мог вспомнить, как вы их называете, и решил поискать у своего сынишки, в одной из его книжек о животных.

— Так за кого же вы их выдали? — настаивал я.

— За скунсов.

— Я вас прошу, — сказал я, еле сдерживая ярость, — пожалуйста, телеграфируйте в Буэнос-Айрес и объясните им, что мои броненосцы — это никакие не скунсы. Они не пахнут. Пойдемте, вы убедитесь в этом сами.

— Теперь это не поможет, — ответил он с покаянным видом, — место уже отдано под другой груз.

Пришлось отправляться в ту авиакомпанию, с которой мы начали, и, не жалея извинений, просить вернуть нам все заказы для полета через Нью-Йорк, от которых мы отказались неделю назад.

Время шло, мы все еще находились в Асунсьоне, и проблем у нас день ото дня становилось все больше. Казалось, весь Парагвай прослышал о нас, и к дому, где мы расположились, стал стекаться народ из разных уголков страны. Гости приезжали на велосипедах и грохочущих грузовиках, приходили пешком. Они предлагали нам всевозможных животных, принося их в коробках, тыквенных сосудах и плетеных сумках. Редчайшим и самым замечательным из этих последних приобретений мы были обязаны человеку, с которым я познакомился в патио консьепсьонской гостиницы во время нашей первой бесплодной погони за гигантским броненосцем. Теперь этот человек появился у нашего дома. Он катил перед собой тележку с наспех сделанным ограждением из реек и веревочек. Внутри ее стоял огромный волк необыкновенного вида. У него была длинная красноватая шея, яркая белая «манишка» и ноги фантастической длины. Казалось, перед нами вдруг предстало ожившее отражение в кривом зеркале довольно симпатичной восточноевропейской овчарки. Это был агуара гуазу, гривистый волк, обитающий только в Чако и на севере Аргентины. Благодаря своим длинным ногам он может развивать невероятную скорость, и некоторые исследователи утверждают, что гривистый волк по быстроте бега превосходит даже гепарда. Зачем ему такая стремительность — остается загадкой. Убегать ему не от кого; гривистые волки чаще всего держатся на открытых равнинах, где ягуары, которые могли бы охотиться на них, не живут. Питается он, как полагают,

броненосцами и мелкими грызунами, а для охоты на них нет надобности в чрезмерной быстроте. Никто ни разу не видел, чтобы гривистый волк преследовал нанду, а это единственное живое существо на аргентинских и парагвайских равнинах, которое может как-то соперничать с ним в скорости. Предполагают, что высокий рост этого зверя позволяет ему осматривать пространства плоских равнин, и это действительно так. Но вряд ли только этим можно объяснить логику эволюции, создавшей животное столь необычного телосложения.

Я был вне себя от радости. Буквально накануне мы получили телеграмму, в которой сообщалось, что Лондонский зоопарк приобрел в ФРГ крупного самца гривистого волка. Нас просили по возможности найти ему пару. По счастливой случайности наше животное оказалось самкой.

Сразу же возник вопрос: где держать волчицу? Сооружение, в котором ее привезли, было не только ненадежным, но и слишком тесным, бедняжка не могла там даже повернуться. Хотя прежний владелец волчицы сказал, что поймал ее совсем недавно, она безропотно позволила нам с Аполонио надеть на себя ошейник и не сопротивлялась, когда мы осторожно вывели ее из тележки и привязали к дереву. Я положил рядом с пленницей сырое мясо, но она отвернулась. По настоянию Аполонио мы предложили ей бананов, и, к моему изумлению, она тут же съела четыре штуки. Спустя

некоторое время волчица стала рваться на привязи, причем так упорно и энергично, что я испугался за ее шею. Мы перевели волчицу на обнесенный загородкой птичий двор, предварительно заперев кур в сарайчике, а потом вооружились пилами и молотками и принялись переделывать тележку в клетку. К вечеру мы закончили работу, поставили клетку на птичий двор рядом с загородкой и попытались заманить туда волчицу. Но она не шла в клетку, а только испуганно огрызалась и рычала. Тогда мы изменили тактику. Аполлонио положил бананы в дальний угол клетки, а сам присел по другую сторону загородки, готовый захлопнуть дверцу, как только волчица решится зайти внутрь. Я тем временем начал мастерить переносную клетку для носух.

Темнело, а волчица по-прежнему игнорировала клетку. Я подошел к Аполлонио обсудить положение, и в этот момент она вдруг бросилась вперед, прыгнула на проволочное ограждение, перебралась через него и была такова:

Приусадебный сад был окружен надежным забором, и я не опасался, что волчица убежит в город. Но она легко могла спрятаться в густых зарослях бамбука, кактусов и других растений. Стало совсем темно. Мы побежали за фонариками и потом с час втроем обыскивали обширный сад, но не нашли никаких следов беглянки. Она будто сквозь землю провалилась. Мы разделились и стали прочесывать сад по квадратам.

— Сеньор! Сеньор! — раздался вдруг крик Аполлонио из дальнего конца сада.— Она здесь.

Я бросился к нему и в свете фонарика увидел волчицу. Она сидела посреди небольшой полянки, обсаженной низкорослыми кактусами, и рычала. Я весьма смутно представлял себе, как можно поймать дикого волка, не имея с собой ни веревки, ни сети, ни клетки. Пока я раздумывал, Аполлонио перемахнул через кактусы и схватил волчицу за шею. Столь красноречивый пример заставил и меня включиться в борьбу. Перепрыгнув через кактусы, я бросился туда, откуда доносилось сопение, визг и рычание. Пока я разбирался, что к чему, волчица сомкнула челюсти на руке Аполлонио, и, так

как она не разжимала их, я смог, оседлав ее, сжать голову зверя без опасения пострадать сам. Почувствовав, что ее крепко держат сзади, волчица отпустила руку Аполлонио. К счастью, рана оказалась неглубокой. Чарльз, увидев, что происходит, благоразумно отправился за клеткой. Мы с Аполлонио держали волчицу, она бешено рвалась из наших рук, и, казалось, прошла целая вечность, прежде чем Чарльз явился с клеткой и нам удалось затолкать в нее зверя.

Наконец все приготовления были закончены, и настал день отлета. Наши друзья пришли в аэропорт попрощаться с нами. Покидая Асунсьон, на этот раз окончательно, мы испытывали смешанное чувство сожаления и облегчения.

В Буэнос-Айресе нам пришлось задержаться на два дня, но мы ухитрились разместить свой зверинец в таможенном отделении и тем самым избежать разных иммиграционно-карантинных формальностей. Случайно я узнал, что в городе находятся мои знакомые, муж и жена, которые собираются начать здесь собственную экспедицию за животными. Я набрал их номер, и к телефону подошла жена моего приятеля. В ответ на мой рассказ об успехах нашей экспедиции она поделилась планами их предприятия.

— Да, кстати,— сказала она небрежно,— у нас уже есть гигантский броненосец.

— Да что ты говоришь! — воскликнул я, всеми силами стараясь не выдать своей зависти.— А нельзя ли на него взглянуть? Мы тщетно гонялись за ним по всему Парагваю. Хочется посмотреть, что же это за зверь.

— Знаешь,— ответила она,— на самом деле у нас его еще нет. Но нам рассказали об одном парне, который поймал гиганта. Этот парень живет на севере Аргентины, миль за пятьсот отсюда. Хотим поехать туда и забрать зверя.

Я решил, что было бы нечестно расколачивать их, и умолчал о наших приключениях в Консепсьоне. Спустя несколько месяцев я узнал, что им в этом деле повезло не больше, чем нам.

Наш грузовой рейс задержался на несколько часов, и в результате при пересадке в Пуэрто-Рико мы опоздали на свой самолет. По счастью, в это время там стоял роскошный лайнер. Он возвращался почти пустым в Нью-Йорк, и власти компании любезно разрешили нам воспользоваться им. Корм для животных к этому времени был у нас уже на исходе, а кладовая стюарда ломилась от невостребованных обеденных порций. Я не стал экспериментировать с черной икрой, но копченым лососем броненосцев и носух все же побаловал. Попугаи охотно съели на обед свежие калифорнийские персики.

В Нью-Йорке я с тревогой увидел заснеженную землю. Без теплого помещения наши звери, без сомнения, погибли бы, но я забыл о страсти американцев к центральному отоплению. Животных разместили на обычном складе, где, как мне показалось, было не прохладнее, чем в Асунсьоне.

На следующий вечер мы приземлились в Лондоне. Сотрудники Зоопарка встречали нас с обогреваемыми фургонами, и весь зверинец без задержки отправился в Риджентс-парк. Когда фургоны исчезли в ночи, я впервые за много дней почувствовал, что освобожден от тяжелого груза забот. Путь от Асунсьона до Лондона занял почти неделю, и за это время никто из наших животных не только не умер, но и не обнаружил ни малейших признаков недомогания или дискомфорта. Нам было чему радоваться.

В течение следующих недель я много раз приходил в Зоопарк поведать наших зверюшек. Филиненок сильно вырос и внешне почти не отличался от взрослой птицы. В Зоопарке уже был один американский филин, самец, который несколько лет просидел один-одинешенек. Наша птица оказалась самкой, и, когда ее посадили в клетку к самцу, она уже почти не отличалась от своего будущего супруга.

Мне особенно не терпелось увидеть, что произойдет, когда нашу гривистую волчицу пустят к самцу, уже освоившемуся в Зоопарке. Одна из самых важных задач, которые могут решать зоопарки вообще, это попытка создать размножающиеся пары редких животных. В слу-

чае успеха можно надеяться сохранить в неволе вид, которому в естественных условиях грозит исчезновение. Не исключено, что со временем рожденных в неволе животных можно будет выпускать сначала в специальные заповедники, а затем и на земли их предков. Может быть, это прозвучит несколько претенциозно, но Лондонский зоопарк уже начал это важное дело. Очень редкий олень Давида, некогда живший в Китае, был спасен от вымирания в вольерах Лондонского зоопарка и Вубернского аббатства, в усадьбе герцога Бедфордского. Недавно этого оленя перевезли из Лондона обратно в Китай для расселения в местах, где пятьдесят лет назад его чуть не постигла трагическая судьба.

Гривистый волк тоже может оказаться под угрозой исчезновения. Он сейчас уже редок, а хозяйственное освоение Чако с каждым годом увеличивается. Поэтому нас очень интересовал вопрос, сумеют ли ужиться друг с другом асунсьонская волчица и лондонский волк. Было, конечно, рискованно помещать их вместе: они могли устроить драку и покалечить друг друга, прежде чем их успели бы разнять. Мы с Десмондом Моррисом, куратором отдела млекопитающих, наблюдали, как служитель отворил дверцу клетки, где обитала волчица, чтобы волк мог войти к ней. Самец бодро потрусил к дверце, но, как только увидел самку, отпрянул и застыл, оцетинившись и оскалив пасть. Самка отреагировала точно так же. Внезапно волк щелкнул зубами и сделал выпад, но не задел волчицу. Она не осталась в долгу. Оба зверя несколько раз повторили этот маневр, потом разошлись. Через минуту самец стал медленно приближаться к волчице, наклонив голову. Не двигаясь, она позволила себя обнюхать, потом отошла и, не обращая внимания на самца, устроилась в углу. Он последовал за ней, и скоро оба зверя уже лежали рядышком. Волк издавал глубокие и нежные звуки и поглаживал лапой вытянутые передние конечности своей подруги. Сомнений не было: они понравились друг другу. Можно было надеяться, что со временем в Лондонском зоопарке вырастет семья этих замечательных животных.

Десмонд Моррис не жалел похвал нашим броненосцам. Мы привезли четырнадцать тату четырех видов, но я не переставал с грустью думать о непойманном гиганте. Я описал Десмонду огромные норы и рассказал о наших долгих, но безрезультатных скитаниях в поисках тату каррета. Десмонд слушал заворожено и согласился со мной, что даже мимолетная встреча с этим неуловимым броненосцем была бы незабываемым событием. Он великодушно акцентировал внимание на успехах нашей экспедиции.

— В конце концов,— сказал он,— вы привезли столько броненосцев, сколько Зоопарк никогда не имел одновременно — ни по количеству зверей, ни по числу видов, а трехпоясный броненосец оказался подвидом, которого у нас вообще никогда не бывало.

Через неделю он позвонил мне.

— Поразительная новость,— сообщил он взволнованно,— невероятное совпадение. Я только что получил письмо из Бразилии от одного торговца. Он пишет, что у него есть гигантский броненосец.

— Прекрасно,— ответил я,— но ты уверен, что это и в самом деле гигант? А что, если этот твой торговец, как и тот мой приятель из Консепсьона, просто пытается разузнать, сколько за него заплатят?

— Ну что ты! Это очень надежный парень, он слов на ветер не бросает.

— Что ж, надеюсь, гигант будет твой,— ответил я.

— Можешь не сомневаться!

Через неделю Десмонд опять позвонил мне.

— Этот броненосец только что прибыл из Бразилии,— сообщил он,— но, боюсь, он тебя немного разочарует. Это просто довольно крупный волосатый броненосец, вроде твоего Подху. Можешь записать меня в вице-президенты своего клуба «Провал операции «Гигантский броненосец».

В следующий раз он позвонил мне через три месяца.

— Я подумал, может быть, тебе интересно будет узнать,— начал он вялым голосом,— что у меня есть гигантский броненосец.

— Ха-ха,— ответил я,— где-то я уже слышал эту историю.

— Ты знаешь, на этот раз он действительно здесь, тут, у нас, в Саду. Я только что им любовался.

— Силы небесные! Да где же ты его взял?

— В Бирмингеме!

Я немедленно отправился в Зоопарк. Броненосца прислал в Бирмингем один торговец из Гайаны. Это был первый в истории гигантский броненосец, живым прибывший в Великобританию. Я смотрел на него как зачарованный, и он тоже посматривал на меня своими крошечными черными глазками. Длинной он был больше ста двадцати сантиметров, на передних лапах торчали огромные когти. В отличие от всех пойманных нами броненосцев гигант, по-видимому, предпочитал передвигаться на задних конечностях, а передними только слегка касался земли. Щитки у него были крупные, гибкие, отчетливо разделенные, так что казалось, будто он облачен в кольчугу. Гигант неторопливо разгуливал по своей клетке, волоча массивный чешуйчатый хвост, он напоминал какое-то допотопное чудовище. Это был один из самых диковинных, самых фантастических зверей, которых я когда-либо видел.

Глядя на него, я думал о немце из концепсьонских лесов, об огромных норах и следах, найденных нами в Пасо-Роха, о ночных странствиях с Комелли по колючим кустарникам Чако, залитым лунным светом.

— Славный, правда? — заметил служитель.

— Славный,— согласился я,— очень славный.

О Г Л А В Л Е Н И Е

<i>В. Е. Флинт. Предисловие</i>	<i>5</i>
---	----------

ЗА ЖИВОТНЫМИ В ГАЙАНУ

<i>От автора</i>	<i>11</i>
<i>Глава первая. В Гайану</i>	<i>20</i>
<i>Глава вторая. Тайни Мак-Турк и рыбы-каннибалы</i>	<i>33</i>
<i>Глава третья. Рисунки на скале</i>	<i>48</i>
<i>Глава четвертая. Ленивцы и змеи</i>	<i>62</i>
<i>Глава пятая. Духи в ночи</i>	<i>80</i>
<i>Глава шестая. Ночные куплеты</i>	<i>104</i>
<i>Глава седьмая. Вампиры и Герти</i>	<i>119</i>
<i>Глава восьмая. Маса Кинг и сирена</i>	<i>138</i>
<i>Глава девятая. Возвращение</i>	<i>158</i>

В ПОИСКАХ ДРАКОНА

<i>Глава первая. В Индонезию</i>	<i>165</i>
<i>Глава вторая. Верный джип</i>	<i>177</i>
<i>Глава третья. Бали</i>	<i>194</i>
<i>Глава четвертая. Животные Бали</i>	<i>202</i>
<i>Глава пятая. О вулканах и карманных воришках</i>	<i>213</i>

<i>Глава шестая.</i> На Калимантане	227
<i>Глава седьмая.</i> Орангутан Чарли	243
<i>Глава восьмая.</i> Опасное путешествие	259
<i>Глава девятая.</i> Остров Комодо	280
<i>Глава десятая.</i> Драконы	293
Эпилог	306

В ПАРАГВАЙ ЗА БРОНЕНОСЦАМИ

<i>Глава первая.</i> В Парагвай	311
<i>Глава вторая.</i> Роскошное плавание	316
<i>Глава третья.</i> Бабочки и птицы	329
<i>Глава четвертая.</i> Гнезда в саванне	352
<i>Глава пятая.</i> Звери в ванной	364
<i>Глава шестая.</i> Погоня за гигантом	377
<i>Глава седьмая.</i> Ранчо в Чако	390
<i>Глава восьмая.</i> Путешествие по Чако	403
<i>Глава девятая.</i> Поиск продолжается	418
<i>Глава десятая.</i> Передвижной зверинец	428

К ЧИТАТЕЛЯМ!

*Издательство просит отзывы об этой книге
и Ваши предложения по «Зеленой серии»
присылать по адресу:*

*125499, Москва, Кронштадтский бульвар, 376
Издательство АРМАДА*

Эттенборо Д.

Э 90 В поисках дракона /Пер. с англ. Н. В. Вронского; Худож. А. Н. Сичкарь.— М.: АРМАДА, 1996.— 441 с.: ил.— (Зеленая серия).

ISBN 5-7632-0188-4

Известный английский натуралист, писатель и кинодокументалист побывал с экспедициями во многих девственных уголках нашей планеты: в Британской Гвиане, на острове Комодо и в Парагвае. О своих путешествиях и приключениях он рассказал в этой книге, написанной легко, с юмором и предназначенной для самого широкого круга читателей.

ББК 84.4Вл

РЕДАКЦИЯ
ДЕТСКОЙ И ЮНОШЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Литературно-художественное издание

Зеленая серия

**ДЭВИД ЭТТЕНБОРО
В ПОИСКАХ ДРАКОНА**

Ответственный редактор

Л. В. Гостева

Художественный редактор

В. В. Голубева

Технический редактор

И. В. Слепцова

Корректоры

О. А. Левина, С. А. Артамонова

Изд. лицензия ЛР № 040627 от 12.05.93. Сдано в набор
22.03.96. Подписано в печать 28.06.96. Формат 84×108 1/32.
Бум. кн.-журн. Гарнитура «Таймс». Печать офсетная. Усл.
печ. л. 23,52. Тираж 20 000 экз. Заказ № 3305.

Издательство АРМАДА

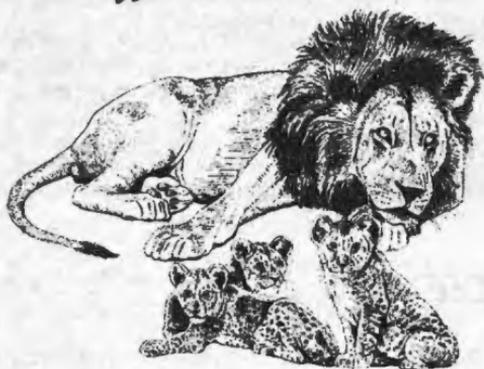
125499, Москва, Кронштадтский бульвар, 376

Отпечатано в типографии издательства «Самарский Дом печати»
443086, Самара, просп. Карла Маркса, 201

СЛЕДУЮЩАЯ КНИГА СЕРИИ

ГАРЕТ
ПАТТЕРСОН

Львы в наследство

В повести «Львы в наследство» известный английский писатель-натуралист Г. Паттерсон рассказывает о своей работе в одном из заповедников Кении. Именно там и развернулись волнующие и во многом трагические события.

Автор со своим новым другом, всемирно известным натуралистом Джорджем Адамсоном, отправляется на поиски пропавшего льва Люцифера. Путешествие по бескрайним, иссушенным палящим солнцем просторам саванны таит множество опасностей. И встреча с крупными хищниками — не самая большая из них. Во время очередного перехода исследователи попадают в засаду сомалийских бандитов. Столкновение с охотниками за бивнями оборачивается трагедией — от рук браконьеров погибает Джордж Адамсон. Тяжело переживая утрату, Гарет возвращается в свой лагерь в Ботсване, увозя с собой трех осиротевших львят — «наследство» Адамсона...

О том, как сложилась дальнейшая судьба автора и его четвероногих питомцев, читатель узнает из второй повести сборника — «Я всей душой с вами, львы!».

Издательский проект

РОССИЯ

Тысячелетняя
история Отечества
в событиях и судьбах

**ВЕЛИКИЕ
ВЛАСТИТЕЛИ**
в романах

О великих завоевателях,
полководцах,
государственных деятелях,
оставивших неповторимый след
в истории человечества

ЗЕЛЕНАЯ СЕРИЯ

Лучшие произведения
отечественных и зарубежных
авторов о животных

ЗАМОК ЧУДЕС

Сказочные повести и
детская фантастика

МНРА
Мирное Рождение

Несобычайные приключения,
увлекательная фантастика
и захватывающие детективы
для взрослых и юношества

**ФАНТАСТИЧЕСКИЙ
БОЕВИК**

Произведения
отечественных и зарубежных
мастеров современной
остросюжетной фантастики

КЛАССИКА
**ФАНТАСТИЧЕСКОГО
БОЕВИКА**

Всемирно известные
произведения боевой фантастики
непревзойденных авторов жанра

**БОЕВЫЕ РОБОТЫ.
BATTLERSHIP.**

Звездные войны, боевые
машины будущего
в фантастическом суперсериале
корпорации FASA

**ОТЕЧЕСТВЕННЫЙ
ДЕТЕКТИВ**

Новые детективы
современных российских
писателей

Знаменитые
СЫЩИКИ

Избранные произведения
детективной классики

Уважаемые родители и юные любители приключений!

Вы конечно же слышали про Алису Селезневу. С ней уже подружались миллионы девочек и мальчишек как в нашей стране, так и далеко за ее пределами. И все потому, что эта веселая, отважная и находчивая девочка из будущего стала непременной и главной участницей самых невероятных и удивительных событий, рассказанных замечательным писателем-фантастом

Киром Булычевым

?

Но, может быть, кто-то до сих пор ничего не читал про приключения Алисы и ее друзей?

А кто-то хочет продолжить знакомство с полюбившимися героями?

В любом случае впереди у вас прекрасная возможность!

Издательство **ADMA DA**
представляет новый цикл

Приключения Алисы

это 14 книг замечательной фантастики, в состав которых войдут все, включая самые новые, не издававшиеся ранее, повести Кира Булычева о приключениях Алисы и ее друзей.

Первая книга цикла выйдет уже в сентябре этого года!

С этими книгами
вам не придется
скучать!

Уважаемые родители! Вы можете оформить подписку на книги цикла «Приключения Алисы» по адресу: Москва, ул. Новый Арбат, д.30, детская библиотека №23, или воспользоваться услугами службы «КНИГА – ПОЧТОЙ».

Издательство
€ АРМАДА

ПРЕДСТАВЛЯЕТ ПЕРВУЮ КНИГУ НОВОЙ СЕРИИ

МНР
ПРИКЛЮЧЕНИЯ

Мистика и реальность, романтика морских путешествий и мрачные картины подземного царства, легендарные персонажи древних сказаний и наши современники, а также колдуны, маги и волшебники – таков мир героев новой серии приключенческой литературы для взрослых и юношества, предлагаемой вниманию наших читателей.

Хайке и Вольфганг
ХОЛЬБАЙН

«ЗЕРКАЛЬНОЕ ВРЕМЯ»
«ЗЕРКАЛЬНОЕ ВРЕМЯ»

Отец 14-летнего Юлиана – знаменитый и сказочно богатый иллюзионист, демонстрирующий фокусы с зеркалами. Неожиданно юноша обнаруживает в себе удивительную способность проходить сквозь зеркало. При этом он попадает не просто в зазеркалье, а в прошлое...

Над жителями этого чудесного мира тяготеет страшное проклятье: с определенной периодичностью они переживают одну и ту же катастрофу – невероятной силы пожар. Каждый раз трагедия уносит жизни ни в чем не повинных людей, погибающих мучительной смертью среди огня и дыма. Невозможно представить, какие чувства захлестнули нашего героя, когда он узнал, кто является виновником всех несчастий. Юлиан берется исправить трагическую ошибку...

УВАЖАЕМЫЕ ЧИТАТЕЛИ!

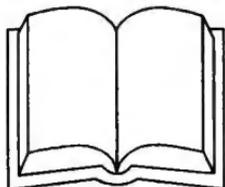
К вашим услугам книготорговые организации, в которых можно приобрести книги издательства АРМАДА мелким оптом и в розницу:

МОСКВА:	"Лабиринт-К"	(095)	932-75-65
	"Москва"	(095)	229-64-83
	"Пресня"	(095)	255-10-68
	"Эра-Пресс"	(095)	431-97-88
АСТРАХАНЬ:	"Вариант"	ул.Ахшарумова, д.2/41	
ВОЛГОГРАД:	"Эзоп"	(8442)	37-25-19
КАЗАНЬ:	"Сериал"	(8432)	34-95-89
КАЛИНИНГРАД:	"Экслибрис"	(0112)	45-75-44
КАЛУГА:	"Аэлига"	(08422)	4-49-29
САРАНСК:	общество "Книга"	(8342)	17-50-01
СМОЛЕНСК:	"Книжный центр"	(08100)	3-36-55
ТУЛА:	книжный магазин	просп.Победы, д.20	

Оптовые партии книг по ценам издательства вам предлагают наши региональные представители:

МОСКВА:	"Демалыс"	(095)	150-07-82
	"Колокол"	(095)	261-93-05
	"Стрела"	(095)	965-05-80
	"Тригон"	(095)	138-44-62
С.-ПЕТЕРБУРГ:	"Русский Север"	(812)	530-05-36
ВОРОНЕЖ:	"Амиталь"	(0732)	23-00-02
Н.НОВГОРОД:	"Логос"	(8312)	36-25-80
НОВОСИБИРСК:	"Элпис"/	(3832)	24-52-67
ОМСК:	"Сиббук"	(3812)	65-36-64
ПЕРМЬ:	"Тигр"	(3422)	44-73-54
РОСТОВ-на-ДОНУ:	"Тандем"	(8632)	65-76-59
САМАРА:	"Реал +"	(8462)	41-87-30
ЧЕЛЯБИНСК:	"Корвет"	(3512)	36-75-10

«КНИГА - ПОЧТОЙ»!

Если вы хотите подписаться на интересующую вас серию или заказать отдельные книги, пришлите заявку по адресу:

125499, Москва, Кронштадтский бул., д. 37б, издательство АРМАДА, с пометкой "Книга - почтой" на конверте.

Оформление подписки и продажа отдельных книг производится также по адресу: **Москва, ул. Новый Арбат, д.30.**

ДЭВИД
ЭТТЕНБОРО

За Живописью
в Тайану

В поисках
дракона

В Паравай
за броненосцами